№2(42) 2008
Выпуск 6
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ
История Политология Экономика

Belgorod State University Scientific bulletin
History Political science Economy

Учредитель:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»
Издатель:
Белгородский государственный университет.
Издательство БелГУ
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Давыденко Т.М.
Проректор по научной работе Белгородского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь
Московкин В.М.
Заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе, доктор географических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор
Шаповалов В.А.
доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора
Борисоглебская Л.Н.
доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шатохин И.Т.
кандидат исторических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Шилов В.Н.
доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь
Колесникова В.Л.
кандидат исторических наук (Белгородский государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Проблемы генезиса и первых веков истории южноаравийской цивилизации. ***С.С. Кочергин*** **5**

К вопросу о македонской системе контроля над Грецией. ***Н.Ю. Сивкина*** **14**

Римская военная контрразведка. ***Е.С. Данилов*** **22**

Боспор и готы в конце IV - VI вв.: проблемы взаимоотношений и взаимовлияний. ***М.Л. Рябцева*** **31**

Современная монгольская историография проблемы становления независимости Монголии. ***О.Н. Пушечникова*** **37**

К истории деятельности Русской православной церкви в Армении. ***С.М. Степанянц*** **42**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Реструктуризация властных отношений на Руси в VIII – X вв. ***О.А. Плотникова*** **48**

Украинский ландмилицкий корпус и проблема его финансирования в первой половине XVIII в. ***Е.А. Гукова*** **53**

О повороте в правительственной политике России по крестьянскому вопросу (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). ***А.Н. Долгих*** **59**

Дореволюционный юридический анекдот как источник изучения мирового суда. ***А.А. Демичев*** **667**

Деятельность акционерного общества по строительству Курско-Киевской железной дороги. ***Л.С. Лашина*** **75**

Состав Саратовской городской думы в 1893–1917 гг. ***М.В. Зайцев*** **83**

Роль дворянского сословия в организации благотворительности в период русско-японской войны (на материалах Воронежской губернии). ***А.И. Чвикалов*** **89**

Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии). ***О.В. Шевелева*** **95**

Высшая бюрократия и Государственная дума начала XX века: от противостояния к сотрудничеству. ***И.Т. Шатохин*** **100**

Из истории развития кооперации на Дону и Северном Кавказе в дореволюционный период. ***З.Р. Кочкарова*** **107**

Разработка программы районирования в годы гражданской войны (1918-1921) как этап административно-территориального реформирования РСФСР. ***Е.А. Иванова*** **113**

Новые методологические подходы в интерпретации роли женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны. ***Е.Ю. Волкова*** **117**

Фронт национального спасения и его роль в политических процессах в России в 1992 году. ***А.А Фоменков*** **123**

Члены редколлегии

Абрамзон М.Г. доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

Амоша А.И. доктор экономических наук, профессор, академик НАН Украины (Институт экономики промышленности НАН Украины, г. Донецк)

Болгов Н.Н. доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Глухова А.В. доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Давнис В.В. доктор экономических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Зубарь В.М. доктор исторических наук, профессор (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

Литовка О.П. доктор географических наук, профессор (Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург)

Лобанов К.Н. доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Лялин В.Е. доктор экономических наук, профессор (Ижевский государственный технический университет)

Матросова Л.Н. доктор экономических наук, профессор (Луганский национальный педагогический университет им. Т. Шевченко)

Молев Е.А. доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Нуштатуллин В.К. доктор экономических наук, профессор (Башкирский государственный аграрный университет)

Павлов К.В. доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Пушкарева И.М. доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт Российской истории Российской академии наук)

Флигинских Т.Н. доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шихвердиев А.П. доктор экономических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет)

Щагин Э.М. доктор исторических наук, профессор (Московский педагогический государственный университет)

Оригинал-макет *В..Л. Колесникова, Н.А. Гапоненко*
E-mail: vkolesnikova@bsu.edu.ru
Подписано в печать 28.04.2008.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 29,99.
Тираж 1000 экз.
Заказ 99.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 18078, в объединенном каталоге «Пресса России» – 39723

Оригинал-макет тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Прогноз развития конфликта цивилизаций и стратегия геополитики России. ***Д.Н. Мясоедов*** **130**

Активизация американского присутствия в Восточной и Центральной Европе и геополитические интересы России. ***К.Н. Лобанов*** **135**

Специфика регионального политического процесса в современной России. ***Л.Н. Герасименко*** **139**

Масс-медиа в системе политической коммуникации современного российского общества. ***С.В. Паулов*** **145**

Коррупция во власти как системное явление. ***С.Ю. Новиков*** **149**

Роль неправительственного сектора в развитии взаимодействия гражданского общества и власти. ***А.П.Кривец*** **154**

Общественная палата Орловской области как элемент гражданского общества. ***Н.Н. Стеблецова*** **159**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Практические аспекты разработки стратегий социально-экономического развития регионов РФ. ***В.Н. Княгинин, М.С. Липецкая*** **163**

Методологические подходы к комплексной оценке уровня социально-экономического развития регионов (на примере Белгородской области). ***О.Н. Коновалова, Т.М. Давыденко, Л.Н. Борисоглебская*** **169**

Отечественный и зарубежный опыт формирования правового фактора инвестиционной привлекательности АПК региона. ***В.А. Верзилин, В.Г. Закшевский, Ю.В. Наролина*** **175**

Инновационные методы бюджетного менеджмента в социально-экономическом развитии региона. ***С.Ф. Лисютин, М.В. Владыка, Е.В. Никулина*** **179**

Формирование вертикально-интегрированных кластеров - основа повышения конкурентоспособности производственно-экономического потенциала региона. ***О.В. Абрамов, Л.Н. Борисоглебская, А.В. Дейнеко*** **186**

Направления и инструменты государственной поддержки процессов экономического развития региона (на примере Воронежской области). ***Ю.И. Трещевский, М.Г. Мовсеева*** **197**

Совершенствование межбюджетных отношений (на примере Новгородской области). ***С.А. Кирсанов*** **202**

Факторы эффективности формирования региональных промышленных кластеров (на примере Ивановской области). ***В.А. Агафонов, М.Г. Казаков*** **209**

Ключевые вызовы развитию региона в условиях глобализации российской экономики. ***А.В. Шулешко, Л.Н. Борисоглебская, И.Ю. Белецкая*** **214**

Резервы повышения производительности труда в сельскохозяйственных организациях Белгородской области. ***А.В. Колесников, А.Ф. Дорофеев*** **220**

Антикризисная составляющая экономической безопасности хозяйствующего субъекта. ***В.А. Губин*** **226**

Построение инновационного профиля развития регионов. ***К.О. Виноградова, А.В. Поляков*** **230**

Проблемы и перспективы функционирования региональных банковских систем (на примере Белгородской области). ***Е.А. Сердюков, Н.В. Черкашина*** **238**

Институциональные основы управления затратами промышленных предприятий (на примере Ярославской области). ***С.М. Одноколов*** **246**

Сведения об авторах **255**

© Белгородский государственный университет, 2008

BELGOROD STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC BULLETIN
History Political science Economy

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF A GENERAL HISTORY

The problems of genesis and first centuries history of the South Arabian civilization. ***S.S. Kochergin*** **5**

To problem of System of Macedonian Control on Greece. ***N.Ju. Sivkina*** **14**

The Roman military counterespionage. ***E.S. Danilov*** **22**

Bosporus and gothes at late IV - VI ad: problems of relations and interactions. ***M.L. Ryabtseva*** **31**

The contemporary national historiography of the problem of Mongolian independence. ***O.N. Pushechnikova*** **37**

To history of functioning of Russian orthodox church in Armenia. **S.M. Stepanyants** **42**

ACTUAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN HISTORY

Genesis of the princely power in Russia VIII – X centuries. ***O.A. Plotnikova*** **48**

Ukrainian land forces corpus and problem of their financing in the 1st half of XVIII century. ***E.A. Gukova*** **53**

On turn in the governmental politics of Russia on a country question (the end XVIII – the first quarter of xix centuries). ***A.N. Dolgikh*** **59**

A pre-revolutionary juridical anecdote as a source of study of the justice – of the peace court. ***A.A. Demichev*** **66**

The joint-stock company of the Kursk-Kiev railway. ***L.S. Lashina*** **75**

Structure of the saratov municipal duma in 1893-1917. ***M.V. Zaytsev*** **83**

The role of landlords in charity organizations' activity during the period of Russian Japanese war (on material of Voronej area). ***A.I. Tchvikalov*** **89**

Use of the prisoners of war and refugees`s labor in agriculture in world war i (on the basis of the tula region materials). ***O.V. Sheveleva*** **95**

Top bureaucracy and state duma in early xx: from confrontation to collaboration. ***I.T. Shatohin*** **100**

From the history of the development of co-operation on Don and in the Northern Caucasus in the prerevolutionary period. ***Z.R. Kochkarova*** **107**

Development of the program of division into districts within civil war (1918-1921) as the stage of administrative-territorial reforming of RSFSR. ***E.A. Ivanova*** **113**

New methodological approaches in interpretation women's role of Russian's rear regions during the Great Patriotic war. ***E.U.Volkova*** **117**

The national rescue front and its role in political processes of Russia in 1992. ***A.A. Fomenkov*** **123**

ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Forecast of the development of the civilization conflict and strategy of Russian geopolitics. ***D.N. Mjasoedov*** **130**

The activation of American presence in the central and eastern Europe and the geopolitical interests of Russia. ***K.N. Lobanov*** **135**

The specific peculiarities of the regional political process in modern Russia. ***L.N. Gerasimenko*** **139**

Mass media in the system of political communication of the contemporary Russian society. ***S.V. Paulov*** **145**

Corruption in the political power as a system effect. ***S.J. Novikov*** **149**

Role of non-governmental sector in development of interaction between civil society and state power. ***A.P.Krivets*** **154**

The public chamber of the oryol region as the element of civil society. ***N.N. Stebletsova*** **159**

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMY

Practical aspects of development of strategy of socio economic development of regions of Russian Federation. **V.N. Knyaginin, M.S. Lipetskaya** **163**

The methodological approaches to a complex estimation of a level of socio economic development of regions (for example Belgorod region). **O.N. Konovalova, T.M. Davyudenko, L.N. Borisoglebskaya** **169**

The methods of developing legal factor of regional agricultural investment attractiveness in our and foreign countries. ***V.A. Verzilin, V.G. Zakshevskyi, J.V. Narolina*** **175**

Innovatory methods of budget management in socioeconomic development of a region. ***S.F. Lisjutin, M.V. Vladyka, E.V. Nikulina*** **179**

Formation Vertically - integrated clusters – basis of increase of competitiveness of productive and economic potential of region. ***O.V. Abramov, L.N. Borisoglebskaya, A.V. Deineko*** **186**

Directions and tools of governmental support of development processes in regions' economics (for example Voronez area). ***Y.I. Treshchevskiy, M.G. Movseeva*** **197**

Perfection of interbudget relations (for example of the Novgorod area). ***S.A. Kirsanov*** **202**

The factors of Efficiency of formation regional industrial klaster of (for example Ivanovo region). ***V.A. Agathonov, M.G. Kazakov*** **209**

Key calls to development of region in conditions globalization of the Russian economy. ***A.V. Shyleshko, L.N. Borisoglebskaya, I.Y. Beletskaya*** **214**

Reservs of increasing of The labour in agricultural organizations of The Belgorod region. ***A.V. Kolesnikov, A.F. Dorofeev*** **220**

Anti-recessionary component of the economic safety of the managing subject. ***V.A.Gubin*** **226**

Construction of innovation structure of development of regions. ***K.O. Vinogradova, A.V. Polyakov*** **230**

Problems and prospects of functioning of regional bank systems (for example of the Belgorod area). ***E.A. Serdykov, N.V. Cherkashina*** **238**

Institutional basics of cost management for industrial enterprises (for example Yaroslavskay area). ***S.M. Odnokolov*** **246**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(35); 94(394)

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ ИСТОРИИ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С.С. КОЧЕРГИН

Тульский государственный педагогический университет

e-mail: almakah@yandex.ru

В статье, на основе свидетельств библейских и околобиблейских текстов, данных археологии и лингвистики рассматриваются этапы возникновения цивилизации Южной Аравии, начиная с эпохи неолита. Показано, что источники прямо указывают на семито-хамитские корни древнейших южноарабских культур, высказано предположение об их изучении в рамках относительно единого региона древних культур красноморского бассейна. В вопросе о сиро-месопотамском происхождении «культуры Сайхад», на основе анализа легенды о царице Савской, сделан ряд замечаний об ассоциации этого образа с женским божеством кочевых арабских племен, являвшимся, возможно, прототипом «национального» сабейского бога Альмакаха. Также предлагается несколько сместить акцент при изучении классической древнейеменской цивилизации на «досайхадские» культуры. Кроме того, высказано предположение о локализации библейской страны Офир на юго-западе Аравийского полуострова.

Ключевые слова: древняя Южная Аравия, древний Йемен, культура Сайхад, царица Савская, Офир, южноаравийская религия.

Южная Аравия, являясь одной из наименее исследованных в историческом отношении областей древнего мира, заключает в себе еще множество нерешенных проблем. К наиболее актуальным относится и вопрос о происхождении южноаравийской цивилизации, в рамках которого более глубокого освещения требуют аспекты, связывающие классическую южноарабскую социо-культурную общность I тыс. до н.э. и предшествующие ей культуры.

Одним из древнейших письменных источников по истории Южной Аравиии, как известно, является Ветхий Завет, а также некоторые околобиблейские памятники, в частности «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Целый ряд даваемых ими сведений отличается высокой степенью достоверности, что хорошо видно при сопоставлении их с археологическими данными. Кроме того, эти свидетельства позволяют шире взглянуть на отдельные аспекты истории региона.

В первую очередь, легко заметить, что сведения библейских текстов выделяются в две условные группы, одна из которых связана территориально с красноморским побережьем Восточной Африки, а вторая с красноморским побережьем Аравии.

Обратимся к сообщениям первой группы. В генеалогической таблице книги Бытия, утверждается, что Дедан и Шева (Саба) – внуки Хуша, сына Хама (Быт. X, 7)[1], что гипотетически предполагает восточноафриканское происхождение сабейцев. В несколько вольной трактовке Иосифа Флавия, сыновья Хама, сына Ноя, заняли область от Сирии, Амана и Ливанских гор вплоть до самого моря, овладев страною до океана. Хус (библейский Куш) правил эфиопами (кушитами). Кушиты у Иосифа Флавия встречаются в Азии, что указывает на факт их частых переселений туда, а особо - в Южную Аравию и обратно. У Хуса было шесть сыновей, среди которых был Саба, правивший сабеянами, но, в данном случае, это жители Мэрое (древнего государства на берегах Нила и его притока – Голубого Нила). В этом значении во второй книге упоминается Сава – главный город Эфиопии, переименованный Камбизом, по словам Иосифа Флавия, в Мероэ (Иудейские древности, II, 10)[2]. Далее читаем, что у сына Хуса – Регма – было также два сына, из которых Иудада положил начало западным эфиопам, а Саба – сабеям (Иудейские древности, I, 6, 2). Здесь, быть может, речь идет о южноаравийцах. Так или иначе, этот фрагмент памятника намекает на факт родства эфиопского и мероитского населения, с одной стороны, и южноарабского, с другой.

Рассматривая по работам Х.А. Амирханова[3] первобытную археологию Юга Аравии, надо заметить, что уже палеолитические материалы обнаруживают параллели с синхронными культурами Северной Африки, мезолитические, к сожалению, не выделены, но зато довольно хорошо изучен аравийский неолит. Стадия раннего неолита в Аравии укладывается в рамки VIII-VI тыс. до н.э. и характеризуется двумя культурными комплексами: восточноаравийский (связан происхождением с культурой «докерамического неолита» (VIII-VI тыс. до н.э.) Сирии, Иордании, Синайского полуострова, Ливана); южноаравийский культурный комплекс является специфическим для собственно Аравии, сформировался скорее всего на местной основе (унаследовал традиционное направление культурных связей (Северо-Восточная Африка)) и развивался самостоятельно и достаточно изолированно, хотя имел контакты с культурой «докерамического неолита». Поздний неолит в Аравии - это хронологически V-III тыс. до н.э. В V тыс. до н.э. в Аравии появляются первые признаки производящего хозяйства, основы которого были привнесены из Южной Месопотамии. После VI тыс. до н.э. основная ориентация культурных контактов изменяется от Ближнего Востока к Северной Африке (Сахара, долина Нила), хотя линия связей с Месопотамией и Восточным Средиземноморьем не прерывается. Среди двух ведущих культур в Восточной Аравии и на всем полуострове, пластинчатой и отщеповой, в первой прослеживаются левантийско-месопотамские элементы, а вторая демонстрирует близость с культурами Внутренней и Южной Аравии. Восточноаравийское побережье было окончательно заселено (пластинчатая культура) в XIII тыс. до н.э. Основная же часть полуострова (отщеповая культура) была заселена в VIII-VI тыс. до н.э. V тыс. до н.э. – время проникновения отщеповой культуры в Восточную Аравию, здесь она постепенно сменяет пластинчатую. Однако к существенным историко-культурным сдвигам это не привело. Что касается Южной Аравии, то здесь развитие поздненеолитической культуры во всех отношениях преемственно ранненеолитической. Кроме того, на остальной территории Аравии оформляется так называемый «пустынный неолит», связанный, скорее всего, с одной из групп кочевых культур сиро-месопотамского региона.

Дополняет и конкретизирует эти сведения лингвистика, где прародиной семитских южноарабских племен считаются сирийско-месопотамские степи, откуда одна из наиболее ранних волн миграции афразийских племен распространилась где-то в VIII-VI тыс. до н.э. по

---

[1] Мы опирались на т.н. синодальный (русский) перевод Ветхого Завета. Согласно И.Ш. Шифману, этот перевод неудовлетворителен в филологическом смысле и тенденциозен, т.к. переводчики рассматривают текст Ветхого Завета в рамках христианской догматики (Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 8). Мы, однако, можем признать, что для рассматриваемой проблемы это не имеет значения, так как, скорее всего, краткие сообщения источника о Южной Аравии не подвергались каким-либо искажениям. Используемое нами издание: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические / Перепечатано с Синодального издания. М., 1992.

[2] Используемое нами издание источника: Флавий Иосиф. Иудейские древности / Пер. с греч. Г.Г. Генкель. СПб., 1900.

[3] Амирханов Х.А. Палеолит Юга Аравии. М., 1991; Амирханов Х.А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М., 1997; Амирханов Х.А. Древняя Аравия: проблемы заселения и протоисторический культурный субстрат // ВДИ. 1989. №3. С. 78-92.

всему Восточному Средиземноморью, Аравийскому полуострову, в северные и восточные районы Африки[4]. Эту волну переселения можно связывать с «прайеменитами», которые, видимо, как носители южноаравийского культурного комплекса, были представителями отщеповой культуры, унаследовавшими традиции африканских «оазисных культур».

Опираясь на эти свидетельства, мы можем утверждать, что легендарное персонализированное библейское изложение вполне аутентично указывает на наличие кушитских (хамитских) корней у южноаравийской цивилизации.

Говоря об африкано-аравийских параллелях, нельзя не упомянуть о новейших исследованиях культур эпохи бронзы в Юго-Западной Аравии итальянской археологической миссией (В. Буффа, П.М. Коста, А. Аванцини и др.), а также американскими археологами (К. Эденс, Т. Уилкинсон и др.), совместные исследования российско-германской экспедиции в прибрежной Тихаме (Б. Фогт, А.В. Седов), которые позволили выделить и охарактеризовать в этих районах культуру Сабир, хронологически относящуюся к III – началу I тыс. до н.э[5]. В материальной культуре прослеживаются черты сходства с синхронными культурами Северо-Восточной Африки. Существуют также и другие памятники бронзового века на южноаравийских территориях (в вади ал-Джауф, на йеменском нагорье и в Хадрамауте и др.)[6]. Истоки «культуры Сабир» и этих памятников должны лежать и в предшествующей «отщеповой культуре».

Есть другая группа источников, могущая свидетельствовать об отмеченных параллелях. Это древние шумеро-аккадские тексты, упоминающие страны Маган и Мелухху. Мелухха, судя по всему, находилась в районе красноморского бассейна, и уже давно ассоциируется большинством ученых с Эфиопией[7], но, возможно, она находилась одновременно в Эфиопии и Йемене, на обоих берегах Красного моря[8]. Маган, видимо, локализовался в Восточной Аравии, мог идентифицироваться со всей этой областью или территорией Омана. Маган был богат диоритом, медью и другими материалами и являлся ресурсной базой Древнего Шумера, а также посредником в торговле между Шумером и Индией, Шумером и Мелуххой[9]. Связь Мелуххи со странами на другом берегу Красного моря, или ассоциация с ними, в т.ч. с «культурой Сабир», очень вероятны, но какое-то более или менее конкретное исследование этого вопроса пока очень затруднительно и остается на уровне гипотез.

Вернемся вновь к библейскому повествованию, а точнее ко второй группе сообщений. В той же 10-й главе Шева и Дедан названы детьми Йоктана (ветвь Сима). Он также является отцом Хацармавефа (Хазармавета), с которым ассоциируется Хадрамаут, Офира и Хавилы (также присутствует в списке сынов Хуша) (Быт., X, 25-29). Интересно, что далее, в 11-й главе, где рассматриваются потомки Сима до Фарры, среди сынов Евера (отца Фалека и Йоктана) указываются лишь потомки Фалека. К его ветви относится и Аврам (позже взявший данное Господом имя Авраам) (Быт., XI). Иокшан (Йоктан) в 25-й главе уже сын Авраама от Хеттуры, а детьми его указаны вновь Шева и Дедан, но без других, упомянутых выше (Быт., XXV, 3). Воз-

---

[4] Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира: I: Ранняя древность. М. 1989. Существовала также точка зрения, опирающаяся, в первую очередь, на антропологический материал, согласно которой происхождение населения восточных территорий Йемена связывается с древними «южноаравийскими веддоидами». Эта позиция наиболее широко представлена в работе К. Куна (Coon C.S. The races of Europe. New York, 1939), однако ее аргументация совершенно не выдерживает критики.

[5] Подробнее об этом см.: Фогт Б., Седов А.В. Культура Сабир и красноморское побережье Йемена во II тысячелетии до н.э.: современное состояние проблемы // ВДИ. 2001. №2. С. 135-151, Buffa V. The Sabir cultural sequence in the frame of the archaeology of coastal Yemen and Northeast Africa bronze age: a provisional view // ВДИ. 2002. №3. С. 175-184.

[6] См. об этом соответственно: Cleuziou S., Inizan M-L., Robin Ch. Premier rapport preliminaire sur la prospection des vallées nord du wādī al-Jawf (wādī Hirāb wādī Sadba, Jabal al-Lawdh). Republique arabe du Yemen // Sanaa, 1988; Maigret A. de. The Bronze Age Culture of Hawāln ạt-Ṭiyāl and al Ḥadā (Republic of Yemen). A First General Report. Rome, 1990; Vogt B. Der Hadramawt während der späten Vorgeschichte // Jemen. Kunst und Archäologie im Land Königin von Saba' / Hrsg. Von W. Seipel. Wien, 1998. S. 111-115.

[7] Редер Д.Г. Древнейшие упоминания Египта в клинописных текстах // КСИНА. №45. 1962. С. 37-44; Струве В.В. К локализации страны Маган // Яфетический сборник. №4, 1926. С. 36-38; Кифишин А. Географические воззрения древних шумеров при патеси Гудеа (2162-2137 гг. до н.э.) // ПС. Вып. 13 (76). 1965. С. 61-83.

[8] Кочергин С.С. Южная Аравия в восточной письменной традиции // Молодежь и наука – третье тысячелетие: Материалы студенческой науч.-практ. конф. Т.1. Тула, 2005. С. 12-16.

[9] Кифишин А. Географические воззрения… С. 61-83.

никает предположение рассматривать этот материал комплексно, как единую южноарабскую ветвь, несмотря на несоответствие родственных связей.

Сходную картину мы обнаруживаем в других источниках. По Иосифу Флавию у Авраама было шесть детей от Хеттуры, которую он взял в жены после смерти Сарры. Всех их «он побудил расселиться отдельно; они заняли Троглодиту и ту часть счастливой Аравии, которая доходит до Чермного моря» (Иудейские древности, I, 15). Чермное море - это Красное море, под троглодитами понимаются жители прибрежных районов Абиссинии. Что значит в данном случае «счастливая Аравия» не совсем ясно, но, как видно далее из контекста, надо понимать это словосочетание, как обозначение Аравии в целом, то есть речь идет все-таки о прибрежных красноморских районах, включая южную часть полуострова. Интересен здесь и фрагмент кумранского памятника «Апокриф на кн. Бытия», получивший название «Странствие Авраама» (1Q Gen Ap, XXI, 8-20). Он свидетельствует, что Авраам совершил путешествие, обойдя земли своих детей и внуков, в том числе, и земли Южной Аравии[10].

С библейскими совпадают в основном и сведения средневековых арабских этногенетических легенд, по которым предки семитов, основавших в Междуречье древнейшие цивилизации, переселились на северо-запад, а часть их двинулась в Аравию. Попавшие в Аравию племена - это так называемые «потерянные арабы», Бог уничтожил их за грехи, а остатки их влились в племена, пришедшие в Аравию несколько позднее. Этой новой волной переселенцев были семьи (роды) тринадцати сыновей Кахтана (библейского Йоктана), дяди ветхозаветного Ибрахима (Авраама), которые из страны хеттов вдоль берега р. Иордан и Мертвого моря прошли на юг, на Аравийский полуостров и расселились по нему. Потомков Кахтана легенды называют «истинными арабами», они считаются предками южноаравийских племен[11].

Южные арабы, как видим, выделяются из всех арабских народов по происхождению, как семито-хамиты, этот вывод легко сделать из текстов рассматриваемых памятников. Они должны были иметь общие родовые корни и с другими арабскими племенами, и с населением Восточной Африки, а именно, с жителями Эфиопии и, возможно, Сомали. Интересно заметить, что по тому же Иосифу Флавию, семитские племена имеют прародителем Измаила, сына Авраама, в котором, однако, была также египетская кровь, поскольку Агарь была египтянкой, да и сам Измаил женился на египтянке. Местраим (прародитель египтян) – потомок Хама, поэтому Измаил по материнской линии также и его потомок (Иудейские древности, I, 12, 4).

Вышеупомянутое предположение о комплексном рассмотрении библейского материала, в том числе семитского и хамитского происхождения южных арабов, может дополнительно указывать на единый в культурном плане регион древних народов стран красноморского бассейна. Вопрос о связях южных арабов и абиссинцев (аксумитов) уже затрагивался и представляет особый интерес. Многие особенности культуры этих народов имеют общие черты, в первую очередь, языковые (сохранившиеся вплоть до нашего времени в эфиопских христианских писаниях), архитектурные, религиозные и другие. В материальной «культуре Сабир» прослеживаются черты сходства с синхронными культурами Северо-Восточной Африки. Это подтверждает существование регулярных контактов. По мнению В. Буффы, Р. Фаттовича, Б. Фогта и А.В. Седова, некоторые общие черты могут иметь место между преаксумской (XI-VIII вв. до н.э.), связанной с ней эритрейской культурой Она и культурой Сабир[12]. В немного более поздний аксумский период (VIII-IV вв.) явные параллели, обнаруживающие себя в сравнении храма в Йеха, посвященного Альмакаху, и древнейеменских гипостильных храмов (храм Накраха в Баракише) также свидетельствуют о существовании южноарабских колоний в Эфиопии[13].

Семитские корни древнейеменской цивилизации выводят нас на другую обширную проблему. В силу удобного географического положения (через Южную Аравию проходили торговые пути средиземноморских государств) и более благоприятных по сравнению с предыдущим временем климатических условий на территории Южной Аравии в районе внутренней равнины (современный ал-Машрик) с конца II - начала I тыс. до н.э.

---

[10] Старкова К.Б. «Странствие Авраама» (1Q Gen Ap XXI, 8-20) // ПС. Вып. 28(91). 1986. С. 69-73.

[11] Чистов Ю.К. Антропология древнего и современного населения Южного Йемена. СПб., 1998. С. 28.

[12] Fattovich R. Remarks on the Pre-Axumite Period in Northern Ethiopia // Journal of Ethiopian Studies. 1990. V. 23. P. 22-23; Фогт Б., Седов А.В.. Культура Сабир... С. 135-151; Buffa V. The Sabir cultural sequence in the frame of the archaeology of coastal Yemen and Northeast Africa Bronze Age: a provisional view // ВДИ. 2002. №3. С. 175-184.

[13] Maigret A. de. The first excavation campaign in «Temple I» at Yeha (Tigrai, Ethiopia) // ВДИ. 2002. №3. С. 184-190.

возникают города, а затем и древние государства. В самом начале зона южноаравийской цивилизации представляла собой достаточно узкую дугообразную полосу, вытянувшуюся вдоль края пустыни Рамлат ас-Саб‘атейн (в средневековье - «Сайхад», отчего эта культура по А.Ф.Л. Бистону получила название «культура Сайхад») с основными центрами в районе Ма’риба (сабейский центр), Тимны‘ (катабанский центр), Шабвы (хадрамаутский центр) и Мархи (аусанский центр). Однако «…каменная индустрия древних городов Южной Аравии не обнаруживает продолжения культурных традиций собственно аравийского неолита»[14]. Другими словами, известные нам южноаравийцы – не из Южной Аравии… Показательны результаты работы итальянской археологической миссии в Северном Йемене (1981-1985 гг.), обнаружившей памятники III-II тыс. до н.э., ассоциируемые в настоящее время с «культурой Сабир». Это земледельческие поселения с овальными домами. Население возделывало сорго, пшеницу и ячмень, разводило быков, овец и свиней. Но керамика отличается от сабейской, что предполагает возможность поисков истоков культуры южноаравийских царств за пределами йеменского ареала[15]. Что произошло с наследием многих тысячелетий Южной Аравии в этот период времени? Как возникли древние государства, которые собственно и составили Arabia Felix?

Приоткрыть завесу в решении этой проблемы могут вновь помочь тексты Ветхого Завета. В Библии существует два известных южноаравийских сюжета, повествующих о событиях, происходивших, видимо, в начале I тыс. до н.э., во времена царствования в Израиле Соломона (961-922 гг. до н.э.). Первый связан с экспедицией Соломона в Офир (III Цар. IX, 26-28; XXII, 48; II Пар. VIII, 17-18), а второй - с визитом царицы Савской к царю Соломону (III Цар. X, II Пар. IX, 1-14). Остановимся сначала на втором сюжете. Как историческое лицо, царица Савская (то есть царица Сабы’) в эпиграфических памятниках Южной Аравии не засвидетельствована. Надо отметить, что в историографии есть работы, доказывающие, что царица была родом из нубийской Сабы[16]. Сведения о ней имеются и в Коране (Коран, 27)[17], и у целого ряда арабских авторов (ал-Хамдани, ат-Таалаби), в эфиопских источниках (Кэбра Нагаст)[18]. Отечественный историк Южной Аравии И.Ш. Шифман в одной из своих статей исследует эту легенду в контексте библейской традиции о царе Соломоне и считает «…в высшей степени правдоподобным визит царицы Савской ко двору царя Соломона, хотя рассказ о нем в библейской традиции политически тенденциозен». Рассказ о царице преследовал целью поддержание авторитета Соломона, царя «золотого века», но в основе должно было лежать конкретное, запомнившееся людям событие, коим стал визит женщины-правительницы в Израиль[19]. Ж.Ф. Бретон указывает, что библейское описание этого визита является апологией величия Соломона, хотя в основе его лежит древнее предание, а значит историческое событие[20]. Документально известные аравийские царицы происходили не из Южной Аравии, однако есть косвенные факты, могущие свидетельствовать об обратном.

Царица Савская действительно могла быть родом из Аравии, где она хорошо известна и у северных, и у южных арабов. По мнению Р. Байера, она может рассматриваться как образ предводительницы кочевых арабов, что приобретает особое значение в контексте особой роли женщин в доисламском мире. Здесь Байер предполагает, ссылаясь на книгу Иова (Иов. I, 14-15), что первоначально североаравийские «савеяне»[21] могли быть

---

[14] Амирханов Х.А. Неолит и постнеолит… С. 220.

[15] Мегрэ А де. Работы Итальянской археологической миссии в Северном Йемене // ВДИ. 1989. №3. С. 118-127.

[16] Кобищанов Ю. М. Сообщения средневековых эфиопских источников о христианской Нубии // ПС. Вып. 7 (70). 1962. С. 35-43.

[17] Издание: Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1986; См. здесь также: Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 44-46.

[18] Байер Р. Царица Савская. Ростов-на-Дону, 1998. С. 180-197; Платонов В.М. Кэбра Нагаст (Основные идеи эфиопского династического романа XIV в.) // ПС. Вып. 28(91). 1986. С. 45-50.

[19] Шифман И.Ш. Из истории древней Южной Аравии // Хадрамаут: Археол., этногр. и ист.-культ. исслед.: Труды Сов.-Йеменской комплексной экспедиции. Т.1. М., 1995. С. 256-257.

[20] Бретон Ж.Ф. Повседневная жизнь Аравии счастливой во времена царицы Савской. М. 2003. С. 65-66.

[21] О североаравийском происхождении «савеян» см.: Шифман И.Ш. Античная и библейская традиция о Северной Аравии // Красноморские заметки. I. М., 1994. С.21-22. Автор предполагал в этой статье, что «савеяне» пришли из Южной Аравии, однако эта позиция не подтверждается у него какими-либо доводами и весьма противоречива.

кочевниками, возглавляемыми женщиной. Действительно, для системы управления кочевых арабских племен того времени была характерна большая роль матернитета, выражающаяся в том, что племена возглавлялись вождями-царицами[22]. Это находит свое подтверждение в ассирийских надписях, упоминающих арабских предводительниц. Из них нам известно, что Тиглатпаласар III (745-727 гг. до н.э.) на 3-м году царствования повысил налоги Зазиби, царице арабов, на 9-м году получил дань от Шамсийа, царицы арабов, которую перед этим покорил[23]. Вероятно, что эти сведения могут иметь косвенное отношение к Южной Аравии. При Саргоне II (722-705 гг. до н.э.) происходила выплата дани одной арабской царицей. При Синаххерибе (705-681 гг. до н.э.) упоминается Адуму, крепость в Аравии, которой командовала царица Телькхун. Она заключила союз с вавилонянами против ассирийского царя, но попала в плен[24]. Известен рассказ о царице Пальмиры Зенобии (III в. н.э.)[25]. Уэрнер Даум, известный кувейтский фольклорист и культуролог, в одной из своих статей указывает, что в астральной арабской религии солнечные божества были женского рода[26]. Царица тогда, возможно, была одной из ипостасей древнего женского божества кочевых арабов «Альмаки», позже ставшей Альмакахом[27]. На это указывают, например, так называемые храмы царицы Савской (у арабов - Билкыс) в древнем сабейском Ма'рибе: Махрам Билкыс и Арш Билкыс, посвященные Альмакаху[28]. Наиболее раннюю постройку здесь можно датировать X-IX вв. до н.э.[29] Сабейцы действительно могли быть кочевниками на ранних этапах этногенеза, однако, как уже отмечалось, согласно археологическим данным, заселение Южной Аравии сабейскими племенами, идентифицирующимися также, видимо, с отщеповой культурой, южноаравийским культурным комплексом и «прайеменитами» сиро-месопотамских степей, происходило в VIII–VI тыс. до н.э., эти племена затем стали оседлыми[30]. Но едва ли это и есть библейские «савеяне». Зато в конце Ш - II тыс. до н.э. в Аравии происходит одомашнивание верблюда[31]. Сюда переселяется значительное количество переднеазиатских племен. В это время приходят хадрамаутцы, катабанеи и другие племена, в древнем семитическом языке которых содержатся аккадско-вавилонские и арамейские элементы[32]. Наступает время постнеолита, заключающегося в сосуществовании двух культур - пришлых кочевников и оседлых земледельцев Южной Аравии, каменной индустрии и местной культуры бронзового века. Эта волна племен, может, как минимум, хронологически иметь отношение к «савеянам». Скорее всего, это как раз те семитские племена, дети Йоктана, внуки Авраама, пришедшие в Южную Аравию.

Исследования отечественных археологов в Хадрамауте позволили выделить так называемую «первую группу» керамики, которая соответствует наиболее раннему периоду древнехадрамаутской культуры. Эта группа, по мнению А.В. Седова, синхронна в сиро-палестинском регионе эпохе поздней бронзы (XIV–XII вв. до н.э.) и имеет с ней соответствия в керамике. Такие параллели отмечаются и между расписной керамикой из Райбуна и Курайя (Северная Аравия)[33]. У. Гланцман, со ссылкой на эти исследования, указывает на сходные для разных регионов Йемена особенности форм и декорирования сосудов и высказывает вполне убедительное предполо-

---

[22] Байер Р. Царица Савская.... С. 18-87.

[23] Издание надписи: Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglatpalasers III. Leipzig, 1893.

[24] Байер Р. Царица Савская... С.18-19; Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат). М., 1971. С. 99.

[25] Пиотровский М. Арабская версия истории царицы Зенобии (аз-Забба) // ПС. Вып. 21(84). 1970. С. 170-184.

[26] Werner D. On both sides of the Red Sea: an approach to ancient Yemeni religion // Scripta Yemenica: исследования по Южной Аравии: Сборник научных статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского. М., 2004. С. 80-87.

[27] Байер Р. Царица Савская...; Бейер Р. Царь Соломон. Ростов-на-Дону, 1998. С. 206.

[28] Bowen R., Le Baron, Albright F.P. Archaeological Discoveries in South Arabia. Baltimore, 1958. P. 215-239; Vogt B. Bar'ân (aujourd'hui 'Arsh Bilqîs), temple d'Almaqah Yémen, Au pays de la rcine de Saba', catalogue de l'exposition. Paris, 1997. P. 140-141.

[29] Седов А.В. Научная конференция «Периодизация и хронологическая терминология древнего Йемена (Сабейские встречи, 6)» (Берлин, 22-25 мая 2001 г.) // ВДИ. 2002. №2. С. 224.

[30] Аль-Ма'мари А.Р. Исследование неолита на Аравийском полуострове: современное состояние и проблемы // РА. 2001. №1. С. 5-14.

[31] Този М. Проблема доместикации: побережье Аравии // ВДИ. 1989. №1. С. 89-94.

[32] Garbini G. Semitic and Indo-European Languages // W. Daum (Ed.) Yemen: 3000 years of art and civilization in Arabia Felix. Innsbruck-Frankfurt. 1988.

[33] Седов А.В. Древний Хадрамаут: Очерки археологии и нумизматики. М., 2005. С. 94-97.

жение о единой традиции изготовления керамической посуды в Южной Аравии[34]. Эти параллели, учитывая, что в последнюю четверть II тыс. до н.э. происходит проникновение в регион южносемитского алфавитного письма, свидетельствуют о единстве культуры пришедших племен. Данные о том, что представляли из себя эти племена в более раннее время, довольно ограничены. Согласно Дж. Гарбини, южноаравийцы «культуры Сайхад» жили некоторое время на северо-востоке аравийского полуострова, близко к Месопотамии, однако их язык приобрел окончательную форму позже, в XIV-XIII вв. в сиро-палестинском регионе, а переселение этих племен в Йемен закончилось только к VII в., причем последними прибыли какие-то группы сабейцев[35].

Они могли принести с собой и «Альмаку-Альмакаха», и царицу Савскую. Как известно, Сабейское государство возникло в результате соединения в племенную «федерацию» союза Саба', почитавшего ʿАстара, и союза Файшан, почитавшего 'Альмакаха. Видимо, после соединения, последнему стали постепенно поклоняться как «национальному» божеству, богу-покровителю сабейцев. ʿАстар есть в пантеонах всех народов Южной Аравии. Но национальный бог у каждого народа свой: 'Альмаках у сабейцев, ʿАмм – в Катабане и Вадд – в Маʿине и Аусане[36]. Подобная иерархия гипотетически указывает на то, что часть населения древнего Хадрамаута, Аусана, Ма'ина и Катабана, да и самой Сабы' была пришлой и первоначально могла занять подчиненное положение по отношению к жившим здесь ранее племенам «прайеменитов». Божества этих племен постепенно стали играть ведущую роль в сакральной практике южноаравийцев.

Итак, мы видим, что истоки южноаравийской цивилизации, помимо традиционной восточно-африканской ориентации, лежат в значительной степени в культуре пришлых семитских племен сиро-месопотамского региона. Именно они завершили формирование цивилизаций Юга Аравии в их классическом варианте «культуры Сайхад».

Рассмотрим также и другой библейский сюжет. Соломон, мечтая об удивительных сокровищах, которые можно добыть, отправившись на судах через Красное море в страну Офир, велел построить флот в своем порту Ецион Гевер[37]. Корабли Соломона с его подданными и подданными финикийского царя Хирама привезли из Офира 420 талантов золота (то есть ок. 250 тонн) (III Кн. Царств, IX, 28; II Пар. VIII, 17-18). После этого плавания экспедиции, видимо, повторялись, о чем свидетельствует то обстоятельство, что корабль Хирама позже привозил из Офира красное дерево и драгоценные камни (III Цар. X, 11; II Пар. IX, 10), затем неудачную попытку совершить такую экспедицию предпринимал иудейский царь Иосафат (III Цар. XXII, 48).

Чтобы связать этот сюжет с Южной Аравией, необходимо локализовать как-то страну Офир. Эта проблема так и не решена. Есть вероятность, что Офир располагался в Индии. Но он мог находиться также в богатой золотом Нубии, мог идентифицироваться с районом ʿАфара, игравшим важную роль в торговле со страной Сасу на юго-западе Эфиопии[38]. Ю.М. Кобищанов пишет, что если бы Офир находился в Аравии, то израильтяне, будучи плохими мореплавателями, отправились бы туда сухопутным путем[39]. Однако сухопутное путешествие в Южную Аравию, как видно из более поздних для рассматриваемого периода сообщений Страбона и Диона Кассия о походе Элия Галла (Str. XVI, IV; Dio LIII, 29)[40], является предприятием крайне сложным в связи с тяжелыми природными условиями полуострова. На наш взгляд, туда было легче отправиться по морю, тем более что в этой кампании участвовали финикийцы. Известны египетские экспедиции в «Пунт» в III-II тыс. до н.э., приносившие фараону большой доход. В районе р. Окаванго были найдены золотые шахты и плавильные печи, датированные временем, частично совпа-

---

[34] Гланцман У. Керамический комплекс периода возникновения южноаравийских царств // Scripta Yemenica: исследования по Южной Аравии: Сборник научных статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского. М., 2004. С.221-235.

[35] Garbini G. The origins of South Arabia // Scripta Yemenica: исследования по Южной Аравии: Сборник научных статей в честь 60-летия М.М. Пиотровского. М., 2004. С.203-209; см. также прим. 32.

[36] Лундин А.Г. К возникновению государственной организации в Южной Аравии // ПС. Вып. 17 (80). 1967. С.68; Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба'... С. 247-248.

[37] Гавань Ецион Гевер открыта американскими археологами (Н. Глюк) в 1936-1938 гг. в устье Акабского залива, на месте селения Эйлат (курган Телль эль-Хелейфа).

[38] Кобищанов Ю.М. Золотоносная страна Сасу // ПС. Вып. 11 (74). 1964. С. 94-112.

[39] Кобищанов Ю.М. Сообщения средневековых эфиопских источников ... С. 107.

[40] Ссылка по изданиям: Страбон. География в 17 кн. / Пер. с греч. Г.А. Стратановского. М., 2004; Dio Cassius. The Roman History. Vol. V / Ernest Cary; trans. Cambridge, Mass., 1917.

дающим с Соломоновым[41]. Офир мог бы идентифицироваться с упомянутыми областями, но в пользу расположения его вне Африки свидетельствует тот факт, что Соломону невыгодны были политические осложнения с фараоном, ведь, находись Офир к югу от Египта, они, несомненно, возникли бы[42]. Впрочем, власть фараона распространялась не на весь африканский континент. Шумерская Мелухха, где были залежи золота и серебра, по-видимому, область вполне самостоятельная, и также могла отождествляться с Офиром[43] в какой-то своей части. Возможно считать им и Магд ас-Сахаб – богатую золотом территорию между Меккой и Мединой, где были обнаружены древние рудники[44]. Последнему утверждению в определенной мере соответствует сообщение книги Бытия, где Офир (ветвь Сима и Йоктана) находится между Шевой (Сабой) и Хавилой (Быт. X, 28-29). Шева и Хавила указаны также и среди потомков Хама, но вот Офир – только среди детей Йоктана. С некоторой вероятностью можно утверждать, что местонахождение этой местности надо определять где-то в юго-западной части Аравии.

О богатствах Arabia Felix ходили легенды, но их основой вовсе не обязательно должны были являться собственные месторождения драгоценных металлов. Широкие торговые связи, в том числе посреднического характера, обеспечивали южноаравийцам в I тыс. до н.э. один из источников обогащения. Визит царицы Савской, указывая на арабо-палестинские связи, может дополнительно свидетельствовать и о посреднической роли южных арабов в торговле иудеев с Эфиопией и Индией[45]. Связи более глубокие и устойчивые, кроме экономических и культурных, возможно, еще и родоплеменные, существовали между южными арабами и аксумитами. У последних были крупные источники собственных богатств, такие, как уже упоминавшиеся золотые копи Сасу или нубийско-мероитские золотые месторождения. Значительная часть эфиопского золота уходила в Южную Аравию, обеспечивая баснословный рост благосостояния ее населения.

Опираясь на пространные библейские и околобиблейские свидетельства, сочетая их с данными археологии и лингвистики, мы можем зафиксировать ряд важных моментов в формировании южноаравийской цивилизации. Древнейшие ее истоки, с одной стороны, лежат в культурах Северо-Восточной Африки, о чем убедительно говорят все источники. Эти «традиционные» связи были очень важны для жителей Счастливой Аравии во все времена, и являются настолько явными, что целесообразно, на наш взгляд, в ряде случаев (по меньшей мере, в «досайхадскую» эпоху), рассматривать оба региона как части одной взаимосвязанной в культурном плане области. Однако классическая цивилизация Южной Аравии сложилась только с приходом кочевых переднеазиатских племен, осевших на части территории Южной Аравии в конце II тыс. до н.э. и вступивших в контакт с живущими здесь «прайеменитами». Легенда о царице Савской косвенно указывает на то, что эти племена, в которых, видимо, какую-то очень важную роль играли отношения материнитета, принесли свою религию, божества которой стали со временем «национальными» богами. Культ Альмакаха, распространенный среди сабейской группы племен, имеет, скорее всего, непосредственное отношение к царице Савской, которая, являясь собирательным образом царицы кочевых арабских племен, имела в основе прототип арабского женского божества. Пришедшие племена обладали довольно высоким уровнем развития, имели какие-то навыки металлургии, строительства, гончарного дела и др. Однако не стоит, на наш взгляд, преувеличивать их вклад в древнейеменскую культуру. Местные оседлые племена, проживавшие на этих территориях несколько тысяч лет, должны были владеть обширными навыками земледелия и ирригации, без которых выживание в этих областях было невозможно[46]. Пришлое население, видимо, заложило основы местной монументальной архитектуры, скульптуры, частично гончарного производства, привнесло элементы религиозных представлений. Впрочем, скорее всего, местная духовная культура ранее уже испытала на себе влияние Восточного Средиземноморья и стран плодо-

---

[41] Бейер Р. Царь Соломон… С. 157-162.

[42] Тибергер Ф. Царь Соломон. Мудрейший из мудрых. М., 2005. С. 293-294.

[43] Подробнее об этом: Кифишин А. Географические воззрения древних шумеров при патеси Гудеа (2162-2137 гг. до н.э.) // ПС. Вып. 13 (76). 1965. С. 61-83.

[44] Бейер Р. Царь Соломон… С. 162-163.

[45] Doe B. Southern Arabia. L., 1971. P. 75.

[46] Фогт Б., Буффа В., Брюннер У. Ма'лейба и системы ирригации эпохи бронзы в Лахдже // ВДИ. 2002. №2. С. 174-186.

родного полумесяца. Что касается затронутого нами среди других вопросов аспекта ассоциации страны Офир с какой-либо конкретной территорией, то решение этого вопроса пока крайне затруднительно. Если брать за основу Ветхий Завет, с учетом специфики других даваемых им данных, то Офир должен был располагаться где-то в Юго-Западной Аравии.

THE PROBLEMS OF GENESIS AND FIRST CENTURIES HISTORY OF THE SOUTH ARABIAN CIVILIZATION

S.S. KOCHERGIN

Tula state pedagogical university
e-mail:
almakah@yandex.ru

The article is dedicated to observing of stages of appearing the South Arabian civilization, starting with a late Stone Age epoch, based on biblical and close to biblical texts, archaeological and linguistic data. It is shown that the origins directly indicate semito-hamitic roots of the ancient South Arabian culture; there is an assumption about their studying in the context of relatively integrated region of ancient culture in the Red Sea basin. In terms of analysis of the legend about Queen of Sheba, concerning the question about syro-mesopotamian origins of «Sayhad culture», a number of remarks have been done about associating this image with feminine deity of the nomadic tribes; this image probably was a prototype of the national sabaean god Almaqah. While studying classical ancient Yemen civilization, the author offers slightly to displace the accent to pre-Sayhadic cultures. Besides, there is expressed a suggestion about localization Ophir country in the south-western part of Arabian Peninsula.

Key words: ancient South Arabia, ancient Yemen, Sayhad culture, Queen of Sheba, Ophir, South Arabian paganism.

УДК 94(38).08

К ВОПРОСУ О МАКЕДОНСКОЙ СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ НАД ГРЕЦИЕЙ

Н.Ю. СИВКИНА

Нижегородский государственный университет
e-mail: ist@unn.ru

Деметриада, Коринф и Халкида на Эвбее имели важное стратегическое значение. Филипп V стремился к мирному сотрудничеству с греками в рамках договора Общего Мира. На время переходного периода он попытался установить новую систему контроля над греческими государствами. Эта система включала три уровня: во-первых, опорные базы, которые македонский царь называл «оковами Греции», во-вторых, гарнизоны в крупных городах и в-третьих, офицеры, заботящиеся о македонских интересах в определенном регионе. Наиболее стабильный элемент системы – «оковы Греции» стал предметом антимакедонской пропаганды. Греки посчитали Филиппа притеснителем и тираном, что в итоге способствовало краху его планов.

Ключевые слова: Македония, полис, гарнизоны, базы.

Как известно, три крепости Греции назывались «Оковами Эллады» (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5). Это Деметриада (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5), Халкида на Эвбее (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5) и Коринф (Polyb. II. 52. 4; 54. 1; IV. 6. 5; XVIII. 11. 5; 45. 5; Plut. Arat. 16; Liv. 32. 16. 18). О их стратегическом положении говорит Тит Ливий (32. 37. 1–3) в следующем пассаже: послы греков, обвиняя Филиппа в Риме, «произвели впечатление на сенат, объясняя расположение суши и моря... дабы для всех стало очевидным, что Греция не может быть свободна, покуда царь удерживает Деметриаду в Фессалии, Халкиду на Эвбее, Коринф в Ахайе». Полибий (XVIII. 11. 4–9) уточняет это замечание: «пелопоннесцам нельзя вздохнуть свободно, пока царский гарнизон стоит в Коринфе; локры, беотяне, фокидяне не могут быть спокойны, когда Филипп владеет Халкидой и всей Эвбеей; наконец ни фессалийцы, ни магнеты не могут наслаждаться свободой до тех пор, пока Филипп и македоняне держат в своих руках Деметриаду. ...доколе названные выше местности остаются в его власти, он без труда снова подчинит себе эллинов в первый же день, как этого пожелает». О значении Коринфа говорит уже тот факт, что когда его наместник Александр отложился от македонского царя Антигона Гоната, то стал фактически независимым правителем. А если учесть победу Коринфа в войне против союзников Македонии – Аргоса и Афин, то можно утверждать, что Александр свел влияние Гоната южнее Фермопил к минимуму[1].

Филипп V не был первым из македонских правителей, кто поставил гарнизоны в данных крепостях. Подобную практику контроля за зависимыми территориями заложил еще Филипп II, учтя опыт доминировавших прежде в Греции государств – Афин, Спарты, Фив. Эти полисы держали другие города в подчинении, применяя изгнание противников, поддерживая то или иное правительство и вводя гарнизоны, что, в конце концов, приводило к внутренней борьбе, конфликтам между государствами и междоусобным войнам[2]. Филипп II, видимо, хорошо знал последствия столь жесткого диктата, поэтому ограничился только закреплением за собой стратегически важных полисов. После битвы при Херонее в 338 г. македонские гарнизоны были расположены в Коринфе, Амбракии (Diod. XVII. 3), из которой было удобно наблюдать за территориями Эпира, Этолии и Акарнании, в Фивах (Paus. IX. 1. 8; 6. 5; Diod. XVI. 87. 3) и, вероятно, в Халкиде на Эвбее[3].

Примечательно, что в то время указанные гарнизоны не были «цепями Эллады». По свидетельству Диодора (XVII. 3), после смерти Филиппа амбракиоты выгнали маке-

---

[1] *Сизов С.К.* Ахейский союз. М., 1989. С. 31.

[2] *Hammond N.G.* Philip of Macedon. Baltimore, 1994. P. 159.

[3] Не исключено, что гарнизон мог появиться на Эвбее при Александре: *Roebuck C.* The settlements of Philip II with the Greek states in 338 // Classical Philology. Vol. 43. 1948. P. 82; до разрушения Фив Александром на Эвбее могло и не быть гарнизона, так как гарнизон располагался в Фивах, а доступ на Эвбею из магнезийского берега Фессалии достаточно легкий: *Ellis J.R.* Philip II and macedonian imperialism. London, 1976. P. 202 f.; также *Cawkwell G.* Philip of Macedon. Bristol, 1978. P. 168.

донский отряд, Александр не настаивал на его возвращении. При восстании Фив македонский гарнизон в Кадмее был осажден и находился в таком положении до прибытия Александра (Arr. I. 7). У командира гарнизона даже не было достаточно сил, чтобы самому подавить мятеж и наказать нарушителей. В ходе борьбы диадохов в Греции находились гарнизоны нескольких преемников Александра Македонского, но лишь Деметрий Полиоркет мог претендовать на контроль за значительной территорией, которую он освободил от гарнизонов Кассандра, Полиперхонта и Птолемея в соответствии с прокламацией своего отца о свободе греков[4]. Тем не менее, Деметрий в некоторых крепостях Эллады тоже оставил свои отряды. В частности, одним из городов, получивших гарнизон, был Коринф (Diod. XX. 103. 3). Но гарнизоны Деметрия, видимо, были довольно скромными, поскольку, как сообщает Плутарх, после битвы при Ипсе города, один за другим, изгоняли сторожевые отряды Деметрия (Demet. XXXI).

Антигон II Гонат (284–239 гг.) и его сын Деметрий II (239–229 гг.) предпочли более жесткую политику в отношении греков, подобную той, которую после смерти Александра Македонского вели Антипатр и его сын Кассандр. Антигон способствовал введению гарнизонов в некоторые полисы и установлению тиранических режимов[5] в Греции (Polyb. II. 41. 10; 43. 9; IX. 29. 6; Plut. Arat. 25). Его сын Деметрий сохранил эту систему контроля. В конечном счете, распространение таких режимов под эгидой Македонии подтолкнуло состоятельную верхушку государств к борьбе против Антигонидов[6]. К началу 20-х годов III века совместными усилиями двух крупнейших греческих федераций – Этолийского и Ахейского союзов Греция почти полностью была освобождена от македонского господства. Большим успехом в этой борьбе считается освобождение Коринфа (Plut. Arat. 18–22). Лишь неудачи в Клеоменовой войне[7] (229–221 гг.), которые ахейцам нанесли спартанцы, заставили ахейского стратега Арата обратиться за помощью к македонскому царю Антигону Досону[8]. Примечательно, что последний требовал за предоставление помощи возвращения Акрокоринфа (Polyb. II. 51. 4 sqq). После заключения союза с Ахейской федерацией Досон, в отличие от своих предшественников на троне, не насаждал гарнизоны в Греции[9]. Исключение представляли собой Акрокоринф, Орхомен и Герея (Polyb. II. 54. 2; 70. 4; V. 93. 8), которые так и остались под контролем Досона после за-

---

[4] Во время осады Тира Антигон объявил, что все эллины будут свободны, избавлены от гарнизонов и получат автономию (Diod., XIX, 61, 1–4). Вслед за этим последовали три попытки «освобождения» Греции. В Элладу были посланы войска под командованием Аристодема, затем в 312 г. под командованием Телесфора и в том же году под командованием Полемея. Эти экспедиции добились некоторых успехов. В частности, Диодор (XIX. 78. 2) пишет, что гарнизон Кассандра был изгнан из Халкиды. Однако, измена Полемея помешала осуществлению планов Антигона. Поэтому в 307 г. он отправляет в Грецию своего сына Деметрия, который получил приказ от своего отца «освободить все полисы в Элладе» (Diod. XX. 45. 1; Plut. Demet. VIII. 4). Деметрий освободил Афины, в которых находился гарнизон Кассандра (Diod. XX. 45–46; Plut. Demet. VIII, X; ISE. 7. 4). К концу 303 г. в руках Деметрия находилась большая часть Пелопоннеса и Средней Греции; все города, захваченные или сдавшиеся Деметрию, получали автономию и избавлялись от гарнизонов (Diod. XX. 45–46; 100–110).

[5] О тиранах см.: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I–II. München, 1967.

[6] *Сизов С.К.* Ахейский союз. С. 17 слл.

[7] О Клеоменовой войне см., например: *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 146 слл.; *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 3. СПб., 2002; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. I. 2–eme. ed. Nancy. 1979. P. 343 suiv.; *Walbank F.* Macedonia and Greece // CAH² Vol. 7. 1984. P. 461 ff.

[8] Эллинская лига была образована в 224 г. до н.э. по инициативе Ахейского союза. О причинах, подтолкнувших ахейцев к сближению с Македонией, см.: Plut. Arat. 38. 11; 39; 40. 2; 41. 3; Cleom. 15. 2 sqq; 17. 6 sqq; 19. 1; 22. 4; Polyb. II. 51. 2; 52. 2 и 4. См. также: *Сизов С.К.* Тайная дипломатия в годы Клеоменовой войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58 слл.; *Он же.* Ахейский союз. С. 101 слл.

[9] Перспектива включения всей Греции в сферу македонского влияния была слишком заманчива, чтобы Антигон совсем отказался от нее. Но на первых порах его политика не должна была вызывать недовольства новых союзников, если он хотел закрепиться в Греции. Только выполнение союзнических обязательств без претензий на большее давало ему время, чтобы упрочить его позиции для дальнейших шагов. Поэтому сам Антигон не успел показать свои истинные намерения, оттого его и вспоминали, как «правителя мягкого и справедливого» (Polyb. II. 47. 4; 64. 6; 70. 1; 70. 7; IV. 87. 6; V. 9. 9 sqq; Liv. 32. 21; 25).

вершения Клеоменовой войны. Введение македонских отрядов в другие города источники приписывают следующему правителю Македонии – Филиппу.

Действительно, можно отметить, что при Филиппе V македонские гарнизоны располагались во многих местах. В Фессалии, помимо Деметриады, гарнизон стоял в Атраке (Liv. 32. 17. 4–18. 3). Македонские отряды были в Орее и в Эретрии (Polyb. XVIII. 45. 5, Liv. 32. 16. 12), а также в Орхомене (Polyb. IV. 6. 6; Plut. Arat. 45). В Лепрее в Трифилии был поставлен македонский гарнизон в ходе Союзнической войны 220–217 гг. (Polyb. IV. 80. 15). У Тита Ливия есть упоминание о том, что Карист был усилен гарнизоном из Халкиды (XXXII. 16. 8), что намекает на присутствие македонских солдат в крепости до прибытия подкрепления. В самом крупном городе Фокиды, в Элатее, также располагался македонский гарнизон (Liv. 32. 24). Опунт, главный город Восточной Локриды, имел сторожевой отряд Филиппа во время второй римско-македонской войны (Liv. 32. 32. 4). Согласно недавним находкам, можно утверждать, что македонский гарнизон находился еще в одном пункте Восточной Локриды, в Кине[10]. Там был найден военный устав гарнизонной службы, идентичный известному ранее из Халкиды. Находка такого документа придает этому населенному пункту стратегическую значимость и позволяет предположить, что подобные памятники имелись и в других крепостях, удерживавшихся македонскими силами[11]. Кроме того, острова Андрос, Парос и Китн в Кикладском архипелаге имели гарнизоны Филиппа (Liv. 31. 15. 8); были еще азиатские города, куда Филипп ввел своих солдат (Liv. 33. 18. 21; 30. 3).

Столь значительное македонское присутствие в Греции требовало серьезного обоснования. Иными словами, прежде всего, следует выяснить, было ли установление гарнизонов нарушением союзного договора между Филиппом V и греками. К сожалению, текст этого договора не сохранился, об отдельных условиях можно говорить на основании данных Полибия и на сопоставлении их с источниками по истории Коринфских лиг, существовавших ранее[12]. Вероятно, в договоре Эллинской лиги, образованной в 224 г. в ходе Клеоменовой войны, гарантировалась неизменность государственных устройств, которые существовали у участников лиги на момент заключения договора, и их автономия; запрещалось введение гарнизонов и выплата дани (Polyb. IV. 25. 7). С одной стороны, Фи-

---

[10] Полибий упоминает Кин в 219 г., когда Филипп переправился из Фессалии на Эвбею, оттуда достиг Кина, а затем через Беотию и Мегариду подошел к Коринфу (Polyb. IV. 67. 6–7). Возможно, именно тогда Кин получил македонский гарнизон.

[11] *Hatzopoulos M.B.* L`organisation de l`armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 29 ss.

[12] Общая литература по Коринфским лигам Филиппа II, Антигона Одноглазого и Антигона Досона: *Борухович В.Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н.э. и его значение // Учен. зап. ГГУ. Вып. 46. 1959. С. 199–208; *Кондратюк М.А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; *Маринович Л.П.* Конец классической Греции (Ламийская война) // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990; *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62; *Фролов Э.Д.* Панэллинизм в политике IV века до н.э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157–207; *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т.1. СПб, 1994. С. 35–141; *Самохина Г.С.* Панэллинская идея в политике Македонии конца Ш в.до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119; *Cawkwell G.* Philip of Macedon. Bristol, 1978.; *Ellis J.R.* Philip II and macedonian imperialism. London, 1976; *Hammond N.* Philip of Macedon. Baltimore, 1994; *Hammond N., Griffith G.* A history of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979; *Jehne M.* Koine Eirene. Stuttgart, 1994; *Larsen J.A.O.* Representative government in Greek and Roman history. Berkeley-Los Angeles, 1956; *Larsen J.A.O.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968; *Perlman S.* Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // Historia. Bd. 34. 1985. P. 153–174; *Ryder T.T.B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965; *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. Abh.18, 1922. S. 97–118; *Wilcken U.* Beiträge zur Geschishte des Korinthischen Bundes // SB. München, Abh.10, 1917. S. 1–40; *Wilcken U.* Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee // SB Berlin. Abh. 18, 1929. S. 291–318; *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte // Hermes, LXXII. 1938. S. 133–194; *Ferguson W.S.* Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // Hesperia. 17, 1948. № 2. P. 112–133; *Bengtson H.* Die Diadochen: Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München, 1987; *Hammond N.G., Walbank F.W.* A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988; *Hammond N.* The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford, 1989; *Billows R.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley-Los Angeles –L, 1990.

липп явно нарушил это соглашение с греками. Однако с другой стороны, можно вспомнить тот факт, что и прежде случалось, что полис, считавшийся «свободным», имел гарнизон[13]. Ко времени правления Филиппа нарушение этого пункта стало уже обыденным явлением. Важнее другое: следует указать на то обстоятельство, что многие гарнизоны, например, на Эвбее, появились в городах только в ходе военных действий – в период Союзнической войны 220–217 гг. Поскольку после окончания этой войны Филипп V вскоре был втянут в конфликт с римлянами, условия военного времени продолжали оправдывать существование гарнизонов в греческих городах. Примечателен тот факт (Liv. 33. 31. 11), что после поражения во второй римско-македонской войне Филипп потерял все эти крепости. Коринф был передан ахейцам, но в Акрокоринфе остался римский гарнизон. Халкиду и Демектриаду римляне оставили за собой, мотивируя этот шаг тем же обстоятельством, которым прежде пользовался македонский царь: приближением новой войны (с Антиохом).

В таком случае необходимо рассмотреть вопрос, как сами союзники воспринимали подобное нарушение македонским царем условия договора лиги. Можно сказать, что источники не приводят ни одного случая в Греции (азиатские крепости в союз не входили), когда Филипп установил бы гарнизон вопреки воле союзников. Знаменитый инцидент на Ифоме, описанный Полибием и Плутархом, как нельзя лучше подтверждает этот тезис. На горе Ифоме располагался мессенский кремль, в который македонский царь Филипп V давно планировал ввести свой гарнизон. Филипп отправился туда для принесения жертв. Сцена жертвоприношения, описанная Плутархом (Plut. Arat. 50), полностью совпадает с версией, изложенной Полибием (VII, 11), о ней же упоминает и Страбон (8. 4. 8). Намек на спор двух лидеров союза в мессенской крепости можно усмотреть и в словах Павсания (2. 9. 4) о том, что ахейский стратег Арат «удерживал царя от поступков, на которые тот уже решился». Полибий пересказывает диалог македонского царя с Аратом, который заставил Филиппа отказаться от задуманного плана, намекнув на разрыв союзных отношений в случае такого насилия над мессенянами. Характерно, что царь пытался мирно занять Ифому. В случае размещения там македонского гарнизона Филипп V получал двойной выигрыш. Во-первых, в его распоряжении оказался бы еще один стратегический пункт в Пелопоннесе. Во-вторых, Мессения воздержалась бы от дальнейших социальных смут и государственных переворотов. Но именно эти преимущества не мог отдать в руки македонян Арат. Стоит вспомнить, что в Эллинской лиге 224 г. союзники отличались гораздо большей самостоятельностью по отношению к центральной власти, чем в подобных организациях более раннего времени[14]. Поэтому Филипп не имел возможности действовать без согласия греков-участников лиги, угроза Арата о расторжении союза была вполне реальной. Такое событие, как установление гарнизона в союзном городе, нужно было тщательно обосновать, чтобы не навлечь на себя обвинений в агрессии.

Источники неоднократно показывают положительные стороны установления гарнизонов. Прежде всего, они были гарантом от социальных потрясений, а в условиях военного времени – и от измены. Со времен Энея Тактика любой полководец должен был принимать во внимание тот факт, что внутренний враг не менее опасен, чем внешний[15]. Характерен пример с аркадским городом Кинефой. Там был поставлен ахейский гарнизон, однако в 220 г. до н.э. после достигнутого соглашения и примирения сторон он был выведен. Вернувшиеся домой граждане приняли активное участие в жизни полиса, некоторые из них были избраны на полемархов (Polyb. IV. 18. 4: □♓☺ ♎♏▭ □□●♏♋♋❒♍□◆♊■◆♏♐ ◆◆♊■ ♐◆♑♋❖♎◆■ …)☜ Однако бывшие изгнанники вскоре замыслили сдать город этолийцам (Polyb. IV. 17. 10), изменники из числа полемархов убили своих коллег и открыли ворота этолийским войскам под

---

[13] *Briscoe J.* The Antigonids and the Greek states, 276–196 B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978. P. 149.

[14] *Schmitt H.H.* Die Staatsverträge des Altertums, III: Die Verträge der griechisch-romischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. München, 1969. S. 216; *Klose P.* Die völkerrechtlichte Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v.Chr. München, 1972. S. 107; *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 336; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 a.v. J.C.). T. 1. Nancy, 1966. P. 355.

[15] Подробнее см.: *Маринович Л.П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 49–77.

командованием Доримаха. Население города, включая изменников, было перебито, имущество их было разграблено (Polyb. IV. 18. 7–8).

Гарнизоны были предметом неустанной заботы и внимания со стороны македонского царя. Сохранившиеся фрагменты экземпляров устава гарнизонной службы из Халкиды и Кина[16] касаются не столько вопросов военных, сколько экономических. Например, эконом должен был следить, чтобы хранящиеся в амбарах продукты оставались неиспорченными (□♓☺ □♓♈&□■□❖❍□♓ ♏♈□♓❍♏●♏♓❖•❑••♋■🕮 □❀□•✂ ♦♋▭ ♎♓♋♦♋♍❑♏❖■♦♋ ◆☺□□▭ ♦□◆♊ ♌♋•♓●♏❖•✂ ♏♓♈✂ ♦♋▭✂ □♋❒♋❑♏❖•♏♓✂ ♎♓♋♦♒❒♒♊♦♋♓ ♋☯♐❑♋❒♦♋: 1 I, v. 1–3), позаботиться, чтобы ничто не было похищено (φροντιζεϖτωσαν, ο{πω∀ μηθε;ν εφκ τη ∀̄ παραθεϖσεω∀ αφφαιρη τ̄αι: 1 I, v. 11–12) и своевременно менять то, что пришло в негодность (1 I, v. 12–15), предусматривалась ответственность экономов и фрурархов за хищения (1 I, v. 26–37). За недонесение о должностном преступлении устанавливался огромный штраф в 600 драхм (1 I, v. 44–46; 1 II, v. 6–9). Закреплены были даже такие детали, как сорт вина, который следовало привозить (...□❀□•✂ □☺ □♓ॐ■□✂ ♋☯♑♒♦♋♓ ♏♈♐♏❖♦♏♓□✂ ♒☺♎◆▭✂ ♌♏♌♋•♋■♓•❍♏❖■□✂: 1 I, v. 18–21). Такие подробности объясняются, прежде всего, особой ролью, отводимой Филиппом гарнизонам в системе контроля за Грецией, не допускавшей появления малейшего недовольства среди солдат, тем более наемников, численность которых была значительна[17]. Например, в Коринфе, где, вероятно был самый многочисленный гарнизон[18], обычно находилось 1300 воинов – 500 македонян и 800 наемников[19] (Liv. 33. 14. 3).

Примечательно, что в отличие от времени Филиппа II и его преемников, в период римско-македонских войн гарнизоны Филиппа V не только удерживали население от измены, но и упорно обороняли вверенные им крепости. Так в ходе первой римско-македонской войны римляне и Аттал осаждали Орей на Эвбее. Захватить город им удалось лишь потому, что они вели тайные переговоры с Платором[20], который и впустил их в город (Liv. 28. 6. 1–7). А вот захват Халкиды у них провалился (Liv. 28. 6. 8–12). Македонская Кассандрия, бывшая Потидея на Халкидике, имела сильный гарнизон, который в ходе второй римско-македонской войны отбил все атаки римлян и Аттала, принудив врага ввиду бесперспективности действий снять осаду (Liv. 31. 45. 14–15). Орей во вторую войну защищался с необычайной храбростью, так что римлянам пришлось отказаться от быстрого натиска и перейти к длительной осаде, сделав ставку на орудия и подкопы, что в конечном итоге и решило дело (Liv. 31. 46. 6–16). Флот Аттала пытался захватить Карист, но оказалось, что защита усилена подмогой из Халкиды, поэтому противник был вынужден оставить эту затею (Liv. 32. 16. 7–8). Лишь когда к Каристу подошли три флота – римский, пергамский и родосский, крепость была сдана, а гарнизону за выкуп разрешили уйти (Liv. 32. 17. 1–2). Эретрию осаждали объединенные римские и пергамские силы, корабли были оснащены метательными орудиями и осадными машинами (Liv. 32. 16. 10). Тем не менее, защитники держались, сколько могли, при этом македонский гарнизон не позволил сразу сдать город (Liv. 32. 16. 11–16). Фессалийский город Атрак, имевший македонский гарнизон, римляне так и не взяли (Liv. 32. 17. 4–18. 3). Самый крупный фокидский город Элатея, где также был поставлен македонский гарнизон, закрыла перед римлянами ворота. Лишь после долгой осады врагу удалось захватить сам город, но не крепость, которую македоняне покинули после заключения соглашения с консулом (Liv. 32.

---

[16] Цит по: *Hatzopoulos M. B.* L`organisation de l`armée macédonienne sous les Antigonides... Appendice epigraphique. 1 I, 1 II.

[17] По подсчетам Г.Т. Гриффита (*Griffith G.T.* The mercenaries of the Hellenistic world. Cambridge, 1935. P. 72 ff.), гарнизоны македонского царя в совокупности могли состоять из 15 тыс. наемников. Филипп, конечно, не мог не знать недостатки наемных войск, вероятность измены которых была довольно высока. Однако поскольку собственных сил было явно недостаточно для охраны всех крепостей, приходилось использовать наемников. Видимо, два обстоятельства обеспечивали македонскому царю их лояльность. Во-первых, своевременная выплата жалованья; а во-вторых, привлечение для гарнизонной службы наемников варварских народностей.

[18] Griffith G.T. The mercenaries of the Hellenistic world. P. 71.

[19] Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим. М., 1993. С. 155.

[20] Ливий говорит (28. 6. 1–7), что Филипп вверил город Платору. Вероятно, изменник был командиром гарнизона.

18. 9 и 24. 7). Опунт в Восточной Локриде в разгар войны был охвачен внутренней смутой, население призвало этолийцев и римлян, однако македонский гарнизон не ушел ни из-за угроз опунтцев, ни при виде римский войск (Liv. 32. 32. 4). Наконец, Коринф подвергся нападению римлян, родосцев, Аттала и ахейцев, изменивших Филиппу (Liv. 32. 23. 4). Ливий отмечает редкое единодушие населения и македонского гарнизона. Командир гарнизона Андросфен воспринимался жителями как гражданин полиса (Liv. 32. 23. 5). Узнав о спешивших на помощь Коринфу подкреплениях из Халкиды, противник предпочел снять осаду (Liv. 32. 23. 11–13). В рассмотренных примерах примечателен факт, что шансов у гарнизона удержать город собственными силами против объединенных вражеских армий было мало. Но так называемые «цепи Эллады» остались за македонянами, ни Халкиду, ни Коринф врагу взять не удалось. Более того, эти крепости имели возможность оказывать помощь другим гарнизонам. Именно надежда на прибытие подкрепления заставила гарнизон Эретрии держаться длительное время, и лишь когда стало ясно, что помощи ждать бесполезно, крепость была сдана (Liv. 32. 16. 11–16).

Стоит отметить, что гарнизоны македонского правителя устанавливались не одновременно во всех перечисленных выше городах и не произвольно; напротив, Филипп планомерно создавал свою схему контроля над Грецией. Согласно его замыслу, в Греции должно было быть несколько опорных пунктов, где могли базироваться не просто гарнизоны, а своего рода «силы быстрого реагирования», если воспользоваться современной терминологией. К таким базам – «оковам Греции» относились Деметриада, Халкида, Коринф, вероятно, мессенский кремль на Ифоме и, возможно, один из греческих полисов Иллирии[21] – Эпидамн, Аполлония и т.п. Правда, в западной части Греции Филиппу не все удалось реализовать задуманное. Гарнизоны в остальных городах должны были иметь вспомогательное назначение, многие из них были установлены либо после завоевания данной территории, либо на случай отражения внешней угрозы, исходящей, главным образом, от этолийцев. Вероятно, не будет выглядеть очень смелым предположение, что со временем, если бы не вмешательство римлян, необходимость в этом втором звене контроля отпала бы, и македоняне вывели бы свои силы.

В эту же схему контроля вписывается существование «царских уполномоченных» в Греции. В начале правления Филиппа им был Таврион, который базировался в Пелопоннесе[22]. Он был назначен на эту должность еще Антигоном Досоном, вероятно, после победы над Спартой в 222 г. (Polyb. IV. 6. 4; 10. 6; 19. 7). В ходе Союзнической войны 220–217 гг. кроме Тавриона действовал еще один представитель царя, но в другом регионе. Функцию надзора за Средней Грецией, видимо, исполнял Александр[23], который располагался в Фокиде. От периода римско-македонских войн источники не сохранили упоминаний о таких чиновниках в Пелопоннесе и Средней Греции, что можно истолковать как их

---

[21] Греческие поселения на иллирийском побережье не имели тесных связей с Македонией и были ориентированы на запад. Считается, что установление римского протектората над Иллирией имело следствием состояние «холодной войны» между Римом и Македонией, если воспользоваться современной терминологией. Предоставление Филиппом убежища иллирийскому династу Деметрию после разгрома его римлянами и нежелание выдать этого авантюриста (Liv., 22, 33, 3) в 217 г., а также занятие Дассаретиды в борьбе против другого иллирийского вождя - Скердилаида и претензии македонского царя на Аполлонию в следующем году – все эти шаги были расценены сенатом как акт открытой вражды. Однако подобное восприятие действий Филиппа было основано на несходстве римского и эллинистического менталитета (*Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 82). Цели молодого царя в отношении Иллирии в конце Союзнической войны не касались римлян. При этом не следует говорить и о том, что македонский правитель планировал установить собственный протекторат над этими землями. Его ближайшей заботой становилась война с бывшим союзником Скердилаидом – нарушителем Общего Мира, напавшим на земли западной Македонии. Именно против него, а не против Италии, как убедительно показал А.П. Беликов (*Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 63–64), царь построил 100 лемб для переброски своих сил. Именно против пиратов, борясь за свободу мореплавания, царь намеревался создать морские базы на западном побережье Балкан.

[22] Подробнее см.: *Сивкина Н.Ю.* Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н.э. // Античное общество IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. С.101–107.

[23] *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 625; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 363.

отсутствие. Однако есть основания предполагать, что подобными полномочиями обладал Филокл в ходе второй римско-македонской войны, ставка которого была в Халкиде (Liv. 32. 23. 11). Тит Ливий называет его царским префектом (Ibid.), что вполне может соответствовать несколько неопределенному греческому термину «уполномоченный по делам в Пелопоннесе»
(□☺ ♏♐□♓▭ ♦•♊■ ♏♐■ ♐♏●□□□■■♒❖••☜ ♌♋•♓●♓&•♊■ □❒♋♑❍♋❖♦•■ &♋♦♋●♏●♏♓❍❍♏❖■□✂ – Polyb. IV. 6. 4). К сожалению, нет никаких точных сведений о том, когда Таврион и Александр были отозваны и в какой период Филокл прибыл в Халкиду. Тем не менее, возможно допущение, что Таврион и Александр находились на своих постах до первой римско-македонской войны, поскольку последнее упоминание о Таврионе относится к концу жизни Арата, т.е. к 213 г. Филокл, вероятно, сменил их на посту в ходе или после первой римско-македонской войны. Таким образом, можно отметить, что место базирования чиновника зависело от того, какой регион являлся наименее стабильным. Таврион был назначен в Пелопоннес после поражения Спарты, Александр в Союзнической войне наблюдал за государствами-членами Эллинской лиги, которые не принимали активного участия в боевых действиях. Халкида контролировала морские коммуникации, именно они приобрели большое значение между двумя римско-македонскими войнами, поскольку внимание македонского правителя было направлено на острова и побережье Малой Азии. Иными словами, уполномоченный назначался в конкретный регион и на определенный период.

Естественно, необходимо затронуть вопрос о назначении этой схемы контроля, самым стабильным элементом которой были так называемые «оковы Греции». На наш взгляд, задуманную Филиппом систему контроля нельзя отрицательно оценивать. Следует помнить, что весь начальный период своего правления он стремился к соблюдению греками договора Общего Мира[24]. По итогам Союзнической войны можно говорить об успехе этой линии политики, этолийцев принудили к соблюдение мирных условий[25]. Однако гражданский мир не мог наступить в одночасье, с момента подписания мира между Этолийской федерацией и Эллинской лигой. Требовалось время, переходный период, который мог занять несколько десятков лет, прежде чем Общий Мир стал бы реальностью. Вполне естественно, что на первых порах требовалась такая система контроля, которая удержала бы колеблющихся от необдуманных поступков и не позволила бы нарушителю мира остаться безнаказанным. Эллинская лига не могла полностью служить этой цели. Во-первых, она включала в себя не все государства Греции[26]; во-вторых, для осуществления контроля требовалось жесткое руководство, которого Филипп в союзе не имел.

Вполне вероятно, что враги увидели в создаваемой системе прекрасную возможность очернить царя и перед противниками, и перед союзниками. Опорные пункты македонского контроля – Деметриада, Халкида и Коринф, как наиболее стабильный элемент системы, стали предметом основных нападок на македонского царя. Немалую роль в этом сыграли слова самого Филиппа, именно он назвал данные крепости «цепями Эллады» (Liv. 32. 37. 4) и отдал в руки противника актуальную тему для антимакедонской пропаганды. Однако, вероятно, эти слова были проявлением злого юмора Филиппа. Источники отмечают свойственную ему едкую насмешливость, которая часто выглядела неуместно (Polyb. XVIII. 4. 4; Liv. 32. 34. 3). Известно, например, его высказывание в адрес этолийского стратега Фенея в момент переговоров с Фламинином (Liv. 32. 34. 3; Polyb. XVIII. 4. 4); можно упомянуть и надпись, сделанную на развалинах в Ферме, видимо, с одобрения царя (Polyb. V. 9. 4–5).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что «оковы Греции» были частью весьма удачной и продуманной системы контроля над греческими государствами.

---

[24] Характерными условиями Общего Мира являются следующие: 1. запрещение междоусобных конфликтов, 2. автономия греческих государств, 3. гарантия помощи в случае нарушения мира, и 4. борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (Polyb. IV. 3. 8; 15. 2; 16. 5; 24. 5).

[25] Недаром после заключения мира в Навпакте они стали проявлять недовольство, как указывает Полибий, тем обстоятельством, что договор «отрезал им все пути добычи на стороне и отнял у них всякую надежду на будущее» (V. 107. 6).

[26] *Сивкина Н.Ю.* Состав Эллинской лиги 224 г. до н.э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П.Соколова. Н.Новгород, 1998. С. 43–48.

Однако в полной мере Филиппу не удалось ее создать. Для этого требовалось время и солидарность союзников. Первое вмешательство римлян в греческие дела заставило Филиппа ускорить реализацию задуманного, но в глазах греков он стал притеснителем и тираном, что, в конечном счете, способствовало краху его планов.

TO PROBLEM OF SYSTEM OF MACEDONIAN CONTROL ON GREECE

N.JU. SIVKINA

N.Novgorod State University

e-mail: ist@unn.ru

Demetrias, Corinth and Chalcis on Euboea had the important strategic value. Philip V aspired to peace cooperation with Greeks within the framework of the Common Peace treaty. For the transition period the king has tried to establish the new control system above the Greek states. This system included three levels: first, strong bases or «fetters of Greece» as Philip himself had once called them, secondly, garrisons in large cities and thirdly, officers which were in charge of macedonian affairs in the certain area. The most stable element of system – «fetters of Greece» became a subject of antimacedonian propagation. Greeks have counted Phillip the oppressor and the tyrant, that as a result had crash of his plans.

Key words: Macedonia, garrison, base, polis.

УДК 94(37)

РИМСКАЯ ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Е.С. ДАНИЛОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Античная военная традиция является одной из приоритетных тем в историографии. Огромное количество работ, вышедших из-под пера исследователей разных стран, самым тщательным образом трактует разнообразные проблемы, относящиеся к армии древнего Рима. Однако одна из них – организация военной разведки – не занимает достойного места среди этих исследований. Статья посвящена контрразведывательной деятельности в период Республики и Империи. Затрагиваются вопросы военной тактики, международных отношений и внутренней политики Римского государства.

Ключевые слова: Римская империя, контрразведка, секретность.

Римская военная контрразведка еще не становилась объектом отдельного исследования. В специальных трудах по истории разведывательных систем древнего мира это понятие, как правило, не упоминается, что наглядно показывает работа Френсиса Дворника[1]. Классические работы, посвященные развитию военного дела, как отечественных, так и зарубежных авторов, также обходят вниманием вопрос о контрразведке Рима[2].

Употребление в каком-либо сложном слове приставки *контр*, от латинского «contra», обозначает противодействие тому, что выражено во второй части этого слова. Следовательно, термин «контрразведка» означает противодействие разведке, тайному обследованию или изучению со специальной целью[3]. Любая контрразведывательная деятельность включает два основных направления. Во-первых, определяются типы информации, которые подлежали засекречиванию, а во-вторых, подбираются оптимальные методы защиты секретных данных.

Отражение римской контрразведки в письменных памятниках носит фрагментарный характер. Нам приходится оперировать текстами, лишь вскользь затрагивающими эту сферу, и вычленять сюжеты, связанные с процессом передачи информации. На основе нарративных источников республиканского и имперского периодов мы попытаемся выделить способы контрразведывательной деятельности и выявить их специфику в рамках римской военной традиции. Учитывая трудности исследования, которое предполагает широкий хронологический охват, мы будем приводить наиболее яркие факты, аргументирующие то или иное положение. Античные источники позволяют выделить и сформировать типологию скрываемой информации и комплекс мер по ее засекречиванию. Рассмотрим их поочередно. Виды информации, которые тщательно скрывались, могли быть следующими:

1. Военные планы.

Планы военных кампаний составляли ту часть стратегической информации, на которой держалась римская идея «мирового господства»[4]. Военную тайну соблюсти было нелегко: ведь следовало проявить явную активность против открытого врага, но так, чтобы потенциальный противник не знал, что перемещения воинских частей ослабили оборону рубежа[5]. В то же время весьма ощутимым могло оказаться любое предательство.

---

[1] Dvornik F. Origins of Intelligence Services. New Brunswick, 1974.

[2] Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896; Разин Е.А. История военного искусства. XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. СПб., 1999; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002; Бонапарт Н. Войны Цезаря, Тюренна, Фридриха Великого. М., 2005; Меринг Ф. История войн и военного искусства. М., 2000; Энгельс Ф. Историческая публицистика: О военном искусстве. О теории насилия. М., 2003.

[3] Землянов В.М. Своя контрразведка. Мн., 2004. С.12.

[4] Maier F.G. Neque ques gentium sine armis: Krieg und Gesellschaft im Altertum. Opladen, 1987. S. 23; Meyer H. D. Die Aussenpolitik des Augustus und die Augusteische Dichtung. Köln, 1961. S. 103; Sommer M. Roms orientalische Steppengrenze. Stuttgart, 2005. S. 66.

[5] Фонтен Ф. Марк Аврелий / Пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М., 2005. С. 99.

Примеры его – как предательства интересов римского государства в целом – появляются довольно поздно, в кризисный I в. до н.э.; с республиканской гражданской доблестью оно было несовместимо. Для эпохи домината такие факты уже весьма показательны. Так, римский дезертир Антонин был в состоянии, до его бегства в Персию, ознакомиться с важными документами, где он узнал не только численность и дислокацию войск в восточной части империи на 359 г., но и направления возможных ударов в случае очередного конфликта с персами (*Amm. Marc.* XVIII.5.1). Если Антонин, который являлся всего лишь протектором при дуксе Месопотамии, имел возможность получить доступ к подобной информации, то, видимо, знание будущих римских военных планов не могло быть ограничено исключительно самым высоким командованием[6].

2. Маршрут движения войска.

Этот аспект военной стратегии наиболее важен при активности на территории врага. Дороги, ведущие от расположения армии к тем пунктам, где сосредоточены источники ее пополнения, имеют двоякое значение: они являются путями коммуникаций и отступления[7]. При боевых действиях в чужой стране очевидным представляется тот факт, что местные жители прекрасно знали все пути сообщения. Сама тактика засад и вылазок во многом основана на этом знании (*Caes.* B.G. II. 19; *Strab.* III. 3. 6; *Dio Cass.* LXVII. 6. 1). Однако римляне, прокладывая свои дороги, если и не лишали врагов такой осведомленности, то, по крайней мере, усложняли им задачу вычисления точного маршрута вторжения (*Front.* Str. I.3.10). С другой стороны, если у неприятеля появлялась возможность внезапно перейти границу, то она подкреплялась знанием наиболее удобных путей коммуникации. Так, в 40 г. до н.э. парфяне под началом бывшего помпеянца Лабиена вторглись в Сирию, разбили Децидия Саксу, легата Марка Антония, и захватыватили всю эту провинцию (*Liv.* Epit. CXXVII).

3. Численность армии.

Если армия располагала недостаточным количеством воинов, следовало показать, будто в ней большие силы и наоборот. Этот принцип имеет давние традиции и широкое распространение. Его цель – не дать врагу узнать точное соотношение сил, чтобы он ошибся в выработке тактики боя. Этому правилу следовали не только народы Древнего Востока, но также – греки (*Xen.* Cyr. II.1.4) и, соответственно, римляне (*Polyaen.* VIII. 23. 7).

4. Пароли.

Греческий военный деятель IV в. до н.э. Эней Тактик писал о том, что нужно иметь не меньше двух паролей: один для внешнего оцепления, другой – для использования внутри укрепления (VI. 7). Важнейшими должностями римской армии, как в республиканскую эпоху, так и в императорский период, были должности знаменосца (signifer), помощника центуриона (optio) и передающего пароль (tesserarius)[8]. Однако, до I в. н.э. мы не находим в истории Рима примеров, указывающих на необходимость держать пароль в строжайшей тайне. Одной из причин поражения легионов Вителлия в битве близ Кремоны (октябрь 69 г.) было несоблюдение тайны пароля (*Tac.* Hist. III. 22). Тот же промах вителлианцев позволил многим сторонникам Веспасиана ускользнуть из захваченного Капитолия (*Tac.* Hist. III. 73).

5. Деятельность разведывательной службы.

Вся деятельность разведывательной службы была окружена завесой секретности[9]. Никто из римского войска не должен был знать шпионов, находившихся в подчинении у полководца. Они, в свою очередь, не должны были быть знакомы между собой (*Polyaen.* V. 33. 6). К сожалению, анализ источников не позволил нам осветить все подробности взаимоотношений лазутчиков с военным штабом. Но мы можем предполагать, что соглядатаи могли контактировать только с главой разведки или кем-нибудь из числа его доверенных лиц. Сами шпионы не должны были знать больше того, что им было положено:

---

[6] Lee A.D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. Cambridge, 2006. P. 178.

[7] Клаузевиц К. фон. О войне. Т. I. М., 2002. С. 541.

[8] Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. II / Пер. с нем. В.И. Авдиева. СПб., 2001. С. 128.

[9] Нечаева Е.Н. Внешняя разведка в период поздней античности // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й международной конференции молодых ученых 27-30 декабря 2000 г. СПб., 2000. С. 295.

например, они не должны были догадываться, какое значение имеет добытая ими информация.

6. Дипломатические переговоры.

Заключение тайных военно-политических союзов являлось той гранью дипломатии, которой от природы предназначалось находиться в тени. Союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V, заключенный в 215 г. до н.э. (*Liv*. XXIII.33), был одним из многих сигналов Риму для осуществления похожих действий. Интриги сената, способствующие разжиганию противоречий внутри Ахейского союза (*Polyb*. XXIV. 10); подстрекательства посольства Мания Аттилия вифинского царя Никомеда IV начать войну с Митридатом VI Евпатором (*App*. Mithr. 11); секретное соглашение 332 г. императора Константина с сараматами, направленное против готов (*Anon. Val.* 6. 31) – все эти миссии, видимо, не входили в официальный протокол, но, тем не менее, знакомы нам по сообщениям античных авторов.

7. Внутренние проблемы.

Не подлежит сомнению, что поражение, нанесенное Квинтилию Вару в 9 г. н.э., было одним из тех событий, подробности которого тщательно скрывались от провинциалов (*Suet*. Aug. 23.1; Tib. 17.1). Другим видами происшествий, не предназначенными для публичного оповещения, были заговоры, появление претендентов на престол и всевозможные политические смуты (*Tac*. Ann. II. 39). Для их профилактики власть внимательно следила за настроениями в провинциях (*Euseb*. Hist. eccl. II. 2. 1) и фиксировала даже самые нелепые слухи (*Tac*. Ann. II. 40; Agr. 19). Однако скрыть признаки внутренней нестабильности в большинстве случаев было просто невозможно. В правление Тита в Малой Азии появился Лже-Нерон, который приобрел множество последователей. Парфянский царь Артабан, узнав об этом, предоставил ему убежище и помощь. И хотя возможности этого самозванца полностью раскрыты не были, сам факт иностранного вмешательства свидетельствует об отсутствии рычагов для соблюдения информационного заслона на границах (*Dio Cass*. LXVIII.19.3).

8. Дела, касающиеся безопасности главы государства.

Как справедливо указала американская исследовательница Р. Шелдон: «потребность защищать правителя Римской империи назрела еще при Августе»[10]. При этом, видимо, учитывались не только донесения деляторов, призванные раскрывать заговоры против главы государства (*Vell. Pat*. II. 88. 3), но и меры по сохранению в тайне планов военных кампаний и политических ходов, предпринимаемых императором, как фактическим главнокомандующим армией[11]. Историк Геродиан писал, что у префекта претория Виталиана, сторонника Максимина Фракийца, был кабинет, где он в одиночестве расследовал дела, относившиеся к безопассности принцепса, а потому считающиеся тайными (*Herodian*. VII. 6. 6).

Комплекс мероприятий по защите информации состоял из следующих элементов:

1. Ограничение числа лиц посвященных в тайну.

Римское командование, чтобы скрыть подготовку к очередной кампании, старалось производить набор войска, не распространяясь на тему о цели мобилизации (*App*. Liv. XI. 74.). Любое рискованное предприятие имело шанс на успех только в случае строжайшей секретности (*Xen*. An. I. 1. 6; *Nep*. Conon. 5; *Onasand*. X. 9; *Front*. Str. I.5.12; *Eunap*. Hist. I. 20). Еще Муций Сцевола в речи перед сенатом, предлагая свою кандидатуру для покушения на этрусского царя Порсену, говорил о целесообразности мер по предотвращению преждевременной утечки информации. «Сейчас небезопасно», – говорил он, – «рассказывать народу о том, что я задумал, чтобы кто-нибудь, руководствуясь личной выгодой, не разгласил то врагу, что подобно сокровенным мистериям следует хранить в глубокой тайне» (*Dionys*. V.27.3. Пер. Л.Л. Кофанова). Полибий советовал не делиться намерениями с посторонними людьми и придерживаться главного условия секретности – молчания (IX. 14). Плутарх склонялся к тому мнению, что следует избегать людей любопытных и болтливых (*Plut*. De curios. 6; De garr. 7). Болтун (blatero) предстает у Авла Гел-

---

[10] Sheldon R.M. Intelligence Activities in Ancient Rome. London, 2005. P. 150; Winterling A. Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Keiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.-192 n. Chr). München, 1999. S. 93. См. также: Speidel M.P. Riding for Caesar: The Roman emperors horse guards. Cambridge, 1994.

[11] Робер Ж.-Н. Рим / Пер. с фр. Н.И. Озерской. М., 2006. С. 138.

лия порочнейшим и даже в какой-то степени больным человеком (I. 15). Ко времени Александра Севера сложилась определенная градация уровня доступа, позволяющая скрыть военные планы ставки. За два месяца до выступления в поход граждане через специальный эдикт узнавали о дате и, возможно, цели экспедиции. Эта своеобразная информационная подача была призвана, по нашему мнению, пресечь разнообразные слухи нежелательного содержания, которые всегда широко распространялись в народной среде (*Tac.* Hist. III.54). Легионеры, в свою очередь, знали о местах лагерных стоянок и складах с провиантом, которыми они могли воспользоваться вплоть до пересечения границы. После прохождения оборонительных рубежей «начиналось молчание», чтобы варвары даже в случае захвата пленных не узнали планов римлян (*SHA*. Alex. Sev. XLV. 1-6). В принципиальном плане это правило сформулировал Маврикий: о военных планах должен знать только узкий круг наиболее доверенных лиц (VIII, A 8; B 23).

2. Оперативность.

Чтобы противник не успел воспользоваться полученной информацией, следует как можно быстрее свести к минимуму тот ущерб, который всегда возникает при нарушении информационного вакуума. Если случалось, что план был выдан врагам, то менялись пароли и другие условные знаки (*Polyaen*.V.33.2), а также способ боевого построения (*Mauricius*. Strat. VIII. B 22). Полководец мог построить свою армию в 3-4 и больше линий, мог обеспечить фланги от покушений неприятельской конницы развертыванием на них в перпендикулярном направлении к общему фронту нескольких когорт, мог иметь последнюю линию, готовую встретить удар с тыла, или расчленить боевой порядок[12]. Но эти действия были малоэффективны и не защищали от всех неожиданностей. Яркий пример успеха, достигнутого римлянами в деле контрразведки, это меры, принятые ими в 208 г. до н.э, когда консул Марцелл был побежден Ганнибалом и убит в сражении. Карфагенянин овладел перстнем с печаткой консула. Римляне, зная привычку Ганнибала к использованию поддельных писем, действовали удивительно быстро. Согласно Ливию (XXVII, 28), другой консул Криспин, боясь возможного обмана, разослал по городам гонцов с известием о смерти своего коллеги. Он предупредил, также, чтобы они не доверяли никаким письмам, написанным от имени Марцелла. Это был своевременный шаг, спасший город Салапию и позволивший уничтожить отряд дезертиров.

3. Контроль за иностранцами и путешественниками.

Петроний, автор I в. н.э., приводит интересную историю: «Распоров тунику, мы достали деньги, но вдруг услышали, как кто-то спрашивает хозяина, что за люди сейчас вошли в гостиницу. Испуганный этой неожиданностью, я, после ухода незнакомца, вышел к хозяину – узнать, в чем дело. Мне сообщили, что ликтор претора, на обязанности которого лежит заносить вновь прибывших в городские списки, увидев двух еще не прописанных чужестранцев, входивших в гостиницу, осведомился, откуда они родом и чем занимаются» (Sat. XV. Пер. В.А. Амфитеатрова-Кадашева). Как мы знаем, общая задача деятельности преторов – забота об охране внутреннего гражданского мира и порядка[13]. Подобная проверка могла засечь вражеских лазутчиков.

Наблюдение велось и за дипломатическими миссиями из других стран[14]. Послы, приезжавшие в Рим, направлялись к храму Сатурна и записывали свои имена у префектов казнохранилища. Плутарх объяснял этот обычай тем, что гости жили в столице за государственный счет и деньги на их постой выдавали служители эрария (*Plut*. Quaest. Rom., 43). Самый простой способ контроля иностранных посольств заключался в ограничении их передвижения (*App*. Liv. VI. 31; *Dio Cass*. LIX. 23. 5). Анонимный автор VI в. советовал всегда быть уверенным в том, что члены посольства не смогут ничего разузнать из расспросов местных жителей (De re strategica, XLIII). Менандр, его современник, сообщает, что посланники и гонцы обязаны были не задерживаться долго на одном месте и проезжать строго определенным маршрутом (fr. 11). Торговцев из варварских племен, ес-

---

[12] Вэрри Д. Войны античности от Греко-персидских войн до падения Рима / Пер. с англ. Т.П. Баракиной и др. М., 2004. С. 155.

[13] Седаков С.Ю. Роль квиритского претора в создании норм римского частного права предклассического периода // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 125.

[14] Сергеев В.С. Дипломатия Древнего Рима // История дипломатии. Т. 1 / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. С. 101.

ли они и получали разрешение входить в римские провинции, разоружали на границе, и дальше они путешествовали в сопровождении военного конвоя. Торговать им позволялось только в крепостях, расположенных вдоль границы. Они не имели права продвигаться в глубь территории, и, таким образом, все, что они видели во время посещения провинций, – это военные лагеря и оружие солдат. Это зрелище должно было заставить варваров хорошо подумать, прежде чем совершить набег[15].

4. Наблюдение за собственными солдатами.

Это очень важное условие, способствующее выявлению в первую очередь потенциальных предателей и двойных агентов (*Plut*. Fab. Max. XX), а также людей нелояльных (*Plut*. Mar. XVI) и просто бунтарей (*Front*. Str. I. 9. 1). По свидетельству Аппиана, в римской армии офицеры всегда записывали нрав каждого отдельного солдата (*App*. B.C. III. 43). Эти записи помогали при выявлении зачинщиков мятежей. По Вегецию, военачальник должен внимательно наблюдать за настроениями отдельных легионов и подразделений (III.10). Например, известно, что Юлий Цезарь Германик, полководец и племянник принцепса Тиберия, сам подслушивал и узнавал настроение в войске (*Tac*. Ann. II. 13). За привычками воинов могли наблюдать, кроме того, поставщики продовольствия – frumentarii[16]. По мнению М.Е. Сергеенко, если в легионах на них и лежала обязанность заботиться о солдатском пайке, то она соединялась с другой – следить за воинами и фиксировать недовольных и подозрительных лиц[17]. Римская традиция контроля за вооруженными силами дает о себе знать при зарождении бунта магистра оффиций Лонгина против императора Анастасия в 491 г. По версии Иоанна Малалы «царь, услышав, что исавры, решив устроить мятеж, собираются в свою страну, тотчас начал против них военные действия» (*Malala*. P. 393. Пер. Л.А. Самуткиной).

5. Поиск признаков измены и подрывной деятельности.

Использование осведомителей и шпионов было повседневной практикой в процессе завоевательных походов римлян. Со II в. н.э. становится очевидной нужда в обширной разведывательной службе внутри империи, особенно в самом Риме с циркулировавшими в нем бесчисленными слухами (*Sen*. De ira. III. 23; *Tac*. Hist. I. 89) и бесконечно возникавшими заговорами (*Dionys*. IV. 43. 3; *SHA*. Avid. Cass. II. 5). В таких условиях оптимальный выход был найден императором Адрианом[18]. Он обратился к услугам фрументариев[19]. Адриан, отличавшийся, по сообщению Диона Кассия, чрезмерным любопытством (*Dio*. *Cass*. LXIX. 5.1), начал использовать их в качестве шпионов (*SHA*. Hadr. XI. 4-6), заполучив обширную готовую структуру, способную выполнять курьерские и осведомительские функции. Если верить авторам жизнеописаний Августов, во всем полагался на фрументариев император Макрин (*SHA*. Macr. XII.4). Были свои осведомители и у Максимина Фракийца (*SHA*. Max. XV.1). При Бальбине фрументарии упоминаются как гонцы – всадники (*SHA*. Max. et Balb. X. 1). С помощью этих секретных агентов Александр Север узнал про заговор сенатора Овиния Камилла (*SHA*. Alex. Sev. XLVIII. 1). Септимий Север использовал фрументариев как убийц (*Herod*. Ш 5.4). В качестве таковых фрументарии выступают при Коммоде и Дидии Юлиане (*SHA*. Comm. IV.5; Did. Iul. V.8). Агенты начинают исполнять некоторые обязанности полицейских, формируя особое подразделение уголовного розыска, контролируют население, отслеживают передвижения подозрительных субъектов. Во времена Марка Аврелия его соправитель Луций Вер советовал установить наблюдение за наместником Сирии – Авидием Кассием. Император не посчитал доводы Вера убедительными, в результате чего не был предотвращен мятеж 175 г. в восточных провинциях (*SHA*. Avid. Cass. I.7; *Dio*. *Cass*. LXXII. 22-23). Более избирательно действовали тайные агенты Галлиена, следившие за возможными претендентами на престол (*SHA*. Claud. XVII. 1). Службу фрументариев, окончательно дискредитировавшую себя из-за многочисленных злоупотреблений, упразднил император Диоклетиан, снискав своим решением большую популярность (*Aur*. *Vict*. De Caes. XXXIX. 44-45; Cod. Theod. VI. 35. 3).

---

[15] Томпсон Э.А. Римляне и варвары / Пер. с англ. Т.О. Пономаревой. СПб., 2003. С. 16.

[16] Колобов А.В. Питание римской армии // Сержант. № 20. 2001 г. С. 17.

[17] Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. СПб., 2002. С. 328.

[18] Dulckeit G. Römische Rechtsgeschichte. München, 1957. S. 181.

[19] Clauss M. Frumentarius Augusti // Epigraphica. 1980. № 42. P. 131-134; Krenkel W. Frumentarii // Lexicon der Alten Welt. Munich, 1990. S. 1009; Mann J. C. The Organization of the Frumentarii // ZPE. 1988. № 74. P. 149-150.

Однако спустя некоторое время (между 284 и 319 гг.)[20] на ее месте возникла не менее мрачная, но куда более организованная служба – agentes in rebus[21]. Первоначально новая служба выполняла лишь обязанности срочной доставки в Империи, но затем диапазон ее функций расширился[22]. В период правления Констанция II курьеры рассылались по провинциям и были обязаны контролировать переписку и иные виды связи[23]. Повседневная деятельность курьеров сопровождалась постепенным расширением их полномочий и накоплением большого количества информации; вскоре они начали использоваться для выслеживания и ареста неблагонадежных лиц[24].

6. Дезинформация.

Данное понятие означает предоставление противнику ложных сведений. Если неприятель принимает эти сведения на веру, то начинает осуществлять подготовку для предотвращения тех мероприятий или планов, которые на самом деле ему не грозят, а в результате получает удар там, где его менее всего ожидает (*Onasand*. XXIII). Информация должна казаться достаточно правдивой и быть недалекой от истины, чтобы не вызвать подозрений (*Joseph*. Vit. 67.380). Да и сам путь, которым она попадает к противнику, должен быть убедительным и заслуживающим доверия[25]. Ряд примеров открывают события III в. до н.э. Консул Аппий Клавдий в первой Пунической войне не мог переправить войско из Регия в Мессану, так как пунийцы стерегли пролив. Тогда он распустил слух, что не может вести войну, начатую без разрешения народа, и притворился, будто ведет флот по направлению к Италии: когда в результате пунийцы, поверив во взятое им направление, отошли, он повернул корабли и пригнал их к Сицилии (*Front*. Str. I.4.11). Император Домициан, желая нанести поражение хаттам в 83 г. и зная, что они с большим рвением начнут военные действия, если заранее проведают о его прибытии, выставил в качестве цели своей поездки производство переписи в Галлии. Появившись, таким образом, с войском внезапно, он разбил врага и обеспечил спокойствие провинций (*Dio Cass*. LXVII.3.5). Вычислив возможных предателей, полководец мог говорить противоположное тому, что было задумано, чтобы враги оказались обманутыми (*Mauricius*. VIII. A 35).

7. Приграничное наблюдение.

В ранний период границы Римского государства охраняла пограничная стража. Организованная для предупреждения внезапных набегов соседей[26], она наблюдала за сельской округой и содержалась за счет военной добычи (*Dionys*. IX. 15. 1, 4). Применительно к имперскому времени известно, что надзор за пограничными переходами осуществлялся специальными патрулями по 8 легионеров, которые противодействовали набегам разбойничьих групп, задерживали вражеских шпионов, производили таможенные сборы[27]. На важных пограничных участках существовали особые чины, которые фиксировали дополнительную информацию о процессах на границе[28]. Здесь проходили службу *beneficiarii* – солдаты легиона, отслужившие много лет, которые выбирались наместни-

---

[20] Paschound F. Frumentarii, agents in rebus, magistriani, curiosi, veredarii: problemes de terminologie // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1979/ 81. Bonn, 1983. S. 233.

[21] Blum W. Curiosi und Regendarii. Untersuchungen zur Geheimen Staatspolizei der Spätantike. München, 1969. S. 1-16.

[22] Sinnigen W. Two Branches of the Late Roman Secret Service // American Journal of philology. 1959. Vol. 80. № 3. P. 239.

[23] Demandt A. Die Spätantike: römische Geschichte von Diocletian bis Justinian. München, 1989. S. 234; Kelly Chr. Rulingthe later Roman Empire. Cambridge, 2004. P. 206, 224.

[24] Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1. 3-е изд. СПб., 2003. С. 77; Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491-641 гг. СПб., 2006. С. 217-219. К 430 г. штат agentes in rebus составлял 1147 человек (Cod. Theod. VI. 27. 23).

[25] Даллес А. Асы шпионажа / Пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М., 2004. С. 270.

[26] Токмаков В.Н. Структура и боевое построение римского войска Ранней республики // ВДИ. 1995. № 4. С. 154.

[27] Schallmayer E. Die Saalburg und die Römer // Hessen. Geschihte und Politik. Herausgegeben von Bernd Heidenreich und Klaus Böhme. Stuttgart, 2000. S. 24.

[28] Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia. A history of the Middle Danube provinces of the Roman empire. London, 1974. P. 234.

ком провинции или легионными легатами[29]. Они должны были сообщать о том, что происходит на вверенном им участке границы[30].

8. Выявление и уничтожение вражеских разведчиков.

Греко-римская военная теория выработала некоторые важнейшие принципы организации разведывательной службы: непрерывность поступления данных, обязательность их сопоставлений и взаимопроверки, разнообразие источников информации. В деле обезвреживания неприятельских лазутчиков ей не было равных. Основные способы выявления шпионов были следующими: тщательный допрос подозрительных пленных (*Amm. Marc.* XVIII. 6. 16); разработка условных знаков (*Mauricius*. Strat. IX, 5); организация контрольно-пропускных пунктов по периметру лагеря (*Onasand.* X. 4; *Polyaen.* III. 13. 1); периодическое оглашение воинам приказа днем войти в свои палатки, чтобы шпион оказался на виду (*Veget.* III. 26); использование собак, предназначенных для ночной охоты, которые должны на далеком расстоянии обнаружить лазутчика из вражеского стана или перебежчика (*Aen.* XXII. 14; *Veget.* IV. 26; *Polyaen.* II. 25); установка на дорогах ловушек, рвов и заграждений (*Polyaen.* V. 33. 1).

Пойманных разведчиков обычно казнили. Однако бывали случаи, когда их отпускали невредимыми. Публий Валерий Левин, захватив лазутчиков Пирра, приказал провести их по лагерю, показать все войско и затем освободить их, чтобы они сообщили Пирру, каким образом обстоят дела у римлян (*Eutr.* II. 11. 2). Сципион, обнаружив троих шпионов Ганнибала у себя в лагере, приказал показать им все войско и, более того, обеспечив деньгами и провожатыми, отпустил (*Polyb.* XV. 5; *App.* Liv. VII. 39). Подобные решения объяснялись тем, что полководцы, чувствовавшие превосходство над врагом, стремились деморализовать его уверенностью в непобедимости и показной мощью своего войска (*Herod.* VII. 146-147; *Onasand.* X. 3; *Mauricius*. VIII. B 29). Захваченных в плен разведчиков Вителлия открыто водили по лагерю флавианцев, а после – показательно отпустили. Чтобы они своими известиями не смутили воинов, уже сам Вителлий тайно допросил их, а потом казнил (*Tac.* Hist. III. 54).

9. Шифровка и кодирование информации.

Известие могли перехватить лазутчики или выследившие гонца враги. Для защиты от такой формы шпионажа существовали самые разные уловки. Грекам было хорошо известно искусство шифра, которое у них заимствовали римляне[31]. Один из наиболее известных способов – применявшихся спартиатами тайнопись скитала (*Plut.* Lys. 19; Artax. 6; *Gell.* N. A. XVII. 9). Были и другие хитроумные приспособления, призванные зашифровать послание, но все они – по крайней мере, в классическую эпоху – оставались изолированными случаями[32]. Большинство их приводится Геродотом, часто в контексте того, что некий грек, находясь в руках у персов, хочет передать послание в свой родной полис (*Herod.* VII. 239). Но в классическую эпоху еще не существует по-настоящему зашифрованных донесений, для которых отправитель и адресат вырабатывают общий код, применяющийся и при написании, и при дешифровке[33]. Только Эней Тактик приводит несколько примеров тайной передачи информации (*Aen.* XXXI. 1-32).

Римляне во время боевых действий часто использовали почтовых голубей (*Plin.* N.H. X. 110) и ласточек (*Lib.* Ad Mod. 44). Кроме того, письмо могло быть спрятано и тайно переправлено в ножнах меча (*Amm. Marc.* XVIII. 6. 17), зашито в пояс или тело (*Front.* Str. III.13.2-3). Оперативные данные запечатлевались не только на восковых дощечках (*Herodian.* VII. 6. 5) или папирусе. В некоторых случаях использовался такой материал, как свежесодранная кора (*Plin.* N.H. XVI. 35) или даже шляпка гриба (*Dio Cass.* LXVIII. 8. 1). Публий Овидий Назон советует для негласных посланий применять вместо чернил свежее молоко или сок льна. Слова проявляются, если посыпать дощечку угольным порошком (*Ovid.* Ars am. III. 620-630).

---

[29] Schreiber H. Auf Römerstraßen durch Europa. München, 1985. S. 294.

[30] Ezov A. The Numeri exploratorum in the German Provincer and Raetia // Klio. 1997. № 79. S. 171; Rankov N.B. Die Beneficiarier in den literarischen und papyrologischen Texten // Der römische Weihebezirk von Osterburken II. Kolloquium 1990 und paläobotanische-osteologische Untersuchungen. Stuttgart, 1994. S. 219-232.

[31] Роуан Р.У. Очерки секретной службы. Из истории разведки. М., 2003. С. 6.

[32] Hunt A.S. A Greek Cryptogram // Proceedings of the British Academy. 15(1929). P. 127-134.

[33] Куле К. СМИ в Древней Греции / Пер. с франц. С.В. Кулланды. М., 2004. С. 160-161.

В источниках встречаются несколько примеров использования криптографии. Светоний пишет, что видел письма Гая Юлия Цезаря, в которых буквы менялись так, что не складывалось ни одного слова. Чтобы разобрать их, нужно было читать всякий раз четвертую букву вместо первой (*Suet*. Caes. 56. 6). Его преемник Август менял первую букву на вторую (*Suet*. Aug. 88. 1). Любопытно замечание Диона Кассия о том, что Меценат изобрел некую систему символов для скорописи, которая могла использоваться для шифровки секретных посланий (*Dio Cass*. LV. 7. 6). Император Тит сам был неплохим стенографистом (*Suet*. Tit. 3. 2). В кратких списках, содержащих имена легионеров, были у римлян соответствующие знаки, с помощью которых они отслеживали, сколько воинов выжило в битве и сколько погибло. Знак Т (тау) с веточками сверху буквы, обозначал имя выжившего, а Θ (тхета) приписывалась к имени каждого умершего. Когда же хотели обозначить неопытность воина, то использовали букву Λ (лямбда), Также и при начислении выплат имелось множество соответствующих знаков (*Isidor*. Etymol. I. 24. 1-2).

Отдельный интерес представляет римская сигнальная система, также сходная с греческой (*Herod*. VII. 183; IX. 3; *Thuc*. II.94.1; III.80.2; IV.42.4; *Xen*. Hell. V.1.8; VI.2.33-34). Хорошие коммуникации имели большое значение для эффективного ведения военных операций. Они проходили на двух уровнях, стратегическом и тактическом, хотя различие могло быть стертым[34]. Полибий оставил нам точное описание одного факельного приема, изобретенного александрийскими инженерами Клеоксеном и Демоклетом. На каждой станции устраиваются две стены, имеющие по 5 промежутков между зубцами на расстоянии 2 футов один от другого. При помощи факелов, выставляемых в эти промежутки, можно подавать сигналы станции, расположенной напротив (*Polyb*. X. 45-47)[35]. П. Коннолли предположил, что система Полибия могла использоваться римлянами[36]. Цезарь свидетельствует о применении огня и дыма как сигналов (*Caes*. B. G. П. 33; B. Civ. Ш. 65). Судя по Фронтину, это самый распространенный способ передачи информации, особенно ночью (П.5.16). Видимо, он был особенно эффективен на дальних рубежах империи. Например, на рейнском участке лимеса или валу Адриана в Британии.

Простая форма сигнальной коммуникации употреблялась, конечно, и на поле боя[37]. Вегеций выделяет три вида сигналов: словесные (пароль), звуковые (даются трубачом, горнистом или на рожке) и немые (III. 5). Аппиан рассказывает о знаках красными знаменами[38] при осаде Сципионом Младшим Нуманции (*App*. Hisp. 90). Исидор Севильский писал, что есть некоторые знаки, производимые пальцами и глазами, с помощью которых общаются немые и все люди, находящиеся на большом расстоянии. «Такой же обычай есть и у военных, поскольку они договорились передавать жестами рук то, что невозможно передать голосом. Иначе они, когда голосом не могут, салютуют движением меча[39]» (*Isidor*. Etymol. I. 26. 1. Пер. Л.А. Харитонова). У Аммиана Марцеллина зафиксирован другой знак: «Протянув вперед руку, скрутив концы плаща и подняв их вверх, я подавал условный знак, что неприятель близко» (*Amm. Marc*. XVIII. 6. 13).

Таким образом, римская контрразведывательная деятельность включала все активные и пассивные меры, осуществляемые политической властью вместе с военным командованием в целях борьбы против разведок других государств (Карфаген, Парфия, Персия). Она обеспечивала безопасность информации, объектов и лиц, имевших секретный характер. В задачи контрразведки входило также пресечение подрывной деятельности, проводившейся нелояльными элементами внутри империи и на контролируемых ею территориях. При этом нужно отметить отсутствие центрального военного разведочного органа на всем протяжении истории Рима[40]. Это не могло не сказаться на качестве контрразведки, которая, тем не менее, достигла определенных успехов. Наблюдение за иностранцами, строгий дипломатический протокол, контроль за приграничной зоной, коди-

---

[34] Donaldson G.H. Signalling communications and the Roman imperial army // Britannia. Vol. 19. 1988. P. 349.

[35] Дильс Г. Античная техника / Пер. с нем. М.Е. Сергеенко и П.Т. Забаринского. М-Л., 1934. С. 80.

[36] Connolly P. Greece and Rome at War. London, 1981. P. 275-276.

[37] Голыженков И.А. Армия императорского Рима. I-II вв. н.э. М., 2000. С. 8.

[38] О «vexillum rubrum» см. Герье В.И. История римского народа. М., 2002. С. 128-129.

[39] У греков в качестве сигнала использовалась обычно пельта (легкий щит), поднятая на копье (Herod. VI.115, 124; Polyaen., I.45.2; III.9.27).

[40] Austin N., Rankov N.B. Exploratio. Military and political Jntelligence in The Roman World. London, 1995. P. 135.

рование важнейших донесений – способствовали образованию некого занавеса, скрывавшего подлинные интересы государства от посторонних глаз. В то же время, ограничение посвященных в планы узким кругом лиц, манипулирование внутренними врагами через дезинформацию, оперативность в деле принятия важнейших решений, слежка за настроениями внутри гражданского коллектива и солдатской массы составляли комплекс мероприятий по предотвращению смут и политических катаклизмов. Следует провести различие периодов Республики и Империи в плане некоторых особенностей организации контрразведки. Начиная с эпохи Принципата, это, во-первых, наличие персоны императора, самого осведомленного лица в государстве, планы которого, до их исполнения, должны были находиться «за семью печатями»[41]. Во-вторых, более сложная система приграничного охранения, которая складывалась вместе со строительством лимеса с середины I в. н.э[42]. В-третьих, разветвленная система тайной полиции для контроля за населением и, что важнее, управленческим аппаратом.

THE ROMAN MILITARY COUNTERSPIONAGE

E.S. DANILOV

The Yaroslavl state university of Demidov

The antique military tradition is one of priority themes in a historiography. The huge quantity of the works which have been written by researchers from different countries, treats the various problems concerning army of ancient Rome most carefully. However one of them is the organization of military investigation, it have not a worthy place among these researches. Article is devoted to counterprospecting activity during Republic and Empire. Questions of military tactics, the international attitudes and internal policy of the Roman state are mentioned.

Keywords: Roman empire, counterspionage, privacy.

[41] Планы императора, видимо, были лучше защищены от утечки информации, так как обсуждались в более узком кругу, чем сенат - consilium principis (Suet. Aug. 35. 3; Dio Cass. LVI. 28. 2-3). О возможности разглашения решений сената до их окончательного принятия намекали Плутарх (De garr. 11) и Авл Геллий (N.A. I. 23). А Юлий Капитолин прямо пишет о случае, когда копия тайного постановления сената (senatus consultum tacitum), в котором Гордианы были провозглашены императорами, тут же попало в руки Максимина (SHA. Gord. tres. XIII. 1).

[42] См.: Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха раннего принципата). Пермь, 1999. С. 46-47; Лазарев С.А. Военная организация Римской империи в IV в. н.э. (от Диоклетиана до Феодосия) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1986. С. 15-16.

УДК 94(363.6); 94(495).01

БОСПОР И ГОТЫ В КОНЦЕ IV-VI ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОВЛИЯНИЙ

М.Л. РЯБЦЕВА

Белгородский государственный университет
e-mail: ryabtseva@bsu.edu.ru

В статье, на основе анализа письменных источников и нового археологического материала, предпринято выделение хронологических и территориальных пластов готского присутствия на Боспоре гуннского времени. Хронологические: 1) времени готских походов кон. III в.; 2) времени усиления и гибели «державы Германариха» - кон. IV – нач. V вв.; 3) дунайский пласт V в.; 4) дунайские и провинциально-византийские VI в. Территориальные: 1) некрополь Пантикапея (германские вещи); 2) западное пограничье Европейского Боспора по Узунларскому валу (северный и южный участки); 3) район Китея (некрополь Джург-Оба); 4) район к юго-востоку от Горгиппии (некрополь Дюрсо); 5) поздний Танаис. Большая часть этих территорий находится близ границ Боспора с внешней стороны. Готы в данное время несли охрану границ Боспора как квазифедераты. Факт же присутствия их на территории собственно Боспора (Пантикапей, Китей) нуждается в дополнительном исследовании. Вряд ли это «Страна Дори на Боспоре», скорее – кондиоминиум, известный еще с боспоро-скифской эпохи.

Ключевые слова: готы, Боспор, некрополь, фибула, погребение, граница

В данной работе мы сделаем попытку представить основные историко-хронологические периоды присутствия готов на территории Боспора позднеантичного времени, историко-географические области их расселения с учетом специфических черт их материальной культуры, а также готское влияние на материальную культуру Боспора и наоборот.

Хронологически можно выделить несколько этапов германского влияния на Боспоре. Первый по времени (хронологически выходящий за рамки нашей темы и изученный в работах В.В. Лаврова и др.) пласт германских вещей на Боспоре связан с «воинством Меотиды» эпохи «готских походов» 3-й четверти III в. (бораны и герулы – племена готского круга). Видимо, часть варваров, которые уцелели после этих походов, осела в Восточном Крыму на хоре Приазовья. А.А. Масленников полагает, что готы (в широком контексте) осели на данной территории с конца III в. до 325 года[1]. На Европейском Боспоре археологические материалы, связанные с германцами, напавшими на Боспор в 3-й четв. III в., малочисленны: это характерная для вельбарской культуры декорированная кольцами двучленная подвязная фибула, черняховские подвязные фибулы, гребни и керамические сосуды 2-й пол. III - IV вв.[2]. В слоях пожара в Танаисе III в. было обнаружено 3 умбона щита типа Хорула.

С наступлением гуннской эпохи, к концу периода C_3 по европейской хронологии (370/380 гг.), поток германских вещей (фибулы, гребни) начинает попадать в погребения столичной боспорской знати (Новиковский склеп, могила 175/1904, две могилы 24.06.1904 и др.). Фибулы обтянуты золотой фольгой и украшены гранатами, их явно изготовили для представительниц германской аристократии. Таким образом, по мнению М. Казанского, часть германцев вошла в ряды правящей верхушки Боспора. Это случилось в эпоху расцвета «державы Германариха» или сразу после ее сокрушения гуннами (часть готов могла укрыться на Боспоре).

В истории Боспора V – 1-й пол. VI вв. оставшиеся на его территории (и близ нее) готы, в это время бывшие уже христианами, сыграли заметную роль. Прокопий (Bello Goth. VIII, 4) сообщает о том, что готы-тетракситы, «соблюдающие христианский закон»,

---

[1] Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 43.

[2] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV-XIII века / Археология. М., 2003. С. 12-13.

жили у устья Меотиды в Крыму. Их археологический контекст образует второй хронологический пласт – самый обширный и сложный.

Эти готы-земледельцы могли быть тесно связаны с городом Боспором, стали как бы его сельским пригородом (проастием) и, вероятно, хоронили своих покойников на городском некрополе, где имеется немало германских вещей. Может быть, перед нами пример своеобразного сращивания рустифицированного города с его сельской округой, отсюда - широкое проникновение в город окрестных земледельцев и заимствование горожанами их обычаев и даже внешнего облика[3]. Наличие у тетракситов собственного епископа не противоречит такой гипотезе, так как готы должны были составлять особую этноконфессиональную единицу, пусть даже и на территории Боспорского государства. Этот своеобразный симбиоз хорошо соответствует концепции политического кондомиониума, предложенного С.Б. Сорочаном для более поздней византийско-хазарской эпохи, но этот «боспорский феномен», Греко-варварский симбиоз на одной территории, был присущ Боспору едва ли не изначально, со скифских времен.

Территориально можно выделить ряд районов с готским присутствием (в пределах второго хронологического периода).

1) В составе населения восстановленного позднего Танаиса уже в IV в., несомненно, присутствовали носители черняховской культуры, о чем говорит керамический материал, западная ориентация покойников, орнаменты и т.п.[4]. Так, у станицы Синявки близ Танаиса обнаружено погребение с парой больших пластинчатых фибул «готского» типа. Город в свой последний период существовал (как постантичный центр) до сер. V в.

2) В Крымском Приазовье (северный берег Керченского п-ова) прослеживается присутствие готов в V в. Это район вблизи Казантипского залива. Определенное пограничье здесь подтверждается отсутствием позднеантичных поселений к западу от современного села Золотое. В частности, на некрополях Крымского Приазовья в целом в небольшой степени представлены вещи, которые можно интерпретировать как германские. Так, обращает на себя внимание склеп № 23/11 некрополя Сиреневая бухта (сероглиняная керамика с залощенной поверхностью и геометрическим орнаментом, кувшин с зооморфной ручкой, перстень с сердоликовой вставкой, наличие медных пряжек и фибул). Некрополь Нижнее-Заморское существует до 2-й пол. V в. включительно; его погребальный обряд близок позднебоспорскому, но связан, скорее всего, с готами[5].

3) Третий район – к юго-западу от Горгиппии – могильник Дюрсо и прилегающие территории анапско-геленжикского побережья.

4) Готские вещи данного времени, как уже отмечено выше, присутствуют в погребениях некрополя Пантикапея-Боспора («феномен Госпитальной улицы» и др.).

5) Район Китея – некрополь Джург-Оба (открытия последних лет).

Отдельные германские вещи найдены также в погребениях Восточного некрополя Фанагории (работы 2005 г.). Это период D1 по европейской хронологии (конец IV - первые десятилетия V вв.) – пара пластинчатых фибул из погребения 30[6]. Однако, делать какие-либо выводы на этом основании было бы преждевременно.

В I пол. V в. на Боспоре появились германские вещи дунайского происхождения: фибулы с треугольной головкой типа Ваюга (из Керчи), большие двупластинчатые фибулы типа Амброз (в том числе, с накладками в виде пальметки), пряжки с тисненым декором, серьги с многогранником. В данный же период на Боспоре, особенно в Пантикапее, в среде знати распространился обычай ношения германского женского костюма эпохи переселения народов. Парными двупластинчатыми фибулами еще в IV веке застегивали одежду на плечах представительницы черняховской культуры. В Керчи погребения с парой одинаковых фибул датируются первой половиной V века (склепы 154, погребения 2,

---

[3] Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник (БС). 1. М., 1992. С. 86-87; Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990. С. 56.

[4] Арсеньева Т.Н. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н.э. // Краткие сообщения Ин-та археологии АН (КСИА). 168. 1981. С. 151; Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 43; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 329.

[5] Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. С. 45.

[6] Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен. I. СПб., 2007. С. 227.

165; погребения 1, 3 и 10; могила 22 некрополя Заморское)[7]. Это третий поток германских вещей, которые по европейской хронологии входят в период $Д_2$ (380/400-440/450)[8].

Политические связи Подунавья с Крымом не зафиксированы письменными источниками, но в эпоху гуннского владычества они, безусловно, существовали, что отражено в археологическом материале[9]. Видимо, значительная часть восточно-германских вещей попала в Северное Причерноморье в результате миграции отдельных групп дунайских варваров[10].

По мнению М. Казанского, археологически подтверждается рассказ Иордана о переселении с гуннами-утигурами, после битвы при Недао 454 г. и окончательного распада гуннского объединения 469 г., германцев-ангискиров с Дуная в Причерноморье. На Боспоре найдены пряжки периода $Д_3$, фибулы типа Братеи-Вышков и Прша-Левице, большие двупластинчатые фибулы типа Смолин, характерные для костюма дунайской знати. Эти германские группы не были многочисленными, но среди них были представители знати.

Источник происхождения готов-тетракситов, упоминаемых в письменных источниках V-VI вв., связывается с Чатыр-Дагом. Не позднее середины IV в. готы из Чатыр-Дага (некрополь, существовавший с эпохи походов III в. в Алуштинской долине)[11], по неясным причинам, уходят оттуда[12]. С ними исчезает и обряд кремации. В V в. на Чатыр-Даге зафиксированы лишь слабые следы посещений. Остается неясным направление этого ухода. Предположить можно, что часть готов могла уйти на территорию европейского Боспора (в том числе и в столицу), а далее перебраться на территорию азиатского Боспора. Может быть, также, что некоторая группа германцев перебралась на территорию Юго-Западного Крыма. Основанная же чисто умозрительно связь Чатыр-Дага как Столовой горы (Трапедза) и трапезитов-тетракситов Тамани V-VI вв. хронологически нереальна.

В последнее время было обращено внимание на более раннее, чем после битвы при Недао и распада Гуннской державы, переселение части гуннов в Крым. По сведениям Прокопия (VIII, 5), которые ранее считали ошибочными, это происходило в 30-е гг. V в.[13]. А.Л. Ермолин на этой основе предложил новую конкретную историко-топографическую реконструкцию этих событий[14] на местности (незащищенный участок между северным концом Узунларского вала и заливом). Продвижение гуннов в это время может быть связано лишь с усилением гуннского союза после смерти Руа в 434 г. и прихода к власти Аттилы и Бледы. К этому времени относится расширение гуннского влияния, оформление их ставки и потестарного центра в Паннонии и, возможно, обеспечение тылов, каковым в то время был Боспор (как и вся Таврика).

В 1-й пол. V в. готы-тетракситы были единственной реальной силой, способной остановить гуннов на пути к керченским переправам. Речь в данном случае, видимо, идет о тех готах, которые остались здесь после «великих готских» походов. Они, как было указано выше, обитали в данное время на северо-западных рубежах Боспора у Казантипского залива, а, возможно, также и в столице. И.С. Пиоро, А.А. Масленников и М.Б. Щукин предположили, что здесь, в Крымском Приазовье Боспора, еще с конца III в. были поселены малоазийские пленники (хотя ряд авторов полагает, что они добровольно покинули территорию Малой Азии, где для них существовали более тяжелые условия проживания)

---

[7] Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С.205-207.

[8] Казанский М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 280.

[9] Гавритухин И.О. Причерноморская серия фибул групп Левице-Токари // БС. 4. М., 1994. С. 37.

[10] Казанский М. Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V – VI вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Симферополь, 1994. С.24.

[11] Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. С. 186. Авторы связывают уход готов с боспоро-херсонесскими войнами, описанными Константином Багрянородным.

[12] Мыц В.Л. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 77-79; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 81.

[13] Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 453-454.

[14] Ермолин А.Л. Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора (ДБ). 9. 2006. С. 90-93.

готов из района Трапезунта Понтийского (этимологическая связь). Именно с выходцами из Малой Азии связывают появление грунтовых склепов простой конструкции, аналогии которых имеются на ряде погребений Крымского Приазовья, Китея, склепов Госпитальной улицы Керчи, могильника Дюрсо. В Приазовье же в IV в. могли частично уйти германцы с Чатыр-Дага, о чем мы уже упоминали. Этимология действительно позволяет связать эти феномены, однако, М.Б. Щукин допускает ряд натяжек. Как уже отмечалось, между Боспором и готами в этом районе есть вполне четкое пограничье. Так что готы, встретившие гуннов в 430-е гг. за пределами Боспора, могли собраться из разных мест, но в любом случае в этих событиях не участвовало собственно боспорское население из Крымского Приазовья. Объяснить это можно лишь тем, что готы (старые враги гуннов с 370-х гг.) были квази-федератами (*энспондой*) Боспора, защищавшими его границы. По мнению В.Ю. Юрочкина, этот порядок был установлен в эпоху императора Константина после ряда боспоро-херсонесских войн[15].

Письменные источники (Anon. PPE. 63; Procop. BG IV. 5. 5-7)[16] свидетельствуют о присутствии германцев на близлежащей к Тамани части Северного Кавказа, юго-восточнее боспорских окраин. Древности готов-тетракситов здесь - это могильники Дюрсо, Бжид-1, Мысхако. Украшения бесспорно германского происхождения известны здесь с рубежа IV-V вв. Это вещи черняховского типа. В могильнике у реки Дюрсо исследовано 480 погребений. Есть два обряда. Черепа деформированы. Инвентарь на раннем этапе – позднеантичное стекло, краснолаковые миски и блюда, кувшины и миски, детали одежды, украшения, орудия труда, монеты, золотые украшения, бляшки поясного набора. Есть конские захоронения, оружие[17]. О.А. Гей и И.А. Бажан отмечают, что ранние комплексы из Дюрсо синхронизируются с комплексами из Цебельды. Двупластинчатая фибула с накладками из погребения № 300 – близкая аналогия фибулам Западной и Центральной Европы, которые имели хождение в период $Д_{2в}$ (420/430-440/450 гг.)[18]. Здесь, на анапско-геленджикском побережье складывается локальная микрозона, населенная готами[19]. Таким образом, готы, увлеченные на восток утигурами, шли на уже частично освоенное их черняховскими предшественниками место[20].

Уже упоминалось о том, что западный рубеж Боспора защищался в IV-V вв. Узунларским валом. Южный его участок в IV в. оборонялся с участием германцев. Доказательством этому служит руническая надпись IV в., обнаруженная на горе Опук. После 375 г. «держава Германариха» распалась, и оставление подобного памятника германцами в это время становится маловероятным[21] Таким образом, расселение германцев по западной границе Боспора (и за ней) не вызывает сомнений и на южном участке. Цитадель на Опуке существует до начала VI в., однако выделение германских вещей в материальной культуре последнего периода пока невозможно в силу отсутствия систематических исследований.

Один из наиболее перспективных районов для изучения боспорско-готского взаимодействия конца IV – VI вв. – это Китей, город на юго-востоке Керченского полуострова у входа в Керченский пролив. Здесь известны еще с 1920-х гг. «склепы Марти» (находящиеся на этом же участке) со смешанной позднебоспорской материальной культурой (IV

---

[15] Юрочкин В.Ю. Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. Керчь. 2000. С. 130-131.

[16] Прокопий, как и другие византийские авторы, смешивает тетракситов с древними скифами, «живущими тут с древних времен» (архаизация топонима – византийский топос). Бибиков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С.30-31.

[17] Дмитриев А.В. Раннесредневековый могильник на р. Дюрсо близ Новороссийска // Новейшие открытия советских археологов. Ч.3. К., 1975. С.109-110; Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах (ИАА). 4. М.-Армавир, 1998. С. 102-135.

[18] Гей О.А., Бажан И.А. хронология эпохи «готских походов» (на территории Европы и Кавказа). М., 1997. С.27.

[19] Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 52-53; Піоро І.С. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. 2000. № 3. С. 22; Малышев А.А. Захоронения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // ИАА. 1. М.-Армавир, 1995. С. 148-153.

[20] Щукин М.Б. Готский путь. С. 457.

[21] Хлевов А.А. Об историко-культурной интерпретации керченских рун // Херсонесский сборник. 11: ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ (Памяти Ю.Г. Виноградова). Севастополь, 2001. С. 173.

в.). А.Л. Ермолиным и В.Ю. Юрочкиным дана новая интерпретация изображения «креста в круге», который был обнаружен еще Ю.Ю. Марти в одном из склепов. Крест равноконечный, что было характерно для Боспора византийской эпохи, но не для первой половины IV века. Исследователи связывают данное изображение с символом Одина[22]. Более того, он имеет сходство с надписью, найденной на горе Опук.

Недавно появилось предположение А.Л. Ермолина[23] о том, что на Европейском Боспоре, между Узунларским валом и Тиритакским валом, возникла «первая страна Дори», заселенная готами (наряду с боспорянами), и лишь после столкновения с гуннами в 430-е гг. готский пласт оказался рассеченным надвое – тетракситы ушли на Тамань, вторая часть – на Мангуп и окрестности, а третья осталась на месте до нашествия тюркютов в 576 г. Эта версия опирается на результаты работ 2005-2007 гг. на некрополе Джург-Оба к северу от Китея[24]. Здесь были открыты грунтовые склепы и погребения V в., в том числе, с оружием и с деталями женского костюма готского круга. Находки действительно выразительные, особенно погребение «готской принцессы» 2007 г.[25] Но локализовать на указанном основании целую страну Дори на Европейском Боспоре, видимо, пока еще преждевременно. Присутствие готов близ Китея говорит лишь об их участии в обороне данной микрозоны. На самом Китейском городище материальная культура и строительные традиции в V-VI вв. остаются прежними, позднеантичными[26].

Таким образом, можно говорить о двух районах на территории непосредственно Боспора, где в V в. проживали готы – это Китей (Джург-Оба) и столица Пантикапей-Боспор (или близ него). Два района локализуются на границах и за границами Боспора (к западу от Узунларского вала и к востоку от Горгиппии – Дюрсо). Район Танаиса в состав Боспора фактически в это время не входил.

Анализ германского материала Крыма и Приазовья показывает различное этнокультурное происхождение понтийских германцев[27], объединяемых в «готский круг»: среди них на начальном этапе преобладают носители черняховских культурных традиций, далее – дунайские, причем есть и отдельные «иные германские» влияния – герульские для раннего этапа, а на Ай-Тодоре (Южный берег) есть даже норвежские.

Вызывает интерес процесс культурного влияния греков на готов. Пальметки – варварская переделка античной каймы, часто украшавшей ювелирные изделия III-V вв., и уже в IV в. усвоенной мастерами в южной части области черняховской культуры. Во 2-й пол. V в. германцы переработали центральные композиции: античные грифоны заменены орлами, диски и лица божеств – головами зверя (фибулы с накладками)[28]. Это отра-

---

[22] Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси: проблемы, поиски, открытия. Севастополь, 2001. С. 85-91.

[23] Ермолін О.Л. Χωρα Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краезнавчий збірник. Вип. X. Дрогобич, 2006. С. 45-51; Ермолін О.Л. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році // Там же. С. 11-44 и др. Отметим, однако, что впервые эта идея была высказана И.А. Барановым относительно Восточного Крыма и Тамани. См.: Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР в 3-х тт. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 3. С. 233.

[24] Автор принимала участие в работах экспедиции А.Л. Ермолина в сезоне 2006 г.

[25] Ермолин А.Л. Богатое женское погребение некрополя Джург-Оба / Доклад на Международной научной конференции «Боспорский феномен». СПб., 27 ноября 2007 г.

[26] Молев Е.А., Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища (раскопки 2005-2006 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 219-225. В готовящейся к печати книге С.В. Ушакова проанализированы различные точки зрения и сделан следующий вывод, соответствующий общепринятым: «Страна Дори, населенная германцами-готами, располагалась в горном Юго-Западном Крыму. Она, вероятно, имела небольшой выход к морю» (Ушаков С.В. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму на рубеже античности и средневековья (III - середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции. Севастополь, 2007. С. 94 (в печати).

[27] Kazanski M. Les Goths. P., 1991. P. 118-128; Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования (БИ). XI. Симферополь-Керчь, 2006. С. 194-251.

[28] Амброз А.К. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов. М.,1982. С.108.

жает процесс роста собственно варварских элементов в готской культуре и оттеснения на второй план элементов, заимствованных у греков.

Новый поток готского влияния на Боспор (четвертый хронологический период и соответствующий ему пласт материальной культуры) прослеживается с 1 четв. VI века, представленный готами-федератами («испанские полки» готов, по Прокопию) на службе у Византии, пришедшими с 530-х гг. (Ильичевское городище на Киммериде; провинциально-византийский стиль). В это же время по-прежнему ощущаются интенсивные связи и взаимовлияния с Дунайским регионом. В столице широкое хождение получает женский германский костюм с парой гепидских пальчатых фибул и широким поясом с орлиноголовой пряжкой[29]. Это подтверждают данные северной части керченского некрополя.

Взаимоотношения Боспора и готов в V-VI вв., видимо, принесут в ближайшие годы еще немало открытий. Исследования последних лет, породившие ряд интересных идей и гипотез, нуждаются в продолжении и углублении.

BOSPORUS AND GOTHES AT LATE IV - VI AD: PROBLEMS OF RELATIONS AND INTERACTIONS

M.L. RYABTSEVA

Belgorod State University
e-mail:
ryabtseva@bsu.edu.ru

In this article, on a basic of analysis writing sources and new archaeological materials, undertake a escape of chronological and territorial layers of Gotthic presence in Bosporus of Hunn epoch. Chronological: 1) a time of «Gothic raids» last III AD; 2) a time of domination and fell of «Germanarix' State» - late IV – early V AD; 3) influence from Danubius V AD.; 3) Danubian and provinciai-byzantine style VI AD. Territorial: 1) necropolis of Panticapaion (German things); 2) a west part of border European Bosporus on Uzunlar Wall (North and South parts); 3) Cytaion-town (necropolis Jourg-Oba); 4) region to south-east from Gorgippia (necropolis D'urso); 5) Late Tanais. More part of it are situated near the borders of Bosporus outside. The Gothes at this time were customers of Bosporus' borders as quasi-federates. A fact of it presence on a territory of Bosporus (Panticapaion, Cytaion) wanted in addition research. Doubtfully «Country Dory on Bosporus» was more probably a Condominium, known from time of Scythes on Bosporus.

Key words: Gothes, Bosporus, necropolis, phibulas, tomb, border.

[29] Весной 2007 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина проходила выставка «Эпоха Меровингов», где были широко представлены германские древности эпохи Великого переселения, в том числе и с Боспора. Каталог готовится к печати.

УДК 9(517.3):930.1

СОВРЕМЕННАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ

О.Н. ПУШЕЧНИКОВА

Иркутский государственный университет, e-mail: olga82_06@mail.ru

Проблема становления монгольской независимости занимает значительное место в востоковедных исследованиях. Это связано со сложной международной обстановкой, которая сложилась вокруг Монголии в начале XX в. Данная статья представляет анализ изучения данного вопроса монгольскими историками в течение XX – начала XXI веков. На протяжении существования данной темы было опубликовано большое количество работ. Взгляды и оценки ученых менялись. В середине XX в., с развитием мирового коммунистического движения, историография находит идеологическое обоснование. Отсюда неслучайно, что большинство авторов этого периода привлекают темы монгольской революции 1921 г. и российско-монгольских отношений. Современные монгольские ученые также обращают внимание на события вековой давности, связанные с проблемой становления независимости Монголии. Исследователям стали доступными ранее неизвестные документы, в результате чего проблема монгольской независимости вновь актуальна сегодня.

Ключевые слова: историография, независимость, Синьхайская революция, международные отношения.

С момента своего образования древнейшее государство Центральной Азии Монголия прошло восьмивековой путь развития. На протяжении столетий правители, начиная с Чингисхана, осуществляли активную внешнюю политику по присоединению соседних территорий. Однако, пережив мощный подъём и закрепив за собой статус империи, Монголия в середине XVII в. лишилась своей независимости, попав под влияние более мощной на тот период китайской империи Цин. Собственно с этого момента монгольский народ начинает борьбу за суверенитет, пик которой приходится на начало XX в. В 1911 г. в Китае произошла Синьхайская революция, которая привела к распаду Цинской империи. Данное событие дало толчок к подъему национально-освободительного движения во всех ранее входивших в состав империи государственных образованиях и, в первую очередь, в Монголии.

Стоит отметить, что процесс национально-освободительного движения в Монголии был долог и мучителен. И связано это не столько с самим характером происходивших событий, сколько со сложной международной обстановкой, сложившейся вокруг данной ситуации, а именно с позицией обозначившихся участников событий – Монголии, Китая и России. Оказавшись вовлеченными в процесс становления независимости Монголии, стороны долго не могли найти компромиссного решения о статусе этого государства.

Все перечисленные факторы определяют значительный интерес исторической науки к обозначенной проблематике на протяжении XX и начала XXI веков. В силу территориальной близости России и Монголии, а также переплетения исторических судеб двух государств, проблема монгольского суверенитета широко представлена в российской исторической науке. Большое количество работ можно встретить у западных исследователей. В данной же статье представляется интересным проследить развитие национальной (монгольской) историографии, поскольку данный срез рассмотрения проблемы в исследованиях представлен в меньшей степени.

Работы монгольских историков по проблемам суверенитета достаточно широко представлены в российских библиотеках – это труды, публикуемые непосредственно на монгольском языке, переведенные книги и труды, которые монгольские авторы писали на русском языке.

Проводя анализ непосредственно монгольской историографии, считаем целесообразным выделить два периода изучения проблем национальной независимости: труды, вышедшие после 1917 г. и современный этап, охватывающий конец 90-х годов XX в. – настоящий день. Хронологическим критерием выступает изменение подходов авторов в рассмотрении истории становления суверенного Монгольского государства. Автор ставит следующие цели:

• обозначить авторов и их работы по проблеме монгольской независимости в указанные периоды, отмечая монографические исследования и публикации в научной периодической печати;

• определить основные принципы в подходах авторов двух поколений к изучению указанной проблемы, выявить основные (критерии) различий;

• обозначить тематические аспекты истории становления монгольской независимости и, соответственно, позиции авторов в освещении данных вопросов на разных этапах, особенно начиная с 90-х гг. XX в.

Как уже было отмечено, переломным моментом для монгольского народа стал 1911 г. – Синьхайская революция в Китае, которая положила начало национальному движению монголов за суверенный статус. Собственно с этого момента встает вопрос о независимости, и естественным образом возникает необходимость его изучать. Следует признать, что история Монголии после 1911 г. изучалась главным образом ее «соседями» - российскими и китайскими учеными. Среди монгольской интеллигенции на тот момент историческая наука была представлена слабо.

Первые значительные работы появились уже после II Мировой войны. Приоритетными для рассмотрения были вопросы, касающиеся мирового революционного движения и становления в Монголии социализма. Последнее виделось гарантом государственного суверенитета. Особое место в исследованиях заняла монгольская революция 1921 г., которая рассматривалась как отправная точка истории нового государства – Монгольской Народной Республики. По мысли ученых, эта революция была прямым следствием Великого Октября, отчего особое звучание получают проблемы советско-монгольских отношений. Данная тематика широко представлена в трудах Д. Гомбожава[1], Д. Дашжамца[2], Б. Лхамсурэна[3], Ш. Нацагдоржа[4], Ш. Сандага[5], Б. Тудэва[6].

На наш взгляд, роль Советского Союза в судьбе Монголии особенно подчеркивалась в вышедшей в 1983 г. коллективной монографии «Боевое содружество: О советско-монгольском боевом содружестве»[7]. Авторами выступили монгольский историк Ж. Балжинням и российский исследователь П.А. Жилин. Термин «боевое содружество» неслучаен. Авторы не просто отмечают дружественный характер отношений советского и монгольского народов на протяжении всего XX в., но указывают на происхождение этой дружбы. По их мнению, она зародилась в 20-х годах прошлого столетия в результате совместной борьбы с белогвардейскими объединениями, которые действовали как на территории Советской России, так и на территории Монголии под началом барона Унгерна. Впоследствии боевое содружество проявило себя в совместной борьбе с японцами. Российско-монгольское соавторство в данном случае свидетельствует о схожести взглядов двух исторических школ на роль Советской России в судьбе Монголии на данном этапе.

В связи с подчеркиванием исключительной роли сначала России, а затем и СССР в жизни монгольского общества, неслучайно, что именно на этом этапе в монголоведческой литературе, в том числе и среди монгольских авторов, впервые прозвучал термин «некапиталистический путь развития». Дан-

---

[1] Гомбожав Дамдины. Роль экономического сотрудничества в развитии МНР. М.: Экономика, 1969. 112 с.

[2] Дашжамц Д. Распространение и утверждение идей марксизма-ленинизма в Монголии. М.: 1978. 216 с.

[3] Лхамсурэн Б. Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. М.: Политиздат, 1971. 343 с.

[4] Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 122 с.

[5] Сандаг Ш. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни / Под ред. Б. Ширендыба. Улан-Батор, 1966. 144 с.

[6] Тудэв Б. Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1968. 146 с.

[7] Боевое содружество: О советско-монгольском боевом содружестве / Под ред. П.А. Жилина, Ж. Балжинняма. М., 1983.

ное словосочетание применимо к истории большинства азиатских и африканских государств и является составной частью марксистско-ленинской теории мировой революции. Согласно данной теории, «при капитализме уничтожить национальный и политический вообще гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, т.е. ввести социализм»[8], что и будет условием избежать капиталистическую фазу развития общества. Со слов монгольского автора Д. Гомбожава, «опыт МНР показал, что задачи национального и социального освобождения народов могут быть успешно решены лишь при тесном союзе и солидарности с международным движением, что одним из основных условий некапиталистического пути развития ранее отсталых стран является наличие мировой социалистической системы, которая оказывает этим отсталым народам помощь имеющимися в ее распоряжении средствами»[9]. Как видим, термин «отсталый народ», применяемый в отношении монголов, не смущает автора. Развитие Монголии, действительно, виделось всецело зависимым от помощи и позиции «социалистического мира».

Все вышеизложенное позволяет провести черту в определении современного периода монгольской историографии по проблеме независимости. Во-первых, несколько изменился ракурс рассмотрения вопросов. Так, возможности избежать темы советско-монгольских отношений и процесса мирового коммунистического движения на примере Монголии у авторов нет - это часть истории. Но изменить точку зрения в этом плане, и дать, таким образом, более взвешенную разностороннюю оценку событий современным ученым представляется возможным.

И здесь ярким примером выступает С. Дамдинсурэн. Его работа «Монгольская национально-демократическая революция 1921 года и российский фактор»[10] явилась попыткой пересмотреть внутренние и внешние мотивы монгольской революции 1921 г. Автор постулирует: «Тезис об экспорте революции не только снижает роль и значение внутренних факторов, но и ведет к преувеличению роли внешних факторов»[11]. Действительно, не стоит исключать значительной роли России в деле обретения Монголией независимого статуса. Последнее реализовалось, в том числе, посредством мирового революционного движения, где роль российского государства значительна. Но если ранее авторы ограничивались лишь подчеркиванием идеологического влияния на Монголию в мировом революционном процессе, то Дамдинсурэн указал на внутренние важные составные явления. По его мнению, «Октябрьская революция в России, отказ советской власти от царского наследия, денонсирование всех неравноправных договоров и соглашений открыли перед Монголией новые возможности, решив по сути одну из важнейших задач национально-освободительной борьбы»[12].

Во-вторых, изменение подходов привело к расширению тематики рассматриваемых тем. В связи этим особо хочется отметить работу Ц. Батбаяра «Монголия и Япония в первой половине XX века»[13]. Это одна из немногих работ последних лет, поднимающая проблему монгольско-японских отношений в 1-й пол. XX в. Ученый рассматривает самые различные аспекты отношений между странами. В частности, он определяет нити влияния японского правительства на ситуацию в Монголии и критерии заинтересованности последней вовлечь в свою внешнеполитическую деятельность наряду с Россией и Китаем третью державу – Японию. В своей работе Батбаяр основывается на архивных материалах России, Монголии и Японии, что особенно ценно. В целом его работа подчеркивает отход от традиционно рассматриваемых тем, касающихся выявления роли СССР в судьбе соседнего государства.

Другой монгольский учёный Л. Хашбат[14] видит проблему независимости Монголии в комплексном подходе, выделяя в качестве гарантов приобретенного ею международно-правового статуса не только Россию, Китай и Японию, но и такие государства, как США, Анг-

---

[8] Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении // ПСС. Т. 30. С. 22.

[9] Гомбожав Дамдины. Роль экономического сотрудничества в развитии МНР. М.: Экономика, 1969. С. 24.

[10] Дамдинсурэн С. Монгольская национально-демократическая революция 1921 года и российский фактор // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 43-69.

[11] Там же. С. 43

[12] Там же. С. 45

[13] Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 229 с.

[14] Хашбат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улан-Батор: Монгольский Государственный Университет, 2001. 99 с.

лия, восточноевропейские государства. Хашбат делает акцент именно на признании монгольского суверенитета во всём мире и окончательной точкой в этом процессе признает 1961 г. – год вступления Монголии в ООН. Монография охватывает политическую историю Монголии с 1911 г. до конца XX в., то есть автором прослежен современный политико-правовой статус Монгольского государства. Изложение Хашбата отличается употреблением таких словосочетаний, как «право на самоопределение»[15], «... действия китайского правительства ... явились грубейшим нарушением международного права»[16], «стремление правительства Монголии установить дипломатические и торговые отношения с Россией и Китаем»[17], «суверенность монгольского государства»[18]. Подобный подход изначально настраивает читателя на рассмотрение Монголии как самостоятельного субъекта мировой политики, способного решать проблему своей независимости с помощью, но без указаний иностранных держав. Отдельные моменты истории становления независимости Монголии поднимают современные исследователи Н. Жамбалсурэн[19], Д. Шурхуу[20]. Они привлекают ранее не изученный архивный материал и тем самым позволяют по-новому взглянуть на историю национального движения в Монголии.

В рамках данного сравнительного анализа показательна работа О. Батсайхана «К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920-1930-е годы»[21]. Автор напрямую ставит задачу «показать, что национально-демократическая традиция, составляющая суть монгольской государственности, противоречила социалистической теории, апробированной в Монголии, будучи ограничена великодержавным шовинизмом одной из соседних стран [имеется в виду, конечно, Советский Союз – *П.О.*]»[22]. В подтверждение гипотезы о самостоятельности Монголии в решении своих национальных проблем монгольский ученый приводит несколько тезисов. Во-первых, в 20-е годы в Монголии возникает Народная партия, которая, основываясь на национальных интересах, ставила задачу объединить все монгольские народности в одно государственное целое. Программные документы Монгольской Народной Революционной Партии свидетельствуют, что прямой политической ориентации на Советскую Россию монгольское правительство не выдвигало. Сходную теорию о роли МНРП как самостоятельного, не связанного с российским влиянием политического образования доказывал российский исследователь А.С. Железняков[23].

Во-вторых, в защиту самостоятельной, не зависящей от Союза, политики говорит, по мнению О. Батсайхана, экономический фактор. Монгольское правительство в 20-30-е годы взяло курс на развитие традиционной сферы экономики, сельского хозяйства, не пытаясь перестроиться на промышленное развитие. Со ссылкой на официальный документ МНП от 8 августа 1923 г. Батсайхан пишет, «что основную задачу экономической политики партии и правительства в области производительных сил составляет развитие традиционного животноводческого хозяйства...»[24]. Если касаться непосредственно вопроса о независимости Монголии и ее международном положении, по мнению ученого, Монголия в указанные годы уже накопила значительный потенциал суверенного положения и являлась равноправным участником международной политики. «В соответствие с национально-демократической концепцией, внешняя политика Монголии была направлена на развитие всесторонних равноправных международных связей... В круг ее внешних интересов входили Америка, Велико-

---

[15] Хашбат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улан-Батор: Монгольский Государственный Университет, 2001. С. 24

[16] Там же. С. 20-21

[17] Там же. С. 24

[18] Там же. С. 25

[19] Жамбалсурэн Н. МНР в современном мире. Иркутск, 1991. 61 с.

[20] Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 97-117.

[21] Батсайхан О. К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920-1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 82-96.

[22] Там же. С. 82.

[23] Железняков А.С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. 1996. № 6. С. 107-110; Рождение монгольского коммунизма: 1920 год. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2000. № 1. С. 46-63.

[24] Батсайхан О. К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920-1930-е годы. С. 86.

британия, Япония, Германия, Россия, Китай и многие другие большие и малые страны мира»[25]. На наш взгляд, такая авторская позиция полно отражает современные веяния монгольской историографии по проблемам суверенного движения.

Рассматривая современную национальную историографию становления монгольской независимости, нельзя не отметить вышедшую в 2002 г. в г. Иркутске книгу К. Дэмбэрэла «Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX в.». В своей монографии Дэмбэрэл, оперируя различными теориями международных отношений, приходит к выводу, что «в первой половине прошлого века для монголов по-новому была сформулирована проблема международных приоритетов ... Монголия во главу угла своей внешней политики поставила обновление отношений с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, но при ориентации на соблюдение независимости и свободы в своих действиях в отношениях с другими государствами»[26]. И уже это повлекло значительную ориентацию монгольского правительства на СССР.

Итак, в основу классификации работ по проблеме монгольской независимости положен принцип развития исторической науки в целом (тон здесь задает российская историческая школа): на протяжении XX в. концепция менялась дважды. Сначала была ориентация на марксистско-ленинское понимание исторического процесса, в результате чего появились идеологические характеристики, признание исключительной роли коммунистической партии. В международных отношениях это привело к переоценке идей интернационализма. Надо отметить, что на примере истории движения за независимость Монголии данные аспекты проявили себя в полной мере. Впоследствии, начиная с 90-х гг. XX в. происходит отход от привычных догматов – проблема монгольской независимости начинает видеться в новом свете, что рождает новые интересные исследования.

На рубеже XX-XXI вв. интерес к Монголии усиливается. Сегодня монгольские историки все чаще возвращаются к событиям почти вековой давности. Выявляются и привлекаются новые документальные источники, авторы активно используют накопленный историографический материал. На наш взгляд, сегодня изменился сам подход к изучению темы. И связано это не только с изменением концепции исторических исследований, связанной с резким отходом от «идеологизированной истории», но и с более тщательным, детальным подходом к изучению проблем. Благодаря этому, сегодня мы имеем возможность изучать историю соседнего Монгольского государства в целом, а проблему ее независимости в частности, в рамках новых открытых фактов, интересных подходов и обобщающих теорий.

THE CONTEMPORARY NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF MONGOLIAN INDEPENDENCE

O.N. PUSHECHNIKOVA

Irkutsk State University,
e-mail: olga82_06@mail.ru

The problem of the formation of the Mongolian independence plays a great role in the Oriental studies. It's connected with the complicated international situation that Mongolia comes across at the beginning of the XX-th century. This article deals with the analysis of the studying of the problem by Mongolian historians during the XX-XXI centuries. There have been published lots of the scientific works concerning the independence of Mongolia while the problem has been researching. In time views and estimations were changing. The Historiography of the middle of the XX-th century is ideological. It's the result of the world communist movement. That's why the authors mainly are interested in the Revolution of 1921 and the Russian-Mongolian relationship. The contemporary Mongolian historians pay attention to the events of that time (the formation of the Mongolian independence). It becomes possible for researches to use newly opened documents and the problem of the Mongolian independence is urgent nowadays.

Key words: historiography, independence, The Revolution of Xinhai, international relations.

[25] Там же. С. 92.

[26] Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. Иркутск: Оттиск, 2002. С. 102.

УДК 94(479.25)
УДК 281.93:266.2 (479.25)

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АРМЕНИИ

С.М. СТЕПАНЯНЦ

Старооскольский филиал ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

e-mail: bboeva@yandex.ru

В статье исследованы основные этапы истории возникновения, развития и становления Русской Православной церкви в Армении, ее роли в жизни местного русского и иного православного населения. В статье показаны ступени развития и деятельности православных приходов и благочиний, как на территории Восточной Армении, так и Карсской области. Показаны миссионерская деятельность русских священников и их роль в усилении позиций православия на юге Российской империи; строительство новых православных церквей и соборов, а также важная роль православных иереев в улучшении образования и строительстве церковно-приходских школ.

Ключевые слова: Русская православная церковь, благочинные округа, Ереванская православная епархия, православный приход, миссионерская деятельность.

Православная церковь на территории Западной и Киликийской Армении издавна имела свои приходы. В основном это были приходы греческой и ассирийской православных церквей. В более позднее время православные приходы и даже монастыри появились и на территории Восточной Армении. Но в отличие от Западной Армении здесь имелись также и приходы Грузинской православной церкви.

К середине XIX в., в связи с переходом Восточной Армении под власть Российской империи, с появлением здесь русских переселенцев и созданием русских военных поселений на ее территории стали образовываться и приходы Русской Православной церкви. Сразу же после взятия Ереванской крепости войсками генерала Паскевича в 1827 г. Ереванская мусульманская мечеть была превращена в русскую православную церковь[1]. Позиции православной церкви на территории юго-западного Закавказья весьма усилились после русско-турецкой войны 1877-78 гг., когда в связи с присоединением к империи Карсской области сюда стало переселяться значительное количество русских. К началу Первой мировой войны на территории Карсской области проживали 27 тысяч 856 русских жителей[2].

К концу XIX в. все православные приходы, находившиеся на территории Восточной Армении, были подчинены Грузинскому экзархату Русской Православной церкви, во главе которого со времени присоединения Грузии к Российской империи стоял русский архиепископ. Фактически деятельность православных приходов на территории Армении находилась в подчинении епископа Горийского Леонида[3]. Вся территория Восточной Армении и Карсской области была поделена на четыре благочинных округа: Ереванский, Александропольский и два Карсских.

На территории Александропольского благочинного округа находились следующие православные приходы: Туркашенский приход с церковью св. Константина и Елены, Ольговский приход, Чепигский приход, Веришанский приход, Межингертский и другие.

На территории Ереванского благочинного округа находились: Койлисарский приход с церковью св. мучеников Кирилла и Иулиты, Двинский айсорский приход с церковью св. апостола Фомы, Арзинский айсорский приход с Богородично-Успенской церковью, Новобаязетский приход с церковью св. Георгия и Каракилисский железнодорожный приход с церковью св. Николая, Башнорашенский приход с церковью Иоанна Персиянина, Вагаршапатский молитвенный дом, Привольненский приход с церковью архистратига Михаила, Новомихайловский приход с церковью св. Великомученика Георгия Победоносца и другие. Отдельный приход составлял Ереванский Покровский собор.

---

[1]. Национальный архив Армении (далее - НАА), ф. 113, оп. 2, д. 124, л. 1-2.
[2]. Эчмиадзин. 1914, август. С. 690.
[3] НАА, ф. 63, оп. 1, д. 15, л. 175.

В подчинении Карсского благочинного округа имелось 19 православных приходов:

1. Аджибалинский приход с Успенской церковью; 2. Азатский приход с Георгиевской церковью; 3. Арамвартанский приход с церковью св. Георгия; 4. Ардостский приход с церковью Успения; 5. Белюк-Башский приход с Илпинской церковью; 6. Вязинкейский приход с церковью св. Николая; 7. Голицынский приход с церковью св. Николая; 8. Гренадерский приход с Покровской церковью; 9. Загаджинский приход с церковью во имя св. Георгия; 10, Исламсорский приход с Троицкой церковью; 11. Лалоглинский приход с церковью во имя св. Георгия; 12. Одинцовский приход с церковью Пресвятой Богородицы; 13. Петропавловский приход с церковью во имя св. Петра и Павла; 14. Плодородненский приход с Покровской церковью; 15. Субатанский приход с Благовещенской церковью; 16. Туйсунский приход с церковью св. архистратига Михаила; 17. Халиф-Оглинский приход с церковью св. Пантелеймона; 18. Хорошевский приход с Троицкой церковью; 19. Самоватский (айсорский) приход[4].

Видя опору своих завоеваний в глубь Турции в строительстве военных поселений, в переселении русских на новозавоеванные территории, в конце XIX в. имперская администрация Кавказа поддерживала также и строительство православных церквей и соборов на территории Карсской области. Вместе с тем, в большинстве случаев инициатива такого строительства исходила «снизу», от общин верующих.

Так, к 1896 г. в связи с увеличением жителей в селе Одинцовка Карсской области возникла необходимость строительства второй приходской церкви, а в июле 1898 г. было выделено 104 десятин земли под строительство епархиального собора в городе Карсе. В августе 1898 г. житель Карсского села Заладли Феодосий Лаврентьев испросил у благочинного Карсского округа разрешения на строительство на собственные средства часовни в честь святых правоверных Петра и Павла[5].

Особенно часто инициатива храмового строительства исходила от новоприбывающих из центральных и сибирских губерний русских переселенцев, обживающих новые земли. Так, в своем обращении к благочинному 1-го Карсского округа от 14 августа 1905 г. зауральские переселенцы села Петропавловка писали: «Для восполнения недостающей суммы, нужной для постройки церкви нашего села, мы обязуемся принимать на себя заготовку строительного материала по каменной части, т.е. потребного количества камня и песка для строящейся в нашем селе церкви»[6].

В связи с тем, что русский православный собор Еревана не вмещал всей верующей паствы, 7 декабря 1891 г. городской думой под строительство нового собора был выделен участок земли в 240 квадратных сажень[7], а 11 июля 1894 г. товарищ министра внутренних дел Российской империи утвердил проект строительства православного собора в Ереване. В 1900 г. под председательством Ереванского губернатора был организован комитет по сооружению православного собора.

В селении Вагаршапат имелся православный молитвенный дом, пастырем которого был священник-миссионер Борис Вениаминов. В 1902 г. возникла необходимость строительства православного собора. С просьбой выделить участок земли под строительство собора к владетелю селения Вагаршапат — всеармянскому католикосу - обратились экзарх Грузии архиепископ Алексий и главноначальствующий на Кавказе граф Голицын. Католикос всех армян удовлетворил их просьбу и выделил участок земли[8]. Будущий собор должен был именоваться во имя св. Николая, а настоятелем его был назначен отец Вениаминов. Архитектором-художником проекта будущего собора был утвержден Тифлисский губернский архитектор Татищев. Был организован комитет по строительству собора под председательством действительного статского советника Хр. Канчели. По первоначальному проекту Вагаршапатский собор должен был быть роскошным, величественным и вмещать 675 человек, однако, в связи с тем, что в местном приходе состояло всего лишь 270 прихожан, было решено уменьшить его размер. Вскоре о нереальности строительства Вагаршапатского собора по первоначальному проекту заговорил и ходатай сего строительства экзарх Грузии, который в своем письме Ереванскому губернатору гра-

---

[4] Там же, л. 18.
[5] Там же, л. 152.
[6] Там же, д. 22, л. 2.
[7] НАА, ф. 113, оп. 2, д. 124, л. 1-2; ф. 94, оп, 3, д. 110, л. 11.
[8] НАА, ф. 94, оп. 3, д. 149, л. 37-38.

фу Владимиру Федоровичу Тизенгаузену писал, что «ввиду ограничения средств, приобретенных путем сбора пожертвований, возникает настойчивое желание сократить расходы как на постройку, так особенно на сооружение здания в будущем. Это желание Комитета я вполне разделяю, и потому полагал бы уменьшить здание, изменив масштаб пола»[9]. Однако, даже уменьшив смету на строительство и размеры самого собора, который вначале должен был соответствовать «своему положению при богатых постройках католикосской Армянской церкви», к концу 1902 г. на строительство было собрано лишь 2140 руб. 45 коп. В дальнейшем достаточных средств на строительство Вагаршапатского собора так и не было собрано.

Новоприбывающие русские переселенцы обживали не только присоединенные земли Карсской области, но и район Александрополя, где находились военные поселения. В 1893 г. в александропольских селах Агин и Александрополь началось строительство православного храма во имя св. Григория Просветителя Армении.

В сентябре 1901 г. Александрополь посетил экзарх Грузии архиепископ Алексий, который нашел, что одной церкви для гражданских верующих в Александрополе недостаточно. На конец XIX в. в Александрополе для гражданских верующих имелась одна церковь во имя св. Георгия и четыре военных церкви. Церковь 154-го Дербентского полка располагалась в доме Сарояна по Кладбищенской улице, крепостная церковь располагалась в гарнизоне и обслуживала нужды воинских частей гарнизона. Религиозные нужды Бакинского полка выполняла церковь, находившаяся на Казачьем мосту. Церковь Драгунского полка выполняла нужды Северского полка[10].

После обращения преосвященного Алексия к городским властям Александрополя в 1902 г. местной городской думой был выделен участок земли в 10 десятин для строительства во второй части города второй православной церкви. В своем послании от 31 декабря 1902 г. на имя Александропольского городского головы экзарх Алексий благодарил его за предоставление городской думой земельного участка под церковь. Второй православный храм должен был именоваться во имя Священного коронования.

К середине и, в особенности, к концу XIX в. активизируется миссионерская деятельность Русской Православной церкви на территории Армении. При экзархе Грузии архиепископе Алексии было организовано миссионерское управление, а в Тифлисе сооружена православная миссионерская церковь. В феврале 1896 г. крещение по православному обряду принял житель карсского села Али-Согут турок Аслан Мустафа-оглы, а в марте того же года жители села Лал-огли Карсской области турки Ибрагим-оглы Дминдаров и Мустафа Гасан-оглы Гатаев. При крещении их благочинным 1-го Карсского округа протоиереем Иоанном Назаровым, первый был назван Христофором, а второй Константином[11].

В связи с усилением миссионерской деятельности русской церкви, в особенности, со стороны Карсского благочиния, усиливается также сопротивление этому со стороны местных магометан. Так, в апреле 1896 г., после крещения в Бардусе «новокрещенную курдианку» «соплеменники похитили, и дело дошло до ударов кинжалов и кнутов»[12]. Тем не менее, в мае 1896 г. священником Вязинкейского прихода к православию через св. крещение был присоединен турок Байрам Ахмед-оглы. 12 июня 1896 г. Карсским благочинным протоиереем Иоанном Назаровым были крещены жители селения Ягбалан турок-магометанин Исмаил Куретанов, его дочь Султанлы, а также житель села Алисот Аслан Мустафа-оглы[13]. 30 июня 1896 г., когда священник Каракилийсского (Карсская область) прихода со своим помощником совершали молебствие, «с соседней горы курды напали на них, нанесли обоим побои, изорвали на нем эпитрахиль и отняли посох»[14].

Видя все усиливающееся сопротивление магометанского населения Карсской области попыткам служителей Русской Православной церкви крестить всех добровольно желающих принять христианство, 19 сентября 1896 г. военный губернатор Карсской области распорядился возложить на местную полицию охрану православных храмов «от

---

[9] Там же, л.6-7.
[10] НАА, ф. 105, оп. 1, д. 23-26, л. 4-5.
[11] НАА, ф. 63, оп. 1, д. 8, л. 14-47.
[12] Там же, л. 49.
[13] Там же, л. 77.
[14] Там же, л. 97.

кощунственных посягательств со стороны нехристиан»[15]. После этого миссионерская деятельность православных иереев продолжалась. В январе 1898 г. Карсским благочинным был крещен турок Мусо Магомет-оглы, а в июле того же года житель Карсского села Картурга Мустафа. В своем письме на имя Александропольского городского головы протопресвитер военного и морского духовенства протоиерей А. Желобовский настоятельно просил выделить участок земли под военное кладбище. Он писал о том, что общее кладбище, где погребаются православные военные, находится в плачевном состоянии «без ограды, без рва, без надзора, так что кресты с могил нижних чинов похищаются и сжигаются местным иноверным населением». 3 февраля 1900 г. городская дума выделила под военное кладбище участок земли в 4 десятин на южной стороне города[16].

Русская церковь много внимания уделяла образованию, строила много церковно-приходских школ. Только в Соганлунском участке 1-го Карсского благочинного округа к концу XIX в. имелись: Лал-Оглинская церковно-приходская школа с 85 учениками обоего пола, Белюк-Башская с 63 учениками, Ельчегмязская с 43 учениками, Веришанская с 38, Заладжинская с 92, Ейджинская с 50 и Чиплахлинская школа с 42 учениками. В этих школах ученики обучались: «1. Закону Божию. 2. Чтению и письму греческому и русскому. 3. Знакомились с начальными правилами русской грамматики. 4. Арифметике. 5. Церковному чтению на русском и греческом языках. 6. Церковному пению на русском и греческом языках»[17]. Церковно-приходская школа и дом-больница имелись и при Ахтальском православном монастыре[18]. Очень часто председателем на школьных выпускных экзаменах в селах Привольное и Ново-Александровка, которыми заведовал священник Привольненского прихода Иоанн Мансветов, приглашался игумен Ахтальского монастыря архимандрит Филарет[19].

Особо отличившиеся местные православные священники поощрялись поездкой в Иерусалим, на поклонение святым местам. Так, в ноябре 1898 г. в Иерусалим был отправлен приходской священник Карсского села Меджингерт Евстафий Николаев[20].

К 1907 г. Карсский благочинный округ был поделен на четыре отдельных благочинных округа: Карсский, Кагызманский, Ольтинский и Ардаганский. В том же году был создан областной благочинный совет. К началу первой мировой войны на территории Восточной Армении и Карсской области была организована Ереванская епархия во главе с епископом Леонтием[21].

Во время первой мировой войны и боевых действий на Кавказском фронте руководство Русской Православной церкви потребовало от Карсских благочинных вывезти все ценное имущество церквей в город Ставрополь, что и было сделано.

В связи с началом боевых действий и увеличением военных частей повсеместно чувствовался недостаток полковых и гарнизонных иереев, которых, однако, по чину иметь было не положено. Тем не менее, экзарх Грузии 18 сентября 1914 г. постановил предписать благочинным "возложить на местных священников... по приглашению начальников гарнизонов исполнение треб и ведение духовно-нравственных бесед во вновь сформированных частях войск Кавказской армии, где только расположены таковые в пределах благочиния". Однако вскоре некоторым приходским священникам все же разрешили стать полковыми священниками, а на их место были назначены временные священники. Так, приходской священник села Плодородного Дмитрий Мчедлидзе был назначен полковым священником 16-го Кавказского стрелкового полка[22].

При наступлении турок в ноябре 1914 г. «были подвергнуты ограблению и осквернению» церкви св. Николая в селе Амирхан и церковь св. Георгия в селе Егтелик и как 15 августа 1915 г. Карсскому благочинному писал настоятель Заваджинского прихода священник А. Папандопуло – «святые Престолы догола были разоблачены»[23].

---

[15] Там же, л. 130.
[16] НАА, ф. 105, оп. 1, д. 135, л. 43.
[17] НАА, ф. 63, оп. 1, д. 15, л. 2.
[18] Там же, д. 13, л. 20.
[19] Там же, д. 17, л. 10.
[20] Там же, д. 15, л. 189.
[21] Там же, л. 25.
[22] Там же, д.11, л.25.
[23] Там же, л.26.

24 марта 1916 г. епископ Ереванский Леонтий, согласно Высочайшего распоряжения, был назначен епископом Кустанайским, а ректор Кишиневской духовной семинарии архимандрит Дамиан назначен епископом Ереванским и четвертым викарием Грузинской епархии[24].

По самым различным вопросам, находясь в Тифлисе, католикосы Армянской церкви встречались и беседовали с экзархами Грузии. Когда в период первой мировой войны, в Тифлис прибыл Николай II, после встречи с ним католикос всех армян Геворк V имел продолжительную беседу также с архиереями Русской Православной церкви.

До самой Октябрьской революции 1917 г. Ереванская епархия Русской Православной церкви процветала. На территории, занятой русскими войсками, в Западной Армении создавались многочисленные приходы или нередко армянские приходские церкви за отсутствием армянского населения превращались в гарнизонные православные церкви, в которых проводились богослужения и обряды. К примеру, подобное произошло с Эрзерумским армянским храмом.

Сведения о количестве русских в городах Восточной Армении на 1 января 1916 г[25] показывают достаточно ощутимое их здесь присутствие (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве русских в городах Восточной Армении на 1 января 1916 г.

Наименование городов	Общая численность	В процентах		
		армян	русских	остальные
Ардаган	3167	54	8,5	37,5
Кагызман	11116	80	0,4	19,6
Карс	30514	84,1	4,9	11
Александрополь	51874	88	8	4
Нахичеван	8934	29,8	1,6	68,6
Новобаязет	14748	97,3	0,6	2,1
Ордубат	5717	3	1,5	95,5
Ереван	51286	72,6	2,1	25,3
Шуши	43869	53,3	2,9	43,8
Ахалкалаки	7055	87,2	6,8	6
Горис	2201	78,3	8,9	12,8
Итого	230481	65,9	4,4	29,7

Естественно, что часть русского населения составляли русские сектанты, но верующие православные составляли большинство русского населения.

Октябрьская революция, сдача Западной Армении и в том числе Карсской области поставили в трудное положение вновь образованную независимую Демократическую Республику Армению. Она охватила территорию всего в 12 тыс. кв. км. Это была лишь 1/30 часть исторической Армении. В республику вошли Ново-Баязетский уезд, часть Эчмиадзинского, Ереванского, Александропольского уездов, с населением 310 тысяч человек. Республика включила в себя лишь 1/8 часть всех армян Кавказа, на её территории находились около 500 тыс. армян-беженцев из Азербайджана и армянских территорий, оставшихся под властью Турции. За три года своего существования (28 мая 1918 – 3 декабря 1920 гг.) Армянское государство почти не имело возможности заниматься мирным государственным строительством, находясь в состоянии войны с Турцией и Азербайджаном. В этот период деятельность приходов Русской Православной церкви в Армении серьезных изменений не претерпела.

Советизация Армении с конца 1920 г. и вхождение ее в ЗСФСР, а затем в СССР (1922 г.), прекратили существование не только Ереванской православной епархии, не только приходов и церквей Русской Православной церкви, но и большого числа приходов Армянской церкви.

---

[24] Там же, л.18.

[25] Там же, д.17, л. 73.

С начала гражданской войны в России на родину из Армении возвратилась большая часть русских переселенцев.

11 марта 1923 г. у православных верующих Еревана был отнят военный собор в Канакере и по постановлению ЦК КП Армении передан на нужды комсомольцам Армении. В конце 20-х годов был закрыт, а вскоре и разрушен городской православный собор св. Николая. В течение всего советского периода деятельность РПЦ на территории Армянской ССР фактически не велась.

Лишь после провозглашения независимости в 1991 г. немногие уцелевшие русские православные храмы Армении возобновили свою деятельность. Ныне в Армении действуют: в селе Димитрове — церковь св. Кирика и Иулиты, в Анкаване церковь Великомученика Георгия Победоносца и церковь св. Николая (*Плплан жам*) в Гюмри. В Лорийской области действуют церкви в Ванадзоре, Амракице и Привольном. Храм в Привольном был основан в 1871 г. Ванадзорская русская церковь находится в центре города, она была построена в 1893-95 гг. по проекту архитектора Померанцева и является уменьшенной копией Софийского кафедрального собора. В 1993 г., к 100-летию ее основания, храм вновь был освящен отцом Иннокентием.

Единственный в Ереване храм Русской Православной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы был построен в Канакере, тогдашнем северном предместье Еревана, в 1913-16 гг. в качестве церкви Святого Благоверного князя Александра Невского при дислоцировавшемся напротив казачьем полку. Эта часть стояла здесь с 1828 г. – со времен победного завершения русско-персидской войны.

Правительство Армении приняло решение предоставить земельный участок для строительства в Ереване нового храма Русской Православной Церкви. Участок в 5 тыс. кв. м передан в аренду сроком на 99 лет.

Приход Русской Православной Церкви в Армении входит в Сочинское благочиние при Майкопской и Армавирской епархии. Он окормляет верующих русской общины Армении, насчитывающей ныне около 15 тыс. человек.

Историческое значение деятельности Русской Православной церкви на армянских территориях может быть оценено различно применительно к различным территориям Армении. Если на землях Западной Армении, утраченных в 1920 г., следы деятельности РПЦ окончательно исчезли, то в Восточной Армении, несмотря на десятилетия фактического прекращения деятельности, традиция сохранилась. Ее носителем выступило русское население. Сохранились и храмовые здания.

Работая в целом в русле имперской политики государства, РПЦ была, тем не менее, прежде всего средством консолидации и самоорганизации русского населения на закавказских землях. До 20-х гг. сфера влияния РПЦ в целом практически не охватила армянского населения. Некоторые успехи миссионерство имело лишь среди турецкого и курдского населения Карсской области. Тем не менее, многовековые братские чувства армян к русскому народу сделали деятельность РПЦ в Армении вполне бесконфликтной и плодотворной, как до 1918 г., так и в период обеих Армянских Республик.

TO HISTORY OF FUNCTIONING OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN ARMENIA

S.M. STEPANYANTS

Stary Oskol branch of Belgorod State University
e-mail: bboeva@yandex.ru

The origin, development and formation of Russian Orthodox Church in Armenia, its role in the life of local Russian and other orthodox population are researched in the article. The stages of development and functioning of some orthodox parishes and decent districts on the territory of East Armenia and Kars region are regarded in the article. The missionary function of Russian priests who intensified the orthodoxy stand in the south of Russian empire; the building of new orthodox churches and cathedrals, and an important role of orthodox priests trying to improve education and the building of church parish schools are displayed in the article.

Key words: Russian Orthodox Church, decent districts, Yerevan Orthodox eparchy, an orthodox parish, missionary function.

УДК 51-72:530.145

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУСИ В VIII – X ВВ.

О.А.ПЛОТНИКОВА

Московский гуманитарный университет

e-mail: monomach@list.ru

Статья посвящена проблеме становления и развития княжеской власти на Руси. Особое внимание в работе уделяется реструктуризации властных институтов в конце X начале XI вв. Автором подчеркивается, что утверждение княжеской династии было вызвано необходимостью удержания под единой властью разнородных племен и их центров, при этом процесс включения племенных княжений в единую державу сопровождался физическим устранением представителей местных княжеских династий, что привело, в конечном итоге, к превращению Рюриковичей в единственный княжеский род, обладающий монопольным правом на государственную власть.

Ключевые слова: племенные князья, объединение племенных княжений, «посажение на стол», великий князь, формирование института княжеской власти, утверждение княжеской династии.

Актуальность поставленной в статье проблемы связана с потребностью переосмысления закономерностей процесса формирования института княжеской власти в древнерусском обществе на основе современного исторического знания и новых подходов к проблеме исторического развития институтов публичной власти. Проблема становления и реструктуризации княжеской власти в первые века существования древнерусского государства непосредственно связана с проблемой становления и развития государственных учреждений и государства в целом, отсюда неослабевающий интерес историков всех времен к данной теме. Княжеская власть — столь же исконный и столь же повсеместный институт, как и вече. У отдельных славянских племен «княженья» упоминаются задолго до призвания Рюриковичей. Корни этой власти скрываются в доисторическом патриархальном быту. В данной работе рассмотрена реструктуризация старых институтов княжеской власти в условиях социально-политического генезиса древнерусского общества, что по-

зволило автору приблизиться к пониманию роли и статуса князя в объективной действительности IX—X вв.

На рубеже IX и X вв. происходит консолидация древнерусских племен юга и севера, что приводит к образованию единого государства на территории бывших самостоятельных княжеств. Однако процесс становления института власти получил свое развитие задолго до образования государства. Многочисленные источники, в том числе впервые выявленные, позволяют утверждать, что формирование властных структур в древнерусском обществе объективно необходимо отожествлять с развитием самостоятельных племенных княжений или княжеств.

Так, П.Н. Третьяков понимал под термином «племенные княжения» полупатриархальные полуфеодальные политические союзы[1]. В.В. Мавродин видел в «племенных княжениях» переходную форму от союзов племен к государству и считал «племенные княжения» своеобразными протогосударствами[2]. Б.А. Рыбаков в «племенных княжениях» усматривал политическую форму эпохи военной демократии[3]. По утверждению Н.Ф. Котляра племенные княжения представляли собой догосударственные объединения, которые вместе с тем стали фундаментом образования государственности[4].

На Юге, где социальные и экономические процессы развивались быстрее, чем на севере племенные княжения (или княжества) существовали уже в VIII в., о чем говорит летописное известие о Кие и его потомках, «державших княженье в полях». Как отмечается далее в летописи, «княженья» были и у древлян, дреговичей, словен, полочан[5], возглавляли эти княжения вожди.

Постепенно в условиях господства родоплеменных отношений власть племенных княжений стала выступать в форме главенства одного племени над другими, что и позволило военному вождю возвысившегося племени подчинить себе вождей остальных племен. Исследование позволило выявить, что такие процессы проходили как на севере, так и на юге, не исключая их специфику и особенности.

Восточнославянские племена и вожди, возглавлявшие их, были хорошо известны соседним народам, чему находим подтверждение в источниках. Так, Иордан сообщает о «короле» антов Боже, окруженном семьюдесятью старейшинами[6]. Маврикий Стратег повествовал о том, что у славян и антов было много вождей, с которыми он рекомендовал византийскому правительству считаться: привлекать подарками и обещаниями тех из них, кто находится поближе к византийским границам, и при их помощи громить других славянских и антских вождей; он же советовал ромеям сеять раздоры между племенами антов, мешая им соединиться и стать «под власть одного вождя»[7]. Маврикий указывал и на опасность для Византии возможность объединения разрозненных славян и антов.

Менандр сообщает о неком Межамире, имевшем большую власть у антов и аваров. Феофилакт Симокатта упоминает славянского предводителя Ардагаста, распростершего свое господство на целую страну[8].

Состав вождей у восточных славян действительно был далеко неоднороден, восточнославянскому обществу было известно несколько рангов вождей – вождь племени, вождь союза родственных племен, вождь суперсоюза, т.е. «союза союзов».

Если вождь племени (военный предводитель) избирался на определенное время в период военных событий, то статус вождя племенного союза мог быть постоянным, и этот факт также указывает на то, что славянское общество постепенно утрачивало принципы демократии. Со временем союз родственных племен – объединение племен – становится необходимостью из-за усиления внешней опасности.

Широкомасштабные объединительные процессы, наблюдавшиеся у восточных славян в VIII в. привели к появлению новой организационной структуры, нуждавшейся и в новых органах власти. Требовалась власть независимая от отдельных племен. Эта новая

---

[1] Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С.299.

[2] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С.55.

[3] Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С.10-11.

[4] Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С.35.

[5] Полное собрание русских летописей. Том 1. С.10-11.

[8] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С.115.

[7] Маврикий. Стратегикон. М., 1969. С.255.

[8] Феофиалакт Симокатта Стратегикон. М., 1969. С.255.

власть и стала предтечей публичной власти на Руси. Ф. Энгельс по поводу аналогичного образования большой территории у германцев писал: «ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя...»[9]. Также произошло и на Руси, объединение Севера и Юга привело к необходимости реструктуризации старых институтов власти.

Источниковый материал позволяет говорить, что реструктуризация старых властных отношений начинается уже при Олеге: «се же Олег нача городы ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля...»[10].

В основе объединения племенных княжений лежали противоречивые стремления, с одной стороны, к союзу влекли национальные задачи: на юге – это освобождение от владычества хазар, на севере - противодействие варяжской агрессии, ликвидация печенежской угрозы, организация совместных походов на Византию, Болгарию, в страны Востока; с другой – создание союза осуществлялось с помощью прямого насилия, идущего с Юга от Киева, озабоченного поиском «данников».

Подтверждение второму доводу находим в повести временных лет, где под 883 г. читаем о том, как Олег, обосновавшись в Киеве, начал «воевати древляны, и примучив, имаше на них дань по черне куне». В следующем году он пошел «на северяне, и победи северяны, и возложи на нь дань легъку, и не дасть им козаром дани платити, рек «Аз им противен, а вам не чему». Затем Олег «посла к радимичем, рька «Кому дань даете?» Они же реша «козаром». И рече им Олег «Не дайте козаром, но мне дайте» И въдаша Ольгови по щьлягу, яко же и козаром даяху»[11].

Летописные данные свидетельствуют об усилении власти Юга и, в частности, князя киевского над удельными князьями, подтверждением чему служит еще одно летописное свидетельство о событиях 907 г. «Иде Олег на Грекы, Игоря оставив Киеве, поя же множество варяг, и словен, и чюдь и кривиче, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и севере, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины»[12].

В указанном перечне союзников Олега встречаем тех, чей союз с Киевом был, как явствует из предшествующих событий, добровольным – словены, кривичи, северяне, радимичи и некоторые финские племена. В перечне также названы племена, чей союз с киевским князем не был добровольным – вятичи, хорваты и дулебы, эти племена были завоеваны киевскими князьями.

Надо отметить, что в тексте договора по-прежнему фигурирует «великий» князь киевский, а вместо «великих» и «светлых» князей других земель находим определение – «князья». Таким образом, можно предположить, что титул «великий» к середине X в. сохранялся лишь за киевским князем, тогда как другие племенные князья его утратили, следовательно, статус их значительно пал по сравнению с началом X в.[13]

Новый решающий шаг в укреплении власти южного центра сделал Святослав. В договоре Святослава с императором Цимисхием нет никаких упоминаний о племенных князьях, в нем речь идет о «велицем князи рустем» Святославе, его воеводе Свенельде, о «болярах» и всех остальных, заключенных в общем понятии «русь». Следовательно, ко времени княжения Святослава с «мелкими князьями» (или племенными князьями) было в основном покончено. Показательно в этой связи то, что Святослав «сажает» сына своего Олега «в деревех»[14].

Киев объединил многочисленные племенные союзы и поглотил их князей. От старых племенных союзов теперь остались лишь названия. Дело, начатое Святославом, завершил Владимир, посадивший «Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмугорокани»[15].

---

[9] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С.151.
[10] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 1. 2-е изд. М., 2001. С.20.
[11] Полное собрание русских летописей. Том 1. С.20.
[12] Там же. С.23.
[13] Рапов О.М. Княжеские владения на Руси. М., 1969. С.31.
[14] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 1. 2-е изд. М., 2001. С.52.
[15] Там же. С.83.

Можно заключить, что восточнославянский союз племен или Древнерусское государство строилось отнюдь не на принципах равенства. Так, господствующее положение в нем занимали южане, что ставило киевского князя на голову выше «периферийных князей», бывших у него «под рукой». Сам процесс включения племенных княжений в Киевскую державу сопровождался физическим устранением представителей местных княжеских династий, что привело в конечном итоге к превращению Рюриковичей в единственный княжеский род, обладающий монопольным правом на государственную власть.

Интенсивное замещение Рюриковичами племенных князей, начатое с посажения в 970 г. Святославом своих сыновней Ярополка, Олега и Владимира соответственно в Киеве, древлянской земле и Новгороде, было завершено посажением Владимира своего многочисленного потомства в главных политических центрах.

Проведенное исследование позволяет заключить, что уже в начале XI в., практически все восточнославянские земли, бывшие племенные княженья, оказались в руках «володимерова племени», а территория Древнерусского государства оказалась поделена на «сферы влияния» между сыновьями киевского князя.

«Посаженным» князьям было передано право сбора дани для киевского князя. Следовательно, уже с этого времени киевский князь прекращает ходить в полюдье. Начинает оформляться некий прообраз государственного аппарата на местах, контроль над которым продолжает оставаться в руках киевского князя.

Окончательно такой тип управления сложился во время правления Владимира Святославича (980-1015 гг.). Отец Владимира Святослав вынужден был разделить всю Русскую землю, включая Киев, между своими сыновьями, поскольку сам несколько лет находился за ее пределами. Владимир же оставил за собой киевский престол, а своих старших сыновей посадил в крупнейшие русские города, бывшие к тому же, когда-то центрами племен. Тем самым он положил конец существованию «союза племенных княжений». На месте прежнего союза возникло единое государство, различные регионы которого управлялись наместниками киевского князя.

Теперь вся полнота власти на местах перешла в руки Владимировичей. Подчиненность их великому князю-отцу выражалась в регулярной передаче ему части дани, собиравшейся с земель, в которых сидели великокняжеские сыновья-«наместники».

Положение князей «Рюрикова дома», сменивших племенных князей, представляется двойственным. С одной стороны, они являлись наместниками великого князя киевского, что обязывало их поддерживать контакт с Киевом, оказывая ему военную и финансовую помощь; с другой – принимая на себя роль местных князей, они превращались в местный орган власти. В этом последнем своем качестве князья-наместники неизбежно проникались интересами управляемых ими обществ и в известной мере противостояли Киеву.

В процессе властвования социальные позиции князей все более укреплялись. Это не могло не сказаться на функциях княжеской власти, ставшей сложнее и самостоятельнее. На князей возлагали задачи военного руководства и дипломатических сношений. Они выступали организаторами походов в чужие страны и соседние восточнославянские земли.

Несмотря на все перечисленное, в облике князей XI-XII вв. еще много черт, присущих военным вождям прошлого, главная из которых - непосредственное участие в сражении, причем в качестве передового воина, увлекающего своей личной удалью и отвагой остальную рать. «Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою», - говорил Святослав своим дружинникам накануне битвы с греками. И воодушевленные «вои» отвечали: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим».

Усилению княжеской власти содействовали богатства, добываемые во время войн. Оно заключало в себе еще и престижный момент, укрепляя общественное положение тех, кто им владел. Несмотря все на это, княжеская власть X–XII вв. находилась еще под давлением родоплеменных отношений.

Утверждение княжеской династии было вызвано необходимостью удержать под единой властью разные племена и их центры. Родовой сюзеренитет был свойственен не только Русской земле: правитель делил земли на уделы между своими сыновьями-наследниками и в королевстве франков, и в западнославянских землях. Однако эта «родовая» власть, по сути, была антиродовой и антиплеменной, т. к. архаичным родовым

структурам навязывался иноплеменной правитель. Власть княжеского рода оказывалась государственной властью - властью, стоящей над подданными и не включенной в архаичные догосударственные структуры.

Таким образом, можно заключить, что уже на стадии создания союзов племен в древнерусском обществе существовала племенная знать и общее собрание избирало вождей и старейшин, но власть вождей на этом этапе была индивидуально-наследственной: ее наследовали определенные роды. Образованием племен и строительством племенных центров завершается первый этап консолидации в славянском обществе. С образованием межплеменных союзов князья в древнерусском обществе, бывшие родовладыками и вождями отдельных племен, превратились во властителей огромных межплеменных союзов. Многообразие племенных союзнических объединений указывает на такое же многообразие их правителей и соответственно многосторонность и сложность отношений между ними. Можно выделить вождей первичных союзов племен, объединенных родственными связями (поляне, древляне, радимичи, северяне, вятичи, славяне и т.п.), и вождей объединений более высокого уровня, «суперсоюзов».

Появление в структуре власти института княжения и князя, как его персонифицированного носителя, создало сопутствующую систему. Ближайшим помощником и сотрудником князя по управлению войском и княжеством стала княжеская дружина. Князь и дружина наряду с вече олицетворяли собой важнейшие властные институты Древнерусского государства.

Доктрина княжеской власти, вслед за эволюцией самого института, на наш взгляд, отражала существенные изменения в государственном развитии X—XI вв. Главным в древнерусских взглядах на существо государственной власти было убеждение, что субъектом власти и сопряженной с ней земельной собственности был не один какой-либо князь, даже киевский, а весь княжеский род, по отношению к которому отдельный его представитель выступает в роли временного держателя. С этими представлениями связано и то, что правосознание домонгольской эпохи признавало право на государственную власть и соответственно на занятие княжеского стола только за представителями одного рода - династии Рюриковичей. Этим кругом кандидатов ограничивалось число претендентов на княжеские столы.

В древнерусском обществе сложилась такая система политических отношений, при которой политический вождь (князь) должен был выполнять функции по организации экономической, судебной и религиозно-культовой деятельности.

GENESIS OF THE PRINCELY POWER IN RUSSIA VIII – X CENTURIES

O.A.PLOTNIKOVA

Moscow university of humanities

e-mail: *monomach@list.ru*

In the article the problem of formation and development of the princely power in Russia is analyzed. Special attention is given to re-structuring of imperious institutes in the end of X beginning of XI centuries. It is underlined, that the statement of a princely dynasty has been called by necessity of keeping under the unified power of diverse tribes and their centres, thus process of inclusion of tribal reignings under uniform power was accompanied by physical elimination of representatives of local princely dynasties that has led, finally, to transformation of Ryurikovichei into the unique princely clan possessing a monopoly on the government.

Key words: princely power, imperious institutes, princely dynasty, princely clan possessing, government.

УДК 94(47).05-06

УКРАИНСКИЙ ЛАНДМИЛИЦКИЙ КОРПУС И ПРОБЛЕМА ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Е.А. ГУКОВА

Белгородский государственный университет

e-mail: Gukova @ bsu.edu.ru

На основе достоверной информации об исторических и социально – политических предпосылках возникновения и функционирования Украинского ландмилицкого корпуса и расселения его на Украинской линии анализируется проблема содержания поселенных войск на Юге России за счет изменений в системе податного налогообложения населения. Раскрывается малоизученный в отечественной исторической науке пласт истории, конкретно касающийся состояния русской армии в период колонизации южных земель России XVII – XVIII вв. В хронологической последовательности исследуется исторический опыт создания во второй четверти XVIII в. системы содержания поселенных войск, как ответ на возникшую необходимость создания надежной охраны степной границы России в условиях острой нехватки финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Украинский ландмилицкий корпус, Украинская линия, однодворцы, подушная подать, налогообложение населения.

Исторический опыт показывает, что, несмотря на прогресс цивилизации, война по-прежнему остается инструментом осуществления политики немирными средствами. История России XVIII столетия в этом плане не является исключением. Петр Великий, проводя свои радикальные реформы, безусловно стремился превратить Россию в могущественное государство, подлинную империю, затрачивая при этом минимум финансовых средств. Стремительное развитие России в первой четверти XVIII в. вызывало серьезную обеспокоенность у ее соседей, чреватую военной напряженностью. Учитывая тот факт, что война на несколько фронтов была не под силу России по людским и материальным ресурсам, необходимо было сосредоточить наступательные усилия на главном направлении. Еще со времен Ивана Грозного вектор внешней политики Российского государства постепенно смещался на запад. В этих условиях южные границы оставались незащищенными, но по-прежнему требующими неусыпного внимания со стороны российского правительства. Петр I, а затем и его преемники, продолжая наступательную политику на западе, не оставил без внимания создание системы обороны южной границы. Очередным шагом на пути реализации замысла содержания войск без больших потерь для «государевой казны» стало создание поселенного Украинского ландмилицкого корпуса и расселение войск на Украинской линии.

Необходимость тщательного изучения процессов становления, развития и снабжения Украинского ландмилицкого корпуса, как очередного шага продвижения России к берегам Черного моря и ликвидации угрозы вторжения кочевников с юга, обусловила использование, как традиционных, свойственных науке в целом, методов исследований (прежде всего анализа и синтеза), так и специфических, исторических методов анализа исследования (главным образом сравнительно-исторического и ретроспетивного). Учитывая недостаточную сохранность документов по интересующей нас проблеме и «нестатистический» характер XVIII в., в особенности первой его половины, когда статистика как наука делала в России первые шаги, самым целесообразным представляется метод ретроспективного анализа, позволяющий более достоверно исследовать историю создания Украинского ландмилицкого корпуса и постройки Украинской линии, а также на основе ограниченного круга показателей рассмотреть степень эффективности системы содержания «поселенных» войск за счет материальных и финансовых ресурсов местного населения.

Исследуя историю создания Украинского ландмилицкого корпуса, а также проблемы, связанные с финансирование содержания крупной группировки «поселенных» войск, необходимо прежде всего обратиться к этимологии термина «ландмилиция». Учи-

тывая пристрастие Петра I ко всему немецкому, этот термин был заимствован и буквально означал следующее: «ланд» можно перевести как «земля», а «милиция» – название народного ополчения в некоторых странах»[1]. Таким образом, «ландмилиция» – войска народного ополчения, сформированные по территориальному принципу и укомплектованные личным составом, непосредственно проживающим в месте дислокации армейских частей. Основу Украинского ландмилицкого корпуса составили сформированные в 1713 г. в Киевской губернии согласно Указу его Царского Величества от 2 февраля 1713 г. полки, впоследствии поселенные на украинской границе. Этот указ гласил: «В ландмилиции быть пяти полкам да к тому набрать из губерний 7000 человек»[2]. Ландмилицкие полки изначально были предназначены для несения местной гарнизонной службы взамен бывших там полков, прикомандированных к корпусу фельдмаршала Шереметьева. При этом они получали содержание по штатам гарнизонных частей за счет налогообложения населения.

Исходя из имеющейся информации, можно сделать вывод о том, что основой для создания новой системы обеспечения армии стала «губернская реформа». После завершения проведения в 1710 г. первого ее этапа и составления нового бюджета армейские полки, согласно указу 19 января 1711 г., были «расписаны и расположены на губернии»[3]. Тем самым правительству удалось на первоначальном этапе создать многостороннюю, многоступенчатую систему обеспечения армии, основанную по территориальному принципу. Таким образом, мы находим подтверждение исторического факта о тесной связи в общем русле внутренней политики Петра Великого проблем реформирования системы налогообложения с проблемами содержания армии. Поэтому при разработке плана реформы, Российский Император за основу взял шведскую систему содержания поселенных войск. Когда в октябре 1715 г.государь распорядился, чтобы Брюс приложил усилия, «дабы осведомитца, с коликого числа мужиков у шведов был солдат и драгун, и по чему было положено на двор, или на гак, или поголовщину, и каким образом оных и их офицеров держали на квартирах», Брюс отвечал Петру, что, «как возможно, буду доведоватца чрез здешних о сем ведомых людей о таком их расположении»[4]. В фонде Кабинета Петра сохранилась «Ведомость, каким образом конные и пехотные полки учреждены и на каком трактаменте оные и их офицеры на квартирах были содержаны»[5]. Таким образом, основные принципы поселенной системы Швеции, основанные на непосредственном содержании армии плательщиками, нашли свое отражение в указе Петра от 15 ноября 1717 г. «О разкладке армеи по кресянам, и чтоб выше какой меры по возвышат, и о скасках о душах, даф сроку на год», который гласит: «Расписать, на сколько душ солдат рядовой з долею на него роты и полкового штата, положа средней оклад»[6]. Учитывая, что проблема определения общей суммы расходов на армию занимала Петра давно, в 1717 г. он распорядился приготовить смету расходов на одного солдата: «Конечно изготовить к середе следующее: одного человека пешего со фсем, что к нему надлежит в год, также конного, лошади, палатки, телеги и протчее, скольких работных персон может содержал быть»[7]. При этом штат мирного времени, разработанный для армии в 1720 г., предусматривал расходы в 4 млн. руб. ежегодно[8]. Изучив все материалы о новом устройстве полевой армии, в том числе и ландмилицких полков, формах и методах их боевой подготовки, Император дал указание «изыскать необходимые средства для экипировки и снаряжения войск».[9] Учитывая особую тяжесть повинностей в губерниях, где размещалась основная часть пехотных и драгунских полков, правительство снимало с населения этих губерний часть денежных платежей. Однако «…и того провианта… в вышеписанных годах сбору не было»[10]. Пребывание армии обошлось населению в 109 тыс. руб., а цена провианта, кото-

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С.311.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (ПСЗ). № 2643.

[3] Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I, Введение подушной подати в России 1719 – 1728 гг. Л., 1982. С.52.

[4] ЦГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 23. Л. 74.

[5] ЦГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 88, Л. 422—429 об.; Кн. 90. Л. 714 об.—716.

[6] Анисимов Е.В. Указ. соч. С.58.

[7] Там же. С.57.

[8] Ключевский В.О. Подушная подать и отмена холопства в России. Т.VII. М., 1950. С. 318-319.

[9] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 21.

[10] ЦГАДА. Ф. 248. Кн. 112. Л. 249-250.

рый с него не взимали, составляла не более 40 тыс. руб. Таким образом, пребывание армии обошлось населению в 2,7 раза дороже[11]. Кроме того при каждом передвижении войск делались распоряжения о внеплановом сборе с жителей, на пути прохода полков, провианта и фуража в счет податей[12]. При этом в ходе сборов и тот и другой зачитался жителям в положенную с них подушную подать на содержание войск[13].

В тоже самое время при создании ландмилиции решались задачи замены регулярной армии, несущей пограничную службу на Юге России, более дешевым родом войск. Сенатский доклад, призванный усовершенствовать проект, также связывал формирование новых полков, на более выгодных для армии и государства в целом условиях: «…однакож в армее число полков не только не умалится, но и прибавится, потому что вместо 6 будут 22 полка»[14]. Формирование новых ландмилицких полков в обновленном виде было поручено князю Голицину[15]. В документе о его назначении одновременно обозначались и задачи содержания войск. При этом предполагалось, что содержание новых украинских полков будет дешевле: вместо 430 тыс. будет затрачено 101 тыс. рублей. В дополнение к вышесказанному приведем выписку из Сенатского Указа от 13 апреля 1723 года в котором даны достаточно четкие определения системы содержания войск на южных рубежах: «Правительствующий Сенат приказали: на Украинцов Азовской и Киевской Губерний, сверх осьмигривеннаго сбору, положить еще по 4 гривны с души и тот четырегривенной сбор сбирать особливо и употреблять на ландмилйцию конную, которую собрать числом столько, сколько их на тех сборных деньгах содержать будетъ можно, положа на рядоваго жалованья по 6 рублей в год»[16]. В этих целях князю Голицину дано было разрешение «…выбирать офицеров из дворян из Волохов и Сербов, которые там обретаются и к тому годны; о том в Сенат прислать ведомость, по которой тогда доложить Его Величеству[17]. При всем кажущейся на первый взгляд простоте решения проблемы безопасности южных губерний, содержания войск и снижения налогового бремени народа, вновь созданная система по-прежнему давала «сбой». Так, сенатский указ от 3 августа 1724 г. гласил: «… что ежели за невысылкою денег ландмилиция в жалованье претерпит нужду, и то все взыскано будет оных Губерний и провинций на управителях с жестоким истязанием»[18]. Регулярный конный ландмилицкий полк обходился правительству, по первоначальным расчетам, сделанным в 1731 г., в 11 790 р., то есть в 3,6 раза дешевле драгунского регулярного полка (по штатам 1720 г.), и в 1,7 раза — драгунского гарнизонного[19]. Поэтому, несмотря на то, что ландмилиция являлась более дешевым видом вооруженных сил, чем полевые полки, реализованы были лишь планы количественного увеличения ландмилицких полков: число украинских полков было увеличено вдвое (до 20)[20]. Оплата за службу обеспечивалась земельным жалованием, аналогичным прежнему поместному, служившему еще и дополнительным стимулом к освоению новых территорий.

Обновленная Украинская ландмилиция в последующем была переименована в Украинский ландмилицкий корпус, при этом расходы на содержание выросли с 203822 р. до 290 822, то есть на 43,1%, а за счет корпусных служб несколько выросла и численность ландмилицких частей — на 1,4 тыс. чел. (5,4%)[21]. Экономические просчеты в планировании финансового обеспечения войск привели к ситуации, когда на содержание вновь сформированных ландмилицких полков не хватало средств. «Без семигривеннаго сбора новонабранных 10 полков во всем исправить и жалованьем довольствовать невозможно, которые по приводе в кампанию без ружья и других всяких приборов будут недействи-

---

[11] ЦГАДА. Ф. 248. Кн. 112. Л. 250-251.
[12] ПСЗ. № 3444.
[13] ПСЗ. № 3733.
[14] РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 63 об., 69.
[15] ПСЗ. № 4200.
[16] ПСЗ. № 4195.
[17] ПСЗ. № 4539.
[18] ПСЗ. № 4539.
[19] РГАДА. Ф. 248. Кн. 392 л. 324 об., 327
[20] Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736 – 1739 гг. Т.1. СПб., 1906. С 17.
[21] Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Ионовны. М., 2001. С. 127.

тельны и за неполучением жалованья могут понесть нужду»[22]. В конечном счете ландмилиция была положена на подушный семигривенный сбор с однодворцев и 4-гривенный сбор с них же и с государственных крестьян. По этой же причине с 1733 г. было принято решение о переходе к централизованной закупке лошадей для ландмилиции, хотя раньше сумма на покупку лошадей выдавалась каждому ландмилиционеру на руки[23].

Порядок распределения поступающих сборов для обеспечения денежным довольствием вновь сформированных войск был определен в Сенатском Указе от 12 октября 1732 года: «О назначении сумм на содержание Ландмилиции и Закамских гарнизонов». В этом указе говорилось, что «...понеже, по Именному блажеяныя и вечнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго, 1723 года Апреля 29 дня, указу, велено, Ландмилицам рядовым давать жалованье по 6 рублей в год безпременно; Жалованье тех полков определить регулярных Штаб, Обер и унтер- офицерам против дачи тамошних гарнизонов Азовской и Киевской Губерний, а в нерегулярных против тех же гарнизонов одним Полковникам, Капитанам и Хорунжим, також, как регулярным, так и нерегулярным офицерам, сверх положеннаго на них жалованья, давать на деньщиков жалованье и по рангам на районы деньги, по скольку кому в тамошних гарнизонах офицерам дается, а провианта на деньщиков не давать, а рядовым, как в регулярных, так и в нерегулярных, по 6 рублей человеку; а лошадей в первый год купить им из четырехгривенных денег и быть тем лошадям у них вечно; чего ради давать им на год по рублю человеку, понеже тот оклад учинен им равной с гарнизонными драгуны; им же велено, когда будут от домов своих в дальности, тогда провиантом довольствовать из магазинов....». Кроме того, указом предписывалось увеличить численность Украинского ландмилицкого корпуса до 24 полков, «...а по табели на те Ландмилицкие полки положено Штаб и Обер -офицерам, 557,05 рублей, унтер-офицерам и рядовым, 154,982 рубли 80 копеек, на лошадей по рублю на год 19, 380 рублей, на ружье, на аммуницию, 51,408 рублей, и того 281,476 рублей...». Для получения дополнительных средств для покрытия возросших расходов предписывалось указом «... с однодворцев, из которых вышеписанные 24 полка набраны и набираются, за вычетом тех, кои служить будут, четырегривенных денег 133,434 рубли 20 копеек, к вышеписанному числу не достанет 160 рублей 77 копеек с половиною. А по указу Ея Императорскаго Величества Марта 21 дня, велено иметь в Сенат разсуждение, искать способ, откуда надлежащую на Ландмилицию сумму дополнить надлежит»[24].

Рядовой состав и офицеры были уравнены в жалованьи с остзейскими гарнизонными полками (двухтретном против армейских), вследствие чего расходы на полк увеличились до 14 138 р., то есть почти на 20%. Причиной большой недоимки на полки стало то обстоятельство, что армейские офицеры, выбирающие 4-гривенный сбор одновременно с подушной на свои полки, отправляли туда всю сумму, создавая своего рода искусственно увеличенную недоимку на ландмилицию. Поэтому было принято решение изменить порядок сбора, выделив особые дистрикты, с которых весь сбор (7-гривенный и 4-гривенный) будет собираться самими ландмилицкими офицерами преимущественно с тех же однодворцев, которые поставляют ландмилнцию. Однако в этом им было отказано на том основании, что планировалось подушной сбор проводить под контролем гражданских властей. Одновременно им отказали и в компенсации потерь от отмены правительством подушной на первую половину 1735 г., переложив тем самым значительную часть расходов на однодворцев: «...оная сложенная сумма самим ландмилицам в пользу пришла, ибо оную с них самих взять надлежало». Сумма, естественно, выбиралась с недобором не менее чем в 20% оклада. За 1734-1735 гг. он составил 48,5% оклада, но если принять во внимание отмену правительством сбора подушной на первую половину года, вызванную голодом, и учесть только результаты 1734 г., фактическая сумма недоимки составит 24,8%.

Общая же картина податного бремени, легшего на содержащих ландмилицию однодворцев, достаточно подробно обрисована Д.П. Журавским. По его подсчетам, за 9 лет общие убытки казны составили 1,9 миллиона, а численность однодворцев южных губерний, несмотря на естественный прирост, сократилась на 66,5 тыс. чел., то есть по 1% еже-

---

[22] ПСЗ. № 5997.
[23] Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 126.
[24] ПСЗ. № 6227.

годно[25]. Все эти проблемы и неустройства привели к тому, что только в 1736 г. (фактически через 5 лет после начала реформы ландмилицкого корпуса) были изданы окончательные штаты ландмилицких полков. В них было определено 22 731 чинов и 290 тыс. 832 руб. на их содержание[26]. На покрытие этих расходов приписаны были к ландмилицким полкам округи или дистрикты из южных губерний, прежде всего Воронежской и Белгородской, из которых два сбора, четырёх- гривенный и семи- гривенный поступали прямо в украинскую ландмилицкую комиссию на уплату жалованья генералам, штаб и обер-офицерам, нижним чинам и нестроевым ландмилиции, на амуницию и на лошадей[27]. Этому предшествовал сенатский указ от 31 декабря 1734 г. которым предписывалось для содержания всх ландмилицких полков, украинских и закамских, «…определенную сумму в 501,192рубля 97 ½ копеек, положить сборы, а именно, четырегривенные деньги, которые собираются с однодворцев и прочих прежних служеб служилых людей, из которых учреждены те полки, Белогородской и Воронежской Губерний 125,622 рубли 60 копеек, Казанской Губерний 9,811 рублей 60 копеек, да сбираемые с них же по семи гривен с души, которые были положены на драгунские 6 полков, 165, 758 рублей 77 1/2 копеек, и того вышеписанное число 301,192 рубли 97 ½ копеек; да на драгунские на 6 полков 255,382 рубли 20 копеек…»[28].

Однако все попытки снизить расходы на ландмилицию оказались в целом неудачными. В 1736 г. генерал-фельдмаршал Ласси доносил, что «команды его полки верхним и нижним мундиром весьма обносились, так что оные весьма наги и боси находятся, и от того будучи при нынешних военных случаях, претерпевают несносную нужду и впадают в жестокия болезни, многие умирают, а другие к службе вовсе негодны становятся»[29]. Генерал-майор Шипов доносил 1 апреля 1738 г., что «Самые лучшие и годные в службу однодворцы и с лошадьми разобраны в подводы под артиллерию, також многие разосланы в разные работы и посылки, и для рубки лесов, и возки к линии овса и соли, в Тавров к бочарной и бударной работе и затем-де в дистриктах годных в службу людей и лошадей находится малое число, а в некоторых селах и деревнях и не находится»[30]. Пытаясь хоть как-то облегчить напряженную ситуацию с финансированием корпуса, правительство продолжало изыскивать иные пути пополнения казны. Так, императорский указ от 19 марта 1736 г. предписывал направить на содержание корпуса «20 тыс. рублей из собираемых на Украине и в Слободских казачьих полках сумм»[31]. Однако в 1740 г. генерал Румянцев доносил, что «малороссийскими доходами указных расходов никак удовольствовать невозможно»[32]. При этих условиях весьма понятно, что в пятидесятых годах поселенные войска пришли в такое состояние, что расходы на их содержание никоим образом не оправдывались уровнем боеспособности. А с учетом вариативности военно-политического баланса на юге страны, изменений в тактике военного противоборства и совершенствования вооружения войск, становится очевидно, что это были последние иерегулярные войска на границах степи и зоны оседлых поселений. И после завоевания Туркестана (60-80 годы XIX в.), а также по ряду других причин нужда в такого рода «воинезированых крестьянах» отпала сама собой. На огромной территории юга Российской империи окончательно кануло в прошлое не только противоборство многих государств, а, прежде всего «степняков и пахарей».

В целом, подводя итог, можно утверждать, что идея создания поселенных войск, которую попытался реализовать Петр Великий и его преемники, стала результатом попытки сочетать преимущества регулярной постоянной армии с дешевизной поселенных войск. При этом Петр I исходил, главным образом, из опыта Западной Европы и, прежде всего Австрии и Швеции, где уже существовали сходные военные институты и учреждения (поселенные на австро-турецкой границе полки граничат и шведская система т.н. «молодой индельты»). Однако попытки снизить расходы на содержание поселенных

---

[25] Там же.

[26] ПСЗ. № 6927.

[27] Журавский Д.И. Указ. соч. С. 36.

[28] ПСЗ. № 6660.

[29] Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. // Записки императорского Московского института. Т. XXIX. М., 1913. С. 328.

[30] Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 130.

[31] ПСЗ. № 6926.

[32] Журавский Д.И. Указ. соч. С. 36.

войск в конечном итоге оказались неудачными. Численность корпуса непрерывно росла, а вместе с ним росли и расходы на его содержание. К тому же «приземление» корпуса негативно сказывалась на его боеспособности. Таким образом, все преобразования в налоговой системе и системе комплектования войск по «поселенному» принципу не принесли положительных результатов. И после прихода к власти Елизаветы Петровны новые власти решили, что содержание ландмилиции слишком дорого и подвергли состав корпуса сокращению. Указом императрицы в декабре 1741 г. предписывалось оставить на постоянной службе в составе ландмилицкого корпуса лишь 9 полков, а прочие 11 распускались по домам вместе с амуницией и строевыми лошадьми в отпуск. Раз в году они должны были призываться на недельные сборы и служить источником пополнений для несших пограничную службу оставшихся линейных полков.[33] После восшествия на престол Российской империи Екатерина II издала указ от 15 декабря 1763 г. о реформировании Украинского корпуса и преобразовании оставшихся его полков в обычные полевые армейские полки. При подготовке этого указа учитывался ряд обстоятельств. К этому времени значительная часть ландмилицких полков, распущенных по домам более 20 лет назад и проходивших время от времени короткие военные сборы, имела низкую боеспособность, особенно в сравнении с армейскими полками. Содержание же ландмилиции обходилось казне ежегодно в немалые суммы, которые к тому же собирались с большим трудом и задержками[34]. Тем не менее, ландмилиция сыграла свою роль и после того, как рубежи России вплотную приблизились к берегам Черного моря и необходимость в ее содержании отпала.

UKRAINIAN LANDFORCES CORPUS AND PROBLEM OF THEIR FINANCING IN THE 1ST HALF OF XVIII CENTURY

E.A. GUKOVA

Belgorod State University

e-mail: Gukova @ bsu.edu.ru

Based on reliable information about historical and social-political preconditions of emergence and function Ukrainian landpolice corps and accommodation this on Ukrainian Line research problem of effectiveness allowance irregulars forces on Russian South by account of different forms of the tax. Discovering not learning in Soviet science history forming South Russian lands XVII – XVIII. With chronological sequence research historical experience of modernization of system allowance forces and set up indirect accent in solution contemporary problems with forces. For the first time imputing in science significant factual material, which keep in region and federal archives and it, is provocative interest in history of allowance forces on Russian South in XVII – XVIII centuries, as object special analytic research.

Key words**:** Ukrainian landpolice corps, Ukrainian Line, odnodvorci, podushnaya podat, tax of population, financial security of forces.

---

[33] Пенской В.В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. №10. С.152.

[34] Пенской В.В.Указ. соч. С. 152.

УДК 947. 07 (093)

О ПОВОРОТЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВВ.)

А.Н. ДОЛГИХ

Липецкий государственный педагогический университет

e-mail: lgpi@lipetsk.ru

В данной статье ставится проблема о времени поворота в правительственной политике России по крестьянскому вопросу. На основании значительного круга источников, в том числе и архивных, автор приходит к выводу, что этот поворот, направленный к смягчению крепостного права, происходит постепенно на протяжении двух царствований – Павла I и Александра I. Это явление прослеживается и при анализе распространения крепостного права вширь (на новые территории) и вглубь (на новые категории населения), в отношении права владения людьми, прав помещиков на крестьян, в том числе на их личность, распоряжение их трудом и т.д. По всем направлениям налицо очевидное смягчение крепостного права, в особенности в законодательстве. Наиболее существенным для александровской эпохи стало выдвижения вопроса об освобождении крестьян в область реальной политики. Здесь и законодательство о вольных хлебопашцах, и безземельное освобождение крестьян в Остзейских губерниях, и неосуществленный план «погубернского» освобождения крепостных конца 1810-х гг., и активное инспирирование властями дворянских проектов решения крестьянского вопроса.

Ключевые слова: внутренняя политика самодержавия, крестьянский вопрос, смягчение крепостного права, помещики, владельческие крестьяне, освобождение крестьян.

Проблема поворота в политике российского самодержавия в сфере крестьянского вопроса (т.е. в отношении положения владельческих крестьян) является достаточно дискуссионной в историографии. Общеизвестно, что крепостное право со времен Соборного уложения 1649 г. развивалось в России по нарастающей, резко усилившись и перейдя в некую новую стадию (из «крепостного права по лицу в крепостное право по земле»), достигнув своего пика примерно при Екатерине II. По нашему мнению, поворот в политике, направленный к смягчению крепостного права, произошел в период царствований Павла I и Александра I. К этому самодержавие вели и различные экономические соображения, и рост крестьянского недовольства, и соображения гуманности, связанные с так называемым «духом времени». При этом для данного периода, на наш взгляд, первый фактор был достаточно действенным, второй ощущался значительно меньше. Что же касается третьего, то он был весьма неплохо представлен в данный период, особенно при Александре I. Были и иные соображения, заставлявшие самодержавие предпринимать определенные меры в этой сфере: стремление монархов не допускать ограничения своей власти в деле сохранения контроля за взаимоотношениями дворянства и владельческих крестьян. Вне зависимости от тех или иных побуждений Павла и Александра, объективное значение этой политики заключалось в смягчении крепостного права.

Стоит заметить, что в значительной степени политика правительства в данной сфере была, скажем так, достаточно «авторской», на ней лежал серьезный отпечаток личности и идей самих монархов, проводивших ее. В силу того, что давление снизу, со стороны крестьянства, было еще недостаточно сильным, правители имели еще время для маневра. Поэтому стоит говорить именно о личностном характере политики самодержавия в этой сфере. В связи с этим парадоксальным здесь выглядит тот факт, что поворот в политике по крестьянскому вопросу был начат при Павле, субъективно не стремившемся к эмансипации крестьянства и враждебно относившемся к подобной идее, в отличие, скажем, от своей матери.

Иное дело – Александр. При всем сходстве с отцом (например, в деле сохранения монархии и военном строительстве), он начал проводить в целом либеральную политику, отражением которой были и преобразования в сфере крестьянского вопроса. Конечно, его либерализм носил, можно сказать, «маниловский» характер, и при столкновении с труд-

ностями и сопротивлением дворянства и бюрократии он отступал от своих идей, подчиняясь обстоятельствам. В этой связи стоит заметить, что деление этого царствования на период преимущественно либеральный и преимущественно реакционный, рубежом между которыми явилась война 1812-1814 гг., применительно к истории крестьянского вопроса во внутренней политике явно не соответствует истине. Политика и законодательство по крестьянскому вопросу в это царствование были преемственны не только между собой, но и сохраняли много общего с политикой павловского времени.

Вплоть до 1796 г. крепостное право имело тенденцию к распространению на новые регионы империи. Последними в этом ряду будет Левобережная Украина (1783 г.) и Новороссия и Северный Кавказ (Екатеринославская, Вознесенская, Кавказская губернии, Таврическая область – 1796 г.). Но этим дело и закончилось. Уже в 1801 г. Александр заявил о том, что больше жаловать крестьян в частные руки не будет. Несмотря на отдельные отступления (например, продажу в начале 1810-х гг. небольшой части государственных крестьян в частные руки в связи с финансовыми трудностями казны), это правило будет действовать и в дальнейшем.

Весьма интенсивным, как и в предшествующее время, было законодательство о праве владения людьми. При этом правительство по-прежнему придерживалось принципа сохранения этого права только за потомственными дворянами. Следует отметить, что даже консервативные мотивы проведения подобной политики могли иногда привести к положительному итогу для крестьянства. В отдельных случаях неправильно закрепощенные крестьяне получали свободу. Речь идет о запрещении укрепления отдельных групп казенных крестьян, так называемых «пилипонов», солдатских детей, владения людьми личными дворянами и разночинцами, в том числе по так называемым «верющим письмам», укрепления евреев[1] и др. Скажем и о законодательстве о так называемых «ищущих свободы», которое, несмотря на некоторую противоречивость, также несло в себе тенденцию к ограничению крепостного права. Отметим и указ от 21 сентября 1815 г. «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения». Некоторые исследователи в нем видели свидетельство «открытого перехода к реакции» в сфере крестьянского вопроса. Как писал С.Б. Окунь, «до 1815 г. формально сохранял еще свою силу закон 1754 г., в соответствии с которым окончательно закрепощенными считались лишь крестьяне, записанные за помещиками по первым двум ревизиям. Все же записанные за помещиками по последующим ревизиям сохраняли за собою право возвращения им вольности. Но по новому закону 21 сентября 1815 г. все крестьяне, записанные за помещиками не только по первым двум, но и по последующим ревизиям, лишены были права «отыскивать вольность» и признавались «крепкими» помещику». По нашему мнению, комплекс законодательных актов последнего десятилетия александровского царствования позволяет нам считать, что практика рассмотрения исков о неправильном закрепощении продолжалась и после этого указа[2].

В отношении прав помещиков на личность крепостных сделано было в этот период весьма мало. За дворянами сохранялись права сдавать крестьян в смирительные и рабочие дома, в рекруты, а также в отношении «домашнего» наказания крепостных. Но в данную эпоху произошли изменения и в этом законодательстве. При Александре об этом

---

[1] ПСЗ - I. Т. XXV. № 18889; Т. XXVI. № 19852, 19979, 19988; Т. XXVII. № 20702; Т. XXVIII. № 21276 а, 21974; Т. XXIX. № 22085, 22148, 22244, 22431, 22611, 22689; Т. XXX. № 22840, 22862, 23244, 23986; Т. XXXI. № 24547; Т. XXXII. № 25107, 25410, 25604, 25737; Т. XXXIII. № 25786, 26184, 26283 а, 26376, 26439, 26469; Т. XXXIV. № 26947, 27124; Т. XXXV. № 27352, 27377, 27594; Т. XXXVI. № 27723, 27740 а, 27782, 27972; Т. XXXVII. № 28207, 28249, 28447, 28501, 28817; Т. XXXVIII. № 29056, 29089, 29343, 29416, 29420, 29557, 29560; Т. XXXIX. № 29936, 29965, 30040; Т. XL. № 30248, 30407, 30528; РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 12 (1821 г.). Л. 1-16; Д. 37 (1823 г.). Л. 1-42 об.; Ф. 1151. Оп. 1. Д. 158 (1813 г.). Л. 2 об. - 5 и др.

[2] ПСЗ - I. Т. XXIV. № 17583, 18261; Т. XXV. № 18768, 18780, 19011, 19148; Т. XXX. № 22925, 22958, 23361, 23512; Т. XXXI. № 24207 в; Т. XXXII. № 25241; Т. XXXIII. № 25909, 25947, 26081; Т. XXXIV. № 26641, 26667, 26708, 26880; Т. XXXV. № 27278, 27294; Т. XXXVII. № 28081, 28367, 28572, 28797; Т. XXXIX. № 29935, 29936; Т. XL. № 30407; РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 6 (1823 г.); Д. 41 (1825 г.). Л. 1-5 об.; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 699 (1819 г.). Л. 1-6 об.; Д. 520 (1822 г.); Ф. 1330. Оп. 4. Д. 415 (1816 г.); Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802-1812 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. Т. 1. СПб., 1888. С. 373. См. также: Окунь С.Б. История СССР (Лекции). Конец XVIII - начало XIX в. Ч. 2. Л., 1978. С. 104-105.

был издан именной указ 10 марта 1809 г., фактически отменявший самый жестокий из прежних указов о помещичьей власти над крепостными и ликвидировавший право первых ссылать по собственной воле крестьян на каторгу[3].

В отношении вопроса о праве владельцев ссылать своих крестьян в Сибирь на поселение по собственной воле налицо серьезные колебания властей. Если при Павле это положение сохранялось, то при Александре I был издан акт 25 января 1802 г., приостановивший ссылку помещиками крепостных в Сибирь «впредь до повеления». Вместе с тем закон о ссылке крестьян по воле помещиков в Сибирь, по нашему мнению, все же отменен не был. Об этом говорил акт 30 сентября 1812 г. «Об отправлении к сосланным в Сибирь на поселение крестьянам жен их и детей по их желанию и дозволению общества», в котором признавалось такое право для казенных крестьян, но и в отношении помещичьих крестьян было предложено, чтобы помещик отправлял туда детей крестьянина с выплатой за мужскую ревизскую душу до ревизии, что косвенно говорило о признании властными структурами России того, что в определенное время этот своеобразный «мораторий» на ссылку помещиками крестьян в Сибирь может быть отменен, что потом и произошло в результате рассмотрения одного из частных дел в Государственном совете (указ 3 марта 1822 г.).

Для многих историков этот указ являлся аргументом, доказывающим реакционный курс самодержавия по крестьянскому вопросу в данную эпоху. Заметим, что его нормы не полностью повторяли положения акта 1760 г. (например, нельзя было зачитывать сосланных крестьян за рекрутов). Тем не менее, отметим неразумность закона (если смотреть на него с точки зрения самодержавия), ограничивавшего власть монарха, всегда стремившуюся играть роль арбитра во взаимоотношениях помещиков и крепостных. С другой стороны, помещики теперь уже не имели права возврата крестьян обратно (хотя этот вопрос и не был оговорен в законе). Очевидно, что данный акт был в эту эпоху явным анахронизмом, нетипичным для александровского правления. Не зря позднее Николай I говорил о нем неодобрительно, считая его «неудобным», и он был вскоре изменен[4].

Речь может также идти о некотором ограничении прав помещиков на использование крестьянского труда. Эти робкие попытки проводились и при Павле: крупнейшей мерой стал манифест 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины, реализация которого затруднялась и самим характером документа, и отсутствием специальных подзаконных актов, и «способом» исполнения подобных законов в России. Действительно, в ряде случаев Павел принимал определенные меры к нарушителям указанных выше норм манифеста. Здесь, как это часто бывало, недостатки положительного закона компенсировались иногда определенной позицией императора, по тем или иным причинам принимавшего сторону крестьян. В случаях отрицательного для крестьян решения судебных дел по этим вопросам, возможно, Павел не шел всегда им навстречу из-за опасений поколебать существующие порядки. Точка зрения ряда советских историков, механически исходившая из роста или спада крестьянского движения и принятия самодержавием соответствующих мер, в данном случае весьма уязвима, так как не учитывает ряда других факторов, которые иногда могли повлиять на то или иное решение монарха[5].

Значение этого акта подтверждалось и попытками Александра I реанимировать его в законодательстве. При обсуждении в Комитете министров (в 1817-1818 гг.) записки вопроса об изнурении помещиками крестьян в Волынской губернии в итоге было принято решение возложить на губернские власти контроль за исполнением этого положения, расширив его действие «на двунадесятые и храмовые праздники». В целом, можно ска-

---

[3] ПСЗ - I. Т. XXX. № 23530; Т. XXXI. № 24707.

[4] Там же. Т. XXV. № 19157; Т. XXVI. № 19529, 19598, 19668, 19740; Т.XXVII. № 20119, 20265, 20574; Т. XXIX. № 22189, 22377; Т. XXXI. № 24296; Т. XXXII. № 25238, 25581; Т. XXXVIII. № 28954, 29507; Т. XXXIX. № 29824, 29930; РГИА. Ф. 1149. Оп. Т. I. Д. 10 (1824 г.); Д. 37 (1819 г.); Ф. 1167. Оп. Т. XVI. Д. 135; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 558 (1824 г.); Д. 800 (1824 г.); Ф. 1286. Оп. 3. Д. 259 (1823 г.); Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 220–221.

[5] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17909; Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 543-550; Окунь С.Б., Паина Э.С. Указ 5 апреля и его эволюция: (К истории указа о трехдневной барщине) // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С.Н. Валка. М. - Л., 1964. С.283-299; Абрамова И.Л. Политика самодержавия в отношении частновладельческих крестьян в 1796-1801 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 4. С. 52-56.

зать, что данная норма выполнялась на практике крайне плохо, о чем говорили и современники, и историки, занимавшиеся данной проблемой[6].

При Павле были попытки регламентации крестьянских повинностей, в особенности применительно к арендным имениям. Показателен здесь указ 10 апреля 1798 г. «О приведении в точную известность качества казенных имений, состоящих в областях, от Польши приобретенных, и о произведении новой оным люстрации», представлявший уникальный случай попытки реализации проекта инвентарной реформы, автором которого был генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин. В нем предлагалось учредить на местах комиссии для «пересвидетельствования» инвентарей всем «казенным имениям своего уезда», которые должны были определить «число дней панщизны и всяких работ, отправляемых жителями» в зависимости от количества и качества земли и других местных условий (на основании сведений от владельцев за 6 последних лет). При этом Сенату было предложено прямо приступить к реализации этого проекта. В дальнейшем подобные попытки имели место в Киевской губернии, Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, Выборгской губернии и др. На деле же ситуация с арендами изменилась мало[7].

Интересно в этой связи законодательство Павла о командорственных имениях. В указе 30 апреля 1797 г. права владельцев их были ограничены, «дабы отвратить все то, что временному владению несвойственно»: денежный оброк не должен был превышать норм для казенных имений, а «поземельный сбор» - не превышать норм удельных имений; запрещалось здесь заводить фабрики и винокурни, а предоставлялось лишь «единственное право распространения хлебопашества» (не нарушая норм манифеста 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины); ограничено было право рубить лес; запрещались сделки на имения, сдача их в аренду с угрозой взыскания за это с кавалеров ордена; раскладка рекрутских наборов и государственных податей предоставлялась «самим поселянам», как и возможность семейных разделов; вводился запрет расселения и переселения крестьян, которые могли проводиться по представлениям «поселян» только правительственными органами; запрещалось употреблять крестьян «в долговую услугу» по причине «неоспоримого вреда отвлечения крестьян от земледелия»; у крестьян должно было оставаться ⅔ земли в имениях и лишь ⅓ у владельцев; от помещиков требовалось блюсти их благосостояние; за состоянием этих имений должен был наблюдать губернатор, донося об этом орденской канцелярии. Судя по всему, подобные порядки должны были быть распространены и на другие орденские командорства. Эта идея в дальнейшем не была реализована, но из мер в отношении командорственных имений можно судить о планах Павла реорганизовать существующие правовые отношения и в помещичьей деревне[8].

Налицо очевидное внимание правительства к вопросу о продаже людей без земли. Запрещение подобной продажи в тот период было тем минимумом уступок крестьянству, на который могли пойти определенные слои дворянства и высшей бюрократии. (В крайнем случае, речь могла идти о запрещении раздробления семейств продаваемых без земли крепостных). Эти акции не претендовали на изменение сути крепостнических отношений. Данное явление связывалось с более широким вопросом о судьбе дворовых людей, которых без земли по преимуществу и продавали, их положением и упразднением в том или ином виде этой категории крепостного населения, в отношении которых мнение подавляющей части дворянства России было крайне негативным. Ряд мер предпринято было по этому поводу при Павле I. Наиболее существенной был указ 16 февраля 1797 г., запрещавший продажу дворовых людей и крестьян без земли с молотка за долги помещика. Подводя итог решению проблемы в правительственных сферах в павловскую эпоху, можно отметить однозначный запрет продавать людей и крестьян без земли за казенные взыскания и достаточно неясную позицию на сей счет по части взысканий частных (что, на наш взгляд, и привело к тому, что в дальнейшем эта продажа была сохранена). Сюда же можно отнести и указ Павла о запрете продавать крестьян в Малороссии 16 октября 1798 г.[9]

---

[6] ПСЗ - I. Т. XXXIII. № 26254; Т. XXXV. № 27316; Т. XXXVIII. № 29459; Т. XXXIX. № 29858; Т. XL. № 30351, 30356, 30543; РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8974 (1818-1819 гг.). Л. 1-89; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 148 (1818 г.). Л. 360-370 об.

[7] ПСЗ - I. Т. XXV. № 18475, 18670, 18826, 19218; Т. XXVI. № 19642.

[8] Там же. Т. XXIV. № 17908, 17925, 17945, 18185; Т. XXV. № 18687; РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 507 (1818-1820 гг.). Л. 165-165 об.

[9] ПСЗ - I. Т. XXIII. № 17076; Т. XXIV. № 17809, 18098, 18333, 18550; Т. XXV. № 18442, 18706, 18931; Т. XXVI. № 19692, 19772; РГИА. Ф. 1149. Оп. Т. I. Д. 47 (1829 г.). Л. 4 об.-5.

Данный вопрос интенсивно обсуждался в высших правительственных сферах при Александре I. При этом выделяется два основных пика: рассмотрение этой проблемы в Непременном совете в 1801-1802 гг. (при ее обсуждении в 1801 г. члены Совета высказались за то, чтобы отложить разрешение вопроса на некоторое время, дабы не возбуждать крестьян излишними надеждами в начале царствования, но уже в 1802 г. они согласились с необходимостью принятия закона о ликвидации продажи людей без земли; правда, при вторичном обсуждении вопроса, видимо, изменилась позиция монарха - и решение вопроса было отложено) и в Государственном совете в 1820 г. (решение проблемы было отложено в долгий ящик из-за более решительной оппозиции ряда членов Совета). В итоге, дело ограничилось фактически повторением прежних законов, лишь частично ограничивавших эту продажу[10].

Отношение властей к жалобам крестьян и дворовых людей на помещиков, в принципе, менялось мало, несмотря на наличие определенных демагогических заявлений монархов на сей счет. Вообще говоря, крепостные по законам не имели права жаловаться на помещиков, но правительство, наказывая жалобщиков, давало, как правило, ход их жалобам и производило по ним расследования. Применительно к эпохе Павла эта противоречивая политика была связана, прежде всего, с пониманием того, что эти отношения должны быть введены в законные рамки. Политика Александра I здесь мало отличалась от его предшественника. Исключительным здесь выглядит указ 2 января 1819 г., запрещавший полиции препятствовать подаче крестьянами жалоб непосредственно в руки императору во время его поездок по стране. Заметим, что это право не было никак закреплено в последующем законодательстве.

Иногда правительство применяло в качестве наказания помещиков сдачу их имений в опеку, что было фактически продолжением прежней политики самодержавия XVIII в. Меры эти применялись раз от разу, но при этом какая-либо система отсутствовала. С другой стороны, по-прежнему использовались довольно жесткие меры в отношении крестьянских бунтов. Здесь изменения были минимальны как при Павле, так и при Александре. Очевидно, что, ужесточая контроль за взаимоотношениями помещиков и крепостных, власти, в целом, придерживались прежней политики сохранения паритета, но также довольно бессистемно.

Заметим, что в законодательстве и политике самодержавия в данную эпоху существовало много всякого рода рутины, сохранения «старины» (например, в отношении поиска и наказания беглых крестьян), но и здесь просматривается определенная тенденция к смягчению крепостного права и ограничению крайних его проявлений. Правда, заметим, что реализация многих правительственных актов, направленных на смягчение крепостного права, на практике явно запаздывала, и для массы крепостного населения перемены были крайне незначительны.

Самые большие изменения во внутренней политике в данной сфере связаны с выдвижением уже при Александре I вопроса об освобождении крепостных на очередь реальной политики. Но всем этим стремлениям самодержавия противостояла толщь дворянского сословия, не желавшего ничего менять. Поэтому и действия властей в данном направлении были крайне ограниченными. Здесь говорить скорее о положительной реакции правительства на различные инициативы дворянства в этом отношении. В силу этого движение в данном направлении было довольно медленным. Кулуарность обсуждения данного вопроса в высших правительственных сферах, ограничение возможности открытого обсуждения вопроса в прессе и ряд других факторов, а главное, отсутствие предельного давления со стороны низов общества обусловили достаточно скромные итоги эмансипации владельческого крестьянства в данную эпоху.

Говоря о конкретном осуществлении этих планов в первой четверти XIX в., назовем здесь, прежде всего, законодательство о вольных хлебопашцах. Указ 20 февраля 1803 г. (несмотря на небольшую его эффективность, в значительной степени связанную не только с нежеланием большинства русских помещиков пойти на такую радикальную меру, как освобождение крестьян с землей, но и в связи с рядом стеснительных ограничений и в самом законе, и в ряде дополнительных узаконений, принятых впоследствии) все же давал определенную легальную возможность реального освобождения крепостных. Со

---

[10] Там же. Т. XXX. № 23157; Т. XXXII. № 25107, 25259, 25351, 25385, 25604, 25737; Т. XXXIII. № 25771, 25335, 26164, 26290, 26469, 26504; Т. XXXVIII. № 29192, 29525.

своей стороны, мы придерживаемся тезиса (противостоящего господствующему мнению в историографии) о том, что серьезных колебаний в его реализации не было. Определенным свидетельством в нашу пользу является динамика крестьянского освобождения при Александре, а также существование специального Комитета, созданного в 1813 г. для успешной его реализации. Выделим здесь обсуждение в Комиссии составления законов в 1824-1825 гг. вопроса о дополнении условий освобождения помещиками крепостных по указу 1803 г. иными, более благоприятными для помещиков, что должно было, по мнению законодателей, создать лучшие условия для крестьянской эмансипации[11].

Сюда же можно отнести и крестьянские реформы в Остзейских губерниях, рассматривавшихся в ту пору как «полигон» для испытаний в данной сфере. Если на первом этапе, в начале столетия, речь шла лишь о введении крепостного права в законные рамки (путем продолжения здесь прежней политики шведов XVII в. в отношении таксации ренты), то в дальнейшем, уже после наполеоновских войн правительство выдвинуло план безземельного освобождения крестьянства в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (до определенной степени устраивавший местное дворянство), реализованный в реформах 1816-1819 гг.

Этот план имел определенное продолжение в виде проекта своеобразного «погубернского» освобождения крепостных конца 1810-х гг., сведения о котором сохранились в источниках. Несмотря на стремление отдельных групп помещиков ряда западных губерний (Литовской, Минской, Белостокской области, Динабургского повета Витебской губернии) и даже некоторых великорусских губерний к освобождению крестьян на остзейских условиях, дело это так и не получило завершения[12]. Отметим также и известный план О.П. Козодавлева 1818 г., направленный на освобождение крестьян путем расширения прав на покупку населенных имений лицам недворянского происхождения, с тем чтобы новые помещики с крестьянами заключали так называемые «свободные договоры», с переводом их отношений на некую контрактную основу, который не был реализован из-за сопротивления правящей бюрократии[13].

Нельзя не остановиться в этой связи и на дворянских проектах решения крестьянского вопроса, особенно на тех, которые были инспирированы прямо монархом. В литературе фактически утвердилось мнение о том, что император в эти годы поручил «примерно 12 сановникам» подготовку проектов освобождения крестьян. По нашим данным, можно говорить о подобных поручениях Н.Г. Репнину, Н.Н. Новосильцеву, С.М. Кочубею, Е.Ф. Канкрину, Д.А. Гурьеву и А.А. Аракчееву[14]. Иное дело, что сами заявления монарха на сей счет, делавшиеся неоднократно и становившиеся известными в дворянском обществе России, побуждали представителей дворянства и бюрократии выдвигать подобные проекты, хотя серьезных результатов в политике и законодательстве данной эпохи правотворчество дворянства не имело. Заметим, что усиление реакции во внутренней политике, отмеченное современниками и исследователями для рубежа 1810-х - 1820-х гг., по нашему мнению, не оказало значительного воздействия на политику самодержавия в данной сфере[15].

---

[11] ПСЗ - I. Т. XXVII. № 20625; Т. XXVIII. № 21306, 21434, 21525, 21531, 21562, 21933; Т. XXIX. № 22714; Т. XXX. № 23964, 24470; Т. XXXII. № 25409, 25448. Т. XXXIII. № 25893, 26337; Т. XXXIV. № 27002, 27163; Т. XXXV. № 27315, 27470, 27600; Т. XXXVIII. № 28909, 29715; Т. XXXIX. № 29948; РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 5 (1814 г.). Л. 13 об.; Ф. 1152. Оп. Т. I. Д. 53 (1817 г.). Л. 1-3; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 327 (1825 г.). Л. 19-44 об.; Ф. 1341. Оп. 26. Д. 1459 (1825 г.). Л. 1-28; Ф.1409. Оп.1. Д.2587 (1818 г.). Л.5 об.; Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I. Т.3. Ч.1. СПб., 1878. Стб.788, 797, 800-810, 814-826; Т.4. Ч.1. СПб.,1892. Стб.633-634, 682-693, 706-710, 712-721; Журналы Комитета министров... Т.1. С.286-287, 293; Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX-начала XX в. /Под ред. В.В.Мавродина. Л., 1983. С.62, 66-68.

[12] Долгих А.Н. Тульское генерал-губернаторство А.Д. Балашева и крестьянский вопрос в политике российского самодержавия в конце 1810-начала 1820-х гг. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей. Т.2. Тула, 2004. С.205-213.

[13] ПСЗ - I. Т. XXVIII. № 21481; Т. XXXI. № 24244; Долгих А.Н. Указ 18 октября 1804 г. и его реализация а Александровскую эпоху. (К истории крестьянского вопроса в России в начале XIX в.) // Бартеневские чтения. Материалы региональной конференции. Липецк, 2002. С.53-59.

[14] Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С.137. См. также: Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII - первой четверти XIX вв.: Монография. Т. 2. Липецк, 2006. С. 210-215.

[15] См.: Долгих А.Н. Проблема историографии поворота правительственной политики по крестьянскому вопросу в России в начале 1820-х годов // Изучение истории России: наиболее ак-

Приведенный материал говорит, на наш взгляд, о действительном повороте в политике самодержавия в данной сфере на рубеже XVIII-XIX вв. Иное дело, что дело эмансипации крестьянства шло крайне медленно. Потребовался холодный душ Крымской войны, чтобы оно было, наконец, завершено.

ON TURN IN THE GOVTRNMENTAL POLITICS OF RUSSIA ON A COUNTRY QUESTION (THE END XVIII – THE FIRST QUARTER OF XIX CENTURIES)

A.N. DOLGIKH

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: lgpi@lipetsk.ru

This article is issue the challenge about time of turn in the governmental politics of Russia on a country question. On the basis of a various circle of sources including archival, the author comes to a conclusion, that this turn directed to mitigation of the serfdom, occurs gradually during two reigns - Paul I and Alexander I. This phenomenon is traced and at the analysis of distribution of the serfdom in breadth (on new territories) and deep into (on new categories of the population), concerning the right of possession by people, the rights of landowners to peasants, including to their person, the order their work, etc. To the most essential for Alexander`s epoch began promotions of a question on clearing of peasants in area of a real politics. Here and the legislation on free plowmen, and landless liberation of peasants in Ostzeiski`s provinces, and the unfulfilled plan «province» deliverance of serfs of the end of 1810-th, and active instigation authorities of nobiliary projects of the decision of a country question.

Key words: internal policy of autocracy, a country question, mitigation of the serfdom, landowners, possessory peasants, deliverance of peasants.

туальные историографические тенденции. Материалы 35-й Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2004. С.30-32.

УДК 930

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОГО СУДА

А.А. ДЕМИЧЕВ

Нижегородская академия МВД России

e-mail: aadem@bk.ru

Анализируется дореволюционный юридический анекдот как исторический источник. Выявляется степень информативности анекдота как источника изучения мирового суда. При этом основное внимание акцентируется на фактографическом и аксиологическом аспектах. Делается вывод, что как источник фактических сведений анекдот не представляет значительной ценности, значение его более велико при изучении отношения населения к мировому суду. Анализ комплекса анекдотов приводит автора к выводу, что в правосознании населения дореволюционной России сформировался позитивный образ мирового судьи.

Ключевые слова: дореволюционный юридический анекдот, исторический источник, мировой суд.

Дореволюционный юридический анекдот является специфическим историческим источником. С одной стороны, это источник – устный, носящий фольклорный характер, с другой – до нас он дошел, в основном, в фиксированной письменной форме. Последнее, лишает исследователя возможности учитывать динамизм анекдота, отслеживать его трансформации при передаче из уст в уста.

Дореволюционный юридический анекдот – явление если не народное в широком смысле этого слова, то порождение определенной социальной группы, отражающее ее менталитет, мировоззрение, правосознание. По этой причине вести речь о персональном авторстве анекдота не вполне корректно, хотя любой анекдот изначально является «творением», как правило, одного, максимум – двух-трех человек.

Социальной средой, где возник и существовал дореволюционный юридический анекдот, по-видимому, является город. Собственно группой-носителем юридического анекдота, скорее всего, являлась городская образованная публика. Говоря о пореформенном периоде, сюда можно отнести лиц юридических профессий (судей, адвокатов, прокуроров, нотариусов, различных служащих суда), журналистов, студентов, а также тот слой, который принято называть «разночинцами». Если профессионалы сталкивались с судом по долгу своей службы или рода занятий, то другие категории оказывались в суде по воле случая, или же заинтересовавшись конкретным процессом.

Не вдаваясь в данном исследовании в детали, отметим лишь, что дореволюционный юридический анекдот как, в первую очередь, социальный, а потом уже и фольклорный феномен появляется в России только в 60-е гг. XIX века – вследствие знаменитой судебной реформы 1864 г. Обратим внимание, что в современном понимании анекдот – это короткий смешной рассказ, смешная история. Такие анекдоты и стали предметом нашего анализа.

Интерес именно к юридическому анекдоту обусловлен, в первую очередь, тем, что только в пореформенный период право, закон и справедливость (насколько можно вообще говорить об этих категориях) действительно вошли в жизнь общества, причем всех его слоев. Только после реформы 1864 г. суд в России стал всесословным, публичность и гласность стали основными принципами уголовного и гражданского судопроизводства. Произошел отказ от инквизиционного процесса, канцелярской тайны и формализма. Значительным образом изменилась роль прокуратуры, впервые в отечественной истории стал функционировать институт адвокатуры, были введены мировой суд и суд присяжных.

Ограниченность объема данного исследования не позволяет подробно рассматривать анекдот как источник изучений всей судебной реформы 1864 г. в целом, остановимся лишь на таком ее весьма важном и ставшим практически значимым элементом, как мировой суд. Именно мировой суд оказался наиболее близок к населению, воплотил на практике его чаяния о дешевом, скором и справедливом суде.

Анекдот несет в себе немало информации о судебных преобразованиях того времени, а, точнее, о пореформенном суде. Конечно, как уже отмечалось ранее, в весьма спе-

цифической форме. Вообще, информативность дореволюционного юридического анекдота характеризуется двумя аспектами: фактографическим и аксиологическим.

Остановимся сначала на фактографическом аспекте. В данной статье мы не будем рассматривать анекдот как источник изучения истории повседневности и гендерной истории – это предмет отдельных исследований. Проанализируем лишь, как анекдот сохранил информацию об устройстве и функционировании мирового суда.

Судебные уставы 1864 г. предусматривали наличие двух судебно-мировых инстанций: мировых судей и съездов мировых судей. Мировые судьи (участковые и почетные) являлись низшей судебной инстанцией, как по гражданским, так и уголовным делам. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей, который собирался под председательством одного из мировых судей округа и состоял из всех участковых и почетных мировых судей округа[1].

На практике действовали обе инстанции, однако анекдоты отразили функционирование только мировых судей. Вероятно, это было связано с тем, что большинство дел, интересных для публики, разрешалось уже в первой мировой инстанции.

Дореволюционное законодательство устанавливало комплекс цензовых требований, предъявляемых к мировым судьям, регламентировало процедуру их выборов. Однако в анекдотах это все не отразилось, т.к. эти сюжеты с точки зрения анекдотических фабул малоперспективны.

Единственный ценз, который прослеживается в анекдотах абсолютно явно – половой. Судьями в дореволюционной России были исключительно мужчины. Интересно, что в законе это положение прямо не оговаривалось, однако историческое толкование законодательных актов того времени позволяет утверждать, что законодатель имел в виду исключительно представителей мужского пола.

Судебные уставы 1864 г. предусматривали наличие двух видов мировых судей, различающихся в плане правового статуса, но в сфере судопроизводства, обладавших равными полномочиями.

Принципиальным отличием участкового мирового судьи от почетного было то, что он получал на свое содержание от 1500 до 2200 руб. в год из земского сбора, а также компенсацию за различные канцелярские и прочие расходы. Что касается почетного мирового судьи, то его должность была невознаграждаемой, и различные расходы ему не компенсировались[2].

Должность почетного мирового судьи, по замыслу авторов Судебной реформы 1864 г., создавалась «для облегчения исполнения многочисленных обязанностей участкового мирового судьи и, в особенности, для того, чтобы лица, заслуживающие полного доверия и уважения, не лишались возможности содействовать охране порядка и спокойствия, не оставляя своей основной службы»[3].

Почетный мировой судья, в отличие от участкового, одновременно мог занимать любые должности по государственной и общественной службе. Исключение составляли должности прокуроров, их товарищей, чиновников казенных управлений и полиции, должности волостного старшины. Также почетные мировые судьи выполняли вспомогательно-страхующую функцию: если по каким-то причинам участковым мировых судей не хватало, то почетные мировые судьи могли приглашаться для выполнения их функций.

Сказанное выше относилось именно к замыслу реформаторов. Но на практике вышло все несколько иначе. Так, Н.Н. Трофимова, изучая архивные материалы, пришла к выводу: «анализ правового положения почетных мировых судей показал, что они были лишним элементом в мировой юстиции. Практическая значимость почетных мировых судей была значительно ниже, чем участковых. Они не стали близким и доступным органом правосудия для населения в силу, во-первых, сложности процедуры обращения к почетным мировым судьям за помощью из-за того, что они в основном находились по месту своей основной службы, а не в своем участке, и, во-вторых, из-за отсутствия к ним доверия среди простого населения»[4].

---

[1] См.: Учреждение судебных установлений 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41475. Ст. 17.

[2] См.: Там же. Ст. 44,45, 50; Приложение IV к Ст. 238.

[3] Российское законодательство X – XX веков. Т.8. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. С.87.

[4] Трофимова Н.Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864-1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: Дис… канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 150.

До нас дошел только один анекдот, где фигурирует почетный мировой судья.

Анекдот № 1[5]

Почетный мировой судья М. за время нахождения в должности разобрал одно дело и притом довольно оригинальным образом, лишившим его охоты продолжать эту мирную деятельность. Дело заключалось в том, что петух мещанина Огурцова перелетел во двор мещанина Арбузова и был последним пойман, зарезан и съеден. Арбузов отрицал тот факт, отказывался от уплаты за петуха и таким образом, по жалобе Огурцова, судья М. должен был разобрать это дело.

Тяжущиеся явились своевременно, и М. направил все свое красноречие на то, чтобы окончить дело миром. Однако это не удалось ему. Что было делать, доказательства того и другого казались ему одинаково убедительными, в смущении вертелся он на стуле и грыз перо. Вдруг лицо его радостно просияло, и он обратился к истцу с вопросом:

– Что стоил петух?

– По крайней мере целковый, – было ответом.

– Ну, – сказал М., – я заплачу вам убыток сам, довольны ли вы этим?

– Нет! – единогласно вскричали тяжущиеся, – а кто же заплатит судебные издержки.

Озадаченный М. жалобно посмотрел на своих мучителей и наконец робко сказал:

– Ну, хорошо, я заплачу и судебные издержки, но теперь дело кончено, идите, друзья мои!

– Постойте, – возразили тяжущиеся, – мы шли сюда издалека и потеряли по целому дню рабочего времени, это стоит не меньше полтины на человека, и если нам этого не заплатят, мы не можем кончить дело миром!

Что было делать несчастному М.? Он заплатил за петуха, судебные издержки и за потерянное тяжущимися время, но в тот же день подал просьбу об увольнении, которая и было вскоре уважена.

Анализируя приведенный анекдот, обратим внимание на весьма важный момент – мировой судья стремился, как это и предполагалось законом, свести дело к миру. Дело в том, что в соответствие со ст. 120 Учреждения судебных установлений 1864 г. мировой судья на всех этапах судебного разбирательства должен был склонять стороны к примирению.

Но главное здесь – указание на то, что почетный мировой судья рассмотрел всего одно дело. Действительно, почетные мировые судьи рассматривали на практике очень немного дел. В официальном Отчете Министерства юстиции за 1867 г. отмечалось, что население предпочитает обращаться за помощью именно к участковым мировым судьям[6].

Участковые мировые судьи вели работу в рамках определенных судебных участков. Этот факт отразился в анекдотах.

Анекдот № 2

– Иванов! Вы обвиняетесь в краже лисьей ротонды. Что Вы скажете в свое оправдание?

– Меня обвинять в воровстве? Помилуйте, господин мировой судья! Я человек безупречной честности и вдруг стану вором! Тут произошло недоразумение: я по ошибке взял чужую вещь и с удовольствием возвращу ее...

– Но как же Вы могли чужую вещь принять за свою?

– Меня вензеля смутили: на ложках были мои инициалы... простая ошибка!

– Позвольте, причем же тут ложки? Вас обвиняют в краже ротонды!

– Ах, виноват. Я свои защитительные речи перепутал: о ложках мне завтра в 23-м мировом участке придется говорить...

Как видим, в приведенном анекдоте упоминается, что даже в пределах одного города существовало несколько судебно-мировых участков. В настоящий момент дело воришки рассматривается в одном участке, а другое дело будет разбираться в другом. Кстати, этот же анекдот свидетельствует о территориальном характере подсудности.

В ст. 2 Учреждения судебных установлений указывалось, что власть мирового суда (как, впрочем, и всех других судебных органов), распространялась на лиц всех сословий, т.е. носила всесословный (или бессословный) характер. Действительно, в анекдоте № 1

---

[5] Тексты этого и следующих анекдотов приводятся по изданию: Антология юридического анекдота /Сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, З.Ш. Идрисов. 2-е изд., перераб. и доп. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001.

[6] См.: Отчет Министерства юстиции за 1867 год. СПб., 1868. С. 15.

упоминается, что спорщиками выступают мещане. Анекдот № 3 свидетельствует, что представители купеческого сословия также судились мировыми судами.

Анекдот № 3

Один адвокат, обеляя бесчинного богатого купца, попавшегося на драке с буфетчиком, называет своего клиента из почтения не иначе, как подобострастным «они-с». А.И. Трофимов долго слушает его с усмешкой и, наконец, прерывает:

– Да, что Вы мне все про анис, да про анис толкуете! Тут, батюшка, не анисом, а кутузкой пахнет!

Представители других сословий также были подсудны мировому суду, однако, по непонятным нам причинам, в анекдотах это не нашло отражения.

Мировыми судьями разбирались дела с участием представителей разных национальностей. Например, в анекдоте № 4 одним из фигурантов дела выступает немец.

Анекдот № 4

Судья:

– Господин К.., Вы обвиняетесь в том, что вследствие ссоры с Вашим соседом немцем Шмидтом назвали свою собаку его фамилией и назло ему то и дело ее так зовете с добавлением разных прозвищ

Обвиняемый:

– Извините, г-н судья, тут есть свой фокус. Спору нет, что я назвал так мою собаку, но мой сосед Шмит пишется через «т», а моя собака Шмидт пишется через «д», а это большая разница.

Судопроизводство у мирового судьи носило публичный характер, процесс велся устно. Одним из основных видов доказательств при этом являлись свидетельские показания. Это подтверждает большинство приведенных выше и ниже анекдотов.

Рассмотрим, какие именно категории дел были подведомственны мировым судьям. В соответствие с Судебными уставами 1864 г. юрисдикция мирового судьи определялась не конкретными видами преступлений и проступков, а размером наказания, за них полагаемым.

Так, на основании ст. 33 Устава уголовного судопроизводства[7] к компетенции мирового суда дела, за которые в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривались следующие меры наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей; 3) арест не свыше трех месяцев; 4) заключение в тюрьме на срок до одного года.

Ст. 29 Устава гражданского судопроизводства[8] определяла, что ведомству мирового судьи подлежат: 1) иски по личным обязательствам и договорам и о недвижимости ценою не свыше пятисот рублей; 2) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда их размер не превышает пятисот рублей или не может быть точно установлен; 3) иски о личных обидах и оскорблениях; 4) иски о восстановлении нарушенного владения при сроке давности в шесть месяцев. Также мировой судья мог рассматривать просьбы об обеспечении доказательств по искам на любую сумму; решать вопросы о распределении денежной суммы между кредиторами; решать вопросы о разыскании имущества казенных должников; разбирать наследственные дела; вводить во владение недвижимым имуществом; рассматривать вопросы об уничтожении доверенности.

Многие категории дел, подсудные по закону мировому суду, в реальности ими почти не разбирались. Круг их, отразившийся в анекдотах, оказался еще уже, и включал только кражи, драки и оскорбления, имущественные споры на незначительные суммы и некоторые другие.

Стоит отметить, что с точки зрения авторов анекдотов собственно судопроизводственные процедуры особого интереса не представляли. По-видимому, это было связано с тем, что они стали уже своеобразным отработанным механизмом, судебной рутиной.

---

[7] См.: Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41476.

[8] См.: Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41477.

Зато многие анекдоты отразили новое для России сугубо пореформенное явление – наличие института адвокатуры в виде присяжных поверенных и частных поверенных. Во многих анекдотах фигурируют адвокаты-защитники.

По замыслу законодателя мировой суд должен был быть судом скорым. Ст. 116 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что разбирательство и решение каждого дела должно оканчиваться у мирового судьи, по возможности, в одно заседание. Отметим, что ни один анекдот не свидетельствует о длительности заседаний. Четко складывается впечатление, что дела разрешались достаточно быстро, в один день. Кроме того, мировой судья разрешал в день несколько, а то и несколько десятков уголовных дел и гражданско-правовых споров.

Перейдем теперь к аксиологическому аспекту информативности дореволюционных анекдотов, посвященных мировому суду.

Анекдоты № 3 и 5 носят персонифицированный характер. Они выражают отношение рассказчиков к конкретному мировому судье – Александру Ивановичу Трофимову, являвшемуся в определенное время мировым судьей 3-го участка города Санкт-Петербурга.

Анекдот № 5

Александр Иванович собирался выйти из канцелярии в камеру и начать разбор, тут к нему подскочил какой-то частный поверенный:

– Господин судья, будьте так добры, разберите дело Подметкина и Оглоблевой первым!

– Что же это Вы так торопитесь?

– Ах, да это такое несчастное дело! Я не рад, что и взялся-то за него... То одна сторона откладывает, то другая... семь месяцев тянется, а все не может разрешиться!

– Какой же Вы, однако, нетерпеливый! Ну, что стоит Вам подождать еще два месяца... Тогда будет девять месяцев – как раз срок правильного разрешения от бремени[9].

Из приведенных анекдотов видно, что в образе мирового судьи А.И. Трофимова не прослеживается негативных качеств. Вероятно, это связано с тем, что основная задача мирового судьи – решить дело по справедливости на основании закона, примирить стороны, если это возможно. У него нет каких-либо корыстных интересов, как, например, у адвоката. А.И. Трофимов – не циничен и не саркастичен, но остроумен и ироничен. Следует обратить внимания, что ирония А.И. Трофимова – не злая, она не направлена на то, чтобы унизить или обидеть кого-либо. Скорее, она нейтральна касательно правосудия, не имеет к нему, по большому счету, никакого отношения. Вообще складывается впечатление, что как человек А.И. Трофимов симпатичен рассказчику анекдотов, но как мировой судья – он нейтрален, выступая в качестве беспристрастного и справедливого арбитра.

В какой-то мере персонифицированный характер носит и анекдот № 1. очевидно, что рассказчик анекдота (по крайней мере, его автор – точно) прекрасно знали, о ком именно идет речь, и лишь по соображениям этического характера заменили имя на ничего не говорящее современному читателю «М.». Очевидно, что отношение к «М.» – горе-судье весьма ироничное, хотя особого негатива, как к конкретному мировому судье, так и ко всему институту почетных мировых судей, не прослеживается.

Несколько иным из анекдотов представляется образ участкового мирового судьи – он вполне положительный. При этом акцент делается не только на практическом значении деятельности мировых судей, но и на их остроумии. Это заметно из анекдотов об А.И. Трофимове и приведенного ниже анекдота № 6.

Анекдот № 6

У мирового судьи в качестве свидетельниц две барышни. Младшая, на вопрос судьи о ее летах, отвечает совершенно спокойно, что ей 28 лет; вторая, старая, высохшая дева, объясняет, после долгого жеманства, что ей 25 лет.

– Очень хорошо, – говорит судья и затем обращается к письмоводителю со словами, – не перепутайте, Алексей Федорович, запомните, что старшая из свидетельниц – младшая.

---

[9] Содержание данного анекдота не противоречит тому, что мы говорили о быстроте разрешения дел мировыми судьями. В конкретном случае говорится не о затягивании процесса у мирового судьи, а о том, что дело никак не попадет к судье по независящим от него обстоятельствам.

Мировой судья – близок к народу. Это проявляется в том, что иногда подсудимые забываются и даже позволяют себе некоторую фамильярность в отношении его. Об этом свидетельствует анекдот № 7.

Анекдот № 7

Судья:

– Прошу отвечать мне без фамильярностей.

Обвиняемый:

– Что делать, г-н судья? Я очень скоро привыкаю к людям, а у Вас я уже седьмой раз на этой неделе.

В народном представлении мировой судья справедлив. Так или иначе, он докопается до истины. И неважно, будет ли это в результате тщательного судебного разбирательства, неких случайностей или каких-то других обстоятельств. Так, анекдот № 2 прекрасно иллюстрирует нам забавный случай, как самоуверенный, ловко умеющий врать воришка, попадается на собственной оговорке. Можно не сомневаться, что в данной ситуации у мирового судьи не остается сомнений в нечестности обвиняемого.

Справедливость мирового судьи иногда интерпретировалась в анекдотах весьма специфическим образом:

Анекдот № 8

Перед мировым судьей оборванный субъект. Судья выносит приговор:

– Приговорил на основании таких-то статей к аресту на два месяца. Довольны приговором? Можете в течение суток неудовольствие…

– Зачем неудовольствие, г-н судья? Оченно даже доволен, потому Рождество подходит, а у меня кушать нечего. Покорнейше даже благодарю Вас за даровые харчи на два месяца; квартирка бы лучше, коли бы свободная, ну, да ничего-с. Покорно благодарим-с!

Приговор в данном случае вынесен обвинительный, но он (не важно по каким причинам) устраивает подсудимого. Более того, в словах последнего звучит искренняя благодарность без какой-либо издевки. Следовательно, уважением мировые судьи пользовались, порой, даже у осужденных.

Наконец, порой мировому судье приходилось сталкиваться просто с курьезными случаями, но в этих ситуациях, судя по анекдотам, был способен разобраться, а, в случае необходимости, и найти надлежащий выход. Сказанное иллюстрируется анекдотом № 9.

Анекдот № 9

Действие происходит в камере мирового судьи. Судья вызывает обвиняемого. После обычных вопросов об имени, звании и вероисповедании судья предлагает вопрос:

– Под судом не были?

Обвиняемый корчит умильную физиономию и молчит.

– Что же Вы молчите? — спрашивает судья, повышая голос. – Я спрашиваю, под судом не были?

– На одну минуточку-с! — ухмыляясь, говорит обвиняемый.

— Как на одну минуточку? — удивляется судья.

— Так точнос-с! Всего на единую, по одной только и пропустили, – щелкая себя по галстуку, говорит подсудимый.

В публике смех; судья недоумевает. В конце концов, дело разъяснилось. Оказалось, что в подвале здания, где помещался суд, находится кабачок. Перед началом дела обвиняемый, побуждаемый своим «аблокатом», и зашел в этот кабачок «пропустить для храбрости».

Особый интерес в плане изучения аскиологического аспекта информативности анекдота представляет последний приведенный в данной статье, десятый анекдот.

Анекдот № 10

Наслышаны мы об Вас, милостивый государь, что, например, ежели что у мирового, сейчас можете человека отправить.

Адвокат:

– А у Вас дело есть?

Купец:

– Дело, собственно, неважное, пустяки, выходит... Не мы первые, не мы последние... известно, глупость наша...

Адвокат:

– Скандал сделали?

Купец:

– Шум легонький промежду нас был.

Адвокат:

– В публичном месте?

Купец:

– Как следует... при всей публике.

Адвокат:

– Нехорошо!

Купец:

– Действительно, хорошего мало.

Адвокат:

– Где же это было?

Купец:

– На Владимирской... такое заведение там прилажено.

Адвокат:

– В Орфеуме?

Купец:

– В этом самом. (Молчание). Ежели я тепереча, милостивый государь, человека ударю, что мне за это полагается?

Адвокат:

– В тюрьме сидеть.

Купец:

– Так-с! Долго?

Адвокат:

– Смотря как... недели три... месяц.

Купец:

– А ежели я купец, например, в гильдию плачу.

Адвокат:

– Тогда дольше! Месяца два, а то и три.

Купец:

– Конфуз! (Молчание). А ежели он, со своей стороны, тоже действовал и очень даже? Можно сказать, сокрушить хотел?

Адвокат:

– Да, расскажите мне все, что было. Садитесь. Расскажите по порядку.

Купец:

– Порядок известен – напились и пошли чертить. Вот, извольте видеть: собралось нас, примерно, целое общество, компания. Ну, а в нашем звании, известно, разговору без напитку не бывает, да и разговор наш нескладный; вот, собрались в Коммерческую; ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское тепереча какое? Одно только название, что шампанское, а такой состав пьем – смерть! Который непривычный человек, этим ежели делом занимается, с одной бутылки на стену лезет.

Адвокат:

– А не пить нельзя?

Купец:

– Для восторгу пьем. Больше делать нечего. Ну, заправились, как должно, поехали. Путались, путались по Петербургу-то, метались, метались, в Эльдорадо приехали. Опять та же статья, сызнова. Поехали по домам-то, один из нашего общества и говорит: давайте, говорит, прощальный карамболь сделаем, что б все чувствовали, что мы за люди есть. Сейчас на Владимирскую. Мыслей-то уж в голове нет, стыда этого тоже, только стараешься как бы чудней, чтоб публика над тобой тешилась.

Угощать стали. Угощали, угощали, безобразничали. Подошел какой-то не то господин, не то писатель: «Нешто, – говорит, – так возможно? Это, говорит, ваше одно необразование».

Кто с краю из нашей компании сидел, как свистнет его: «Вот, – говорит, – наше какое образование», так тот и покатился. Ну, и поделом. Вся эта нация завизжала! Кто кричит полицию, кто кричит – бей!

Адвокат:

– А Вы били кого-нибудь?

Купец:

– Раза два смазал кого-то... подвернулся.
Адвокат:
Прежде Вы за буйство не судились?
Купец:
– При всей публике?
Адвокат:
– Да у мирового судьи?
Купец:
– У квартального раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и шабаш. А тепереча и дороже стало, и страму больше.
Адвокат:
– Сраму больше.
Купец:
– В газетах не обозначат?
Адвокат:
– Напечатают.
Купец:
А ежели, например, пожертвовать на богодельню, или куда?
Адвокат:
– Ничего не поможет.
Купец:
– Беспременно уж, значит, сидеть?
Адвокат:
– Я думаю.
Купец:
– Все одно, как простой человек, с арестантами?
Адвокат:
– Д а .
Купец:
– Из-за пустого дела! Хлопочи вот теперь, траться... Сейчас был тоже у одного адвоката, три синеньких отдал.
Адвокат:
– За что?
Купец:
– За разговор. «Я, – говорит, – твое дело выслушаю, только мне, – говорит, – за это пятнадцать рублей и деньги сейчас». Ну, отдал, рассказал все, как следует.
Адвокат:
– Что же он?
Купец:
– Взял он эти деньги: «Авось, – говорит, – твое счастье будет».
Адвокат:
– И больше ничего?
Купец:
– И больше ничего! Авось, говорит, счастье будет!

Уникальность приведенного анекдота заключается в том, что он позволяет проследить динамику правосознания: от дореформенного к пореформенному. Следует обратить внимание, что у правонарушителя вызывает ужас сам факт того, что он будет судиться «при всей публике» у мирового судьи. При этом то, что он дважды за то же самое судился у квартального до судебной реформы 1864 г., воспринимается им как нечто обыденное. Очевидно, что попасть под публичный суд теперь просто «стыдно».

Не вполне в данном анекдоте понятен следующий фрагмент: «Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и шабаш. А тепереча и дороже стало, и страму больше». Ясно, что речь идет о том, что «раньше» быть под судом за драку особо постыдным не считалось, ясно, что за взятку письмоводителю дело можно было прекратить. Однако непонятным остается высказывание, что «тепереча и дороже стало». То ли у обвиняемого имеется какая-то информация о коррумпированности мировых судей, о том, что «теперь дороже», то ли это обидное предположение, высказанное от безысходности и типично русского убеждения, что все – воры и взяточники, просто нужно к ним подход найти.

Другие виды исторических источников, как, впрочем, и остальные приведенные девять, анекдотов не только не содержат прямых сведений о коррумпированности мировых судей, но даже и не дают малейшего намека на это. Поэтому, полагаем, что в анекдоте № 10

изначально неясный фрагмент, скорее, свидетельствует о боязни, граничащей с уважением, к мировому суду, нежели о наличии «компромата» в отношении мировых судей.

Подводя итоги данной статьи, попробуем обобщить, какие фактические обстоятельства существования мирового суда нашли отражение в дореволюционных юридических анекдотах, а также смоделировать образ мирового судьи таким, каким он вырисовывается из тех же источников.

Итак, степень фактографической информативности дореволюционного юридического анекдота невысока. Многие аспекты устройства и функционирования института мировых судей не нашли в анализируемом виде источника никакого отражения (порядок формирования мировых судей, требования, к ним предъявляемые, наличие второй мировой инстанции, различные судопроизводственные моменты и т.д.). Некоторые аспекты отразились в неполном или искаженном виде: социальная принадлежность подсудимых, состав дел, подведомственных мировым судам и пр.

Таким образом, сам по себе как источник фактических сведений дореволюционный юридический анекдот не представляет большой ценности. Сведения, в нем содержащиеся, необходимо перепроверять путем сопоставления с другими видами источников.

Значительно большая ценность анекдота имеется при выявлении степени его аксиологической информативности.

В результате изучения анекдотов, посвященных мировым судам, складывается следующий образ мирового судьи. Мировой судья – это судья для народа, он близок к народу и способен решить практически любое дело. Он справедлив, беспристрастен и объективен. Но при этом мировой судья – живой человек, которому присущи различные качества (иронич-ность, остроумие) и эмоции (недоумение, возмущение поведением других лиц).

Наконец, среди анекдотов о мировых судах нет ни одного, где бы судья предстал в отрицательном свете. Это свидетельствует о наличии позитивного образа мирового судьи в правосознании дореволюционного населения России.

A PRE-REVOLUTIONARY JURIDICAL ANECDOTE AS A SOURCE OF STUDY OF THE JUSTICE – OF THE PEACE COURT

A.A. DEMICHEV

N.Novgorod Academy of Ministry of the Interior of Russia

e-mail: aadem@bk.ru

A pre-revolutionary juridical anecdote as a historical source is analyzed. A degree of information of the anecdote, as the source of study of the justice – of the peace court is studying. The main attention is focused on factographical and acsiological aspects. The author offer the conclusion that as a source of factual data the anecdote is not of any value; its importance is bigger when our studies the attitude of the population of the justice – of the peace. The analysis of the complex of anecdotes allows the author to conclude that the legal awareness of the pre-revolutionary Russia had a positive image of the justice – of the peace.

Key words: pre-revolutionary juridical anecdote, historical source, justice – of the peace.

УДК 947 (470.32)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ КУРСКО-КИЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Л.С. ЛАШИНА

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

В статье анализируется проблема создания акционерного общества Курско-Киевской железной дороги, которое было начальным этапом строительства Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Изложен материал исследований о взаимодействии данного Общества с Правительством, этапы строительства МКВ жд.

Ключевые слова: Центрально-Черноземный район, Курско-Киевская железная дорога, пути сообщения, изыскания, учредители, кредитные рубли, акционерное общество, концессия, Устав, инспекция, Правление, Управление.

Одной из крупнейших областей развития промышленности и сельского хозяйства является Центрально-Черноземный район. Долгое время в Центральном Черноземье и в частности в Курской области интенсивно развивалось сельское хозяйство, ремесло и торговля. Как следствие, шел довольно интенсивно процесс развития рыночной торговли в этом регионе. Продукция сбывалась на городском рынке или местным заказчикам, что несомненно было выгодным лишь до определенного времени. Законы развития рыночной экономики требовали дальнейшего расширения рынка вглубь страны и за ее пределы. Для дальнейшего нормального развития рыночных отношений требовались пути, которые могли вести как к крупным рынкам страны в других областях, так и к морским портам.

Основными товарами для вывоза из Курской губернии за границу (через Петербург) были: мед, воск, сало пенька, меха. Тесные внешнеторговые связи у курских купцов были с Польшей и Пруссией. Торговля курских купцов внутри России велась с Казанью, Оренбургом, Астраханью, куда доставлялись пушные товары; скот везли в Москву и Петербург, мед — в Тулу, Москву, Петербург, хлеб — в Ригу и Петербург.[1] Вместе с тем, сказывалось отсутствие удобных путей сообщения между отдельными районами страны, что делало крайне неоднородным внутренний рынок. Железные дороги должны были стать тем самым катализатором, который бы ускорил процесс развития как промышленности, так и торговли в данном регионе.

Учитывая эти факторы, Правительство решило построить за казенный счет сеть «Главных линий» железных дорог, для более высококачественного функционирования которых требовалось объединить их друг с другом. Подобных участков по всей стране было множество. Понятно, что с экономической, а тем более стратегической точки зрения они были крайне важны. Следует отметить, что подобные участки, правительство с наибольшей охотой отдавало в частные руки. Причина этого заключалась в том, что здесь был взаимный интерес: одна сторона — предприниматели, понимала, что для доставки грузов к портовым городам без подобных линий не обойтись, и вторая — правительство, которое понимало, что в случае военных действий такие линии могут быть стратегически важны как дополнительные пути, помогающие избежать перезагрузки основных (стратегически важных, а потому казенных) линий железных дорог. Связать Южную и Юго-Западную линии железных дорог должна была Курско-Киевская железная дорога.

По изысканиям 1865 г. правительственными инженерами стоимость дороги от Курска до Киева, не считая моста через реку Днепр, определилась в 45,567 кредитных руб. С уплатой процентов за время производства работ — в 50,118 руб. с версты. Прибавляя к этой цифре на реализацию капитала 18%, поверстная цена составила бы цифру в 59,139 кредитных руб. Вслед за окончанием этих изысканий учредители акционерного общества фон-Дервиз и фон-Мекк в январе 1866 г. сделали предложение о постройке дороги от Орла через Курск до Киева за 56,010 руб. с версты, причём проценты за время постройки, а так же и стоимость реализации капитала, оставались на ответственности правительства.[2]

---

[1] Курский краеведческий словарь-справочник \ под. Ред. Ю.А.Бугрова. Курск, 1997. С. 4-7.

[2] Концессия на Курско-Киевскую железную дорогу. М., 1877. С. 9; РГИА. Ф. 219. Оп. ½. Д. 2633. Л. 12.

Фон-Дервиз и фон-Мекк заключили договор с правительством о строительстве Курско-Киевской дороги, имеющему вид концессии и состоящему из двух частей:

- подряд на постройку дороги за оптовую сумму со сдачей по окончании правительству и с прекращением ответственности строителей и их отношений к правительству,
- и другой, относящейся к образованию акционерного общества для эксплуатации дороги по окончании постройки и по принятии ее правительством.

Условия первой части состояли в том, что они обязуются выстроить дорогу в один путь; полотно и каменные детали мостов для двух путей; искусственных сооружений при проектировании дороги — мост на Днепре и других мостов от 10 до 25 саженей 47. Оптовая плата за сооружение дороги была определена в 9.360,000 кредитных руб. и 20.469,425 кредитных руб., а всего 29.829,425 руб. при наибольшей длине в 440 верст, хотя в действительности оказалось в 438 верст. Поэтому поверстная стоимость постройки определялась в 68,103 кредитных руб. с версты. Средствами для этой уплаты должны были служить суммы государственного казначейства, а также суммы по выпуску учредителями облигаций на 3.000,000 фунтов стерлингов[3]; цена и условия продажи их определялись по соглашению учредителей с министром финансов.

Условия второй части предложения состояли в том, что по окончании строительства дороги акционерное общество с акционерным капиталом 1.500,000 фунтов стерлингов, из которых четвертую часть должны были удерживать за собой учредители, а три четверти правительство оставляло за собой, внося за нее деньги по нарицательной цене.

Таким образом, основной капитал предприятия был определен в 4.500,000 фунтов стерлингов или 35.100,000 кредитных руб. и на этот капитал правительство гарантировало доход обществу в 5% и 1/12 % погашения[4]. Основание железнодорожной магистрали, связывающей Курск с крупными областными и промышленными центрами Киевом и Воронежем, а через Брянск и с Москвой, было положено Обществом Курско-Киевской железной дороги. В Правительство поступили предложения по постройке Курско-Киевской железной дороги. По их рассмотрению 24 декабря 1866 г. был утвержден указ «Его императорского Величества» о разрешении на строительство данной дороги и о основании акционерного Общества Курско-Киевской железной дороги[5].

Названное Общество получило от правительства концессию на постройку одноколейного железнодорожного пути Курск-Киев, который по времени постройки является самым старым участком.

Акционерное общество Курско-Киевской железной дороги получило большие льготы. В его пользование были переданы безвозмездно казенные земли, необходимые для постройки железной дороги, не составлявшие оброчных статей. Обществу было предоставлено право бесплатного добывания на казенных землях нужных строительных материалов, — камня, песка, глины, гравия, извести и пр.[6]

Все привозимые из-за границы принадлежности станций, подвижного состава, инструменты для оборудования мастерских, телеграфа и пр. были освобождены от уплаты таможенных пошлин. Кроме того, по русским дорогам все материалы и принадлежности для дороги провозились по умеренному тарифу.

При выдаче концессии Общество должно было принять на себя ряд обязательств. Естественно, самым главным из них было — об осуществлении эксплуатации железнодорожных веток в соответствии с законодательством. Согласно Уставу, Общество обязывалось снабжать линии подвижным составом и всем необходимым для их обслуживания: нефтяные склады, элеваторы, хранилища[7]. По требованию Министерства Путей Сообщения, дороги должны была постоянно стремиться улучшать пропускную способность и принимать подвижной состав с других дорог.[8] При этом для Общества было выставлено условие, что все железнодорожные принадлежности должны были приобретаться на русских заводах и они должны были быть изготовлены из отечественных материалов.[9] Если Общество пожелало бы закупить иностранное оборудование, то оно должно было полу-

---

[3] По курсу 60 — 70-х годов XIX в. за 1 фунт стерлингов платили 7 руб. 80 коп. (ГАКО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.)
[4] Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб, 1881. С. 64-66.
[5] РГИА. Ф. 219. Оп. 1/16. Д. 23880. Л. 1.
[6] Устав общества Киево-Воронежской железной дороги. М, 1893. С. 5, § 5.
[7] Устав общества Киево-Воронежской железной дороги. М, 1893. С. 6, § 7 — 8.
[8] Устав Общества Юго-Восточных железных дорог. СПб, 1904. С. 6.
[9] Свод действующих уставов железнодорожных Обществ. СПб, 1881. С. 9.

чить разрешение министерства финансов. А также, если Общество не исполняло какое-либо требование Министерства путей Сообщения по отношению к качеству строительных работ, то доработки должны были быть произведены за счет Общества, с последующим возмещением казне[10].

Проект направления Курско-Киевской железной дороги, полученный из министерства путей сообщения и утвержденный инспекцией Курско-Киевской железной дороги 17 июля 1867 г., приложенный к Концессии «Высочайше дарованной» Обществу давал четкие распоряжения о построении дороги и до мельчайших подробностей инструктировал различные технические и строительные стороны работ:

- «Чтобы проект расположения станций по линии дороги с показанием расстояния между ними и размещения паровозных зданий был особо представлен на утверждение Господина Министра
- Чтобы было обращено внимание на изыскание мелких выемок, и чтобы в этом отношении были сделаны надлежащие изменения в продольной профили.
- И чтобы был представлен на утверждение господина Министра подробный сообразный с местными данными и потребностями судоходства проект через реку Днепр у Киева начиная от 429 версты до соединения с Киево-Балтской железной дорогой»[11].

Не позднее октября каждого года, Общество обязывалось предоставить в МПС годовую смету прихода и расхода по эксплуатации в предстоящем году, а не позднее июня — отчет о приходах и расходах за истекший год. Кроме этих документов, они отправляли описи расходов и сметы прихода и расхода. Министерство Финансов утверждало данные документы.[12]

Все работы по сооружению дороги должны были проводится под надзором правительственной инспекции, которой периодически предоставлялись ведомости. Анализ документальных источников показывает, что инспекторы имели четкие письменные указания, утвержденные самим государем 24 декабря 1866 г., что и как должно быть построено и в какие сроки, и какие суммы на это затрачены. Для надзора за производством работ был назначен министр путей сообщения с помощниками. Инспекция была обязана:

1) следить за тем, чтобы сооружения производились во всем нормам концессии на Курско-Киевскую железную дорогу, то есть согласно с утвержденными проектами или с принятыми типами, прочно и из доброкачественных материалов.

2) выдавать Учредителям предприятия или уполномоченным от учредителей лицам ведомости о том, на какую сумму произведено ими расходов в счет 3.824.285 фунтов стерлингов, принятых общей стоимостью постройки и их снабжения.

Примечание: По особому договору с Министерством Финансов, в счет оптовой суммы, Учредители получали 1.200.000 фунтов стерлингов – фунтами стерлингов, а вместо остальной суммы им будет выдано 20.469.425 кредитных руб.

Цель надзора за работами состояла в обеспечении и прочности сооружений и в устранении таких в них погрешностей, которые могли бы нанести ущерб интересам Общества при эксплуатации дороги.

Учредители обязывались передавать Инспекции все сведения о степени успеха в деле, какие потребует Министерство Путей Сообщения.

Оценку материалов, работ, поставок и всяких расходов, которые проводила Инспекция, служила расценочная ведомость на все эти работы и расходы. Эта ведомость составлялась Министерством Путей Сообщения, по соглашению с Учредителями Курско-Киевской железной дороги, и должна была быть выдана им не позже двух месяцев с Утверждения Концессии. Общий итог этой ведомости составил определенную § 2 Концессии оптовую сумму в 3.824.285 фунтов стерлингов. Эта розничная ведомость составлялась таким образом, чтобы приблизительная оценка материалов, работ и поставок могла быть произведена во всякое время, независимо от степени оконченности работы.

---

[10] Недорубов О.Н. Железные дороги Юга России в начале XX в. Государство и частный капитал. М, 2003. С. 44.

[11] ГАКО. Ф. 46. Оп. 2. Д 11. Л. 23-26.

[12] Устав общества Киево-Воронежской железной дороги. М, 1893. С. 10.

В эту розничную ведомость должны были войти, как сказано выше и общие расходы, а именно:

1) приобретения залогов (расход не менее 2.400 рублей на версту),

2) административные издержки (не менее 3.000 рублей на версту).

Суммы, соответствующие расходам по этим двум статьям, вносились в удостоверения инспекции лишь для однообразия в порядке уплаты и причисляются к общей оценочной сумме каждого месяца равными частями во все время работы.

В это удостоверение инспекции входили так же и расходы на приобретение под дорогу земель. Основанием для определения этого расхода служила принятая в розничную ведомость средняя стоимость десятины земли.

Во избежание обременения Инспекции, Учредители обязаны были доставлять ежемесячно Инспекции ведомость о количестве произведенных работ и поставленных материалов.

На основании этой ведомости, и по ее проверке, Инспекцией выдавалась удостоверение о том, на какую сумму работы произведены.

Рассматривая документы на открытие построенного пути можно сделать вывод, что при сдаче того или иного пути в эксплуатацию Министерство путей сообщения в правление Общества Курско-Киевской железной дороги отсылало определенные требования по техническим средствам и правилах их эксплуатации. А именно: имелись требования в технических условиях на поставку паровозов, тендеров для колеи, которые содержали подробные описания данного оборудования, их качественные характеристики, количество его поставок, а так же стоимость[13].

Вся часть оптовой суммы, которая оставалась неизрасходованной учредителями в день открытия дороги и не имела определенного назначения на какие-либо из работ, которые были запланированы по розничной ведомости, но еще не были окончены, должна была быть выплачена учредителям. Остальное выплачивалось им по мере окончания работ, и таким образом оптовая сумма получалась учредителям сполна, согласно §2 Концессии[14].

Анализ источников показал, что назначения инспекторов на строительство Курско-Киевской железной дороги с 1864 по 1867 гг. Департамент железных дорог назначил: полковника Киприянова, инженеров подполковников Шульмана, Петровского, Паскина, Рыльского.[15]

В связи с тем, что деятельность Общества контролировалась государственными органами, оно должно было уплачивать суммы на содержание правительственных инспекций и содержание инспекторов (табл. 1).

Таблица 1

Структура и размер годовой оплаты инспекторам, принимавшим участие в освидетельствовании дороги перед введением ее в эксплуатацию

Наименование лиц	Жалование, руб.	Столовых, руб.	Квартирных, руб.	Разъездных, руб.
Инспектор работ, инженер, статский советник	1960	1960	1000	2000
Помощник инспектора, инженер, коллежский асессор	1176	1176	600	1000
Участковый инспектор, инженер, коллежский асессор	1176	1176	600	1000

Исходя из изученных материалов, можно сделать вывод, что зарплату из этих сумм им начисляли ежемесячно в размере соответственно: 557, 355 и 317 руб. (за вычетом процентов в эмеритарную кассу (6 %). Разница между 1 и 3 получалась в связи с тем, что 2 доплачивали «добавочные» деньги 490 руб. в год. Подобное жалование выплачивалось инспекторам, независимо от того на какой ветке они работали[16].

Инспекторы регулярно участвовали в качестве представителей от правительства на Общих собраниях акционеров (особенно это касается чрезвычайных собраний или собраний,

---

[13] ГАКО. Ф. 46. Оп. 26. Д. 499. ЛЛ. 1-2.
[14] ГАКО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 2. ЛЛ. 80-82.
[15] ГАКО. Ф. 46. Оп 2. Д. 2. Л. 8-9; Ф. 46. Оп 2. Д. 11. Л. 5.
16 ГАКО. Ф. 46. Оп. 28. Д. 362. Л. 4-5.

на которых проводились тиражи погашения облигаций[17]). Инспектор получал официальное уведомление, в котором оговаривались сроки проведения собрания, а в дополнении к предписанию четко оговаривалось его место проведения, а так же количество акций (голосов), которыми инспектор может голосовать как представитель правительства[18]. В качестве правительственных акций он участвовал в обсуждении и решении вопросов, представленных к рассмотрению на собрании. Инспектору передавались эти вопросы заранее, и если он считал нужным по каким-либо из них проголосовать отрицательно, данный представитель правительства заявлял об этом заблаговременно Департаменту железных дорог.

По окончании постройки Обществу предоставлялось право эксплуатации в течении 85 лет, но по истечении 20 лет правительство могло выкупить дорогу в любое время[19].

Местом пребывания Правления Общества по его усмотрению могли быть Москва, Курск или Киев. Первоначально Правление Общества помещалось в Москве. Оно имело отделы Общества: Технический (подвижной состав и его ремонт), Правителя дел (бумажная работа, т.е. входящие и исходящие документы: прошения, предписания, циркуляры, перепиской и пересылкой по инстанциям)[20], Бухгалтерия (начисление заработной платы рабочим и служащим), Контроль сборов (составлял сметы доходов от эксплуатации железной дороги), Контроль расходов Коммерческий (расходы на строительство железной дороги и ее эксплуатацию), Переборов и претензий (рассматривал материальные дела и претензии частных лиц к акционерному обществу), юрисконсульта[21].

Каждый из этих отделов состоял из руководителя и нескольких подчиненных. Как правило, отделы находились под контролем Управления Общества и выполняли свои функции в зависимости от назначения и распоряжений и циркуляров, спускаемых из вышестоящих инстанций: Управления, Правления, Министерства Путей Сообщения, Министерства Финансов и т.д. В свою очередь, отделы в конце каждого года составляли отчеты о деятельности своей отрасли и передавали их по инстанции. Непосредственное заведование предприятием Общества Курско-Киевской железной дороги лежало на управлении дорогой, находившемся в Курске.

Во главе Управления стоял управляющий дорогой. В своем подчинении он имел следующие отделения: Канцелярия, стол личного состава, Юридический, Бухгалтерия и пенсионные кассы.[22]

Управление дороги делилось на службы: пути, тяги, движения, телеграфа, материальную и врачебную. Каждая служба возглавлялась начальником, при котором состояла контора, в свою очередь, распадавшаяся на отделы[23].

В обязанности Правления входило установление правил внутреннего устройства, получение и расходование сумм, составление смет, заключение договоров, разрешение сверхсметных издержек не выше 100.000 руб. в год, наем и увольнение служащих высшей квалификации, назначение окладов содержания, пособий и наград, установление и изменение провозной платы, определение, расход и назначение сумм запасного капитала[24].

О своей деятельности Правление отчитывалось один раз в год на общем собрании акционеров. Кроме отчетных собраний, по усмотрению Правления или по требованию акционеров, имеющих 100 голосов (акций), назначались и чрезвычайные собрания.[25]

Анализ отчетных документов позволил выяснить, что свидетельства о причитающихся концессии деньгах исходили от Общества по сооружению Курско-Киевской железной дороги инспектору работ. Общество ежегодно отчитавшись о проделанной работе и затратах на нее, на основании статей концессии делало запрос на определенную сумму денег для поставок необходимых материалов и оборудования (при этом, конечно же прилагалась смета). Инспектор, рассмотрев данные сметы, присылал «Свидетельство о причитающихся по кон-

---

[17] ГАКО. Ф. 46. Оп. 11. Д. 3. Л. 11, 12, 26, 27.

[18] ГАКО. Ф. 46. Оп. 11. Д. 3. Л. 5.

[19] Устав общества Киево-Воронежской железной дороги. М, 1893. С. 16, § 48.

[20] См. например, ГАКО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 2., Д. 6, Д. 13.

[21] Справочная книга по личному составу служащих Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Общество МКВ жд. М., 1925. С. 55.

[22] ГАКО. Ф. 46. Оп. 43. Д. 1. ЛЛ. 3-6.

[23] ГАКО. Ф. 46. Оп. 40. Д. 1. Л. 1-23.

[24] ГАКО. Ф. 46. Оп. 39. Д. 3. Л. 7; Устав Общества МКВ жд. М., 1893. С. 15, § 24.

[25] Устав Общества МКВ жд. М., 1893. С. 17, § 27.

цессии деньгах». О проделанной работе в свою очередь отчитывалось Общество, указывая четко на что именно потрачены деньги (здесь же прилагались накладные на покупку, например рельс, платформ, вагонов, инструментов для производства земляных работ, и даже накладные на перевозку этих материалов из-за границы морем или по суше)[26].

Здесь надо иметь ввиду, что российское правительство в данный период столкнулось с довольно сложной задачей, а именно — где взять железнодорожное оборудование для постройки дорог. Как правило, оно ввозилось из-за рубежа, а точнее из Англии. Понятно, что это оборудование часто оказывалось устаревшим, недостаточно качественным, но всегда очень дорогостоящим.

С середины 60-х гг. XIX в. правительство под влиянием постоянной угрозы финансового краха и политических причин тщетно пыталось наладить организацию внутреннего производства железнодорожного оборудования в стране. Так, 6 октября 1866 г. Александр II утвердил решение Совета министров о том, чтобы все правительственные железнодорожные заказы с целью сокращения перевода денег за границу выполнялись «внутри государства, несмотря ни на какие затруднения или неудобства, которые это могло бы представить на первых порах»[27].

К 1868 г. правительством была разработана система выдачи казенных заказов с выплатой авансов, премий и субсидий из железнодорожного фонда для форсирования развития отечественных заводов транспортного оборудования и рельсового производства. С этого периода поставки рельсов и подвижного состава для железнодорожного строительства стали постепенно входить в русло государственной централизации. В Министерстве путей сообщения были сосредоточены основные руководящие функции по распределению железнодорожных заказов на оборудование строящихся железных дорог в России. Одновременно выдавались «ссуды из железнодорожного фонда промышленным обществам и заводам, изготовлявшим железнодорожные принадлежности, с целью развития в России производства рельсов, паровозов, вагонов и пр., которые включались в концессии на сооружение железных дорог как условие об обязательном заказе части означенных предметов на русских заводах»[28].

В годы промышленного подъема за период с 1868 по 1874 общая сумма денег, уплаченных по казенным заказам на организацию производства железнодорожного оборудования внутри страны, составила 21,1 млн. руб., в том числе за рельсы было уплачено 6,7 млн. руб., паровозы — 3,5 млн. руб., товарные вагоны — 10,9 млн. руб.[29] Золотой «дождь» из русской государственной казны способствовал организации к середине 70-х гг. 8 рельсопрокатных, 5 паровозостроительных и 12 вагоностроительных заводов[30].

Однако в реальных условиях технической отсталости России при фактическом отсутствии капиталистически организованной металлургической базы и огромном спросе на железнодорожное оборудование в период строительной «горячки» эта «система» хозяйственного руководства правительства оказалась паллиативной, вызвав уродливые формы развития русской передельной металлургии, целиком зависящей от импорта иностранного металла (табл. 2).

Таблица 2

Расходы Акционерного общества Курско-Киевской железной дороги на закупку оборудования в 1867 – 1868 гг.

Отчетный период	Затраты, ф. ст.	Статья расходов
декабрь 1867 г. по февраль 1868 г.	79.496 ф.с. 11 ш. 11 п.	за поставку рельсов из-за границы по 7 свидетельствам
февраль 1868 г. по июнь 1868 г.	60.881 ф.с. 15 ш. 3 п.	за поставку рельсов из-за границы по 5 свидетельствам
с июня по июль 1868 г.	28. 065 ф.с. 7 ш. 11 п.	за поставку рельсов из-за границы по 2 свидетельствам
с августа по октябрь 1868 г.	18. 198 ф.с. 2 ш. 10 п.	за поставку рельсов из-за границы по 4 свидетельствам
Итого за все вышеперечис-	221.370 ,12 ф.с.	

[26] См: ГАКО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 4. Л. 34, 79, 120, 147, 149, 173, 184.

[27] Наша железнодорожная политика. Т. IV. СПб., 1902. С. 228.

[28] Финансовое положение русских обществ железных дорог к 1 января 1880 г. Ч. II. М., 1881. С. 75.

[29] Бушен А. Сборник сведений по вопросам о снабжении русских железных дорог рельсами, подвижным составом и прочими принадлежностями. Т. III. СПб, 1876. С. 67.

[30] Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М, 1975. С. 129.

ленные периоды:		

Основные работы по постройке линии Курск-Киев, Общество выполнило в 1868 г. По освидетельствовании дороги было открыто в том же году движение от станции Курск Московско-Курской железной дороги до станции Бровары[31]. В следующем 1869 г. было открыто движение от Днепровского моста до ст. Бровары, а в 1870 г. от Киева до Днепровского моста. Таким образом, в 1870 г. Курск был связан с Киевом одноколейным путем.

В 1891 г. 14 мая Обществу была предоставлена постройка и эксплуатация линии Курск-Воронеж и прокладка второго пути от Курска до Киева, ввиду чего было утверждено первое дополнение к уставу Общества. А так же в связи с чем, Общество было преобразовано в Общество Киево-Воронежской железной дороги, и его функции были расширены.[32]

С этого времени деятельность Общества начинает быстро увеличиваться. Так, в этом же году Обществу разрешается постройка узкокалейных подъездных путей: от станции Коренево до города Рыльска (32 версты), от той же станции до города Суджа (37 верст), от станции Конотоп до села Пироговка (92 версты), от станции Круты до города Чернигова (75 верст), от той же станции до города Пирятина (102 версты)[33].

Линия Москва-Брянск МКВ жд. должна была связать центр страны с юго-западными ее районами. Она имела важное экономическое и большое стратегическое значение[34]. 7 июня 1895 г. Обществу Киево-Воронежской железной дороги было предоставлено право построить железнодорожную линию от станции Брянск Льгово-Брянской линии на Сухиничи, Калугу и Малоярославец до Москвы с соединительными ветвями от товарной станции Калуга Московско-Брянской до пассажирской станции Калуга Сызрано-Вяземской дороги и от станции Москва до одной или нескольких станций сходящихся там железных дорог.

Таким образом, по окончании строительства линии Москва-Брянск, 2 июня 1895 г. Общество получило новое название Московско-Киевско-Воронежской железной дороги[35].

Новая железная дорога обеспечивала экономическое благосостояние края, так как появлялась возможность легко сбывать и переправлять Москву, Киев и Петербург лес, хлеб, скот и все то, что выделывают Мальцевские заводы. Велико транзитное значение дороги – пассажиры и товар, отправляемые в Киев и другие южные города, а также идущие оттуда в Москву, Петербург и другие города северной России, получали сокращение пути на 140 верст. И наконец стратегическое значение – это возможность быстро перемещать войска к юго-западным границам.

В последнее десятилетие XIX века Общество МКВ жд вело интенсивное строительство новых линий. Его сеть за эти годы увеличилась более чем в 5 раз и превысила 2 тыс. верст. Линии прокладывались в юго-восточной Украине и Московском промышленном районе, в девяти центральных губерниях России. Основным источником финансирования строительства были иностранные облигационные займы. Облигационный капитал Общества за 90-е гг. вырос в 6,5 раза и к 1900 г. достиг 195 млн. руб. Акционерный капитал составлял 14,2 млн. руб. (7,3 % от основного капитала). Дивиденды акционеров доходили до 25-30 %.[36]

Движение по магистрали Курск-Воронеж было открыто в 1894 г., а по подъездным путям в 1893 г. Таким образов, Общество в 1894 г. располагало железнодорожной линией от Киева до Воронежа, протяженностью 669 версты и 329 верст подъездных путей [37].

По четвертому дополнению к Уставу, утвержденному в 1898 г., Обществу предоставлена постройка линии Киев-Полтава[38]. Пятое дополнение, утвержденное в 1903 г. предоставляет тому же Обществу постройку и эксплуатацию линию Конотоп-Навка[39]. В 1908 г. шестым дополнением к Уставу Обществу предоставлена была постройка участка Бахмач-Ивня, Золотоноша-Черкассы и Бобринская-Одесса, перестройка с узкой колеи на

---

[31] Танков А.А. Из прошлого М.К.В.ж.д. // Вестник М.К.В. ж.д. 1926. № 4 С. 6.

[32] Краткие сведения о развитии Отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. М, 1995. С. 48.

[33] Сведения о железных дорогах государственного контроля за 1901 г. СПб,1904. С. 60.

[34] Московская железная дорога. Через годы, через расстояния...\ под. Ред. Начальника московской железной дороги И.Л. Паристого. М., 1997. С. 42-45.

[35] Краткие сведения о развитии Отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. М, 1995. С. 48.

[36] Сведения о железных дорогах государственного контроля за 1901 г. СПб, 1904. С. 59.

[37] Сто лет существования железных дорог 1825 1925. М, 1930. С. 26.

[38] К вопросу выкупа в казну предприятий Общества МКВжд. М, 1913. С.5.

[39] Там же. С 6.

широкую участка Ивня-Золотоноша, причем от казны в аренду ветви Юго-Западной железной дороги от Черкасс до Бобринской, включением в состав новой магистрали, а также снабжением подвижным составом и принадлежностями и эксплуатацию всей магистрали Одесса-Бахмач.[40]

К 1901 г. протяжение сети линий эксплуатируемых Обществом МКВ жд составляло 2016 верст, а к 1913 г. Обществом построено и перестроено путей 1152 версты. В результате этой деятельности общее протяжение линий, эксплуатируемых Обществом МКВ жд достигло 2529 верст[41].

В 1913 г. в Государственной Думе поднимался вопрос о выкупе в казну предприятия Общества МКВ жд дороги, но это не привело к положительным результатам. Общество по прежнему продолжало функционировать вплоть до Великой октябрьской социалистической революции. 4 сентября 1918 г. специальным декретом Совета Народных комиссаров Общество МКВ жд было ликвидировано и его функции были переданы Управлению Московско-Киево-Воронежской железной дороги[42].

Таким образом, реформы 60-70 гг. XIX в. улучшили условия для формирования рыночных отношений. В результате преобразований в экономике страны возникла необходимость в сухопутных сообщениях. Одним из перспективных направлений стала Курско-Киевская железная дорога, соединившая Киев с Центрально-Черноземными хлеборобными губерниями. Но дальнейшее развитие экономики данного региона дало возможность понять, что данной линии для развития внутреннего рынка страны недостаточно. Потребности развитой сельскохозяйственной промышленности, влекли за собой необходимость дальнейшего железнодорожного строительства.

THE JOINT-STOCK COMPANY OF THE KURSK-KIEV RAILWAY

L.S. LASHINA

Belgorod Shukhov State Technological University

This article is about the problem of creation the joint-stock company of the Kursk-Kiev railway. That was the beginning of building the Moscow-Kiev-Voronezh railway. Here you can find the material about the interaction of this joint-stock company and the Government and the stages of building the MKV railway.

Key words: Central Black Belt region, Kursk-Kiev railway, communication lines, investigation (prospects), founder (originater), credit ruble, joint-stock company (Company Limited), concession, articles, inspection, board of management, direction (administration).

---

[40] К вопросу выкупа в казну предприятий Общества МКВжд. М, 1913. С.5.

[41] Отчет по эксплуатации МКВ жд за 1915 г. М, 1915. С. 3.

[42] Сто лет существования железных дорог 1825-1925. М, 1932. С. 27; Отчеты по эксплуатации за 1898, 1901, 1913 гг. М, 1899, 1902, 1914

УДК (9:352.075)(470.44–25)

СОСТАВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1893–1917 гг.

М.В. ЗАЙЦЕВ

Саратовский государственный университет

Статья посвящена изучению состава Саратовской городской думы в 1893–1917 гг. На основе разнообразных источников, в том числе архивных, приводится распределение гласных думы по социальным, образовательным, религиозным, национальным и возрастным категориям. Исследуются важнейшие изменения, происходившие в составе городской думы под влиянием объективных исторических условий. Автор приходит к выводу о превращении основного органа городского самоуправления из преимущественно купеческого в институт, где было представлено большинство сословий проживавших в городе. Еще одной важнейшей тенденцией было увеличение среди гласных лиц с систематическим образованием и интеллигенции. Показано формирование в думе группы гласных, неоднократно переизбиравшихся на новые сроки, и накапливавших ценный опыт практической муниципальной работы.

Ключевые слова: история России пореформенного периода, городское самоуправление, муниципальные органы, социальный состав городской думы, история Саратова, Саратовская городская дума.

На рубеже XIX–XX вв. органы городского общественного управления играли значимую роль в развитии российских городов. Однако только в последнее время отечественная историческая наука подошла к масштабному изучению городского самоуправления в России пореформенного периода. До конца 1990-х гг. крупные исследования в этом направлении ограничивались несколькими работами В. А. Нардовой и Л. Ф. Писарьковой[1]. Зато в последние годы появилась целая серия диссертаций, посвященных изучению городских органов в отдельных российских центрах или регионах[2]. С другой стороны, многие городские поселения еще не охвачены изысканиями подобного рода.

История Саратовской городской думы пореформенного периода пока имеет немало «белых пятен». К таким, например, относится ее состав на рубеже XIX–XX вв., сведения о котором крайне сложно отыскать в специальных исследованиях. В коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» приводятся некоторые данные о составе думы только в 1872 и 1887 гг.[3], а часть указанной работы, охватывающая 1890–1910-е гг., содержит лишь отдельные упоминания о городских органах Саратова в контексте прочих рассматриваемых проблем. По сути дела единственное исследование, где имеется информация о составе Саратовской городской думы указанного периода, это одна из статей А. В. Воронежцева[4]. Большой интерес представляют введенные им в научный оборот данные о сословной принадлежности, уровне образования и имущественном положении гласных в 1895 и 1909 гг. Некоторые из этих данных были изложены автором и в коллективной монографии «Местное

---

[1] См.: Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: правительственная политика. Л., 1984; Она же. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994; Писарькова Л.Ф. Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6. С. 152–160; Она же. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998.

[2] См.: Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX – начале XX в. (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Екатеринбург, 1999; Еремина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: структура, функции, основные направления деятельности. (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Новосибирск, 2001; Заманова Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904 гг.). (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Казань, 2002; Ковалева М.В. Орловская городская дума (1787–1913 гг.). (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Орел, 2003; Макаревич М.Л. Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904–1907 гг. (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). СПб., 2005; Материкин А.В. Царицынская городская дума (1870–1914 гг.): опыт функционирования городского общественного управления. (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Волгоград, 2006; Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа (1870–1918 гг.). (Автореф. дисс. … канд. ист. наук). Воронеж, 2005 и др.

[3] Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 164, 185.

[4] Воронежцев А.В. Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34–44.

самоуправление Саратова: история и современность»[5]. Тем не менее, эти работы, конечно же, не являются исчерпывающими для данной темы.

В своей статье я хотел бы детально проанализировать состав городской думы Саратова в период ее существования с 1893 по 1917 г. Такие хронологические рамки обусловлены введением в действие Городового положения 1892 г. и Февральской революцией 1917 г., после которой выборы в думу состоялись уже на принципиально иной основе и ее состав претерпел радикальные изменения[6].

Городовое положение, утвержденное 11 июня 1892 г., сохранило основы городского самоуправления в России, оставив в неприкосновенности его структуру и функции. Наиболее значительные изменения, привнесенные новым законом, заключались в усилении контроля коронной власти (в первую очередь со стороны губернаторов) над городскими органами, увеличении численности гласных думы для губернских городов с населением свыше 100 тыс. чел.[7] с 72 до 80, а также в реорганизации системы городских выборов. Отныне избирательные права получали лишь владельцы недвижимого имущества, оцененного в сумму не менее (для городов с населением свыше 100 тыс. чел.) 1500 руб. К выборам допускались также лица и учреждения, содержащие в городе торгово-промышленное предприятие, требующее выборки свидетельств первой или второй гильдии. Сохранялись возрастной и половой цензы: лица, не достигшие 25 лет, и женщины не могли принимать участие в выборах непосредственно, но имели право доверять свой голос соответственно опекунам или ближайшим родственникам мужского пола. Избирательных прав были лишены высшие чины местной администрации, служащие прокуратуры и полиции, священники христианских конфессий, а также судимые или находящиеся под судом. Кроме того, из числа избирателей исключались и некоторые другие категории граждан, в частности те, за кем числились крупные недоимки по городским налогам и содержатели винных лавок и питейных домов. Изменилась и организационная сторона выборов. Все избиратели теперь должны были голосовать в одном избирательном собрании, а не в трех куриях как ранее. При многочисленности электората закон разрешал делить город на избирательные участки, оставляя этот вопрос на усмотрение городских дум[8].

Введение новых принципов привело к уменьшению количества лиц, пользующихся избирательными правами на выборах в городскую думу. Если накануне издания Городового положения 1892 г. общая численность избирателей в Саратове равнялась 7156[9], то после принятия этого закона их количество сократилось до 1145[10]. В дальнейшем абсолютное число избирателей увеличивалось в связи с ростом населения города и к моменту последних дореволюционных выборов в Саратовскую городскую думу (1913 г.) оно составило 2834 чел.[11]

В рамках Городового положения 1892 г. в Саратове состоялось шесть избирательных кампаний (в 1893, 1897, 1901, 1905, 1909 и 1913 гг.). Стоит отметить, что только выборы 1909 г. не завершились избранием полного состава гласных (80 чел.). Незадолго до этих выборов коронная администрация, ссылаясь на один из сенатских указов, потребовала, чтобы на дополнительных городских выборах «не баллотировались лица, забаллотированные на выборах первоначальных», как это практиковалось ранее. Результатом стало то, что в думу было избрано всего 56 гласных. Поскольку Городовое положение устанавливало минимальный размер численности думы в две трети от ее общего состава[12], основной орган саратовского городского общественного управления четырехлетие 1909–1913 гг. существовал в «усеченном» виде[13].

На основе различных источников удалось восстановить списки гласных городской думы избранных на каждое из шести четырехлетий. Рамки данной работы не позволяют привести их

---

[5] Местное самоуправление Саратова: история и современность / Под ред. В. Н.Данилова. Саратов, 2006. С. 62.

[6] См.: Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 188–191.

[7] Население Саратова в 1892 г. составляло более 126 тыс. чел. См.: Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год. Саратов, 1892. Вед. № 3 б.

[8] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ–III). Т. 12. СПб., 1895. С. 437, 438, 440.

[9] Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 929. Такое количество избирателей насчитывалось в момент выборов в думу на рубеже 1890–1891 гг.

[10] Саратовские губернские ведомости. 1892. № 96. 10 декабря. С. 3–6.

[11] ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 780. Л. 163–215.

[12] ПСЗ–III. Т. 12. С. 440.

[13] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3650. Л. 2 об.

полностью, поэтому ограничусь лишь изложением основных сведений, полученных в результате анализа этих списков. Прежде всего, вызывает интерес социальный состав думы (см. табл. 1).

При распределении гласных по социальным категориям, я столкнулся с некоторыми проблемами. Причины этого заключаются, во-первых, в разнородности источников, которыми приходилось пользоваться, из-за чего появлялись разночтения относительно социальной или профессиональной принадлежности некоторых лиц. К этому стоит добавить неточности и даже фактические ошибки в некоторых источниках. Во-вторых, социальная принадлежность отдельных россиян в рассматриваемую эпоху была вещью достаточно условной. Хотя статус любого подданного Российской империи фиксировался документально, нередко случалось, что один и тот же человек мог относиться сразу к нескольким социальным стратам. Например, одним из наиболее распространенных способов попасть в сословие почетных граждан было нахождение в первой купеческой гильдии в течение 20 лет. Многие саратовские купцы добились таким путем нового статуса, но при этом они не оставляли своего основного занятия коммерцией и не покидали гильдию, поэтому будучи почетными гражданами, в то же время, оставались и купцами. Кроме того, в рассматриваемый период в России под влиянием объективных исторических условий сложился новый социальный слой, который, в отличие от других сословий, не был признан законодательством. Этот слой современники называли «интеллигенцией», «разночинцами», «разночинской интеллигенцией», а также «лица свободных профессий». В колонке табл. 1 под названием «лица свободных профессий» учтены гласные являвшиеся по профессии врачами, присяжными или частными поверенными, инженерами, агрономами и т. п. Такие люди, как правило, либо имели классный чин, либо формально относились к сословию почетных граждан, но в источниках чаще всего упоминается именно их профессиональная принадлежность. С другой стороны некоторые гласные, отнесенные к разрядам «дворяне и чиновники» и «почетные граждане», также принадлежали к перечисленным выше профессиям. Тем не менее, некоторая погрешность, вероятно допущенная при вычислении социальной структуры городской думы, вряд ли может повлиять на понимание основных тенденций в этом вопросе. В колонке «прочие» фигурируют сословия, делегировавшие своих представителей в думу лишь эпизодически: цеховые ремесленники, крестьяне и поселяне-собственники.

Таблица 1

Социальный состав гласных Саратовской городской думы в 1893–1917 гг.[14]

Выборы на четырехлетие	Дворян и чиновников	Почетных граждан	*Купцов*	Мещан	Лиц свободных профессий	Прочих	Всего
1893–1896	26	11	41	–	–	2	80
1897–1900	22	8	40	5	2	3	80
1901–1904	18	13	44	–	5	–	80
1905–1908	13	14	30	8	15	–	80
1909–1912	15	8	23	5	3	2	56
1913–1916	26	9	22	5	16	2	80

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что на рубеже XIX–XX вв. в Саратовской городской думе доминировали представители купечества. До 1905 г. к этому сословию относилось не менее половины всех гласных. Кроме того, как было сказано выше, многие почетные граждане также являлись одновременно и купцами, что еще более усиливало эту «фракцию». Единственной альтернативой торгово-промышленному большинству думы в этот период являлись гласные из дворянско-чиновничьей среды, получавшие около четверти всех мест. С 1905 г., очевидно под влиянием происходившего в стране общественно-политического подъема, в думе резко возросло число представителей цензовой интеллигенции, а число купцов напротив понизилось. Следующие выборы, закончившиеся избранием неполного состава гласных, принесли некоторое усиление позиций торгово-промышленного крыла. Но выборы 1913 г. со всей очевидностью продемонстри-

[14] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4299. Л. 15, 20, 44; Ф. 4. Оп. 1. Д. 1025. Л. 181–182 об.; Д. 1328. Л. 27–78; Д. 1787. Л. 58–75; Д. 2733. Л. 10–21; Оп. 2. Д. 442. Л. 5–142; Д. 780. Л. 3–262; Протоколы заседания Саратовской городской думы за 1893 г. Саратов, б. г. С. 127–130; Обзор деятельности Саратовского городского общественного управления за 1905–1908 гг. Саратов, 1909. С. 1–3; Краткий отчет о деятельности саратовского городского общественного управления за 1909–1912 гг. Саратов, 1913. С. 1–2; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. Саратов, 1914. С. 313–314.

ровали, что городское самоуправление в Саратове перестало быть преимущественно купеческим. Большинство получили дворяне, чиновники и близкие им по социально-психологическим критериям представители «свободных профессий». Учитывая только профессиональную принадлежность гласных, в составе, избранном в 1913 г. было 12 инженеров, 10 присяжных и частных поверенных, 6 врачей, агроном, учитель и кандидат математических наук[15].

Увеличение числа гласных–интеллигентов в городской думе на рубеже XIX–XX вв. представляет собой важную историческую тенденцию, поскольку эта социальная группа исповедовала принципиально новые идеи и взгляды, как на развитие городского хозяйства, так и на преобразование государства в целом. В этом отношении интеллигенция существенно расходилась с традиционно консервативно настроенным купечеством. Торгово-промышленный класс, как правило, либо откровенно реализовывал через участие в городском самоуправлении свои коммерческие интересы, либо ограничивался защитой сложившегося в городе status quo, препятствуя нововведениям, которые могли повлечь за собой возвышение городских налогов и сборов. К такому выводу можно прийти на основании анализа некоторых источников личного происхождения. Гласный Саратовской городской думы (1891–1917) и городской голова (1913–1917) врач М. Ф. Волков в своих воспоминаниях, написанных в начале 1920-х гг., объясняет относительно медленное развитие городского хозяйства в Саратове в конце XIX в. несколькими причинами. Это «отсутствие средств, скупость, русская неподвижность, малое знакомство вообще с задачами городского хозяйства, как оно поставлено на западе, а следовательно и неуменье взяться широко за городское хозяйство; недостаток законодательства в пользу городского самоуправления, а главное недостаток, почти отсутствие в местных избирательных слоях лиц, преданных общественному делу *и в особенности слабое представительство служилого интеллигентного элемента, который своей культурностью и образованием мог бы побудить городских деятелей на более энергичную инициативу* (выделено мной – М. З.)»[16]. С другой стороны, стоит отметить, что из этого общего правила были исключения и из купеческой среды нередко выдвигались серьезные и активные муниципальные деятели (что, кстати, признает тот же Волков). Тем не менее, интеллигенция постепенно вышла на ведущие роли в городском самоуправлении. Она выдвигала и активно поддерживала важнейшие для развития города инициативы, как, например, основание в Саратове университета[17]. Утрата купечеством влияния в городских органах косвенно выражалась и в занятии большинства выборных муниципальных должностей (в первую очередь городских голов и членов городской управы) разночинцами. После купца А. Н. Епифанова (1891–1895) пост городского головы занимали присяжный поверенный, дворянин Н. П. Фролов (1895–1901), присяжный поверенный А. О. Немировский (1901–1906), купец, а затем чиновник В. А. Коробков[18] (1906–1912) и врач М. Ф. Волков (1913–1917). Если в 1895 г. в составе Саратовской городской управы (включая городского голову и его заместителя) было 4 купца, дворянин и врач, то в середине 1909 г. – чиновник, врач, почетный гражданин (происходивший «из духовного звания») и 2 мещанина, а в 1914 г. – 2 врача, дворянин, почетный гражданин, 2 мещанина и лишь один купец[19].

На первый взгляд парадоксальным выглядит значительное представительство разночинской интеллигенции в городской думе в свете установленного Городовым положением 1892 г. высокого имущественного ценза. Действительно, не каждый врач или присяжный поверенный обладал крупной недвижимостью, но тот же самый закон предоставлял возможность получать избирательные права образованным и социально активным гражданам путем получения доверенности от лиц, обладавших цензом. Например, на четырехлетие 1909–1912 гг. из 56 гласных избранных в думу 16 принимали участие в выборах по доверенности. В числе этих 16-ти были 3 купца, 3 почетных гражданина, 3 присяжных поверенных, 2 нотариуса, инженер, врач, чиновник, крестьянин и учитель[20].

---

[15] Подсчитано по: Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. С. 313–314.

[16] Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума 1906–1909 гг. // Саратовский областной музей краеведения. Коллекция П. А. Козлова-Свободина. № 27745. С. 2.

[17] Там же. С. 15–17.

[18] В. А. Коробков происходил из купеческой семьи. Но после реформы 1892 г., которая включила городских голов и членов городских управ в число государственных служащих, для него открылась возможность перейти в разряд чиновников. Согласно формулярному списку, Коробков был членом Саратовской городской управы с 1888 г. и в конце 1897 г. получил низший классный чин коллежского регистратора, а к 1914 г. дослужился до надворного советника. См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1050. Л. 3–114 об.

[19] См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 87. Л. 145–147; Д. 442. Л. 149–154; Д. 780. Л. 222–229.

[20] ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 442. Л. 5–7 об.

Еще одной важной тенденцией было наличие в городской думе группы гласных неоднократно избиравшихся на эту должность. Образование думского «костяка» произошло еще в предшествующий период и этот процесс не был прерван городской реформой 1892 г., хотя она и внесла в него определенные коррективы. На выборах 1893 г. гласными вновь стали 47 чел. избиравшихся и в 1870–1880-е гг. В 1897 г. не впервые были избраны 55 чел., в 1901 г. – 61, в 1905 г. – 46, в 1909 г. – 39, в 1913 г. – 41[21]. То есть постоянно более половины избиравшихся гласных уже имели опыт работы в думе. Многие занимали эту должность несколько сроков. Так за период 1893–1917 гг. все шесть раз в думу избирались упоминавшиеся выше М. Ф. Волков и В. А. Коробков, дворянин и нотариус Г. Г. Дыбов, почетный гражданин М. И. Паули, купцы П. П. Борисов-Морозов и Н. И. Селиванов, присяжные поверенные И. Я. Славин и А. М. Масленников, инженер-архитектор А. М. Салько. Пять раз были избраны чиновники Б. А. Арапов и А. Л. Морозов, почетный гражданин А. Е. Уваров, купец, а затем почетный гражданин Л. С. Лебедев, купцы А. М. Оленев, А. И. Шумилин, П. Г. Бестужев, Д. Е. Карноухов, И. А. Медведев, инженер-технолог В. Д. Захаров. (При этом Волков, Дыбов, Коробков, Паули, Салько, Селиванов, Славин, Лебедев, Морозов и Оленев впервые пришли в думу еще до 1893 г.) Многие избирались в гласные по 2, 3 или 4 раза.

Помимо сословной принадлежности интерес вызывает образовательный уровень гласных. Факты говорят о том, что в рассматриваемый период он неуклонно повышался. Согласно подсчетам А. В. Воронежцева в 1895 г. 42 % членов городской думы имели домашнее образование, 15 % – среднее или неполное среднее и 19 % – высшее (очевидно, об остальных автор не нашел сведений). К 1909 г. домашнее образование имели уже только 30,5 % гласных, начальное – 11,8 %, среднее или неполное среднее – 25,5 %, высшее – 32,2 %[22]. Мне удалось выявить аналогичные данные применительно к составу думы на начало 1914 г. Образовательный уровень гласных этого времени выглядит так: домашнее образование – 22,7 %, начальное – 9,3 %, среднее или неполное среднее – 13,3 %, высшее – 54,7 %[23]. Неуклонное и довольно быстрое повышение количества лиц с систематическим (в первую очередь высшим) образованием следует, безусловно, считать положительной тенденцией в развитии саратовского муниципалитета.

Национально-религиозный состав думы оставался достаточно стабилен весь рассматриваемый период. Как известно, в рассматриваемую эпоху понятие «национальность» во многом ассоциировалось с понятием «вероисповедание» и чаще всего национальная принадлежность как таковая не фигурировала ни в официальных документах, ни в анкетах. Поэтому гораздо проще оказалось выявить данные о религиозной принадлежности членов городской думы. В 1895 г. из 60 гласных, результаты анкетирования которых удалось обнаружить, 50 были православными, 5 – лютеранами, 4 – старообрядцами различного толка и 1 относился к римско-католической церкви[24]. К 1914 г. из 75 гласных было 55 православных, старообрядцев – 9, лютеран – 5, католиков – 5 и сектантов – 1[25]. Если в анкете все же присутствовала графа «национальность», то православные чаще всего писали в ней «русский», независимо от того к какому народу они относились в действительности. Например, доподлинно известно, что гласные Саратовской городской думы и городские головы А. О. Немировский и В. А. Коробков оба были евреями, принявшими православие[26]. Однако в своих анкетах они писали в графе национальность «русский», а Коробков, по отзыву современника, был «большим и горячим русским патриотом и даже националистом»[27]. Также общеизвестно, что «русскими» в официальных документах чаще всего именовались и представители украинского (малорусского) и белорусского народов. Подобным же образом все население колоний иностранных поселенцев, существовавших на Волге и юге европейской части России со второй половины XVIII в., именовалось «немцами», несмотря на то, что оно было сформировано из представителей многих европейских народов. Все эти особенности, а также дефицит источников по данному вопросу не позволяют более детально проанализировать национальный состав саратовской думы. Могу лишь привести данные анкетирования

---

[21] Подсчитано по источникам, указанным к табл. 1.

[22] Воронежцев А.В. Указ. соч. С. 41.

[23] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 780. Л. 230–261.

[24] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 87. Л. 2–140.

[25] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 780. Л. 230–261.

[26] См.: Волков М.Ф. Указ. соч. С. 127, 153–154; Славин И.Я. Минувшее–пережитое // Волга. 1998. № 5–6. С. 159; 1999. № 7. С. 130.

[27] Славин И.Я. Указ. соч. 1999. № 7. С. 131.

начала 1914 г., согласно которому из 75 гласных 64 назвали себя русскими, 10 – немцами и 1 – литовцем[28]. Любопытно также рассмотреть возрастной состав гласных думы (см. табл. 2).

Таблица 2

Возрастной состав гласных Саратовской городской думы[29]

	1895 г.	***1909 г.***	***1914 г.***
От 30 до 40 лет	5	10	15
От 41 до 50 лет	30	15	25
От 51 до 60 лет	18	15	22
Более 60 лет	7	13	13
Всего гласных:	60	53	75

Бросается в глаза, что в рассматриваемый период распределение гласных по возрастным категориям постепенно стало более равномерным. Если в 1890-е гг. подавляющее большинство составляли люди среднего возраста, то в начале XX в. увеличилось число лиц как моложе 40 лет, так и старше 60. Рост количества пожилых людей в составе гласных, на мой взгляд, объясняется тем, что группа гласных, неоднократно переизбиравшихся на новые сроки, естественно старела. А увеличение количества молодых людей (до 40 лет), возможно, было связано с общественно-политическим подъемом времен первой русской революции и последующих лет, который пробудил интерес этой возрастной категории к общественным делам и повысил ее политическую активность.

Таким образом, период 1893–1917 гг. характеризуется несколькими важнейшими тенденциями в динамике состава Саратовской городской думы. Прежде всего, распорядительный орган городского самоуправления претерпел значительные изменения в социальном отношении: купечество утратило доминирующие позиции, тогда как представительство других сословий расширилось. Наиболее значимым мне кажется рост числа гласных, относившихся к разночинской интеллигенции, поскольку этот слой в рассматриваемую эпоху являлся наиболее социально и политически активным и был способен выступать с разнообразными инициативами в области развития городского хозяйства. Изменение социального состава гласных, естественно, отразилось и на основном исполнительном органе – управе, в которой в начале XX в. также находились представители всех сословий имевших значительные «фракции» в думе. Далее, за эти годы существенно вырос образовательный уровень гласных, что, безусловно, должно было повысить эффективность работы муниципальных органов. Этому же могло способствовать и избрание в городскую думу все большего количества относительно молодых людей. С другой стороны, в думе существовал значительный контингент «профессиональных» гласных, с годами накапливавших ценный опыт практической муниципальной работы, что придавало деятельности саратовского городского общественного управления большую сбалансированность и осторожность.

STRUCTURE OF THE SARATOV MUNICIPAL DUMA IN 1893-1917

M.V. ZAYTSEV

Saratov State University

Article is devoted to studying of structure of the Saratov municipal duma in 1893–1917. On the basis of various sources, including archival, distribution of members of duma on social, educational, religious and national and to age categories is resulted. The major changes occured in structure of a municipal duma under influence of objective historical conditions are investigated. The author comes to conclusion about transformation of the basic body of city self-management from mainly merchant in institute where the majority of estates lived in city has been presented. One more major tendency was increase among duma's members number of persons with regular education and intelligency. Formation in duma of group of the members repeatedly re-elected for new terms, and accumulated valuable experience of practical municipal work is shown.

Keywords: history of Russia 1861–1917, city self-management, municipal bodies, a social composition of a municipal duma, history of Saratov, the Saratov municipal duma.

[28] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 780. Л. 230–261.

[29] Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 87. Л. 2–140; Д. 442. Л. 8–115; Д. 780. Л. 230–261.

УДК 323311(470324):94(47).083.4

РОЛЬ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А.И. ЧВИКАЛОВ

Российский государственный социальный университет (Воронеж)

e-mail: Tchvikalov@bsu.edu.ru

Изложены формы и методы организации дворянской благотворительной помощи пострадавшим в период русско-японской войны. Показано, что дворянская благотворительность имела свою специфику и направленность, осуществлялась не стихийно, а в рамках корпоративных органов самоуправления, и носила всесословный характер.

Ключевые слова: Воронежское дворянство, дворянское корпоративное самоуправление, русско-японская война, формы и методы организации благотворительной помощи, уездные предводители дворянства.

Благотворительность в человеческом обществе имеет давние традиции. Основу данного феномена составляет общечеловеческий опыт выживаемости человеческого рода только в условиях взаимной поддержки. Позже идеи о творении добра людям заняли основополагающее место в христианстве. Христианские идеи взаимопомощи в России нашли благодатную почву.

В длительной истории страны немало ярких страниц, раскрывающих человеколюбие русского народа. Поистине золотым веком в истории благотворительности считается XIX в., когда в России сформировалась целая система благотворительных обществ и учреждений, деятельность которых поддерживалась всеми сословиями. Особая роль в этом плане принадлежала купечеству, но и дворянство, особенно в период войн, проявляло на ниве благотворительности значительную активность. Это объяснялось тем, что как купечество, так и дворяне располагали для данной деятельности необходимыми условиями, и прежде всего они были воспитаны в духе единения, оказания взаимопомощи между людьми, христианского милосердия, а с другой стороны, эти сословия, особенно купечество, располагали значительными материальными возможностями. В то же время у дворянского сословия в отношении благотворительности была своя специфика, а именно: дворяне в целом не были столь однородны в плане материального благополучия, как купечество; среди них были совершенно обедневшие, что в силу корпоративной солидарности направляло усилия состоятельных дворян на помощь людям своего сословия. С этой целью создавались различные специальные фонды для помощи обедневшим дворянам.

Другим отличием дворянской благотворительности было то, что данное сословие издревле было ориентировано на военную защиту отечества, именно военное дело считалось главным поприщем дворянского сословия. Поэтому именно в военную пору дворяне стремились помочь делу защиты отечества, своим ли непосредственным участием на полях войны, или оказывая содействие воинам, находясь в тылу. И поэтому, дворянская благотворительность напрямую была связана с деятельностью благотворительных заведений, учреждённых членами императорской фамилии.

Следует отметить, что дворянство, вследствие упадка своих имений в пореформенный период, испытывало большие финансовые проблемы. Так, в Воронежской губернии уже в первые пореформенные годы в дворянскую опеку передавалось в год в среднем около 50 поместий[1].

Начало XX в. ознаменовалось крупным военным столкновением. Война, начатая в 1904 г. Японией без предупреждения, с разгрома мирно стоявшей на рейде у Порт-Артура русской эскадры, преследовала цель вытеснить Россию из Тихого океана, лишить ее геополитического влияния на Азиатском континенте. Русское правительство в манифесте от 18 февраля 1904 г. рассматривало её как войну «за честь и достоинство России и за господство на водах Тихого океана, столь существенно необходимое для упрочения в долготу

[1] Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М. – Белгород, 2002. С. 197.

веков мирного преуспеяния не только нашего, но и всех христианских народов»[2].

В связи с началом войны 29 февраля 1904 г. в Воронеже было созвано чрезвычайное губернское дворянское собрание для обсуждения вопроса об участии дворян в удовлетворении нужд, вызванных войной. Предстояло обсудить формы и размеры такой помощи, а также источники пополнения расходов на неё.

Дворянству предстояло пойти на существенные расходы, связанные с войной, взять на себя добровольные обязательства по пожертвованию значительных сумм для помощи участникам боевых действий и их семьям. поэтому важно было создать на собрании соответствующий психологический настрой, проникнутый военно-патриотическими чувствами.

По предложению губернского предводителя дворянства А.И. Алёхина в зале собрания было отслужено молебствие о здравии императора и о даровании победы российскому воинству. После совершения молебствия хором певчих был исполнен народный гимн, повторенный по желанию присутствующих троекратно, прерываемый каждый раз единодушным криком «ура». В обращении к делегатам собрания А.И. Алёхин отметил, что «чувство грозного негодования охватило весь русский народ при вести о внезапном нападении врага на доблестный наш флот... Воронежское дворянство, верное историческому призванию своему, и следуя вековым заветам предков, всегда готово встать как один человек... в ряды защитников Отечества. В сознании правоты русского дела и конечного его торжества встретим бодро, без кичливого самомнения, но без страха и боязни внезапно разразившуюся военную грозу»[3]. В протоколе собрания отмечалось, что дружное «ура» гг. дворян было ответом на это выступление.

В телеграмме, посланной императору от имени собрания, подчёркивалось, что воронежское дворянство «выражает непоколебимую решимость жертвовать своим достоянием и самою жизнию ради защиты чести и достоинства России»[4]. В ответной телеграмме собранию от имени императора министр внутренних дел Плеве сообщал, что на телеграмме воронежских дворян император «собственноручно начертать изволил: “Сердечно благодарю воронежское дворянство за выраженные ими чувства”»[5]. Связанный с обменом телеграммами пафос может вызвать определенное сомнение. Но не следует забывать, что в рассматриваемый период он работал на укрепление взаимного доверия между правителем и подчинёнными, что явилось важнейшим фактором стабильности общества.

Естественно, главной в дворянском собрании была не ритуальная, а деловая часть. Участники чрезвычайного губернского собрания 29 февраля 1904 г. единогласно приняли предложение, выдвинутое на собрании предводителей и депутатов дворянства, состоявшемся 15 февраля 1904 г., о том, чтобы ассигновать от дворян губернии на содержание госпиталей 50 тыс. руб. и на пособия семействам участников боевых действий 15 тыс. руб. Причём из 50 тыс. руб. собрание поручило губернскому предводителю дворянства 25 тыс. немедленно внести в Главный Распорядительный Комитет в Москве, а остальные 25 тыс. оставить в распоряжении Воронежского комитета. Деньги, выделенные на пособия, раздавать согласно выявленной потребности. Собрание уполномочило губернского предводителя открыть в местном отделении госбанка специальный текущий счёт под обеспечение процентными бумагами, принадлежащими дворянству, или реализовывать их, смотря по тому, что им будет признано более целесообразным[6].

При обсуждении вопроса об источниках пополнения расходов на благотворительные нужды, связанные с войной, в сумме 65 тыс. руб., было решено направить на эти цели средства дворянской казны – 7200 руб., концертного капитала – 1800 руб., выморочного капитала – 18 тыс. руб. Остальные 38 тыс. предстояло погасить путем организации добровольной складки, разрешение на проведение которой было получено от императора 25 февраля 1904 г. Суть складки состояла в том, что дворяне, как потомственные так и личные, добровольно давали согласие на подесятинное обложение земель и другого недвижимого имущества, принадлежащего им в городах и уездах. Десятина земли оценивалась в различных уездах по-разному: от 0,83 коп. в Богучарском до 1,6 коп. в Землянском[7].

Уже в начале марта 1904 г. по распоряжению губернского предводителя дворянства в

---

[2] Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 11.
[3] Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1451. Л. 3 об.
[4] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1451. Л. 4.
[5] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1451. Л. 9.
[6] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 1-1а
[7] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1453. Л. 14 об.

счёт погашения долга, вызванного передачей в Главный Распорядительный Комитет 25 тыс. руб. было вложено от дворян 13 тыс. руб.[8]. Следует отметить, что Главный Распорядительный Комитет, который возглавлял Московский губернский предводитель дворянства, сыграл важную роль в координации всей благотворительной деятельности дворянства страны. Комитет состоял из представителей дворянства каждой губернии, пожертвовавшей в общую казну денежные средства. Имея небольшой штат постоянных сотрудников, часть которых работала на общественных началах, Комитет решал такие вопросы как приём пожертвованных средств, выявление потребности у воюющих солдат в тех или иных видах довольствия и координация их сбора в губерниях, контроль и предание гласности финансово-денежной отчётности губернских дворянских Комитетов по сбору средств на благотворительные цели[9].

Однако, главная проблема благотворительности – сбор средств – решалась прежде всего на местах. Формы пожертвований были различными. Так, служащие дворянского Депутатского собрания 24 мая 1904 г. обратились к губернскому предводителю дворянства со следующим заявлением: «Мы, нижеподписавшиеся, изъявляем своё добровольное желание на отчисление из получаемого нами содержания… впредь до окончания военных действий на Дальнем Востоке, …отчисления начать с июня месяца 1904 г.»[10]. В ряде случаев по инициативе предводителей дворянства устраивались благотворительные базары, лотереи. Например, Острогожский уездный предводитель докладывал Алёхину, что 1 октября 1904 г. им была устроена лотерея «Аллегри» и базар в г. Острогожске, «весь сбор с которых, в сумме 3 тыс. руб., – отмечалось в докладной, – препровождаю на нужды раненых и больных воинов на Дальнем Востоке»[11].

Но наиболее широкое распространение получила такая форма сбора пожертвований на нужды войны как распространение среди дворян специальных подписных листов. На каждом из них, отпечатанном типографским способом, указывалось, что подписной лист распространяется от имени Воронежского местного дворянского Комитета для сбора пожертвований на потребности, вызванные событиями на Дальнем Востоке. Кроме графы с указанием, кто и сколько пожертвовал, были также разделы с указанием, на какие цели жертвовались деньги, в т.ч.: на пособия раненым и увечным воинам, не способным к труду; на помощь семьям убитых, раненых и увечных воинов (офицеров и нижних чинов); на содержание госпиталей дворянства в военно-полевых условиях; на усиление военного флота[12].

Характерно, что жертвователи обычно отдавали деньги на пособия семьям убитых и раненых воинов и на содержание госпиталей. Что же касается пожертвований на военный флот, то они были весьма незначительны. Например, семья Тражсковских М.М. и В.Ф. всего пожертвовала 217 руб., из них на улучшение флота только 17 руб. Предводитель Бирюченского дворянства пожертвовал на помощь раненым 208 руб., а на усиление флота всего 15 руб.[13]. Такая направленность пожертвований вполне объяснима: в короткое время флот не восстановишь, а увечные и больные требовали помощи сейчас. На наиболее крупные суммы подписывались, как правило, уездные предводители дворянства, дворянские депутаты, простые дворяне-землевладельцы. Среди жертвователей были следующие предводители дворянства: Воронежского уезда – 678 руб., Острогожского – 388 руб., Бирюченского – 222 руб., Бобровского – 217 руб., дворянский депутат Острогожского уезда Д.Н. Перрен-Синельников – 150 руб., землевладелез Задонского уезда А.А. Снетков – 100 руб., и др.[14]. Уездные предводители организовывали для воинов сбор тёплых вещей. Только из Нижнедевицкого уезда в начале 1905 г. поступило 315 аршин холста, а также варежки, чулки, валенки, сапоги[15].

Большое значение дворянский Комитет придавал распределению собранных средств. В августе 1904 г. собрание предводителей и депутатов дворянства Воронежской губернии заслушали предложение дворянского предводителя по вопросу «О механизме выдачи пособий семьям офицеров и нижних чинов убитых, раненых и увечных». Собрание подтвердило ранее принятое решение о выделении на эти цели 15 тыс. руб., собран-

---

[8] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1453. Л. 2
[9] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1451. Л. 13.
[10] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 47.
[11] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 11.
[12] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 33.
[13] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 15, 31
[14] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 51.
[15] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1452. Л. 21.

ных дворянством. Что касается способа распределения, то в решении по этому вопросу отмечалось: ввиду того, что губернское дворянское собрание 28 февраля 1904 г. «не указало способ и порядок выдачи пособий семействам воинов, призванным из пределов Воронежской губернии... находим возможным применить в этом случае порядок, установленный дворянством при распределении пособий из Сомовского капитала, за исключением рассмотрения ходатайств о пособиях в собрании предводителей дворянства»[16].

Порядок распределения пособий из Сомовского капитала предусматривал использование уже имевшейся структуры сословного самоуправления и, прежде всего, Дворянского депутатского собрания. Именно к секретарю Дворянского депутатского собрания стекалась вся документация о потенциальных кандидатах на получение пособия. Предварительный отбор кандидатов, как правило, с указанием запрашиваемой суммы, происходил на уровне уездного предводителя дворянства (если проситель был из уезда, а не из губернского центра). Мнение уездного предводителя как о запрашиваемой сумме, так и об отказе или принятии прошения было решающим. Для проверки материального положения просителей привлекались местные правоохранительные органы, которые выдавали соответствующие документы. Окончательно вопрос о выдаче пособий решался на губернском уровне, в Дворянском депутатском собрании. Двойная система контроля на уездном и губернском уровне исключала финансовые злоупотребления, придавала распределению гласность и прозрачность и в значительной степени общественный характер[17].

В ряде случаев участники войны, имевшие ранения и увечья, не получив помощи от государственных структур, обращались за поддержкой в дворянские организации. Так, в прошении бывшего ефрейтора 22 Восточно-Сибирского стрелкового полка С.Г. Прохоренко из крестьян слободы Евстратовки Острогожского уезда указывалось, что он, состоя на службе на Дальнем Востоке, участвовал в пяти сражениях, в том числе при Тюренчене, на Далинском перевале, где, находясь в отряде разведчиков, получил тяжелое ранение. Из-за его последствий он не способен к труду. В то же время на его иждивении находятся жена с малолетним ребёнком и престарелые родители. Несмотря на то, что С.Г. Прохоренко был награждён орденом Св. Георгия и испытывал острую нужду, губернатор, к которому он обратился за помощью, отказал «за неимением на то средств»[18]. Только в дворянском Комитете ему была оказана соответствующая помощь.

Тот факт, что именно в дворянском благотворительном Комитете бывшие воины получали поддержку, не был случайным. Большинство уездных предводителей, а именно они, как уже отмечалось, решали вопрос о дальнейшей судьбе прошений, имели, как правило, военное образование, прошли службу в армии, нередко сами участвовали в сражениях, поэтому хорошо понимали положение, чувства и настроения участников войны. Характерно в том плане ходатайство предводителя Коротоякского уезда от 30 октября 1905 г. губернскому предводителю дворянства А.И. Алёхину с предложением оказать материальную помощь участнику русско-японской войны С.Т. Втулкину. В ходатайстве, в частности, отмечалось, что «Семён Тихонович Втулкин, крестьянин с. Дракино Коротоякского уезда, участвовал в боях, был на Путиловской сопке, получил Георгия, произведён в чин зауряд-прапорщика и по болезни возвращён домой; за время войны получил чахотку и теперь положение его прямо ужасное; трёхрублёвая пенсия, которую он получает, конечно, слишком ничтожна, чтобы прокормить его с семьёю. В виду изложенного прошу... назначить Втулкину единовременное пособие в размере 300 руб. из ассигнованных дворянством на этот предмет 15 тыс. руб. Просимую сумму соблаговолите сделать распоряжение перевести мне в возможно непродолжительное время для выдачи по назначению»[19]. Сохранилась расписка С.Т. Втулкина о том, что 22 ноября 1905 г. он получил 300 руб.

В другом ходатайстве Коротоякский предводитель дворянства отмечал, что «в пределах уезда есть три семьи призванных на войну запасных нижних чинов, настолько бедных, что оказываемая им земством помощь совершенно недостаточна»[20]. В связи с этим

---

[16] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 4.

[17] Подробно см. Чвикалов А.И. Общественное призрение в дворянском сословии в начале XX века // Воронежский вестник архивиста. Вып. 4. Воронеж, 2006. С. 108-115.

[18] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 18.

[19] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 18.

[20] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 20-21. О благотворительности земства. См. Чвикалов А.И. Благотворительная деятельность земских учреждений в конце 19 – начале 20 веков // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2006. С. 85-87.

он предлагал выдать этим семьям пособия из дворянского фонда. Нижнедевицкий уездный предводитель дворянства ходатайствовал о помощи крестьянину Г.А. Прохоренко: «мне известно, что Прохоренко действительно ранен в колено, к труду не способен, и я просил бы поэтому выдать ему пособие»[21].

Как правило, деньги под расписки вручал волостной старшина. Сумма пособия согласовывалась с уровнем материального положения семьи. Судя по сохранившимся распискам крестьян, она составляла в среднем 50-60 руб. Так, по 50 руб. в октябре 1905 г. было выдано семьям крестьян Старо-Безгинской волости Острогожского уезда Соломкина, Куприянова, Дубовского, Карпова и др.[22]. Семьи мещан за помощью обращались в меньшей степени, что объяснялось, по-видимому, двумя причинами: основную массу солдат составляло крестьянское сословие, кроме того, мещане могли рассчитывать на помощь по другим каналам.

Не приобрело массового характера обращение за помощью дворянского сословия. Как правило, за помощью обращались и то в редких случаях, обедневшие личные дворяне. Так, 22 февраля 1906 г. в благотворительный Комитет обратился Анатолий Дмитриевич Зигури, проживавший в Воронеже. В прошении о помощи он писал: «вернувшись с Дальнего Востока, куда отправился добровольцем, будучи ранен, болел, и, не имея никаких средств к существованию… смею просить о временном денежном пособии». Ему было выдано 25 руб.[23]. Оказывалась помощь молодым семьям дворян, которые попадали в связи с войной в тяжёлую жизненную ситуацию. В прошении о помощи дворянки М.В. Андреевой от 11 марта 1906 г. указывалось, что пять лет назад она вышла замуж за потомственного дворянина, от которого имела двух детей: трёх и четырёх лет. В ноябре 1904 г. её муж был призван на войну. Так как муж не был отделён от отца, то М.В. Андреева не имела никаких средств к существованию. К тому же свекровь отказалась помогать ей до прихода мужа из армии. «Положение моё, – писала она, – самое печальное и настолько безвыходное, что я не имею даже возможности поступить в услужение, так как с двумя детьми не возьмут на службу, оставлять детей на попечение старухи-матери моей 66 лет – бедной женщины, немыслимо»[24]. В прилагаемой к прошению справке, выданной полицейским управлением, указывалось, что М.В. Андреева «лично принадлежащего ей имущества, как движимого, так и недвижимого, кроме необходимого носильного платья, не имеет… муж её находится на действительной военной службе в 149 пехотном Черноморском полку на Дальнем Востоке»[25]. Соответствующая помощь просительнице была оказана.

В целом можно сказать, что война принесла немало горя и страданий российскому народу. Вместе с тем она выявила и стремление людей к взаимопомощи, состраданию, благотворительности. Военно-патриотический настрой, традиции лучшей части дворянства, воспитанной в духе военного служения Отечеству, религиозность способствовали тому, что благотворительность данного сословия наиболее ярко и действенно проявилась в период военного столкновения по защите рубежей России. Важно подчеркнуть, что организация благотворительной помощи выходила за рамки дворянского сословия, она носила внесословный характер.

Выводы из данного материала можно сделать следующие.

Среднепоместное дворянство в конце XIX – начале XX вв. испытывало значительные материальные затруднения. Вместе с тем значительная его часть откликнулась на призыв оказать бескорыстную помощь людям, пострадавшим в ходе русско-японской войны.

Благотворительная деятельность дворянства носила общественный и частный характер. Однако ведущая роль принадлежала общественному характеру благотворительности. Это было связано с двумя обстоятельствами: во-первых, в организации благотворительных акций дворянство использовало свою корпоративную структуру и, во-вторых, среднепоместное дворянство, как уже отмечалось, не имело необходимого капитала. В купеческо-предпринимательской среде, наоборот, широкое распространение получали частные, персональные, формы благотворительных акций.

Дворянское сословное управление непосредственно организовывало благотворительную деятельность и, в частности, дворянское собрание понуждало дворян, путем добровольных складок, идти на пожертвование необходимых средств для пострадавших в период военных действий. Сословная структура помогала дворянству наладить механизм

---

[21] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 25.
[22] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1458. Л. 25.
[23] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 12-14.
[24] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 26.
[25] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1454. Л. 28, 29.

распределения денежных средств пострадавшим, не допуская при этом коррупции и разбазаривания средств. Практическая работа по организации благотворительных акций на местах ложилась на уездных предводителей дворянства.

Дворянство как «первое сословие» в своей благотворительной деятельности опиралось и использовало возможность непосредственного контакта с верховной властью, что обязывало и побуждало данное сословие откликаться на внешние угрозы консолидацией и различными патриотическими акциями, в том числе благотворительной деятельностью.

Мотивом благотворительной деятельности лучшей части дворянского сословия явился, прежде всего, такой фактор, как стремление к утверждению идеалов и ценностей, базирующихся на принципах христианского милосердия и человеколюбия.

THE ROLE OF LANDLORDS IN CHARITY ORGANISATIONS' ACTIVITY DURING THE PERIOD OF RUSSIAN-JAPANESE WAR (ON MATERIAL OF VORONEJ AREA)

A.I. TCHVIKALOV

Russian State Social University, (Voronej)

e-mail Tchvikalov@bsu.edu.ru

Forms and methods of landlords' charitable support and care for people suffered from Russian-Japanese war are described. It is shown that landlords' charity had its specific features and intentions and was realized not in a chaotic way but through corporative bodies of self-government, having in the end all-class character.

Key words: landlords of Voronej region, corporative forms of self-government, Russian-Japanese war, forms and methods of charity organizations, district head of landlords.

УДК 947.081.1

ПРИМЕНЕНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

О.В. ШЕВЕЛЕВА

Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого

e-mail: oksana-sheveleva@yandex.ru

Статья рассматривает проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук в сельском хозяйстве в годы I мировой войны. Одним из способов решения данной проблемы было широкое применения труда военнопленных и беженцев, с оккупированных врагом территорий. Эти вопросы рассматриваются на примере Тульской губернии по материалам Государственного архива Тульской области (далее ГАТО).

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрное перенаселение, мобилизация, беженцы, военнопленные, губернская администрация, крестьянское хозяйство, частновладельческое хозяйство, помещичье хозяйство.

I мировая война легла тяжёлым бременем на плечи русского крестьянства. Большим ударом, нанесённым войной сельскому хозяйству России, была мобилизация. Первая (всеобщая) мобилизация 1914 г. была объявлена в самый разгар уборочных сельскохозяйственных работ. Тем не менее, на сборные пункты явилось 96% подлежащих призыву солдат[1]. Здесь сказались и высокий патриотизм, который был в начале войны, и вера в царя. Положительную роль сыграла и общинная круговая порука.

В ходе войны в армию было мобилизовано в общей сложности 15,5 млн. человек: в 1914 г. – 6,553, в 1915 г. – 5,047, в 1916 г. – 3,048 и в 1917 г. – 730 тыс. чел.[2] По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Тульская губерния поставила в армию около 220 тыс. чел. – это 48,5% к числу трудоспособных мужчин[3]. Этот показатель несколько больше общероссийского. В 1914 г. из Тульской губернии на фронт было взято 60.483, в 1915 г. – 55.140 и в 1916 – 1917 гг. около 105.000 чел.[4]

В связи с этим управляющий министерством земледелия А.А. Риттих писал: «Последствия столь значительной убыли мужских рабочих рук в сельском хозяйстве не могут не быть весьма серьёзны. Остающиеся взрослые рабочие мужчины уже не в состоянии, даже при крайне напряжённой помощи труда женского и полурабочих мужчин (подростки и лица старше 50 лет) возделывать всю ту площадь земли, обсеменение которой необходимо для удовлетворения всей потребности страны в продовольствии и кормах»[5]. Особенно остро нехватка рабочих рук на селе наблюдалась во время уборочной поры, причём в чернозёмных губерниях сильнее, чем в промышленных. Перед началом полевых работ 1915 г. Главное управление землеустройства и земледелия (далее ГУЗиЗ) разослало по сельским местностям земледельческих губерний опросные листы. Целью их было выяснить, сможет ли местное население при весенних работах обойтись собственными силами не только для выполнения своих работ, но и для оказания помощи семьям, члены которых призваны в ряды действующей армии. В 1915 г. уже 81% всех губерний по России заявили о недостатке рабочих рук в деревне[1].

Однако нехватка рабочих рук на селе не была так велика, как о ней писали. Например, из Тамбовской губернии сообщалось: «В рабочих во время сева яровых чувствовался некоторый недостаток, однако, не особенно острый и ничем не отразившийся на ходе работ»[2]. Такие же сведения приходили и из Курской губернии: «Недостаток в рабочих, хотя и встречает-

---

[1] Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период I мировой войны (1914 - 1918). Екатеринбург, 2000. С. 112.

[2] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 77 – 78.

[3] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Ч. 3. Сельское хозяйство и крестьянство. Л., 1967. С. 72.

[4] ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 693. Л. 108; Д. 763. Л. 100.

[5] Экономическое положение России... Ч.3. С. 55.

[1] Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы I мировой войны. М., 1977. С. 541.

[2] Вестник сельского хозяйства. 1915. № 40. С. 5.

ся почти повсеместно, тем не менее, большой остроты нигде не принимал»[3]. О том же писал и тульский губернатор в годовом отчёте за 1915 г.: «Несмотря на то, что уже начался ощущаться недостаток в рабочих руках, ибо, помимо призыва в войска, очень много рабочего люда ушло на заводы и фабрики, работающие на оборону... тем не менее площадь посевов не уменьшилась...»[4]. Ещё в июле 1915 г. тульский губернатор обратился ко всем волостным старшинам и сельским старостам с просьбой разъяснить односельчанам, оставшимся дома, что они обязаны помогать семьям, чьи мужчины ушли на войну. «Этим самым мы дадим нашим воинам веру, что дома ценят их труды и жертвы, и что благодарные земляки заботятся об их семьях. Каждый русский должен помогать друг другу, и только тогда Русь будет крепка и столь страшна её врагам, что никто не осмелится воевать с ней»[5].

В это же время в странах Западной Европы, так же ведущих войну, недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве ощущался острее, чем в России. Кроме аграрного перенаселения положительную роль у нас сыграли и такие моменты, как прекращение переселений, эмиграции, отхода на заработки за границу и даже расстройство фабричной промышленности. Всё это давало лишние, так необходимые в условиях переживаемого времени рабочие руки для деревни.

Одним из способов смягчения нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве стало широкое применение в нём труда военнопленных. Вопрос о применении труда военнопленных рассматривался уже в начале 1915 г. на межведомственном совещании при ГУЗиЗ. Был выработан проект правил допуска военнопленных к сельскохозяйственным работам, по которым на губернию отпускалось не более 10 тыс. чел.[6] Партии военнопленных поступали в распоряжения земских управ, которые должны были определять их условия труда и размер оплаты. Труд военнопленных ценился, и русское население без злобы относилось к ним, ведь в большей своей массе это были такие же славяне, как и они сами: сербы, хорваты, словенцы, поляки, румыны, чехи и представители других национальностей.

Военнопленные распределялись неравномерно в частновладельческих и крестьянских хозяйствах, что нередко вызывало возмущение среди крестьян[7]. Частновладельческие хозяйства были особенно заинтересованы в военнопленных, так как благополучие этих хозяйств целиком базировалось на применении наёмного труда, которое стало затруднительным в годы войны. Земства часто отказывали крестьянам в предоставлении военнопленных как потому, что их не хватало, так и потому, что крестьяне не могли гарантировать их охрану.

Поэтому подавляющая часть военнопленных направлялась в помещичьи хозяйства, и прежде всего в имения крупных помещиков. Тульская помещица баронесса О. Фредерикс написала письмо на имя министра земледелия, в котором жаловалась на тяжёлое положение в её хозяйстве в Богородицком уезде в связи с нехваткой рабочих рук. Она писала: «Создавшееся невозможное положение у нас, помещиков, заставляет меня обратиться к вашему сиятельству... Ещё прошлой зимой помещикам была обещана присылка пленных для полевых работ. Но те, которые просили 20 человек, получили 5... И в небольшом имении, хотя бы с 1 тыс. дес., с пятью рабочими урожая не соберёшь. Наконец, нужны также люди для присмотра за скотом. Местных рабочих, хотя бы мальчиков 15 – 16 лет, ни за какие деньги найти нельзя. Все заняты у себя дома, за уходом старших на войну»[8].

Ещё летом 1915 г. в Тульской губернии некоторые из землевладельцев, использующих военнопленных для сельскохозяйственных работ, обратились к губернатору с ходатайством «... о принуждении пленных на время рабочей поры к работам и в праздничные дни»[9]. Принимая во внимание, что своевременная уборка хлебов в военное время является делом особой важности, тульский губернатор пошёл навстречу пожеланиям землевладельцев. За работу военнопленным была установлена плата в размере 13 руб. в месяц. Из них 2 руб. 50 коп. удерживалось в пользу земств на обмундирование; 7 руб. – харчевых и 3 руб. 50 коп. выдавались военнопленным на руки на личные расходы[10].

---

[3] Там же.
[4] ГАТО. Ф. 90. Оп 6. Д. 763. Л. 100.
[5] Тульская молва. 1915. № 2292.
[6] Китанина Т.М. Война, хлеб, революция. М., 1985. С. 52.
[7] См.: табл. 1.
[8] Экономическое положение России... Ч. 3. С. 51.
[9] ГАТО. Ф. 90, Оп. 1. Т. 46, Д. 39814. Л. 2.
[10] Тульская молва. 1915. № 2281.

К 1 декабря 1916 г. по сведениям Главного управления Генерального штаба по разным ведомствам было распределено до 1.138.410 военнопленных[11]. На сельскохозяйственных работах использовали труд 496.917 чел.[12] В Тульской губернии по данным на 1 января 1917 г. на разного рода работах находилось 18.255 чел. военнопленных[13]. Из них непосредственно в сельском хозяйстве было занято 11.184 чел.[14] Пленных, которые отказывались от работы, министерство предлагало выделять в особые группы и содержать в строгом тюремном режиме, а затем выселять их в Сибирские округа.

Кроме того, к сельскохозяйственным работам привлекались и беженцы с оккупированных врагом территорий, особенно в местах, близких к прифронтовой полосе. Уже летом 1915 г. масса беженцев по стране достигает огромного количества. Забота о беженцах возлагалась на министра внутренних дел, главноуполномоченных по их устройству, губернаторов, градоначальников, земские учреждения, городские общественные органы и местные комитеты. По данным министерства земледелия от 4 февраля 1916 г. общее число беженцев достигло 3 млн. чел.[15] Ни военные власти, ни местная администрация не имели возможности своевременно и в должных размерах организовывать им продовольствие, проживание и медицинскую помощь.

Приток беженцев в Тульскую губернию начался со второй половины июля 1915 г., и губерния оказалась совершенно неподготовленной к этому. Хаотично-стихийное распределение беженцев по губернии таило в себе опасность распространения эпидемий, увеличение смертности и преступности. Тульский губернатор А. Тройницкий вынужден был принимать экстренные меры к тому, чтобы, прежде всего, прокормить беженцев, проходящих по железным дорогам через губернию. Для этого было срочно устроено 14 питательных пунктов[16]. Всего через Тульскую губернию с 1 сентября 1915 г. по 1 января 1916 г. проехало 465.720 беженцев[17]. Все они получили горячую пищу, хлеб и чай.

К 1 декабря 1915 г. в Тульской губернии осело 33.512 беженцев[18]. Для их устройства на местах были образованы губернский и уездные земские комитеты, а так же Тульский городской комитет, которые размещали беженцев по городам и селениям, выдавая им пайки, одежду и подыскивали работу. Вместе с ними в губернии образовались и национальные комитеты помощи беженцам: польские, еврейские, литовские и латышские. Также в 1915 г. в Тульской губернии насчитывалось 98 благотворительных организаций, которые ведали делом призрения беженцев[19]. На помощь беженцам только за 1915 г. Тульская губерния потратила 555.000 руб. из средств казны и ещё 135.211 руб. из комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, не считая тех средств, которые были потрачены различными национальными и благотворительными организациями[20].

Осенью 1915 г. тульский губернатор А. Тройницкий, оценивая складывающуюся ситуацию в губернии, в телеграмме центральным властям писал: «Беженцев водворилось в губернии 32.000 чел. и, кроме того, поставлено 40.000 войск и ожидаются ещё. Поэтому свободных мест поселения в губернии нет, и беженцев прошу в Тульскую губернию не присылать, тем более в некоторых местах распространены эпидемии и может не хватить хлеба и продовольствия»[21]. Тем не менее, в 1916 г. в Тульской губернии их насчитывалось уже 43.456 чел.[22]

С точки зрения экономической эффективности труд беженцев был малопроизводительным. А. Тройницкий, обращаясь к министерству внутренних дел, сообщал: «Из разных мест губернии до меня доходят сведения, что водворённые в губернию здоровые и трудоспособные беженцы отказываются от какой-либо предлагаемой им работы, получая из казны при посредстве земских и городских управлений и комитетов беженцев паёк на пропитание и квартиры… Предлагаю лишать пайка на продовольствие из казны всех трудоспособных беженцев, отказывающихся от предлагаемой им

---

[11] Экономическое положение России… Ч. 3. С. 61.
[12] Там же.
[13] ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40140. Л. 17.
[14] Там же.
[15] Экономическое положение России… Ч. 3. С. 75.
[16] ГАТО. Ф. 90. Оп 6. Д. 763. Л. 103.
[17] Там же. Л. 104.
[18] Там же.
[19] Там же. Л. 71 – 74.
[20] Там же. Л. 107.
[21] ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 694. Л. 220.
[22] ГАТО. Ф. 90. Оп. 8. Д. 528. Л. 77.

работы по их специальности, о чём объявить беженцам»[23]. Одоевский уездный исправник, отвечая на вопрос начальника Тульского губернского жандармского управления об отношении местного населения к беженцам, сказал: «В начале отношение было очень сочувственное, доброжелательное и сердечное, а затем в виду того, что беженцы в массе большинство тунеядцы-паразиты за счёт местного населения и Правительства, за последнее время к ним относиться стали даже враждебно. Одна из причин – Уездное Земство – которое не разбираясь в трудоспособности, поощряет их пособиями без разбора... укрепляет их в дармоедстве и лени»[24]. Уже зимой 1915 г. министерство внутренних дел пошло на встречу пожеланиям местных властей и разрешило: «...лишать продовольственного пайка здоровых и трудоспособных беженцев, не желающих работать»[25].

В начале 1916 г. тульский губернатор нашёл другой способ решения проблемы переизбытка беженцев в губернии и нехватки рабочих рук на селе: «Предлагаю всем комитетам по оказанию помощи беженцам немедленно отправить из городов всех беженцев обоего пола, способных к сельскохозяйственным работам, вместе с семьями в сельские местности. Для беженцев, остающихся по неспособности к сельскохозяйственным работам, в городских приютах немедленно организовать работы в самих приютах, причём из причитающегося вознаграждения за исполненные работы следует удерживать стоимость их содержания в приютах... Ныне, когда в губернии такой недостаток рабочих рук, не только мужчины, но и женщины и подростки могут принести громадную пользу при сельскохозяйственных работах. Больше 8 месяцев казна кормила беженцев, и те почти совсем не работали. Ныне необходимо им дать работу и заставить работать, и в этом заключается главная задача всех организаций. Необходимо принять меры к тому, чтобы беженцы сами зарабатывали себе пропитание, и чтобы расходы казны на них были сокращены»[26].

К 1916 г. военное ведомство прекратило отпускать военнопленных на сельскохозяйственные работы, поэтому землевладельцы стали более заинтересованы в использовании труда беженцев. Теперь появилась возможность нанимать рабочих-беженцев через земскую управу на сельскохозяйственный год с апреля по октябрь. Для этого землевладельцы должны были направить в земскую управу заявление, в котором указывали: сколько, какого пола и возраста, за какую плату, для какой работы, и на какой срок им необходимы работники. Чем лучше были условия найма, тем соответственно больше удавалось привлечь рабочих-беженцев. Данные по Белёвскому уезду Тульской губернии показывают, что оплата труда взрослого мужчины на весь сельскохозяйственный период колебалась в зависимости от условий труда от 50 до 100 руб.[27]

Таблица 1

Использование труда военнопленных и беженцев в крестьянских и частновладельческих хозяйствах[28]

РАЙОНЫ	У КРЕСТЬЯН		У ЧАСТНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ	
Центрально-чернозёмный (Тамбовская, Пензенская, **Тульская**, Рязанская губ.)	На 100 рабочих, занятых в земледелии, приходится:		На 100 рабочих, занятых в земледелии, приходится:	
	военнопленных	беженцев	военнопленных	беженцев
	0,3	0,1	11,7	2,3

Таким образом, можно сделать вывод, что нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве в годы войны, безусловно, была. Но размеры её часто преувеличены. Аграрное перенаселение царской России, которое в мирное время было большой проблемой, в годы войны сыграло свою положительную роль. Несмотря на то, что к 1917 г. процент взятых в армию равнялся 47,4 от числа трудоспособных мужчин, однако ко всему населению России он составил лишь 11,2%[29]. Поэтому даже при огромных российских пространствах и

[23] ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 694. Л. 194.
[24] ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 690. Л. 245.
[25] ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 694. Л. 375.
[26] ГАТО. Ф. 90. Оп. 116. Д. 2459. Л. 2.
[27] ГАТО. Ф. 505. Оп. 2. Д. 683. Л. 3 – 10.
[28] Источник: Крестьянство в войне и революции (статистико-экономические очерки А. Хрящевой). М., 1921. С. 25.
[29] Экономическое положение России... Ч. 3. С. 73.

трудных климатических условиях, при слабом развитии городского населения и известном отставании русской экономики от Западной Европы, огромное число крестьянского населения продолжало кормить армию и мирное население. Весь приведённый выше материал показывает, что и центральная, и местная власть, конечно, видели проблему нехватки рабочих рук на селе. Не раз и члены правительства, и депутаты Государственной думы, и губернаторы, и различные общественные деятели обращались к Николаю II, отмечая эту проблему. Они искали различные пути её разрешения. Одним из вариантов как раз и было широкое применение труда беженцев и военнопленных. Это позволяло хотя бы в самую жаркую летнюю страду стабилизировать положение на полях.

USE OF THE PRISONERS OF WAR AND REFUGEES`S LABOR IN AGRICULTURE IN WORLD WAR I (ON THE BASIS OF THE TULA REGION MATERIALS)

O.V. SHEVELEVA

Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy

e-mail: oksana-sheveleva@yandex.ru

The article deals with the problems of the lock of workers in the agriculture during the First World War. One of the way to solve this problem was the use of prisoners of war anole refugees. This article touches upon the situation which took place in Tulskaya gubernia (Tula region).

Key words: agriculture, agrarian overpopulation, mobilization, prisoners of war, refugees, administration, peasant farming, private agricultural property, landlord property.

УДК 94(47).083

ВЫСШАЯ БЮРОКРАТИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

И.Т. ШАТОХИН

Белгородский государственный университет

e-mail: shatohin@bsu.edu.ru

В начале XX в. в Российской империи стала формироваться новая модель деятельности высшей бюрократии в связи с изменением государственного строя и началом работы законодательных органов. Разные по своей природе институты должны были искать механизмы взаимодействия, формировать традиции законотворчества и ответственности, искать общее понимание интересов страны и народа. Во взаимодействии правительства и III Думы наметился поворот от конфронтации к сотрудничеству.

Ключевые слова: Государственная дума, бюрократия, правительство, оппозиция, политические партии

Основные законы 1906 г. и начало работы I Государственной думы изменили государственный строй России. Одновременно это стало и отправной точкой в формировании нового взаимоотношения общества и власти. Важнейшим фактором, способствовавшим становлению позитивного характера таких отношений, на наш взгляд, является конструктивное взаимодействие высшей бюрократии и парламента, так как даже современные, более политически развитые, общества государств постсоветского пространства порой будоражатся вспышками жестких противостояний правительств и парламентов.

Изменение начал государственного строя Российской империи в результате принятия Основных законов 1906 г. и начала работы Государственной думы не могло не повлиять на эволюцию статуса и менталитета отечественной бюрократии. Появление нового государственного института в первую очередь затронуло положение высшего слоя бюрократии. Министры и главноуправляющие, по-прежнему оставаясь в полной административной власти императора (назначение и увольнение зависели только от его воли). По части проведения через Думу правительственных законопроектов, а также в связи с правом депутатов осуществлять контроль за деятельностью правительства, губернаторов и иных представителей коронной власти, они вынуждены были вступать в непростые отношения с Государственной думой в целом, ее партийными фракциями и отдельными депутатами.

Как показывает исторический опыт, выстраивание конструктивного сотрудничества в системе «высшая бюрократия – парламент» в равной мере зависит от обеих сторон. Пример I Государственной думы показывает, что и правительство и Дума не были настроены на совместную работу. Это было обусловлено общей политической обстановкой в стране, а также антагонистическими целями контрагентов. В условиях продолжавшейся революции ни одна из сторон не могла пойти на компромисс, сохранив лицо. При этом следует иметь в виду, что высшая бюрократия была не вполне самостоятельным субъектом этих отношений. Во-первых, министры и главноуправляющие не могли исключительно по собственной воле строить отношения с Думой без учета позиции императора. Поэтому его можно считать еще одним игроком на этом поле. Так как депутаты очень часто обращались в своих речах (порой очень не корректно) к монарху, Николай II вынужден был реагировать на эти обращения, определяя не всегда конструктивно позиции своих министров. Во-вторых, сами министры не выступали единым фронтом как представители правительства. Некоторые из министров пытались отстаивать свои (личные или ведомственные) интересы, играя на явных и скрытых противоречиях Думы, Николая II, других министров.

Противостояние было предопределено самими обстоятельствами рождения российского парламента, который стал уступкой монарха революционной стихии. Само нежелание Николая II назвать Думу парламентом, а Основные законы – конституцией, лишний раз говорит о его недоверии к этому институту и внутреннем неприятии новой государственной структуры. Решительно настроенное и самое политически активное и дееспособное ядро первого состава Дума также неприязненно относилось к уже однажды серьезно уступившему их напору главе государства.

В противостоянии Думы и правительства виновны были обе стороны, а проигрывали страна и народ. Об этих ошибочных действиях контрагентов с горечью писали современники и очевидцы событий. Н.Н.Врангель уже в эмиграции так оценивал позиции парламента, правительства и монарха: «с первых же шагов стало очевидно, что ни правительство, ни Дума не на высоте своего положения. Правительство с места доказало, что оно ничего не забыло и ничему не научилась, что, как вскоре сказал сам Государь, «Самодержавие будет как встарь». На Думу правительство смотрело как на неизбежное зло, как на отрицательную величину, с которой не только считаться, но и ладить нет надобности. На обещанную под давлением страха конституцию – как на пустой посул, который исполнению не подлежит. О том, что слово не только Царя, но и простого смертного обязывает, и Царь, и его правительство, очевидно, забыли»[1]. Практически те же оценки действиям правительства и парламента дает и представитель либерального лагеря, депутат Думы от кадетской партии В.А.Маклаков. Анализируя «11 лет конституции (1906-1917)», он отмечал, что «были периоды, когда была виновата именно власть, так же как она больше всех была виновата за отдаленное прошлое. Это не мешает признать, что в те моменты, когда общественность побеждала, виноватой в конечной своей неудаче оказывалась уже она»[2].

Своеобразной демонстрацией противостояния монарха, высшей бюрократии с одной стороны и депутатов парламента, с другой, стал исторический прием Николаем II первых депутатов Государственной думы в Зимнем дворце в первый день ее работы – 27 апреля 1906 г. Участники этого события оставили красочные описания приема, своих впечатлений и переживаний. Большинство представителей высшей бюрократии отмечали демонстративную неприязнь группы депутатов (вызывающие взгляды, небрежные одежды, надменное поведение) в отношении императора и его окружения. Однако не меньшая неприязнь к депутатскому корпусу сквозить в многочисленных описаниях мемуаристов – министров, аристократов. Кроме того, они ее демонстрировали, стоя напротив членов парламента, так как «с трудом сдерживали свое раздражение, даже гнев, наблюдая вторжение в священные залы Зимнего дворца этих новых людей»[3].

Физически почувствовав враждебность, исходившую от народных избранников, Николай II, вероятно, поэтому больше не приглашал вновь избранных депутатов в начале работы очередной Думы в Зимний дворец. Непосредственное обращение императора («тронная речь) была заменена указами, объявлявшими открытие заседаний парламента.

Назначение И.Л.Горемыкина на должность премьер-министра тоже, вероятно, было не случайным. И хотя Николай II прямо не подтвердил В.Н.Коковцеву, но его догадка не лишена оснований. Такие известные всему обществу качества нового премьер-министра, как «величайшее безразличие», «отсутствие гибкости», «явное нежелание сблизиться с представителями новых элементов а нашей государственной жизни», не могли не вызвать еще большего ожесточения в Думе[4], и этого не мог не предполагать император. Однако он, как полагает В.Г.Тюкавкин, будучи верен данному в Манифесте 17 октября 1905 г. слову о даровании конституции, парламента и политических свобод, этим назначением стремился заменить «интригана» и «масона» С.Ю.Витте[5] на беспредельно преданного Николаю II Горемыкина, который не допускал и мысли о заигрывании с революционной Думой. Еще одним аргументом для такого объяснения служат и воспоминания В.А.Маклакова. Он считал, что назначение И.Л.Горемыкина было направлено «не против Думы, не против реформ, а против Витте, против прежнего кабинета, которому Государь не простил его относительной независимости. Это были счеты Государя с ним, а не с Думой; они, конечно, проницательности Государя чести не делали. Но в них все же нет и намека на то, чтобы Государь этим назначением хотел помешать либеральным реформам. ... Недостатком его (правительства – Ш.И.) оставалась только непригодность его

---

[1] Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. М., 2003. С.328.

[2] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С.25.

[3] Извольский А.П. Воспоминания. Минск, 2003. С.64.

[4] Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903-1919): Воспоминания. Минск, 2004. С.150.

[5] Тюкавкин В.Г. Николай II и первая Государственная дума // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С.14.

председателя для переговоров с общественностью. Это было препятствием, которое можно было обойти при добром желании...»[6].

Однако ход со сменой правительства не стоит рассматривать только с точки зрения замены «интригана» С.Ю.Витте на надежного И.Л.Горемыкина. На наш взгляд, это был в какой-то мере политтехнологический ход, как ельцинские «рокировочки» и неожиданные кадровые решения Путина. Изменение состава правительства и первого его лица за считанные дни до начала работы Думы, несомненно, создавало проблемы в реализации оппозицией уже разработанных планов, требовало пересмотра тактики в условиях цейтнота.

Уход С.Ю.Витте и появление И.Л.Горремыкина не было однозначно воспринято политически силами и обществом. Так, лидер кадетов П.Н.Милюков видел в смене правительства негативные последствия для деятельности и будущего Думы: «Место Витте занял И.Л.Горемыкин, в числе заданий которого, как мы узнали позднее, было распустить Думу, если она захочет проводить свой аграрный законопроект. Вместе с этим рухнули и все приготовления к сколько-нибудь приличной встрече с Думой. Думу, видимо, решили взять измором. Таким образом, над Думой, еще не собравшейся, уже нависла угроза конфликта с властью. Он тогда еще не представлялся неизбежным, особенно для наших провинциальных членов; но руководители партии достаточно ясно представляли себе всю его серьезность»[7]. Много позже, уже в эмиграции, П.Н.Милюков по мнению В.А.Маклакова признал ошибочность такого своего понимания смысла замены Витте Горемыкиным. Сам же член ЦК кадетской партии В.А.Маклаков дает несколько иное толкование того, как в партийной среде оценивали это событие: «Кадетская партия падение министерства приветствовала и видела в нем свое торжество. Видимые основания для такого суждения были. Когда 14 апреля Витте написал прошение об отставке, в числе поводов ней он указал на нападки, которым подвергнется в Думе и которые могут помешать совместной с ней работе. Он в этом был прав. Либерализм к нему был настроен враждебно, не желая признать, что он сам был виноват в том, что после Манифеста сделалось с Витте. А с другой стороны, как ни законно было раздражение Витте на либерализм, оно дошло до тех крайностей, которые сделали Витте непригодным для примирения с Думой. Стенографические отчеты Особых совещаний это доказывают; Витте был в них не на высоте; был ниже своего прошлого и настоящего роста. Кадеты могли торжествовать; большого и полезного человека своей тактикой они обессилили и устранили со сцены»[8].

Однако значительная часть общественности, либеральная пресса были убеждены, что император, назначая И.Л.Горемыкина, пошел на конфликт с Думой. Неудивительно, что постоянный корреспондент Николая II коллежский асессор, новгородский дворянин А.А.Клопов, выражая волю и мысли определенных слоев, в своем письме от 21 апреля 1906 г. настойчиво предостерегал: «Новое назначение Горемыкина произведет громадный эффект в отрицательном смысле, это тоже подольет в огонь масла, скажут, что назначение его есть новое доказательство могучего влияния на Вас бюрократии. Противоядием в данном случае может быть только одно – это назначение Витте председателем Госуд[арственного] Сов[ета]. Вы знаете мой взгляд на эту личность, по отношении к нему можно быть строгим прокурором и в то же время честным справедливым защитником, как несомненно выдающегося человека, которому Россия многим обязана за последнее время...»[9].

Оценка общественностью назначения И.Л.Горемыкина как нежелание монарха сотрудничать с Думой была выгодна подавляющей части депутатов первого созыва. Они пришли в Думу для продолжения революции, поэтому строила свою тактику на постоянном давлении на правительство, максимально используя думскую трибуну для агитации. Естественным результатом такого противостояния стал роспуск Думы и создание нового правительства. Выборгская эпопея, на наш взгляд, также в определенной мере свидетельство настроя на противоборство, а не на совместную работу, лидеров первой Думы. Это была уже последняя отчаянная попытка политическое давление на Николая II материализовать в революционный взрыв, но было уже поздно, т.к. к этому времени против ра-

---

[6] Маклаков В.А. Первая Государственная дума... С.43-44.

[7] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2001. С.296.

[8] Маклаков В.А. Первая Государственная дума... С.42.

[9] Крылов В.М., Малеванов Н.А., Травин В.И. Тайный советник императора. СПб., 2002. С.386.

дикализма Думы «вырастало сильное общественное мнение», как писал 13 июля 1906 г. в «Новом времени» А.С.Суворин[10].

В ходе работы I Государственной думы стали закладываться элементы будущей работы правительства с депутатским корпусом и формироваться первый опыт деятельности министров в условиях парламентаризма. Не все члены кабинета И.Л.Горемыкина разделяли его точку зрения игнорирования Думы, что на деле означало конфронтацию с ней. Уже в начале июня 1906 г. министры А.П.Извольский и П.М. фон Кауфман высказались за поиск компромисса с работоспособным, по их мнению, ядром парламента через формирование правительства из лиц, которым бы доверяли кадеты. Склонялся к этой точке зрения и В.Н.Коковцов. П.А.Столыпин в последние дни I Думы вел переговоры о создании «коалиционного» правительства, в которое намеревался включить А.П.Извольского, октябристов и кадетов[11].

Вероятно П.А.Столыпин, как и некоторые другие в правительственном лагере, понимал, что одним из вариантов выхода из кризиса является отрыв кадетов от их союзников в парламенте – социалистов и радикалов разных оттенков. Логику такого решения в разговоре с Николаем II изложил будущий член правительства П.А.Столыпина князь Б.А.Васильчиков: «кадеты как политическая партия несомненно представляют из себя силу, с которой нельзя не считаться, но они являются опасными не сами по себе, сколько по своей тесной связи с социалистами и революционерами; задачею минуты является постараться порвать эту связь и тем обезвредить кадетов и в тоже время ослабить социалистов. Единственным для этого средством, в моих глазах, было скомпрометировать кадетов властью; если бы удалось вовлечь их в состав министерства, конечно, без их вечных спутников – социалистов, то последние никогда бы этого не простили своим соседям, и оппозиция была бы в значительной мере ослаблена. Передавая это, я, однако же, далеко не был уверен в успехе подобной попытки, т.к. сознавал, что в силу своей особой партийной психологии кадеты более склонны к безответственной политике оппозиции, чем ответственности, сопряженной с властью»[12].

Отказ кадетов подтвердил сомнения Б.А.Васильчиова. Об этом же с большой горечью вспоминал П.А.Столыпин после 12 августа 1906 г. в доверительной беседе с министром финансов В.Н.Коковцовым: «попытки привлечь в состав правительства общественных деятелей встретили их решительный отказ: одно дело – критиковать правительство и быть в безответственной оппозиции к нему и совсем другое – идти на каторгу, под чужую критику, сознавая заранее, что всем все равно не угодишь, да и кружковая спайка гораздо приятнее, чем ответственность и всегда неблагодарная работа»[13].

История II Думы демонстрирует пример того, как высшая российская бюрократия готовилась к совместной плодотворной работе с законодательным органом, а затем демонстрировала конструктивные, но четко обозначенные позиции по всем вопросам, несмотря на нежелание думского большинства принимать протянутую для сотрудничества руку правительства. Подготовка Совета министров П.А.Столыпина к созыву новой Думы проходила по трем основным направлениям.

Первым направлением этой работы стало активное участие в «организации» выборов. При этом МВД для формирования удобного ему состава депутатов попыталось использовать «административный ресурс». Если в отношении проправительственных сил власть с помощью сенатских «разъяснений» и министерских циркуляров по вопросам выборной процедуры стремилась сформировать преимущественные условия, то предвыборную деятельность либеральных и революционных партий старалась максимально стеснить. «Теперь на митингах являлись полицейский пристав, или его помощник, или даже оба вместе в форме, и очень часто прерывали ораторов или и совсем закрывали собрания посреди прений. Удивительно только, как властям не приходило на мысль, что такие меры достигали результата, прямо противоположного тому, на какой они были рас-

---

[10] Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904 – 1908). М.:Алгоритм, 2005. С.558.

[11] Извольский А.П. Воспоминания… С.134-145; Первая русская революция: взгляд через столетие. М., 2005. С.447.

[12] Васильчиков Б.А. Воспоминания / Сост., предисл., примеч. Г.И.Васильчикова. Подготовка текста В.П.Полыковской. Коммент. Д.А.Беляева. М., 2003. С.202.

[13] Коковцов В.Н. Из моего прошлого… С.183.

считаны. Публика возмущалась нарушением свободы прений, а прерванные ораторы пожинали лишь тем больший успех: заманчив ведь плод запретный!»[14] Однако грубое вмешательство полиции в осуществление избирательной компании дало обратный эффект: новая Дума оказалась более левой. Таким образом, это направление подготовки правительства к работе с Думой второго созыва завершилось полным провалом.

Другой стороной подготовки правительства П.А.Столыпина к взаимодействию с Думой стала разработка внушительного пакета законопроектов, которых к началу работы парламента набралось 287[15]. Уже в сентябре 1906 г. премьер-министр поставил перед своим кабинетом задачу «подготовить ряд законопроектов для представления их на рассмотрение Думы. Он считал весьма важным избежать повторения ошибки предшествовавшего кабинета – предоставить новой Думе увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями. Войдя в Таврический дворец, депутаты должны были найти ожидающий их рассмотрения ряд законопроектов, целью которых были либеральные реформы в различных областях национальной жизни. Эта обширная программа включала следующие главные вопросы: свободу совести, habeas corpus, гражданское равноправие, государственное страхование рабочих, реформу местного самоуправления, или земств, создание земств в тех частях империи, где оно еще не существовало (северо-западные и балтийские губернии) создание земства и городских самоуправлений в Польше; преобразование местного суда, реформу высшей и средней школы, реформу налогового обложения и реформу полиции»[16].

Слова министра иностранных дел А.П.Извольского подтверждает и развивает в своих воспоминаниях другой член этого правительства – министр финансов В.Н.Коковцов. Всю осень и зиму 1906 – 1907 гг. «шла самая интенсивная работа по подготовке целого ряда законопроектов по наиболее существенным вопросам нашей жизни, и можно сказать, что именно в эту пору положено было основание самым разнообразным предложениям, не только внесенным во вторую Государственную думу, но даже потом и в третью»[17].

Программное выступление П.А.Столыпина в Думе 6 марта 1907 г. ясно давало понять и депутатам и обществу, что правительство не только признает Думу необходимым институтом, но и готово к сотрудничеству. Уже в первом предложении он заявляет о «совместной с Государственной думой деятельности». И это не дань вежливости. Разъясняя депутатам свое видение идеологии и порядка обсуждения законопроектов, подготовленных правительством, премьер-министр прямо указал, что депутаты имеют широкие возможности для корректировки предлагаемых проектов. В разработке законов «нельзя стоять на определенном настроении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде»[18]. В тот же день после думских прений по его программой речи П.А.Столыпин еще раз акцентировал внимание народных избранников на возможность и необходимость совместной плодотворной работы правительства и Думы. «Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства». Более того, он фактически предложил депутатам совместную борьбу с произволом чиновников: «...правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. ... Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы...»[19] Таким образом, правительство П.А.Столыпина и, прежде всего он сам, твердо встало на путь парламентаризма. При этом следует сделать оговорку, что действовало во время выборов оно порой крайне некорректно по отношению к оппозиции, и не исключало иного поворота развития событий.

---

[14] Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881 – 1914. М., 1997. С.306.

[15] Первая русская революция... С.499.

[16] Извольский А.П. Воспоминания... С.166-167.

[17] Коковцов В.Н. Из моего прошлого... С.207-208.

[18] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 – 1911 гг. М., 1991. С.50-51.

[19] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С.64.

Третьим направлением было то, что Столыпин готовил и запасной вариант на случай, если Думы вновь придется распускать из-за ее недееспособности и излишнего радикализма. Не позднее осени 1906 г. началась разработка нового избирательного закона, который и был введен 3 июня 1907 г.

III Дума, в т.ч. благодаря «административному ресурсу», оказалась в состоянии работать совместно с правительством. Однако только этим вклад правительства в создание новой атмосферы в системы «высшая бюрократия – парламент» не ограничивается. П.А.Столыпину и значительной части его кабинета удалось найти в себе силы на формирование такого стиля поведения, опиравшегося на внутреннюю убежденность, который позволял достаточно успешно решать с парламентом сложные проблемы социально-экономического развития страны.

Важнейшим показателем эффективности сотрудничества правительства и III Думы является число внесенных в повестку дня законопроектов: 2567 – правительством и 207 представителями думских фракций[20]. Не останавливаясь на анализе законотворческой деятельности, следует отметить, что III Государственная дума и правительство П.А.Столыпина заложили основы взаимодействия законодательной и исполнительной власти, сформировали традиции и алгоритмы разработки законов и рассмотрения вопросов общественно-политической жизни страны. Безусловно, что это взаимодействие не стоит идеализировать. Оно очень часто омрачалось попытками конфронтации, непонимания и неприятия точек зрения представителями сторон. Само наличие в Основных законах 87 статьи, позволявшей приостановить работу Государственной думы и Государственного совета для проведения указом императора какого-либо необычайно необходимого правительству здесь и сейчас закона, соблазняло правительство на попытку воспользоваться ею и настроить против себя практически всех депутатов и членов Совета. Правительство при каждом удобном случае (что в порядке вещей и для сегодняшних парламентской практики) пользовалось для достижения своих целей конкуренцией и враждой между партийными фракциями.

После окончания революции при сохранении правовых основ государственной службы российское чиновничество было вынуждено осуществлять свою деятельность в новых общественно-политических условиях. Функционирование Государственной думы (прежде всего третьей и первых двух лет четвертой) и практика взаимодействия с ней правительства демонстрировали чиновному миру наличие еще одной силы (после воли монарха, буквы и духа закона), препятствовавшей произволу при реализации властных полномочий. Ясным и конкретным указанием именно на такое понимание роли Думы являются выше приведенные слова из выступления П.А.Столыпина во время открытия заседаний II Государственной думы в марте 1907 г. о людях, которым «свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью». Обращаясь к депутатам, глава правительства рассчитывал и на то, что вся российская бюрократия услышат эти слова и сделают соответствующие выводы.

И некоторая часть высшей бюрократии сделала выводы. Прежде всего та часть, которая по роду своей деятельности должна была контактировать с Думой по утверждению бюджета и отчетам за его выполнение. Яркое и образное описание психологического пресса ожидания этого момента министерским чиновничеством мы находим у В.В.Розанова. «Каждое министерство, каждое ведомство, все директора департаментов и канцелярий целый год помнят и не могут забыть ни на один день, – что дойдет в Думе рассмотрение бюджета до параграфов, к нему относящихся, и придется в тихих комиссиях дать отчет о каждой сотне или тысяче рублей, расходуемых здесь, – причем никогда и никто не может предвидеть всех вопросов, которые будут заданы во время этого рассмотрения. Самая неопределенность и безвестность того, на какие вопросы придется отвечать, заставляет готовиться к ответу на всякие, т.е. упорядочивать и упорядочивать управление и денежную отчетность в каждой ячейке управления, в каждой его мелочи. А возможность “выноса ссора из избы” самими же чиновниками, при относительной свободе печати, парализует надежду закрыть лаком щели и гнилые места департаментов и канцелярий. В общем, процесс думского рассмотрения государственного бюджета является сильнейшею вентиляциею, уносящею гнилой воздух из вековой бюрократической машины и ее глубоких подвалов, и если этого гнилого воздуха еще остается достаточно, то мы не должны забывать, сколько его было»[21].

О плодотворной, но сложной и утомительной для министров и других высших чиновников, работе с III Думой свидетельствуют многие страницы мемуаров министра финансов

---

[20] Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 11.

[21] Цит. По: Друзин М.В. III Государственная дума и проблемы уральской горнозаводской промышленности // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2007. Вып. VIII. С. 251.

В.Н.Коковцова. Приведем наиболее показательные эпизоды и оценочные суждения Владимира Николаевича: «На мою долю выпал неблагодарный труд. Два дня, 12 и 15 января (1908 г. – Ш.И.), я просто не выходил из Думы и не имел даже времени ездить домой на завтрак». «Началась более спокойная сметная работав бюджетной комиссии. Мне пришлось провести в этой работе многие и многие дни, вплоть до мая, когда рассмотренный в комиссии бюджет поступил в общее собрание и начались опять жаркие схватки мои с Шингаревым и некоторыми другими представителями…». «Весь май и половина июня до 18-го числа ушли на очень тягостную для меня работу по рассмотрению заключений бюджетной комиссии…». «Параллельно с заседаниями Государственной думы, отнимавшими у меня столько времени и настолько расшатавшими мою нервную систему, что подчас я спрашивал себя, хватит ли у меня сил довести дело до конца и дождаться роспуска Думы на летние каникулы, проходили заседания Государственного совета. Приходилось нередко в один и тот же день бывать и там, и тут…»[22].

Возросло влияние, как сдерживающего фактора, и независимой, защищенной законом периодической печати. В столицах и многих провинциальных городах возникшие после первой русской революции частные, неподконтрольные правительству печатные издания все чаще заставляли коронных чиновников считаться с общественным мнением. Одновременно эти и другие издания оказывали воздействие и на народных избранников, лидеров оппозиции, часто ядовито и язвительно указывая на их тактические промахи и стратегические ошибки, отступления от предвыборных деклараций.

Таким образом, российский парламентаризм сформировал совершенно новую атмосферу деятельности российской бюрократии. В этих новых и непривычных условиях, сначала высшая бюрократия, а затем и представители других групп коронного чиновничества стали принимать новые правила игры. С одной стороны, они вынуждены были мириться с контролем за их деятельностью со стороны Государственной думы и российской прессы, а, с другой стороны, некоторые пытались использовать политические свободы для реализации своих взглядов в профессиональной сфере и общественной жизни. Высшая бюрократия, несомненно, оставалась вершителем судьбы страны в гораздо большей степени чем Государственная дума. Она обладала по прежнему огромной властью, имея в своих руках вооруженную силу, силу полиции и охранки. Однако, если Государственная дума постепенно набирала авторитет и влияние, то Николай II, а с ним и правительство авторитет и влияние среди населения, в том числе и среди государственных служащих среднего и низшего звена, теряли. Огромной заслугой и трезвомыслящей высшей бюрократии, и значительной части депутатского корпуса в 1907 – 1914 гг. стал переход от конфронтации сотрудничеству. Эта устойчивая тенденция нередко имела попятное движение, однако опыт поиска компромиссов, согласования интересов, взаимодействия при решении сложнейших задач нарабатывался, способствовал формированию нового правового сознания и политического класса и общества в целом. Однако это была только тенденция, только начало движения к правовому государству. Последующие события показали насколько несовершенными и хрупкими были результаты этого процесса.

TOP BUREAUCRACY AND STATE DUMA IN EARLY XX: FROM CONFRONTATION TO COLLABORATION

I.T. SHATOHIN

Belgorod State University

e-mail: shatohin@bsu.edu.ru

In early XX in Russia, the new model of the top bureaucracy activity was in the state of formation because of the change in the political system and the outset of the legislative authorities` functioning. The institutes that were different in nature had to seek the mechanisms of interplay, to form legislative traditions and responsibility, to come to the common understanding of interests of the State and the people. There occurred a turn from confrontation to collaboration in the interaction of the Government and the III Duma.

Key words: State Duma, bureaucracy, government, opposition, political parties.

[22] Коковцов В.Н. Из моего прошлого… С.261, 263, 275, 280 и др.

УДК 334.7

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

З.Р. КОЧКАРОВА

Ставропольский кооперативный институт (филиал) Белгородского университета потребительской кооперации

e-mail: zkochka@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция кооперации в условиях модернизации российского общества в начале XX века и ее социально-экономическая трансформация в годы первой революции, столыпинской аграрной реформы и первой мировой войны.

Ключевые слова: модернизация общества, приоритетные национальные проекты, кооперативное движение.

Модернизационные процессы в постсоветской России обусловили переход страны к рыночной экономике, что создали новые возможности для развития всех форм кооперации – общественно-экономической системы, которая по самой своей природе открыта для хозяйственной инициативы и предприимчивости, конкуренции с другими формами собственности в деле обеспечения населения товарами и услугами. Это положение кооперации учтено при принятии Президентом страны В. Путиным приоритетных национальных проектов в области здравоохранения, образования, жилищного строительства и сельского хозяйства, выполнение которых связывается непосредственно с развитием всех форм и видов кооперации и созданием мощного кооперативного движения в стране.

Развитие и совершенствование деятельности кооперативов на современном этапе является важной общенародной задачей, и преобразования, производимые в социально-экономической жизни страны и в системе кооперации, предполагают рассмотрения и решения всего комплекса вопросов, соизмеряя с историческим опытом. Осмысление особенностей генезиса отечественной кооперации как в целом, так и на региональном уровне, позволяет определить те сущностные характеристики, которые традиционно были для нее свойственны. Оптимизация кооперативной деятельности возможна только через точную диагностику существующих проблем, корни которых уходят на многие десятилетия в прошлое. И в условиях реформирования общества, вопросы взаимодействия кооперации с государственной властью с целью оптимизации кооперативной политики и создания благоприятного правового поля, определения роли и сущности кооперации в национальной экономике, обращения к ее сущностным характеристикам, истории формирования и ее деятельности в прошлом приобретают особую актуальность.

И в свете этого в данной статье нами предпринята попытка исследовать проблему эволюции кооперации в начале XX в., влияние на ее практическую деятельность первой революции в России, столыпинской аграрной реформы и первой мировой войны.

Первая революция в России всколыхнула и взбудоражила все общество. Деревня пережила аграрные волнения, крестьянство устремилось революционным путем разрешить земельный вопрос и надеялось раз и навсегда сбросить с себя вековые цепи экономической зависимости, угнетения и бесправия. После жестокого и беспощадного усмирения «карательных экспедиций», началась эпоха успокоения и контрреволюции. Начала действовать аграрная реформа Столыпина, разрушалась крестьянская община, создавались мелкие собственники в деревне. Энергия народная, сжатая в области общественно-политической и хозяйственной жизни, нашла себе выход в огромном кооперативном движении. Даже в годы реакции (1907-1910 гг.) и особенно в последующем условия для роста и развития кооперации были более благоприятными, чем до 1905 г. Так, за 10 лет (с 1905 по 1915 гг.) в стране возникло и выросло до 30 тыс. новых кооперативов[1]. Если до революции в стране насчитывалось кредитных, потребительских, сельскохозяйственных и других кооперативов от 3500 до 4000, то к январю 1914 года их стало 31550 с числом членов в 10 млн. чел.[2]

---

[1] Соколов Н.Н. Кооперативное движение в России: цифры и факты. Пг., 1919. С. 4.

[2] Меркулов А.В. Потребительская кооперация в 1917 г. // Союз потребителей. 1918. № 1-2.

Такое положение было характерно и для регионов Северного Кавказа. Так, на дону и Северном Кавказе, начиная с 1908 г., ежегодно открывались 20-40 потребительских обществ, и к началу 1913 г. их здесь насчитывалось уже 288, в том числе в Донской области – 148, в Кубанской – 76, в Ставропольской губернии – 33, в Терской – 18, в Черноморской – 10. Хотя в разных источниках приводятся различные данные, в целом наблюдается значительное увеличение именно потребительских кооперативов. Причем большинство потребительских обществ (до 80%) являлись сельскими, городских (всесословных) обществ было 23, железнодорожных – 13, фабрично-заводских (зависимых) – 2, офицерских и чиновничьих – 2[3].

В эти же годы на юго-востоке стали организовываться и союзы потребительских обществ. Первым союзом потребительской кооперации на Дону, и вообще на всем юго-востоке, было отделение Московского Союза потребительских обществ, открытое в Ростове в 1911 г.[4]

Как видам, в условиях модернизации сельского хозяйства на основе проводимой аграрной реформы быстрыми темпами растут все виды кооперативных обществ, их социально-экономическая трансформация в рыночные структуры развивающегося сельского хозяйства.

Кооператоры страны в 1905-1913 гг., кроме удовлетворения материальных запросов людей, активно занимались повсеместно культурно-просветительной и воспитательной работой. Особенное значение в этом плане имели решения состоявшегося в апреле 1908 г. 1-го Всероссийского съезда. Но определению М.Л. Хейсина – это был «...первый триумф кооперативного движения: демократический съезд в стране самодержавия». Съезд принял резолюцию о поддержке рочдейльских принципов и открытии кредитных кооперативов явочным порядком, сформулировал определение кооперативов как известных, демократических организаций и призвал к тесному сотрудничеству все виды кооперации в стране[5]. После съезда кооперативы часть прибыли стали отчислять на индивидуальные и общественные фонды взаимопомощи, часть – на иные общественные нужды, в том числе на культурно-просветительную и воспитательную работу. Так, например, изыскивались средства на устройство чайной при лавке, читальни, библиотеки и т.д. Эти решения находили отражение в уставах обществ[6].

Культурная работа кооперации непосредственно связывалась с повышением образовательного и профессионального уровня кооператоров. Так, 1 ноября 1910 г. были открыты курсы по кооперации при университете А.Л. Шанявского. С этого дня Центросоюзом было положено начало развитию кооперативного образования: со временем трехмесячные курсы перерастут в Высшие кооперативные курсы, а затем – в кооперативную школу, средства на содержание которой потребобщества Союза собирали два года – по 15 коп. с каждой 1000 руб. оборота. Эта школа подготовит почву для создания кооперативного института – он был открыт 30 сентября 1918 г. в Москве[7]. Кооператоры стали инициаторами создания на селе народных домов, библиотек, изб-читален, школ и т.д. И это укладывалось в рамки столыпинских реформ в области образования и культуры.

Революция 1905-1907 гг. оказала двоякое воздействие на развитие кооперации. Социально-экономический кризис, вызванный забастовками, расстройством транспортной системы, привел к ухудшению положения кооперативов. В то же время, в ходе революции появились новые факторы, благоприятно отразившиеся на дальнейшем развитии кооперации. Это, в первую очередь, отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей, которые крестьяне вносили за землю, полученную ими после реформы 1861 г. Так, только в Ставропольской губернии выкупные платежи составили огромную по тем временам сумму в 645 тыс. руб. ежегодно. Теперь эти средства направлялись на развитие хозяйства, в том числе и кооперативного. Кроме того, крестьянские средства стали аккумулироваться в кредитных кооперативах, которые часто выступали в качестве инициаторов создания и финансирования сельскохозяйственных и потребительских кооперативов[8].

---

[3] Оборин И. Потребительская кооперация на юго-востоке России. Ростов-на-Дону, 1924.

[4] ГАРО, Ф. 1891. Оп.1. Д.6. Л. 190.

[5] Российская кооперация. 2000. 28 октября.

[6] Как организовать и вести потребительское общество: Справочная книга / Сост. А.В. Меркулов, М.Л. Хейсин. СПб., 1910. С. 222.

[7] Российская кооперация. 2000. 28 октября.

[8] Край наш Ставрополье: Очерки истории // Научные редакторы Д.В. Кочура и В.П. Невская. Ставрополь, 1999. С. 204.

Как бы ни говорили критики Столыпина, по мнению многих исследователей, его аграрная реформа вдохнула силы в российское крестьянство. Не случайно В.И. Ленин с нескрываемой тревогой писал, что после решения аграрного вопроса в столыпинском духе «никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может...»[9].

Факторы, связанные с политикой государства по преобразованию аграрных отношений в деревне, помноженные на приверженность крестьян к общинному ведению своего хозяйства, естественным образом приводили их к пониманию полезности и необходимости создания различных видов кооперации, способствующих повышению положения в условиях острой конкуренции с крупными землевладельческими хозяйствами, применяющими современную технику и передовые методы ведения хозяйства. Именно этим и было обусловлено успешное развитие кооперативного движения в стране. Так, на Ставрополье, наряду с существующими, создаются кооперативы в селах Бешпагир, Константиновское и Птичье (1913 г.); в Александровском (1908 г.); Подгорное и Янкуль (1910 г.); Сергиевское (1911 г.); Круглолесское, Северное, Крымгиреевское и Красное (1908 г.); Малоягурское (1912 г.); Кевсала и Предтеченское (1913 г.) и др.[10] На Кубани с 1905 по 1908 г. возникло 25 кооперативов, и в 1912 г. их уже насчитывалось 90, в том числе в Черноморской губернии – 10[11]. Начиная с 1907 г. в Ростове возник ряд независимых потребительских обществ, созданных при непосредственном участии кооперативов транспортников. В их числе общество «Потребитель» (1909 г.), потребительский кооператив «Экономия» (1909 г.). В последнем первоначально насчитывалось 199 членов, а в 1912 г. – 366 пайщиков. В этот период образуется общество потребителей «Трудовой союз» в Затемерницком поселении. С 1908 г. начало свою деятельность Общество потребителей в Нахичевани-на-Дону. В 1913 г. Общество насчитывало 677 членов. При Обществе работала пекарня. В отчете за 1917 г. указывалось, что в Общество вступили более 1000 чел.[12]

В рассматриваемый период широкую популярность приобрела и кредитная кооперация, способствовавшая укреплению положения крестьянских хозяйств. В 1914 г. в России насчитывалось около 20 тыс. учреждений мелкого кредита, располагавших средствами в размере около 1 млрд. руб. Из 10 существовавших в стране союзов учреждений мелкого кредита 3 действовали на территории нашего региона (Кубанский, Терский и Благодаринский). Из них наибольших результатов добился Кубанский союз, в состав которого входило 93 товарищества[13]. Разветвленная система кредитных учреждений существовала и в других областях региона. Так, в Пятигорском отделении Терской области действовало 20 кредитных товариществ. 34 сословных кредитных кооперативных учреждения, а в Ставропольском отделении – 37 кредитных товариществ, 72 ссудо-сберегательных касс и сельских банка[14].

Революция и столыпинская реформа, таким образом, во много раз ускорили рост сознательности и сплоченности трудящихся. Они почувствовали на себе силу организованности, силу коллектива. Все это не могло не сказаться на развитии кооперации, на активности в ней трудящихся. В связи с этим можно сказать, что первая революция и последовавшая за ней земельная реформа стали стимулирующим фактором ускоренного развития кооперативного движения как в целом по стране, так и в северокавказском регионе.

Исключительная особенность и значимость этих лет заключается в том, что ни по темпам роста, ни по масштабам кооперативное движение страны не знало аналогов в мире, хотя социально-экономические предпосылки для его развития в России находились в стадии складывания и были еще далеки от идеально благоприятных. Что же касается ад-

---

[9] Цит. по: Никаноров В. П.А. Столыпин: «Бедность, по мне, худшее из рабств» // Открытая для всех и каждого. 2003. № 19(53). 21-28 мая.

[10] Устав общества потребителей «Фрам» в селении Ольгинском Прасковейского уезда Ставропольской губернии. Владикавказ, 1908. С. 1; Годовой отчет общества потребителей «Успех» с. Романовка Ставропольской губернии за 1912 операционный год. Ст. Прохладная, 1913. С. 1; ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Ед. хр. 3227. Л. 3.

[11] Дуплякин В.Ф. и др. Потребительская кооперация Кубани 1872-1992 / Дуплякин В.Ф., Коломиец В.А., Шевяков Г.Д. Краснодар, 1992. С. 6.

[12] Ковтун Л.В. История потребительской кооперации на Дону. Ростов-на-Дону, 2005. С.19, 20.

[13] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1917. С.584-585. 13. ГАСК, Ф.311. Оп.1. Д.587. Л.10, 12.

[14] ГАСК, Ф.311. Оп.1. Д.587. Л.10,12.

министративно-политических предпосылок, то они были крайне неблагоприятными и немало тормозили развитие кооперации. «Секрет», как пишет известный историк кооперации Л.Е. Файн, заключается, видимо, во внутренних источниках этого движения, в заложенных в нем потенциальных возможностях приспосабливаться к различным исходным условиям и строить свою работу с учетом этих условий[15].

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война поставила российскую кооперацию в новые условия. Ввиду нехватки товаров первой необходимости, роста цен, трудностей в аграрном секторе деятельность кооперации приобрела все большее значение. В годы войны кооперация внесла большой вклад в преодоление трудностей и поддержание приемлемого уровня жизни населения[16].

С началом войны, при усиливающейся разрухе на юго-востоке, каждый месяц стали возникать сотни новых кооперативов. Практически в каждом селе, станице, хуторе, безо всякой подготовки случайными людьми открывались потребительские лавки, даже подчас без устава, без соблюдения принципов кооперации. Недоставало товаров, процветала спекуляция, отделение Московского Союза не могло удовлетворить кооперативные общества товарами. Крупные торговцы-оптовики и мелкие торговцы искусственно поднимали цены, и уже к 1915 г. они увеличились в 3-4 раза по сравнению с довоенными. Многие потребительские общества стали поставлять продукты в армию, для хранения зерна кооператоры построили элеваторы во многих станицах (Константиновской, Семикаракорской, Романовской, Манычской, в Аксае).

Сложность обстановки, связанной с войной, огромное количество потребительских обществ и их разрозненность невольно побуждали общества объединяться. Так, в 1913 г. еще в Новочеркасске состоялся кооперативный съезд Донской области, в 1915 г. – в ст. Константиновской и т.д. К этому периоду относится создание крупного объединения кооперативов края – Доно-Кубано-Терское товарищество кооперативов. Учредителями данного товарищества (ДОКАТ) явились преимущественно кредитные и ссудо-сберегательные товарищества и сельскохозяйственные общества[17].

Статистические данные тех лет говорят о бурном развитии потребительской кооперации в годы войны, причем пик создания новых кооперативов приходится на 1916 г., когда резко возросли трудности со снабжением. Так, в 1914 г. в Ставропольской губернии возникло всего 3 новых потребительских общества, а через год появилось уже 17 новых кооперативов. В некоторых селах успешно функционировали по нескольку потребительских обществ[18]. Так, в селе Безопасное действовало одновременно 3 потребительских общества. Стремительно росли потребительские общества на Кубани. В 1916 г. здесь их насчитывалось более 150, в Черноморской губернии – 27. Соответственно возрастала и инициатива кооперативных работников, расширялось поле их деятельности: они не только закупали и продавали товары через свои лавки, но и заводили собственные производственные предприятия[19].

В революционном 1917 г. северокавказская кооперация продолжала развиваться, хотя и находилась в трудных условиях. Продолжавшаяся первая мировая война требовала от нее все больших усилий в деле активизации своей деятельности с целью обеспечения исстрадавшего населения региона.

После отречения 2 марта 1917 г. царя от престола, к власти в стране пришло Временное правительство, которое уделяло развитию кооперации большое внимание. Именно этим правительством 20 марта этого же года был принят первый кооперативный Закон в России «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», открывший простор для созидания и развития кооперативного движения в стране[20].

Важнейшим достижениям Закона было введение взамен разрешительной системы явочного порядка открытия кооперативов всех видов. Закон закреплял лучшие традиции

---

[15] Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 53.

[16] Глаз В.Н., Кущетеров Р.М., Кочкарова З.Р. Потребительская кооперация Ставрополья: история развития и социально-экономическая деятельность. 1869-2003 гг. Ставрополь, 2004. С. 53, 56.

[17] Ковтун Л.В. История потребительской кооперации на Дону. Ростов-на-Дону, 2005. С.20, 23.

[18] Глаз В.Н., Кущетеров Р.М., Кочкарова З.Р. Потребительская кооперация Ставрополья: история развития и социально-экономическая деятельность. 1869-2003 гг. Ставрополь, 2004. С. 56.

[19] Дуплякин В.Ф. и др. Потребительская кооперация Кубани 1872-1992 / Дуплякин В.Ф., Коломиец В.А., Шевяков Г.Д. Краснодар, 1992. С. 8.

[20] Российская кооперация. 2000. 28 октября.

кооперативного движения в России, подчеркнув, что кооперативное товарищество имеет целью содействовать не только материальному, но и духовному благополучию своих членов.

«Положение» и дополнения к нему от 21 июня 1917 г. («О регистрации товариществ, обществ и союзов») и от 1 августа 1917 г. («О съездах представителей кооперативных учреждений») впервые в истории России наиболее полно определили правовое положение кооперации. Эти нормативно-правовые акты уничтожили все то, что мешало развитию кооперации, упорядочили ее организационную структуру и значительно расширили рамки деятельности на основе самоуправления и инициативы. Они способствовали свободному развитию кооперации и консолидации кооперативных сил[21].

Кооперативный Закон, принятый в 1917 г. – в год великих потрясений, достойным образом завершил десятилетия борьбы и усилий творческой мысли российских кооператоров. Журнал «Союз потребителей», характеризуя этот Закон, писал: «Наш кооперативный закон займет почетное место в ряду кооперативных законов других стран. Без преувеличения можно сказать, что он займет в этом ряду первое место. Ведь он пропитан общим взглядом на кооперацию как на движение, сочетающее с чисто хозяйственными целями – умножение духовных ценностей; в нем нашел, таким образом, отражение взгляда на кооперативное движение, составляющий особенность, можно сказать, русской кооперативной школы и точно соответствующий стремлениям и чаяниям широких демократических масс, захваченных кооперацией. С другой стороны, с неуклонной последовательностью проведена в законе полная свобода самоопределения кооперативных организаций, начиная с низших и кончая, венчающим здание кооперации, центром. Никаких стеснений в свободном общественном строительстве, лишь самые общие рамки, гарантирующие действительно кооперативный характер организации, и предоставление полной свободы при заполнении этих общих рамок конкретным кооперативным содержанием»[22].

Изменение политической обстановки в стране и принятие первого российского Закона о кооперации непосредственным образом отразились и на положении кооперации северокавказского региона. Так, 22 марта 1917 г. Временным правительством был утвержден устав Ставропольского союза потребительских обществ, принятый еще 12 декабря 1916 г. и не утвержденный предыдущей властью. В губернии развернулась работа по организационному оформлению союза. В начале апреля 1917 г. прошел губернский съезд представителей потребительских обществ, на котором было избрано правление союза и намечены пути дальнейшего развития потребительской кооперации. Союз потребительских обществ, объединивший первоначально 45 обществ, своей деятельностью завоевал авторитет среди населения, и уже менее чем через год (на 1 января 1918 г.) объединял уже 163 потребобщества, имел 2403 тыс. руб. собственных оборотных средств, а торговый оборот составлял 2636,8 тыс. руб.[23]

Активная борьба за создание союза шла и на Кубани. Положение здесь усугублялось тем, что ранее отосланный устав Кубсоюза наместником Кавказа не был утвержден, а в Екатеринодаре уже реально существовало два союза: один, созданный по инициативе начальника Кубанской области, другой – «Солидарность». Если первый только начинал разворачиваться, то второй заметно укреплялся, и к 1 января 1917 г. сумма его авансовых взносов выросла до 70 тыс. руб., а число обслуживаемых обществ дошло до 150. Весной и летом кооператоры всячески стремились улучшить свою хозяйственную деятельность и одновременно проводили активную подготовку к созыву учредительного собрания Кубанского союза. Основную организационную работу взяло на себя правление «Солидарности». Учредительное собрание Кубанского союза потребительных обществ состоялось 11 августа 1917 г.[24]

В Донской области к концу 1916 г. действовало около 400 обществ потребителей, а в областях и губерниях Северного Кавказа, экономически тяготеющих к Ростову, – приблизительно 213. Эти общества объединились в мелкорайонные союзы, которых насчитывалось уже более 20. Общества потребителей стали быстрым потоком вливаться в Доно-Кубано-Терское товарищество кооперативов, стремясь превратить его в центральную организацию потребитель-

---

[21] Козлова Е.Н. Кооперативный закон и его предыстория // Кооперация: Страницы истории. Вып. 3. М., 1993. С. 4-5.

[22] Кабанов В.В. Первый российский закон о кооперации // Кооперация: Страницы истории. Вып. 3. М., 1993. С. 2, 3.

[23] Союз потребителей. 1917. № 11-12. С. 3.

[24] Шебзухова Т.А. Ставропольская кооперация в годы первой мировой войны // Из истории земли Ставропольской. Вып. 5. Ставрополь, 1999. С. 80.

ской кооперации. С этой целью 6 ноября 1916 г. состоялось собрание пайщиков, которое постановило, что товарищество должно стать Краевым Союзом потребительских обществ[25].

Быстрое изменение в характере операций товарищества поставило перед ним вопрос о таком изменений его устава, которое дало бы ему возможность развить свою деятельность, как исключительно потребительскому союзу. И собрание пайщиков, состоявшееся 2-4 июня 1918 г., приняло новый устав, превратив Доно-Кубано-Терское товарищество кооперативов в Ростовский-на-Дону Краевой Союз Потребительных обществ.

Как видим, одновременно с выполнением задач обеспечения населения в условиях войны необходимыми товарами, потребительская кооперация страны делала многое для организационного укрепления самой системы.

Такая же работа проводилась и в центре. Так, в мае 1916 г. 31-ое Собрание уполномоченных постановило преобразовать Всероссийский кооперативный центр, действовавший под вывеской Московского Союза Потребительных Обществ (МСПО), в Центральный союз потребительской кооперации. 19 сентября 1917 г. Министерство промышленности и торговли Временного правительства официально уведомило кооперативный Центр о его переименований. А в октябре 1916 г. 33-е Собрание уполномоченных утвердило новый устав и новую структуру управления Центросоюза[26].

Подводя итоги исследования проблемы эволюции кооперации в начале XX в., можно прийти к выводу о том, что если первая революция дала огромный толчок развитию российской кооперации, если первая мировая война привела к дальнейшему ее росту и активному развертыванию своей деятельности, то законодательные акты Временного правительства создали полный простор к созиданию, союзному и региональному объединению, в целом правильному строительству всей кооперации. Она не только развернула свою хозяйственную деятельность, но также активно и последовательно занималась культурно-просветительной и воспитательной работой.

Кооперативные учреждения активно способствовали более интенсивному втягиванию крестьянства в товарно-денежные отношения, ускоряли процесс превращения простого мелкотоварного производства в товарно-капиталистическое производство.

Опыт, накопленный кооперацией в дореволюционный период в условиях модернизации сельского хозяйства, может послужить наглядным примером в успешной реализации объявленных Президентом страны В.Путиным приоритетных национальных проектов, особенно в области развития агропромышленного комплекса страны.

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CO-OPERATION ON DON AND IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE PREREVOLUTIONARY PERIOD

Z.R. KOCHKAROVA

Stavropol Co-operative Institute (brench)
Belgorod University of Consumer Co-operation

e-mail: zkochka@yandex.ru

The evolution of co-operation in conditions of modernization of russian society in beginning of 20th century and its social-economics transformation in the years of the first revolution, the stolypin agrarian reform and Great War is examined in the article.

Key words: the modernization of economics, the being first national projects, the co-operative movement.

[25] Ковтун Л.В. История потребительской кооперации на Дону. Ростов-на-Дону, 2005.С. 25.
[26] 125 лет потребительской кооперации Ставрополья. Ставрополь, 1995. С. 2.

УДК 94(47).084.3

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ РАЙОНИРОВАНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1921) КАК ЭТАП АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ РСФСР

Е.А. ИВАНОВА

Филиал ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Смоленске

Статья представляет собой исторический анализ административно-территориальной реформы РСФСР в годы гражданской войны. Объектом исследования является деятельность органов власти по разработке и реализации реформы районирования в 1918-1921 годах. Цель работы состоит в изучении проведенных преобразований и выявлении их итогов путем критического анализа архивных документов. Показано, что условием и формой перехода к социалистической модернизации была реформа районирования, которая позволила отказаться от губернско-уездного деления и преобразовать административно-территориальное устройство согласно выделенным экономико-географическим регионам.

Ключевые слова: административно-территориальная реформа; экономическое районирование; Госплан; Административная комиссия.

Проблема хозяйственного районирования возникла перед советской властью сразу после Октябрьской революции в качестве основной предпосылки советского строительства. Период 1917 – 1920 гг. можно охарактеризовать как стихийный процесс дробления территории страны, который советская власть по мере своего укрепления поставила под контроль центральных органов.

Период 1917 – 1920 гг. можно охарактеризовать как стихийный процесс дробления территории страны, который советская власть по мере своего укрепления ставила под контроль центральных органов. В Обращении НКВД ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917г. «Об организации местного самоуправления» разрешение вопроса об административном делении было передано в компетенцию местных Советов[1]. Декрет СНК РСФСР от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих»[2] развил положение о необходимости проведения районирования в масштабах всей страны. Таким образом, основные правовые акты административно-территориального устройства РСФСР были разработаны в первый год советской власти.

В результате с марта 1918 г. по инициативе местных советских органов стали создаваться крупные административно-территориальные образования - областные объединения Советов, включавшие нескольких губерний. Одним из них стала Западная область (Западная коммуна), образованная 11 апреля 1918 г. из Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерний и просуществовавшая до 2 февраля 1919 г., когда она была разделена на Белорусскую ССР и Смоленскую губернию, оставшуюся в РСФСР.

Окончание гражданской войны потребовало усиления экономического принципа в проведении административного деления. В связи с этим с 1920 г. начался переход к практическому решению проблемы создания нового административного деления страны. Реализация реформы районирования должна была обеспечить благоприятные пространственные условия для проведения в жизнь намечавшейся новой экономической политики, что требовало децентрализации как хозяйственного, так и административного управления.

Советское руководство определяло содержание административно-территориальной реформы как создание районов, которые должны были представлять собой хозяйственно-однородные части внутри себя и отличаться в хозяйственном отношении от других частей РСФСР, благодаря чему они могли бы выполнять определенную роль в экономике страны в целом. Таким образом, при проведении реформы районирования во главу был положен экономический принцип.

---

[1] Вестник НКВД. 1917. № 5. Ст. 278.

[2] Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 8. Ст. 324.

1 апреля 1921 г. была учреждена Общеплановая Государственная Комиссия при Совете Труда и Обороны (СТО), при которой образована Комиссия по районированию РСФСР. В Госплане сосредоточилась разработка вопросов методологии нового административного устройства страны с опорой на экономико-географическое районирование. Было разработано разделение страны на крупные, хозяйственно самодостаточные административно-территориальные единицы – края и области, которые должны были в основном совпадать с естественно складывающимися экономическими районами[3].

К концу 1921 г. Госпланом и Административной комиссией ВЦИК были разработаны разные проекты новой сетки административно-территориальных единиц: центры областей в обоих вариантах совпадали, но присутствовали расхождения в отношении определения их границ[4]. В проекте Административной комиссии ВЦИК в основу формирования районов был положен принцип жесткой специализации, подразумевавший сосредоточение промышленности, концентрацию технических культур, тяготение населения к промышленно-распределительным пунктам, учет направления и характера железнодорожных, водных и других путей сообщения, численности населения и его национального состава. Госплан исходил из того, что районы должны быть связаны между собой при помощи хорошо организованного транспорта; культивировать в своих пределах те виды производства, которые могут быть в них развиты с наименьшими издержками, как по природным, так и по социальным условиям; и представлять комбинированную систему хозяйств, построенную на принципе их максимальной общей работоспособности, т.е. на энергетическом принципе[5]. В результате обсуждений был принят проект, разработанный Госпланом СССР, с частичными поправками в конфигурации областей.

Кроме того, в докладе Госплана II сессии ВЦИК в октябре 1921 г. были разработаны этапы проектирования новых хозяйственных единиц:

1) выделение экономического района, претендующего на самостоятельное существование в качестве целостного организма, может быть произведено только после тщательного предварительного изучения всех факторов экономической жизни: природных ресурсов; распределения плотности населения, существующих промышленных и технических ценностей, транспортных условий и хозяйственных центров района;

2) изучение транспортных условий, внутреннего и внешнего товарообмена района;

3) определение хозяйственных центров района по энергетическому принципу, которое сопровождается утилизацией водной энергии, мелиорацией и т.п.;

4) построение планов развития производительной деятельности района и их хозяйственное согласование с государственным планом с установлением очередности развертывания и составления как материальных, так и ценностных балансов для районов и всей федерации[6].

В результате обсуждений был принят проект, разработанный Госпланом СССР, с частичными поправками в конфигурации областей. Европейская Россия должна была включать в себя Северо-Западную область с центром в Петрограде; Северо-Восточную область с центром в Архангельске; Западную область с центром в Смоленске; Центрально-Промышленную область с центром в Москве; Вятско-Ветлужскую область с центром в Вятке; Уральскую область с центром в Екатеринбурге; Юго-Западную область с центром в Киеве; Южную Горнопромышленную область с центром в Харькове; Центрально–Черноземную область с центром в Воронеже; Средне-Волжскую область с центром в Самаре; Юго-Восточную область с центром в Саратове; Кавказскую область с центром во Владикавказе. Азиатская Россия должна была включать Западно-Сибирскую область с центром в Омске; Кузнецко-Алтайскую область с центром в Томске; Енисейскую область с центром в Красноярске; Ленско-Ангарскую область с центром в Иркутске; Якутскую область с центром в Якутске; Западно-Киргизскую область с центром в Оренбурге; Восточно-Киргизскую область с центром в Семипалатинске; Туркестан с центром в Ташкенте;

---

[3] Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной Общеплановой Комиссии. М.: Госиздат, 1921. С. 57.

[4] Декреты советской власти. Т. 13. С. 25.

[5] Хозяйственные проблемы РСФСР и работы… С. 143.

[6] Экономическое районирование России. Доклад Госплана II сессии ВЦИК. М. 1921. С. 12.

Дальне-Восточную Республику с центром в Чите[7].

Для реализации намеченного в рамках реформы районирования необходимо было осуществить равномерное размещение производства, приближение его к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок; комплексный характер развития хозяйства основных экономических районов страны; наивысший расцвет в хозяйственном и культурном отношениях всех национальностей и народов[8].

Целью реформы районирования стало осуществление перехода от четырехчленного административное деление (губерния, уезд, волость, сельское общество) к трехчленному (область – округ – район). Для этого предполагался, с одной стороны, процесс объединения вокруг одного сельского совета нескольких мелких селений, а с другой – увеличение числа уездов и сокращение их территории. Планировалось, что области могут быть выделены по одному из четырех основных признаков: почвенно-климатическому; естественно-историческому; физико-географическому; экономическому. При этом признавалось, что в силу трудности построения административно-территориальной единицы по одному из перечисленных элементов необходимо их разумное сочетание. Конфигурация области предполагалась такой, чтобы во всех отношениях условия и элементы народного хозяйства (естественные богатства, обобществленный труд и рабочая сила) были по возможности однородны в своем существе, а объединение вполне законченным.

Основной административно-хозяйственной единицей в областном строительстве был обозначен округ, который включал в себя территорию площадью в 10-20 тыс. кв. верст с населением 400 – 750 тыс. жителей. При этом предполагалось два способа образования округов. Первый вариант, реализованный впоследствии на Урале, предусматривал формирование административно-территориальных единиц от крупных к мелким: разделение области на округа, а округа – на районы. Другой вариант, воплощенный позже при районировании Северного Кавказа, предполагал объединение районов на основе экономических признаков в округа, которые затем образовывали область.

Низовой административно-территориальной единицей должен был стать район как административно-хозяйственная ячейка, решающая социально-экономические, культурно-просветительские и другие задачи. Создание трехчленного административно-территориального деления должно было сформировать условия для организации народного хозяйства РСФСР на плановых началах, упрощения советского аппарата, его укрепления и приближения к населению.

Однако, на IX Съезде Советов 22 – 27 декабря 1921 г. вопросы реформы административно-территориального деления стали рассматриваться с новой стороны. В докладе Т.В. Сапронова прозвучало предложение о сокращении административных единиц[9], которое было поддержано съездом, а проект по районированию подлежал рассмотрению III сессией ВЦИК девятого созыва. Последняя приняла резолюцию, которая свидетельствовала о необходимости укрупнения губерний. В ней предусматривалось сохранение деления губерний на уезды и волости; сохранение Украины, Киргизии, Сибири, Закавказья и Юго-Восточной области РСФСР в их нынешних границах без разделения их на области и без отделения от них частей к другим областям. На остальной территории РСФСР было решено ограничиться существующими областями (Северо-Западная, Северная, Уральская) и снять с очереди вопросы о создании в ближайшее время каких-либо новых областей, кроме Волжской, вопрос о целесообразности которой поручить Президиуму ВЦИК практически разработать к следующей сессии совместно с заинтересованными губерниями (Саратов, Самара, Симбирск, Немкоммуна, Царицын, Астрахань)[10].

В итоге по проекту упразднялись следующие губернии: Рыбинская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Калужская, Орловская, Витебская, Гомельская, Псковская, Олонецкая, Новгородская, Череповецкая, Северо-Двинская, Тюменская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Запорожская, Полтавская, Херсонская, Черниговская, Волынская, Ставропольская, Уфимская, Аму-Дарьинская. Данный проект был разослан в

---

[7] Районирование СССР. Сб. материалов по районированию с 1917 по 1925 год /под ред. Егорова К.Д. М., 1926. С. 48.

[8] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6984. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

[9] IX Всероссийский Советов: Стенографический отчет. М., 1921. С. 79.

[10] I – IV сессии ВЦИК VIII созыва: Стенографический отчет. М., 1925. С. 364.

Госплан, ВСНХ, Наркомзем, НКВД, Наркомфин для обсуждения и получения отзывов, которые направлялись непосредственно в административную комиссию ВЦИК.

Госплан писал в ответе, что «частичное и неудачное разрешение общего вопроса об экономическом районировании в связи с новым административно-территориальным делением РСФСР, а потому должен быть отклонен в полном объеме и передан как материал в Комиссию ВЦИК по районированию России (под председательством М.И. Калинина)»[11].

ВСНХ указал на возможность постепенного сокращения губерний, но без жестких схем, с учетом изменяющейся обстановки в стране[12].

Наркомат земледелия посчитал данный проект неприемлемым, т.к. в нем не предлагалось единого методологического обоснованного плана, без которого «нельзя совершать сокращения губерний»[13].

НКВД, признавая необходимость административно-территориальной реформы, считал, что необходимо создать комиссию по согласованию всех предлагаемых проектов районирования, чтобы создать единый, подходящий для российской действительности[14].

Наркомат финансов поддержал идею сокращения губерний, т.к. это отразилось бы на «сокращении расходов по организации и содержанию административного аппарата, что будет находиться в полном соответствии с общим направлением экономической политики и принципами бездефицитного сведения бюджета»[15].

Административная комиссия ВЦИК на заседании 11 января 1922г., выслушав заключения наркоматов, постановила «признать означенный проект неприемлемым и передать его в Комиссию по районированию под председательством тов. Калинина, как материал по выработке основных положений окончательного районирования РСФСР»[16].

Таким образом, к 1922 г. были разработаны основные теоретические положения, необходимые для проведения административно-территориальной реформы в России, реализация которой началась после XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г.

DEVELOPMENT OF THE PROGRAM OF DIVISION INTO DISTRICTS WITHIN CIVIL WAR (1918-1921) AS THE STAGE OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL REFORMING OF RSFSR

E.A. IVANOVA

The St.-Petersburg institute of foreign economic relations, economy and the rights, Branch in Smolensk

The article gives the historical analysis of administrative and territorial reformation of the RSFSR in the years of the Civil War. The object of research is government bodies` activity aiming at working out realization of the division into districts reform in 1918-1921. The aim of the work is to study the reforms made and to find out their results by means of critical analysis of archival documents. It is shown that division into districts was the main condition and way of translation to the socialist modernization. The reform allowed to give up the division into provinces and uyezds and change administrative and territorial arrangement according to the appointed economic and geographical regions.

Key words: Administrative-territorial reform; economic division into districts; the State plan; Administrative commission.

---

[11] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 74.

[12] Районирование СССР... С. 55.

[13] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 80.

[14] Там же. Л. 84.

[15] Там же. Л. 85.

[16] I – IV сессии ВЦИК VIII созыва: Стенографический отчет. С. 312.

УДК 9(947+957) «1941-1945»:658.3-055.2

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОЛИ ЖЕНЩИН ТЫЛОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.Ю.ВОЛКОВА

Костромской государственный технологический университет

e-mail: v-o-8@yandex.ru

В статье содержится критический анализ научной литературы 1985-2007 годов, отражающий роль женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Рассмотрены трудности, с которыми столкнулись ученые в новых исторических условиях. Показаны основные направления их деятельности в новом тысячелетии. Указаны малоизученные темы. Определены основные направления дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война. Женщины. Тыловые регионы России. Литература периода 1985-2007 годов.

По мере дальнейшего хода истории всё яснее становится смысл великого подвига советского народа, в тяжелейшей схватке разгромившего фашизм, отстоявшего свободу и независимость своей Родины. И столь же глубоко осознаётся необходимость пристального изучения истории Великой Отечественной войны, ее опыта, итогов и уроков. Важен всесторонний и объективный анализ событий тех дней, вклада в достижение Победы всех слоев общества, в том числе женщин, которые стали определяющей рабочей силой в тылу.

К середине 80-х гг. исследователи проделали большую работу по выявлению фактического, статистического материала о вкладе женщин тыловых регионов России в победу над Германией, его анализу и обобщению. Ученые много говорили о самоотверженном труде женщин, их активной общественно-политической деятельности, многообразных формах помощи фронту. Меньше внимание они уделяли выдвижению женщин на руководящие должности, массово-политической работе, вкладу интеллигенции в победу. Практически не рассматривались мотивы самоотверженной работы и жертвенной жизни самой труженицы. Практически все работы носили историко-партийный характер.

В оправдание ученых можно сказать, что господство командно-административной системы связывали их инициативу. Стереотипы мышления, допускавшийся уровень гласности, трудности с доступом к архивным материалам не позволили авторам добиться объективного показа роли женщин в помощи фронту. Но собранный ими фактический материал из доступных местных и центральных архивов практически по всем регионам России облегчил работу по данной проблеме ученым 90-х гг.

Провозглашенная перестройка открыла новые горизонты в историографии. Снятие грифа секретности с многих архивных документов и фондов, включая спецхраны литературы в библиотеках, расширение гласности, ослабление партийной цензуры создало новые возможности для творческого поиска ученых. На первых порах историки-профессионалы несколько растерялись от такой свободы. Они разделились. Одни, трудившиеся добросовестно во все времена, пытались найти новые подходы, вдумчиво переосмысливать методологические и гносеологические принципы, поэтому не могли прийти к быстрым результатам. Другие, воспитанные на худших проявлениях застойного периода, работавшие на злобу дня быстро перестроились и, рассчитывая на сенсационность, стали с таким же азартом ругать все, что совсем недавно превозносили.

Начатые или задуманные обобщающие труды уже не вписывались в традиционные методологические рамки. Поэтому от них просто отказались. Не нашло, например, продолжения исследование по советскому тылу, которое закончилось на событиях 1943 года[1]. Не состоялось издания 10-томной истории «Великой Отечественной войны советского народа», о подготовке которой было принято специальное решение Политбюро ЦК КПСС 13 августа 1987 г., где профессор В.С. Мурманцева должна

[1] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1988. – 422 с.; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942-1943 гг. – М., 1989. – 391 с.

была осветить боевые и трудовые подвиги советских женщин[2]. В 1998-99 гг. вышли Военно-исторические очерки по войне в 4-х книгах[3]. Но в них надежды ученых, изучающих тыл в годы войны, и тем более женщин в войне, не оправдались. В четырех томах очерков насчитывается 1924 страницы, из них только на 14 есть упоминания о женщинах. Даже если все факты о женщинах совершенно новые (а это не так), то все равно нельзя составить даже малейшего представления о их вкладе в Победу. Прекрасно изданная энциклопедия для школьников по войне содержит крайне бедную статью «Тыл – фронту», которая создает необъективную картину заслуг и тружеников тыла, и женщин, в частности[4]. Таким образом, уже с детского и юношеского возраста у нового поколения России будет складываться неправильное представление о заслугах их дедушек и бабушек.

С другой стороны, нельзя согласиться с доктором исторических наук М.В. Шиловским, который утверждает: «В изучении истории войны после 1985 г. возник вакуум, который до настоящего времени (до 1995 г. – Е.В.) заполнен не научными исследованиями, а псевдо публицистическими опусами... Научную историю войны только предстоит создать»[5]. Работы ряда авторов первых лет перестройки[6], хотя и не лишены элементов традиционного подхода, тем не менее, являются глубокими исследованиями, где присутствует анализ, основанный на огромном фактическом и статистическом материале. Для нас особенно важно, что авторы впервые ввели в научный оборот интересные данные о женщинах, а Г.Г. Загвоздкин выделил достаточно большой раздел о женщине, как одной из социальных групп населения (С.81-96), В.С. Кожурин – параграф об охране здоровья женщин и детей (С.260-283).

Тема «Женщины и война» была на время забыта, так как она «проигрывала» на фоне таких, ранее практически закрытых, темах как роль Сталина в войне, выяснение истинных причин неудач СССР в начальный период войны. Многие увлеклись подсчетами цены победы, при этом договорилось до ее значения, как «пирровой победы»[7]. Ученые занялись разоблачением тоталитарного режима, который свел роль личности до «человека-винтика». Этого соблазна не избежали историки, занимающиеся женской проблематикой[8]. Но, к счастью, это было «временное увлечение». В отличие от этих и подобных тем освещение роли женщин в войне не могло вызвать сенсацию, не открывало, как казалось, новых ярких, «эпохальных» фактов, которые бы перевернули традиционную концепцию. В исторических кругах бытовало мнение, что о женщинах все уже сказано. Этой темой занимались те, кто давно работал по ней, прежде всего над диссертациями[9].

---

[2] Из беседы автора с профессором В.С. Мурманцевой.

[3] Великая Отечественная война. 1941-1945: Военно-исторические очерки. – М., 1998-99. – В 4-х кн.

[4] Великая Отечественная война: 1941-1945: Энциклопедия для школьников /Сост. И.А. Дамаскин, П.А. Кошель. – М., 2000. – С.133-136.

[5] Шиловский М.В. Воздействие Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на развитие СССР // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: М-лы научн.конф. – Новосибирск, 1995. – С.371.

[6] Исупов В.А., Алексеев В.В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1986; Загвоздкин Г.Г. Цена Победы: Социальная политика военных лет. – Киров, 1990; Кожурин В.С. Неизвестная война: Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М., 1990; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч.2. Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск, 1992.

[7] См., например, Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. 1941-1945. Пиррова Победа. – М., 1995; Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография /под ред. Акад. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996. – С.310; Соколов Б.В. Победа, что была пострашнее многих поражений // Знание-сила. – 2000. - № 5/6. – С.13-25.

[8] Мерзлякова Г.В. Тоталитаризм и женский вопрос в годы Великой Отечественной войны // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1995. – Т.1. – С.168-170; Шелепова Л.П. Труд женщин в тоталитарном обществе // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994. – С.116-117.

[9] Горнова Г.Ф. Женщины Прикамья – фронту // Коммунисты во главе трудового подъема Урала в годы Великой Отечественной войны. – Пермь, 1985. – С.107-113; Крылова Р.И. Партия – вдохновитель трудовых подвигов советских женщин в годы Великой Отечественной войны (На материалах Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Карелии) // Возрастание руководящей роли Коммунистической партии в годы Великой отечественной войны. – Петрозаводск, 1986. – С.82-88; Курносова А.М. Помощь женщин столицы фронту // Величие подвига Москвы. – М., 1985. – С.149-156; Мурманцева В.С. Дочери страны Советов // Источник Победы. – М., 1985. – С.112-154; Она же: Ратный и трудовой подвиг советских женщин // Военно-исторический журнал. – 1985. - № 5. – С.73-81; Она же: Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М., 1987; Мухаметшина Н.С. Роль женщин в социально-культурном строительстве Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-9145 гг.): Дисс... канд.истор.наук. – Куйбышев, 1985; Шелепова Л.П. Организационно-политическая работа партийных организаций среди женщин в годы Великой Отечест-

В то же время расширение гласности привело к тому, что «было обнаружено», что в СССР никогда не существовало реального равенства женщин и в целом до конца не решен женский вопрос. Хотя идеологи КПСС на словах доказывали, что Советская власть обеспечила условия для реального равноправия мужчин и женщин. В Конституции СССР 1977 г. было узаконено положение: «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права». Комитет советских женщин являлся единственным органом, представлявшим женское движение в СССР. Лишь в 1981 г. Советское правительство подписало международную «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

И вот, в начале 90-х гг. было открыто заявлено: женский вопрос не решен. Социологи, историки, философы, психологи – специалисты по женскому вопросу, начали выяснять истинное положение женщин в СССР, искать пути по достижению их подлинного равенства. Некоторые посчитали, что можно извлечь уроки из истории, но только не Советского периода, этого «70-летнего господства тоталитарного режима», а более древней. Естественно, они не видели никакого смысла в изучении периода Великой Отечественной войны, аргументируя тем, что война-де – экстремальный период в истории страны, которому присущи особые законы.

С середины 90-х гг. все больше стали говорить о применении гендерного подхода к истории. С 1994 г. под эгидой Министерства высшего и профессионального образования РФ ученые ряда вузов страны проделали большую работу в рамках научно-исследовательской программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях». С 1996 г. издается российский научный журнал «Женщина в российском обществе». Ежегодно проводятся конференции, по итогам которых издаются сборники материалов. В соответствии с указанием Министерства общего и профессионального образования РФ от 22 декабря 1997 г. утверждены основные положения межвузовской научно-исследовательской программы «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии», в том числе «Историческая феминология»[10].

И здесь историки, к сожалению, отстают от социологов, психологов, философов и по количеству работ и по степени изученности важнейших проблем[11]. Они занимаются созданием образа женщины или далекого прошлого или современности. К советскому периоду они проявляют меньший интерес, по-видимому считая, что все уже сказано. Даже в очень важном аспекте изучаемой программы «Женщина и насилие» практически нет места для темы «Женщина и война».

Однако в последнее время наблюдается некоторый отход от подобных взглядов. Доктор политических наук С.Г. Айвазова в беседе с автором высказала мнение, что изучаемая тема становится все более важной, поскольку сама жизнь, как обычно, все расставила на свои места. События, происходившие в России в 1985-93 гг., привели к тому, что положение основной массы женщин – труженицы, матери – по ряду показателей становится хуже, чем в годы войны: необходимо выживать в мирное время, что значительно сложнее и физически и психологически. Молодое поколение теряет чувство патриотизма, все больше делая ставку на «процветающий Запад». Возрождению патриотизма, приобретению уверенности в завтрашнем дне может помочь изучение героического прошлого нашего народа.

Как и предполагал ряд историков, например, А.С. Барсенков, «вхождение в новый период истории будет происходить медленно и нелегко»[12]. Пока созревали новые научные концепции, решили обратиться к изданию воспоминаний участников войны[13]. Необходимость

венной войны: На материалах промышленных предприятий Западного и Среднего Урала: Дисс… канд.истор.наук. – Свердловск, 1990.

[10] Женщина в российском обществе. – 1998. - № 1. – С.4.

[11] Женщины и социальная политика (гендерный аспект). – М., 1992; Современная женщина. Энциклопедический справочник. – М., 1994; Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина. – М., 1999; Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход: Межвузов. науч. сб. – Саратов, 2000 и др.

[12] Барсенков А.С. Основные этапы изучения советского общества в исторической науке // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1990. - № 2. – С.21.

[13] Женская судьба в России: Док-ты и восп. – М., 1994; Женщины на защите Отечества. – М.,1995. – Кн.1; 1996. – Кн.2; 2000. – Кн.3; У Победы женское лицо: Сб. восп. – Уральск, 1995; Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., тружеников тыла военного времени и послевоенного восстановительного периода Центрального административного округа г. Омска. – Омск, 1999; Священная война: Великая Отечественная война в памяти фронтовиков и тружеников тыла. – Курган, 2000. – Кн.1-2; Фронтовые подруги: Воспоминания участниц Великой Отечественной войны. – Тюмень, 2000; Священная война навечно в памяти народной (1941-1945 гг.): Сб. воспом. - Саратов, 2002; Для них тыл был фронтом: Очерки, статьи, воспоминания, фотодокументы о тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны. – Саранск, 2002; «Наряду с хорошим настроением… имеют место… открытые вылазки враж-

этого объясняется, в частности, тем, что с каждый годом живых свидетелей остается все меньше, а только они смогут передать дух эпохи. Воспоминания стали отражать больше аспектов периода военного лихолетья. Радует, что власти в регионах стали понимать важность и нужность издания подобных сборников. Ряд перечисленных воспоминаний, а также научно-популярная брошюра автора «Без них мы не победили бы» (Кострома, 2000) вышли в свет только благодаря финансовой поддержке местных администраций.

В научных кругах небывалые страсти постепенно улеглись. Доктор исторических наук Г.В. Серебрянская справедливо отмечает: «Достойно выйдя из политических сенсационных дебатов конца 80 – начала 90-х гг., она (историография – Е.В.) снова отдала предпочтение его величеству «факту», его объективности и конкретности. Работа продолжается»[14]. Свои взгляды на проблему, основанные на новых пластах документов, статистических данных, воспоминаниях участников войны историки активно обсуждают на научных конференциях[15]. К сожалению, на них практически не звучит тема «Женщина и война». В лучшем случае в сборниках их материалов найдется 1-3 статьи по этой проблеме, хотя в статьях по другим проблемам поднимается все больше материала о женщинах, что косвенно доказывает возрастающее значение этого аспекта.

В последние годы стали выходить интересные работы, где четко видно авторское прочтение, высказываются смелые мысли, оригинальные трактовки. Все более чувствуется личностный подход, стремление к объективному изложению, без подгонки под определенные штампы и соответствующую идеологию. Это – исследования В.Т.Анискова, В.Б. Базаржапова, В.Ф. Зимы, В.В. Кожинова, Н.Д. Козлова, Н.П. Палецких, Г.В. Серебрянской[16] и других. Опосредованно мы можем понять, в каких условиях жили и работали женщины в военное время.

В настоящее время изучение роли женщин в Великой Отечественной войне идет медленно, поскольку требуется, прежде всего, сломать привычные стереотипы, устоявшиеся схемы, найти новые методы и научные подходы. При этом надо сказать, что работа по выяснению истинного вклада женщин тыла в победу связана с определенными трудностями. В архивах хранится крайне мало документов, посвященных трудовой и общественной деятельности женщин. Этот материал, а также отражение социально-бытовых условий женщин, их помощь фронту включены отдельными примерами в общие отчеты с мест или идут в рубрике «в том числе». Поэтому исследователю нужно кропотливо работать, просматривать десятки фондов, чтобы создать цельное представление. Это легче сделать на местном уровне, чем на общероссийском. Тем более что центральные архивы содержат в основном сухие отчеты, статистические справки, цифры и отдельные примеры. В итоге историки стремятся обобщить множество аспектов деятельности женщин в годы войны на региональном уровне.

О труженицах тыла стали выходить прекрасно оформленные издания с обилием фотографий и отдельных примеров, книги научно-популярного характера[17]. Но они ско-

---

дебных элементов»: Первые дни Великой Отечественной войны в Кировской области /Сост. Чудиновских Е.Н. // Военно-исторический журнал. – 2002. - № 6. – С.19-25 и др.

[14] Серебрянская Г.В. Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Н.Новгород, 1997. – С.10.

[15] 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. – Смоленск, 1995; 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 1995; Труженики тыла России в годы Великой Отечественной войны (тыл второй мировой войны). – Кострома, 1995; 50 лет Великой Победы. – Майкоп, 1996; Великая Отечественная война: вопросы истории. – Н.Новгород, 2000; Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Люди. События. Факты. – Великий Новгород, 2000; Великая Отечественная война: Факторы победы, исторические уроки. – Уфа, 2000; 60 лет со дня снятия блокады Ленинграда и освобождения ленинградской области: СПб., 2004 и др.

[16] Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. – Вологда-Ярославль, 1998; Он же: Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. – М., 2003;. Базаржапов В.Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1996; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. – М., 2000; Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941-1944 гг.: Сб.ст. – СПб., 2006; Кожинов В.В. Россия. Век XX-й (1939-1964). – М., 1999; Козлов Н.Д. С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб, 2002; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. - Челябинск, 1995; Серебрянская Г.В. Волго-Вятский арсенал…

[17] Модоров Н.С. В труде и в бою: Очерки. – Горно-Алтайск, 1990; Сабельников М.А. Нераскрытая тема // Истоки: историко-краеведческий сб. ст. о Белгородчине. – Белгород, 1994. – С.79-

рее имеют значение в воспитании патриотизма, чем в научном плане. Поставив благородную цель: «…пробудить в читателях сыновний (дочерний) долг перед всеми живыми участниками прошедшей войны» (С.2), И.Е. Томский значительно сокращает круг читателей сборника, опубликовав половину статей на языках народов Сибири, даже без аннотации на русском языке.

В тезисах, небольших статьях, опубликованных в материалах научных конференций[18], авторы поднимают новые пласты неопубликованных документов, касающихся трудовой деятельности женщин изучаемого ими региона. Наряду с традиционным подходом, в ряде статей наблюдаются попытки анализа проблемы в целом, видно авторское прочтение, взгляд на старые вопросы с новых позиций[19].

Хотелось бы выделить молодых ученых А.Ш. Асылгараеву (Кабирову), Х.А. Каратаеву, З.К. Раджабову. В своих работах[20] они предприняли попытку с новых позиций обобщить материал по крупным российским регионам: Татарии, Северного Кавказа, Дагестана. Их исследования содержат хотя и небольшой, но интересный анализ национальных особенностей. Х.А. Каратаева в первой главе своей диссертации подняла малоизученный вопрос – чрезвычайное выселение народов Северного Кавказа, среди которых большой процент составляли женщины. Хотя его изложение не лишено эмоциональных перехлестов, необъективных оценок, тем не менее, она отразила еще один аспект в жизни женщин.

Новую страницу в изучении проблемы открывают научные труды молодых докторов наук Г.В. Мерзляковой[21] и Н.В. Паниной[22]. В работах Г.В. Мерзляковой впервые с новых позиций дан всесторонний анализ вклада женщин достаточно большого региона России – автономных республик Поволжья и Приуралья – в годы Великой Отечественной войны. Ее труды отличает авторский подход, критический анализ. Впервые большое значение она уде-

---

86; Томский И.Е. Женщины республик Сибири в Великой Отечественной войне. – Якутск, 1995; Женщины Башкирии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Уфа, 2000 и др.

[18] Вязинина Е.И. Ратный и трудовой вклад женщин в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (на материалах Новгородской земли) // Великая Отечественная война: вопросы истории: М-лы международ. научно-метод.конф. - Н.Новгород, 2000. – С.167-171; Иванова Л.Т. Якутянки в годы Великой Отечественной войны // Вузовская наука 50-летию Великой Победы. – Якутск, 1995. – С.17-22; Мезенцева И.В. Роль женского труда в золотодобывающей промышленности Забайкалья в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономический научный журнал. – Иркутск-Чита. – 2001. - № 10. – С.17-23; Перевалова Е.С. Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Владикавказ, 1992; Федько Р.А. Труженицы республики Башкортостан в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность: М-лы международ.науч.конф. – М., 1995. – С.323-325 и др.

[19] Маин В.Н., Клещева Т.М. Крестьянки в военную пору // Социальные трансформации и положение женщин в России: М-лы международ.науч.конф.- Иваново, 1995. – С.217-221; Парамонов В.Н. Российская женщина и социальный протест (1941-1945 гг.) // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований. – Ижевск, 1997. – С.23-26.

[20] Асылгараева А.Ш. Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Дисс… канд.истор.наук. – Казань, 1991; Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995; Каратаева Х.А. Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (На материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа): Дисс. … канд.истор.наук. – Спб, 1994; Раджабова З.К. Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): Дисс. … канд. истор.наук. – Махачкала, 2001.

[21] Мерзлякова Г.В. Героини второго фронта. О вкладе женщин автономных республик РСФСР в победу в Великой Отечественной войне. – Ижевск, 1992; Она же: Не будет подвигу конца… О вкладе женщин Удмуртии в Победу в Великой Отечественной войне. – Ижевск, 1989; Она же: Сельские женщины в годы Великой Отечественной войны // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований. – С.26-27; Она же: Общественно-политическая и трудовая активность женщин автономных республик Поволжья и Приуралья в годы Великой Отечественной войны: Дис. … д-ра ист.наук. – Ижевск, 1993 и др.

[22] Панина Н.В. Патриотизм советских женщин как фактор победы в Великой Отечественной войне. – М., 2001; Она же: Общественно-политическая деятельность женщин в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор) // Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. – М., 1987; Она же: Роль женщин в работе профсоюзных организаций в годы Великой Отечественной войны // Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны. – М., 2002. – С.42-71; Она же: Исторический вклад советских женщин в обеспечение стабильности тыла и организацию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (по материалам РСФСР): Дисс…докт.истор.наук. – М., 2002 и др.

ляет вопросам охраны материнства и детства. Н.В. Панина прямо говорит, что работа женщин в тылу, многообразные формы их помощи фронту стали одним из «определяющих факторов» победы над Германией. Она анализирует источники их высокого морального потенциала в историческом прошлом. В докторской диссертации Н.В. Панина на новом исследовательском уровне комплексно рассматривает заслуги работниц, крестьянок, интеллигенции. Она существенно дополнила вопрос о культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работе женщин, а также их достижения в области здравоохранения, народного просвещения, в учреждениях науки и культуры.

Хочется надеяться, что такие ученые как Г.В. Мерзлякова и Н.В. Панина увлекут за собой молодое поколение историков, в том числе и мужчин. Надо сказать, что в историографии всего несколько ученых-мужчин посвятили вкладу женщин в победу над Германией небольшие статьи. М.А. Сабельников признает, что «о славных женщинах» написано очень мало, так как «вроде бы еще не пришло время»[23]. В.Н. Парамонов считает, что «женщина оставалась и отчасти остается среди периферийных объектов изучения», т.к. «принцип, которым на протяжении многих десятилетий руководствовалось Советское государство, рассматривая женщин прежде всего как резерв, источник дополнительной рабочей силы, во многом переносился в сферу научных исследований»[24]. Однако эти утверждения не совсем правильны. Вклад советских женщин в Победу над Германией всегда привлекал внимание историков, но, прежде всего, на региональном уровне. Отсюда могло сложиться мнение, что изучаемая проблема – «периферийный объект» изучения.

Таким образом, в новом тысячелетии продолжается процесс изучения роли женщин в Великой Отечественной войне. Анализ новых архивных материалов и литературы позволяет выяснить новые подробности жизни советских женщин в военное время. Этому способствует и усилившийся интерес исследователей к сбору воспоминаний непосредственных участников войны. Все больше в центр изучения ставится сама личность женщины, выясняются ее характерные черты, которые помогли ей преодолеть все трудности в военное лихолетье. В то же время требует более глубокого исследования роль женщин среди всех социальных групп: молодежь, взрослое население, старики, горожане и селяне, представители разных наций и народностей, вероисповеданий. Это крайне важно в современных условиях, поскольку суровые годы Великой Отечественной войны доказали, что только при условии единства всего народа, взаимодополняющих и взаимозаменяющих активных действиях мужчин и женщин, можно добиться решения самых сложных задач, стоящих перед обществом, даже таких, как победа в смертельной схватке с агрессором.

NEW METHODOLOGICAL APPROACHES IN INTERPRETATION WOMEN'S ROLE OF RUSSIAN'S REAR REGIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

E.U.VOLKOVA

Kostroma State Technology University

e-mail: v-o-8@yandex.ru

The article contains the analysis of the science, that reflect women's role of Russian's rear regions during The Great Patriotic war of 1941-1945. It examines the difficulties, with which the scientist encountered in modern historical conditions. It shows the main direction of their activity in new millennium. It shows the topics that are learned not very well. Here the main directions of the further investigation are found.

Key words: The Great Patriotic war of 1941-1945. Women. Russian's rear regions. Literature of 1995-2007.

---

[23] Сабельников М.А. Нераскрытая тема // Истоки: историко-краеведческий сб.ст. о Белгородчине. – Белгород, 1994. - С.81.

[24] Парамонов В.Н. Российская женщина в условиях войны 1941-1945 гг.: некоторые аспекты изучения проблемы // Феминология: методология исследования и методика преподавания. – Иваново, 1996. – С.100.

УДК 329

ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ В 1992 ГОДУ

А.А. ФОМЕНКОВ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена довольно-таки актуальной теме. Объектом исследования автора является Фронт национального спасения—самая значимая оппозиционная организация, объединившая в 1992-1993 гг. всех наиболее активных противников тогдашнего Президента России Б.Н. Ельцина и его команды. Предметом исследования явились обстоятельства возникновения, программные установки и особенности функционирования ФНС в 1992 г.

Ключевые слова: Фронт национального спасения, объединённая оппозиция, Русский национальный собор, Политическая декларация левой и правой оппозиции, коммунисты, государственное вмешательство в экономику, борьба с преступностью.

Одной из особенностей развития политической ситуации в начале 1990-х годов явилось появление радикальной оппозиции действующей власти (имеется в виду сначала М.С. Горбачёв, а затем Б.Н. Ельцин и его команда) как справа (в данном случае речь идёт о патриотах-государственниках и русских националистах), так и слева (имеются ввиду коммунисты). При этом в указанный период наблюдались попытки объединения столь разноплановых политических сил в единую организации. Среди таковых можно отметить Координационный совет народно-патриотических сил России, Всероссийское патриотическое движение «Отчизна», Российское народное собрание, Русский национальный собор. Самой же значимой структурой такого рода в итоге стал Фронт национального спасения (ФНС).

Главными инициаторами создания данной организации являлись В. Аксючиц, И. Константинов и А. Проханов. Идейной основой ФНС следует считать «Политическую декларацию левой и правой оппозиции», подписанную 21 сентября 1992 года более чем 30-ю видными оппозиционерами[1]. Данный документ не только дежурно заявлял о том, что страна стоит на грани катастрофы, обвинял в этом Б. Ельцина и его команду и напоминал о нелегитимности Беловежских соглашений, но также заявлял о необходимости осуществления экстренных антикризисных мер. К таковым относились:

1. сбалансирование бюджета только при условии возрождения базовых отраслей экономики;
2. воссоздание федеральных органов согласованного экономического управления;
3. восстановление соотношения потребительских цен и заработной платы на уровне августа 1991 г.
4. вместо «обвальной» приватизации проведение демонополизации и разгосударствления секторов народного хозяйства и обеспечение беспрепятственного выбора гражданами формы собственности—общенародной, коллективной и частной.
5. придание всем формам аграрного производства статуса приоритетного объектом государственных инвестиций;
6. положение в основу внешнеэкономической политики государственного регулирования.

Кроме того, в «Декларации» говорилось об объединении во имя национально-государственного спасения и для сохранения России как великой державы[2].

Следующим шагом на пути создания указанного объединения было подписание 1 октября 1992 г. соглашения о создании «объединенной оппозиции», опубликованием в ряде оппозиционных газет программного документа — «Обращения к гражданам России Оргкомитета Фронта национального спасения»[3] и формирование оргкомитет «Конгресса национального спасения». Основными положениями «Обращения к гражданам...» были:

1) необходимость создать правительство национального спасения, способного предотвратить приближающийся крах государства;

---

[1] Политическая декларация левой и правой оппозиции // День (Москва). 1992. 25-31 окт. С.2-3.

[2] Там же.

[3] Обращение к гражданам России Оргкомитета Фронта национального спасения // День. 1992. 11-17 окт. С.11.

2) наведение в стране порядка и борьба с преступностью, спекуляцией, коррупцией и беззаконием;
3) прекращение реформ Ельцина-Гайдара, в том числе «обвальной» приватизации;
4) установление контроля за ценами и приведение зарплат в соответствие с уровнем цен;
5) воссоздание нарушенных после распада СССР хозяйственных связей;
6) восстановление единства страны, преодоление межнациональных конфликтов, роспуск незаконных вооружённых формирований;
7) восстановление обороноспособности государства;
8) государственная поддержка и обеспечение всех необходимых условий для развития науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства[4].

Что касается Оргкомитета, то в его состав вошли представители парламентского блока «Российское единство» (Исаков и др.), парламентских фракций «Гражданское общество» (Челноков) и «Промышленный союз» (Беспалов), а также движения «Союз» (Алкснис), Координационный совет народно-патриотических сил (Зюганов), Конституционно-демократическая партия-Партия народной свободы (Астафьев), Российский общенародный союз (Бабурин, Павлов), Национально-республиканская партия России (Лысенко) и рядом других, прежде всего некоммунистических организаций. Из коммунистов в подготовке создания Фронта участвовала лишь Российская коммунистическая партия (РПК); другие же, в том числе и наиболее крупные на тот момент-РКРП (в ней даже чуть было не произошёл раскол по вопросу о вступлении ряда лидеров в состав ФНС[5]), Социалистическая партия трудящихся и Союз коммунистов не оказали поддержки ФНС, считая, что не могут занять в нём серьёзные позиции и у них не получится отстаивать свои идеи[6]. Соглашение было подписано также представителями Российского христианско-демократического движения (Константинов), РКРП (Косолапов) и «Русского национального собора» (Стерлигов), однако позже эти организации отказались вступать в ФНС.

В период между публикацией Обращения Оргкомитета ФНС и его Учредительным конгрессом активистами была проделана большая работа — так, группы поддержки Фронта появились в 56 регионах страны и 10 республиках бывшего СССР. «К середине октября в России не было ни одного крупного города, где бы ни были образованы инициативные группы или комитеты Фронта национального спасения, а общее их количество давно перевалило за 100»[7]. Создавали указанные структуры местные отделения «Трудовой России», РОСа, Российского народного собрания, а также представители казачества и иных организаций патриотической и коммунистической направленности.

«Конгресс национального спасения» состоялся 24 октября 1992г. в большом зале Парламентского центра России[8]. Именно на нём и был учрежден «Фронт национального спасения», приняты Устав и Манифест, утвержден Политсовет (его членами «на организационный период» автоматически стали члены оргкомитета Конгресса), позже избравший сопредседателей ФНС (ими первоначально стали М.Г. Астафьев, С.Н. Бабурин, Г.А. Зюганов, В.Б. Исаков, И.В. Константинов, А.М. Макашов, Н.А. Павлов, Г.В. Саенко и В.А. Иванов[9]). Главой исполнительного комитета ФНС стал И.Константинов, его заместителями — Шмаков и Акимов[10].

В плане представительства это мероприятие затмило даже июньский съезд Русского национального собора[11]--в нём участвовало более 1400 делегатов из 13 бывших союзных рес-

---

[4] Там же.

[5] Ампилов В. Наша борьба М.: «Трудовая Россия», 2002. С.107.

[6] РПК участвует в создании Фронта национального спасения // Мысль (Москва). 1992. №9(19). С.2.

[7] Войтехов М. [Пресс-конференция парламентской оппозиции] // Бюллетень левого информцентра (Москва). 1992. №43. С.5.

[8] Садчиков А. «Цвет нации» на Цветном бульваре // Экспресс—хроника (Москва). 1992. №43(273). С.1.

[9] Информационное сообщение о Конгрессе Фронта национального спасения // Наша Россия. 1992. №21(45). Спецвыпуск ФНС (Москва). С.1.; Современная политическая история России (1985—1997 годы). Хроника. М.: РАУ-Корпорация, 1997. Т.1. С.415.

[10] Яничкин В. [Учредительный Конгресс Фронта национального спасения] // Бюллетень левого информцентра. 1992. №44. С.3.

[11] Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995. С.50.

публик (отсутствовали граждане Узбекистана и Таджикистана)[12]. Отметим также, что при принятии Устава было решено не ограничивать деятельность только территорией РФ, что свидетельствовало о желании активистов распространить её на территорию всего бывшего СССР. По этой же причине не нашло поддержки предложение некоторых делегатов назвать организацию ФНС России[13]. Тем самым делалась заявка не только на непризнание итого Беловежских соглашений, но и на возможность воссоздания СССР по инициативе снизу, при опоре на местные структуры ФНС. Кроме того, на Конгрессе ФНС была принята резолюция в поддержку созыва Съезда народных депутатов СССР[14].

Была также принята декларация о примирении «красных» и «белых», носившая, по мнению членов ФНС, исторический характер[15] (впрочем, следует заметить, что подобные идеи высказывались ещё ранее лидерами Русского национального собора[16]). Последний документ, кстати, был единственным, принятым на Конгрессе не единогласно — против голосовало 37 человек[17]. Фактическим лидером объединения стал Илья Константинов.

Лидеры Фронта считали необходимым смену власти в масштабах всей страны конституционными методами[18] (правда, порой, заявлялось и о праве народа на защиту своих прав, равно как и действующей Конституции с оружием в руках[19] (этот тезис был особенно любим В. Астафьевым), а также содержался призыв к личному составу вооружённых сил, органов МВД и госбезопасности переходить на сторону народа[20] (т.е., по сути, нарождающегося Фронта), что давало основание противникам утверждать об угрозе гражданской войны, которую связывали с ФНС[21]). Ими предусматривался также вариант новых парламентских выборов (хотя именно Съезд народных депутатов и Верховный совет являлись в тот период основным полем политической борьбы для оппозиции[22]) в том случае, если не удастся силами действовавших на тот момент народных депутатов сместить с поста премьер-министра Е.Т. Гайдара[23] и создать правительство профессионалов, патриотов, государственников[24]. Предполагалось также, что ФНС гармонично совместит в себе парламентскую и внепарламентскую оппозицию, а также создаст комитеты, которые в условиях национальной катастрофы возьмут на себя роль альтернативной власти[25].

Что касается «Манифеста ФНС», то этот хотя и не большой, но, тем не менее, программный документ, он состоял из 4 частей. Они были озаглавлены «Что происходит?», «Кто виноват?», «Что делать?» и «Как действовать?». Авторами декларировалось, что именно вышеозначенные вопросы встают в 1992 году перед каждым честным человеком, а Фронт национального спасения даёт на них ясные и прямые ответы. В первой части «Манифеста» говорилось о разрушении государства (речь шла о СССР), о многочисленных межнациональных конфликтах, о неспособности российского руководства проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, о разрушении обороноспособности страны, о развале экономики и обнищании населения, о росте преступности. В завершении заявлялось о том, что «страна стоит на пороге всеобщей гражданской войны, хаоса и анархии»[26] (А.Ф.-курсив принадлежит авторам документа).

---

[12] Яничкин В. Указ. соч. С.2.

[13] Яничкин В. Указ. соч. С.3.

[14] Резолюция по выступлению председателя Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР С.З. Умалатовой // Наша Россия. 1992. №21(45). Спецвыпуск ФНС. С.1.

[15] Казинцев А. Самоубийство под контролем // Наш современник. 1993. №9. С.150.

[16] Александр Стерлигов: «Я надеюсь стать мэром Москвы» // Правда. 1992. 8 окт. С.2.

[17] Руденко С. Рабочим слов не предоставили и не… // Сообщает ИРА (Москва). 1992. №30(34). С.4.

[18] Политическая декларация левой и правой оппозиции // День (Москва). 1992. 25-31 окт. С.3.

[19] Коротко // Независимая газета. 1993. 11 марта. С.3.

[20] Обращение к личному составу вооружённых сил, органов МВД и Государственной Безопасности // Наша Россия—Вестник ФНС. 1992. №22(46). С.1.

[21] Садчиков А. Фронт легализован — впереди война // Экспресс—хроника. 1993. №14(296). С.1.

[22] Чугаев С. Коммунисты, националисты и монархисты заключили союз для свержения президента России // Известия. 1992. 19 сент. С.1.

[23] Тодрес В. Фронт национального спасения: слияние трёх лун // Независимая газета. 1992. 27 окт. С.2.

[24] Фролов А. Отечество в опасности, медлить нельзя // Советская Россия. 1992. 27 окт. С.1.

[25] Вывести политику на публичный уровень. Интервью с лидером Фронта национального спасения И.Константиновым. // Учредительное собрание (Санкт-Петербург). 1993. №1(25). С.2.

[26] Манифест Фронта национального спасения // Наша Россия. 1992. N.21(45). С.4.

28 октября 1992 г. президент РФ Б.Н. Ельцин своим указом № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации»[27] распустил оргкомитет Фронта, поскольку ряд документов и резолюций, противоречил действующему законодательству[28]. Кроме того, запрещая Фронт Б.Н. Ельцин апеллировал и к общественному мнению на Западе, заявляя в СМИ про ФНС, что «Это страшная опасность, но на Западе этого пока не понимают»[29]. Сам по себе этот указ являлся действием достаточно абсурдным, так как Оргкомитет ФНС и так прекратил свое существование в рабочем порядке в момент создания самого Фронта[30]. Фактический лидер новообразования И. Константинов, отмечая абсурдность Указа, отмечал также, что прежде чем запретить организацию её следовало зарегистрировать в министерстве юстиции[31]. Отметим также, что сомневались в законности Указа №1308 не только россияне — так, аналогичным образом высказались даже английские юристы на страницах «Times»[32].

Но, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, текст Указа был весьма небезынтересен и заслуживает отдельного рассмотрения. В нём фигурировало понятие «экстремизм», но отсутствовало какое-либо его определение, что создавало принципиальную неясность в восприятии Указа. В ситуации же крайнего идеологического разброда и широкомасштабного политического противостояния, которые имели место в 1992–1993 гг., такая степень неясности делала данный юридический документ неисполнимым[33]. Как известно, Указ называл два основных негативных явления, связанные с Фронтом национального спасения – «незаконные действия, рассчитанные на провоцирование беспорядков и дестабилизацию ситуации в обществе» и «создание антиконституционных структур и незаконных военизированных формирований». И то и другое, в определённой степени имело место. Под «антиконституционными структурами», вероятно, подразумевался созданный усилиями радикально-коммунистических депутатов распущенного Съезда народных депутатов СССР временный Президиум Верховного Совета СССР (впрочем, следует отметить, что, несмотря на крах СССР в декабре 1991 года, на VI съезде народных депутатов России в апреле 1992 оппозиционному блоку «Российское единство» удалось добиться сохранения в тексте тогдашней Конституции четырёх упоминаний о существовании Союза ССР, в который входит Россия[34], т.е. правовые возможности для существования такого рода органов всё-таки имелись). Кроме того, многие организации, вошедшие в состав Фронта, ставили под сомнение саму легитимность государственной власти России (это касалось прежде всего постов Президента РФ и президентов республик, входящих в состав России) и признавали легитимность восстания против этой власти.

В Указе о ФНС также говорилось, что его «цели направлены на разжигание национальной розни, представляют реальную угрозу целостности Российской Федерации и независимости соседних независимых государств, что противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Такие обвинения в адрес ФНС должны были бы выдвигаться, по закону, не Президентом, а Прокуратурой или Министерством юстиции, и лишь затем рассматриваться в суде. Обвинения эти были не беспочвенны (касались они прежде всего наиболее радикальных политиков, вошедших в состав движения), но запрет на их основании президентским указом явно шёл вразрез с действовавшим тогда законом (ещё союзным) «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г.[35], так как согласно ст. 22, «общественное объединение ликвидируется *по решению суда* (курсив мой-А.Ф.) в

---

[27] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 44. Ст.2518. С.3292-3293.

[28] Зуйченко А. ФНС не распущен, но создание его пресечено // Независимая газета. 1992. 31 окт. С.2.

[29] Неоправданные подозрения // Советская Россия. 1992. 26 окт. С.1.

[30] Левченко М. Президент подписал… // Народный депутат. 1992. №17. С.27; Троицкий, Н. Илья Константинов: «Запрещать уже нечего» // Мегаполис-Экспресс. 1992. 4 нояб. С.22.

[31] Троицкий, Н. Илья Константинов: «Запрещать уже нечего» // Мегаполис-Экспресс. 1992. 4 нояб. С.22.

[32] Кротков А. К соглашению не пришли. Ограничились запретом… // Рабочая трибуна (Москва). 1992. 30 окт. С.3.

[33] Верховский А. Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям. 1991-2001 гг. М.: РОО “Центр “Панорама”, 2002.С.35.

[34] Гарифуллина Н. Наперекор интригам // Советская Россия. 1992. 23 апр. С.1.

[35] Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об общественных объединениях» // Правда. 1990. 16 окт. С.3.

случае совершения общественным объединением действий, предусмотренных частью второй статьи 3 настоящего Закона».

Имелись также и иные минусы данного юридического документа — так, Указ содержал неправовую риторику: в нём, в частности, говорилось об объединениях, «не зарегистрировавших свой устав» и тех, чья деятельность направлена на «дискредитацию органов государственной власти путем распространения заведомо ложных сведений». Между тем, тот факт, первое из указанных обстоятельств, не являлось (и даже сейчас не является) правонарушением, отсутствие регистрации всего лишь лишает такое объединение прав юридического лица. Не являлась нарушением какого бы то ни было закона и «дискредитация органов государственной власти путём распространения заведомо ложных сведений». Здесь авторы Указа, видимо, вспомнили отменённую ещё 11 сентября 1989 г.[36] ст.190[1] УК РСФСР, посвященную клевете на (тогда еще советский) государственный строй[37].

Как следствие, вполне очевидным стало решение Конституционного Суда, принятое в феврале 1992 года, которым пункт указа Б.Н. Ельцина о запрете Фронта объявлялся недействительным[38], а затем, 30 марта 1993 г. министерство юстиции зарегистрировало ФНС как общественно-политическое движение[39]. Отметим также, что, несмотря на действовавший несколько месяцев запрет, ФНС продолжал существовать в период с октября 1992 по февраль 1993 года де-факто, а, по мнению некоторых экспертов, после указа о своём запрете только активизировался[40]. Единственным минусом Указа можно считать лишь то обстоятельство, что к ФНС не примкнули некоторые главы регионов, готовые первоначально пойти на такой шаг из-за несогласия с курсом, проводимым российским руководством. В этот период активно обсуждались планы дальнейших действий ФНС и продолжалась выработка идеологии движения.

Огромное внимание уделялось прежде всего экономическим вопросам. Главным разработчиками экономической программы Фронта являлись директор Воронежского механического завода Георгий Костин и экономист Сергей Губанов. Предполагаемые ими и их соратниками меры государственного вмешательства (восстановление механизма промышленных заказов в промышленности; введение регулирование ценообразования; построение инвестиционной политики на прямых государственных инвестициях; отказ от уменьшения бюджетных расходов; недопущение искусственного ограничения денежной массы; наполнение бюджета за счёт стимулирования производства), изложенные впоследствии в брошюре «Новый курс России», по сути совпадали с экономической платформой «Гражданского союза»[41].

Во внешнеполитической области предполагалось пересмотреть международные соглашения, заключённые в период правления М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, которые наносят ущерб международному положению страны[42], и, что едва ли не самое главное, восстановить СССР[43]. Другой важнейшей внешнеполитической проблемой, с точки зрения, членов Фронта, была южнокурильская. Кроме того, именно активистами ФНС была по-настоящему осмыслена ситуация со статусом Севастополя (отметим, что крымская проблема представителями оппозиции, естественно, поднималась и до сентября 1993 г., но отдельно севастопольский вопрос не поднимался[44]).

---

[36] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. №37. Ст.1074. С.116.

[37] Уголовный кодекс РСФСР с изменениями и дополнениями на 1 января 1978 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юридическая литература, 1979. С.63.

[38] Чуракова О. И суд прав. И Фронт цел // Новое время. 1993. №8. С.9.

[39] Садчиков А. Фронт легализован — впереди война // Экспресс—хроника. 1993. №14(296).С.1.

[40] Баталов Э. Кому нужна вся эта конфронтация? // Народный депутат. 1992. №17.С.28.

[41] Тодрес В. Фронт национального спасения: слияние трёх лун // Независимая газета. 1992. 27 окт. С.2.; Цуканова Л. «Гражданский союз» предпочитает правых? // Российские вести. 1992. 13 нояб. С.1.

[42] Политическая декларация левой и правой оппозиции // День (Москва). 1992. 25-31 окт. С.3.

[43] Константинов И. Внутриполитическая борьба и внешняя политика // Юридическая газета. 1993. №28. С.9; Неоправданные подозрения // Советская Россия. 1992. 26 окт. С.1; Трегубова Е. Народо-патриоты ждут войска ООН и формируют Фронт Национального Спасения // Независимая газета. 1992. 2 окт. С.2.

[44] Шурыгин В. Куда плывёт Крым? // День. 1991. 24-30 нояб. С.2; Бабурин, С. Формально и по существу // Советская Россия. 1992. 25 апр. С.1.

Существенное внимание уделялось также вопросу о борьбе с преступностью. С этой целью предлагалось создавать силы самообороны, которые бы охраняли правопорядок совместно с подразделениями МВД, МБ и МО. В их состав предполагалось включить не только боевые дружины, но также и специально созданные разведывательные и контрразведывательные структуры. Вооружить членов сил самообороны руководители ФНС намеревались газовым, холодным и огнестрельным оружием[45].

Вышеуказанные меры были весьма популярными у значительной части населения, что заставляло экспертов всерьёз рассматривать возможность прихода ФНС к власти. Не случайно, что это событие считали вероятным представители бизнес—элиты и даже некоторые влиятельные политические круги на Западе (так, определённое «прощупывание» ФНС осуществил в начале 1993 года 37-й президент США Р. Никсон, имевший продолжительную и обстоятельную беседу с И. Константиновым[46]).

Достаточно неоднозначным было отношение к Фронту национального спасения у других оппозиционных организаций в России. Так, один из инициаторов создания ФНС В. Аксючиц отмежевался от Фронта[47], заявив о безнравственности соглашений с коммунистами[48] и о необходимости создания некоммунистической оппозиции[49]. Прохладно к созданию Фронта отнёсся и лидер Русского национального собора А.Н. Стерлигов. Так, поначалу он попытался объявить ФНС составной частью Собора, благо даже сочетание «национального спасения» применительно к организации впервые было упомянуто именно в документе РНС, а именно в «Преображении России»[50]. Кроме того, представители ряда национально-патриотических партий и организаций, входящих в Русский Национальный Собор, выступили с заявлением, в котором выразили несогласие с созданием ФНС как «альтернативной структуры, претендующей на поглощение Собора». Авторы заявления подчеркнули, что РНС является наиболее общей формой объединения национально-патриотических организаций, и расценили созыв Конгресса ФНС как «попытку перехватить политическую инициативу и лидерство у РНС, расколоть русское национально-освободительное движение». Было предложено считать Конгресс съездом РНС[51], однако этот шаг успеха не имел[52]. Мало того, «Заявление» ряда сторонников Русского национального собора, содержащее критику в адрес Конгресса национального спасения, не было оглашено 24 октября 1992 года на Конгрессе ФНС[53]. Чуть позднее члены думы РНС, вошедшие в состав Фронта (А.П. Баркашов, Г.А. Зюганов, В.И. Илюхин, А.М. Макашов, В.Г. Распутин, И.П. Шадрина), осудили в специальном заявлении А.Н. Стерлигова[54]. Эти обстоятельства указывали, что ФНС фактически перехватил инициативу на оппозиционном политическом поле у Русского национального собора.

При этом основное отличие Фронта национального спасения от РНС выражалось прежде всего в большем удельном весе коммунистической составляющей. Именно коммунисты сделали ФНС массовой организацией, в то время как патриоты — государственники в большей степени вырабатывали стратегию и тактику движения. Впрочем, первоначально ситуация была иной, что отмечалось, например, в Резолюции ЦК Российской партии коммунистов[55], но изменения в указанном нами выше направлении произошли

---

[45] Зотов Г. ССовцы, наденьте ордена // Новое время. 1993. №37. С.2; Нехорошева, Ю. Фронт набирает ополчение? // Комсомольская правда. 1993. 27 июля. С.1.

[46] Константинов, И.В. ФНС поддерживает решения ВОС // Наша Россия. Спецвыпуск. Документы, информация «Союза офицеров». 1993. №6(53). С.2.

[47] О.А. Демохристиане не войдут во Фронт // Независимая газета. 1992. 23 окт. С.2.

[48] Мельцаев В. Пожалуйте, за «круглый стол», Президент! // Нижегородский рабочий. 1992. 21 нояб. С.3.

[49] Дюнин В. Виктор Аксючиц: «Сосредоточить все силы, чтобы сформировать некоммунистическую оппозицию» // Народный депутат. 1993. №11. С.47.

[50] Задачи Русского национального собора // Кентавр. 1992. №5. С.75.

[51] Заявление на Конгрессе Фронта национального спасения // Русское дело (Санкт-Петербург). 1992. №6(9). С.1.

[52] Янов А. Указ. соч. С.50.

[53] Заявление на Конгрессе Фронта национального спасения // Русское дело (Санкт-Петербург). 1992. №6(9). С.1.

[54] Заявление членов президиума Думы русского национального собора (РНС) // Наша Россия. 1992. №22(46). С.4; Троицкий, Н. Александр Стерлигов. Едва не выперли из патриотов // Мегаполис-Экспресс. 1992. 25 нояб. С.21.

[55] Резолюция «Об отношении к Фронту национального спасения» // Мысль. 1992. №9(19). С.1.

стремительные. Первоначально, правда, некоторые патриоты не придавали резкому увеличению числа коммунистов в рядах ФНС большого значения, а, может быть, не захотели заострять на нём внимания[56].

Что же касается вчерашних демократов, то, по большому счёту, они играли ещё меньшую роль, нежели патриоты—государственники (фактическое лидерство Ильи Константинова и наличие среди руководства некоторых других бывших сторонников Б. Ельцина, например, В. Исакова[57], здесь ничего принципиально не меняло). Основным их достоинством для движения являлось, пожалуй, то обстоятельство, что в большинстве своём они были народными депутатами России. Этот факт позволил даже утверждать части оппозиционеров, что ФНС вскоре после своего создания начал обслуживать интересы парламента[58]. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что позиции И. Константинов в ФНС были весьма непрочными, а многие активисты (причём не рядовые) в качестве наиболее перспективных политиков называли Бабурина, Зюганова, Астафьева и Проханова, но отнюдь не своего формального лидера[59].

Таким образом, Фронт национального спасения стал самым значимым оппозиционным движением в Российской Федерации в 1992 году. Он объединил в своих рядах весьма разнородные политические силы, что впоследствии негативно сказалось на его деятельности. Основными же причинами возникновения ФНС стали неприятие экономического курса, проводимого Б.Н. Ельциным и Е.Т. Гайдаром, а также стремление воссоздать СССР. Кроме того, необходимо отметить, что в том числе и на примере Фронта национального спасения подтверждается тезис об усилении коммунистического движения в России в 1992-1993 гг.

THE NATIONAL RESCUE FRONT AND ITS ROLE IN POLITICAL PROCESSES OF RUSSIA IN 1992

A.A. FOMENKOV

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

A.A. Fomenkov's article is devoted to rather a topical subject. The object of the author's research is the National Rescue Front. It was the most significant opposition organization, which joined in 1992-1993 of all the most active opponents of the Russian President of those times B.N. Eltsin and his team. The subject of the research was the circumstances of the NRF origin, its program aims and the peculiarities of its functioning in 1992.

Key words: The National Rescue Front, joint opposition, the Russian National Assembly, Political declaration of the left and right opposition, communists, state interference in economy, combating crime.

---

[56] Спирин Е. Фронт пряников не обещает, Президент Фронту — тоже / Е. Спирин // Нижегородские новости. 1992. 14 нояб. С.4-5.

[57] Исаков В. Ответственность перед законом / В. Исаков // Народный депутат. 1992. №7. С.4.

[58] Лимонов Э. Нас загоняют в тупик // Советская Россия. 1992. 31 дек. С.4; «По сути ФНС — филиал ВС». Беседа корреспондента газеты «Мегаполис—Экспресс» Елены Дикун с Михаилом Полтораниным // Мегаполис-Экспресс. 1992. 4 нояб. С.22.

[59] Михальская Т. Новогодние гуляния // Московские новости. 1993. 10 янв. С.9.

УДК 32.001

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ И СТРАТЕГИЯ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ

Д.Н. МЯСОЕДОВ

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

e-mail: *nauka@elsu.ru*

Определены основные линии противостояния конфликтов цивилизаций в XXI веке. Аргументировано доказывается, что основные угрозы для России исходят не от Запада, а от исламского мира и Китая. Проведён анализ взаимоотношений России и Запада, который убеждает в необходимости объединиться для противостояния общим угрозам, реализовав тем самым новую геополитическую модель «северное кольцо».

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, глобализация, противостояние север-юг, Россия — европейская страна, модель «северное кольцо»

Цивилизация — один из самых широких и глубоких по смыслу терминов. Он часто употребляется в социальном дискурсе, при этом однозначного определения понятия «цивилизация» нет.

Обращение к термину «цивилизация» и формирование цивилизационной теории происходило в рамках двух параллельно развивающихся направлений общественной мысли и науки. Одно из таких направлений — научно-материалистическое. Оно определило представление о цивилизации как обществе более высокого уровня развития по сравнению с «естественным», то есть, преодолевшем зависимость от природы, характеризующемся производительным типом хозяйства, функциональной разделённостью различных сфер и уровней жизни и вместе с тем некоторой системной организованностью.

К числу основателей другого, культурно-исторического направления относят русского философа-славянофила Н.Я. Данилевского. Он одним из первых выделил различные «культурно-исторические типы», или цивилизации, и критиковал теорию цивилизации «общечеловеческого» типа как единого творца и сосредоточия общечеловеческих ценностей. Заслугой учёного, вне сомнения, является постановка проблемы экспансии цивилизации как явления естественного, присущего любой цивилизации. Данилевский стремление одной цивилизации завоёвывать другую называет проявлением экспансивной силы, необходимой принадлежностью к ней, того естественного честолюбия, которым бывает одарён всякий живучий культурно-исторический тип стремящийся наложить свою печать на всё его окружающее.

Продолжают развивать идеи Данилевского такие видные философы как В. Соловьёв, Н. Бердяев, О. Шпенглер и А. Тойнби, и все они отмечали, что экспансия присуща каждой цивилизации. Каждая цивилизация вступит в конфликт с другой, «осознавая» своё превосходство. Так, Шпенглер считал, что экспансия осуществляется ради территориальных завоеваний и достижения экономических целей, то есть ради приобретения материальных ресурсов. В этом Шпенглеру видится высший смысл существования цивили-

заций. Таким образом, философ делает вывод о том, что история цивилизаций сопровождается «бесконечной чередой войн», ведущихся за мировое господство.

Главный постулат А. Тойнби — цивилизации имеют тенденции к расширению путём подчинения и ассимиляции других обществ. Более того, он считает экспансию одним из основных видов деятельности цивилизаций.

Конфликты между цивилизациями происходили всегда с момента их зарождения. Но в древности контакты между цивилизациями ограничивались несовершенными средствами транспорта, не позволявшими преодолевать расстояния в тысячи километров от одной цивилизации к другой. Сдерживающим фактором было и относительно небольшое по численности население первых цивилизаций и их территориальная обособленность. Многие ранние цивилизации не подозревали о существовании друг друга и стремились контролировать пространство в пределах своей ойкумены.

По мере освоения близлежащих территорий, развития мореплавания росло число контактов и конфликтов между различными цивилизациями, но число конфликтов в рамках одной цивилизации было несоизмеримо больше, чем между различными цивилизациями. Цель любой экспансии, конфликта между цивилизациями — получение контроля над жизненно важными ресурсами, а в конечном счёте — доминирование над остальными или мировое господство. Только если в древности такими ресурсами были плодородные земли, скот и рабы, то сейчас это нефтяные месторождения, стратегически важные транспортные узлы и магистрали, новейшие технологии, финансовые потоки, рынки сбыта.

Научно-техническая революция, развитие систем транспорта и связи, а главное их доступность «сжали» географическое пространство, начались процессы глобализации. Это привело к тому, что нация постепенно уходит с мировой политической арены, постепенно уступая место более крупным наднациональным образованиям — цивилизациям: «… государства всё больше и больше начинают мыслить в категориях цивилизации и с этой точки зрения определять своё место в мире и свои интересы»[1].

Глобализация также привела к беспрецедентному оживлению незападных центров культуры, претендующих на универсальное значение собственных традиций и ценностей, что в корне изменило ситуацию. Исследования локальных цивилизаций приобрели политическую актуальность. Из области теоретической социологии и истории они постепенно перемещаются в область прикладной политологии.

В этом смысле характерен пример американского политолога С. Хантингтона, который сыграл ключевую роль в оживлении интереса к проблеме конфликта цивилизаций публикацией в 1993г. статьи «Столкновение цивилизаций». В этой работе он выдвигает свою гипотезу мировых конфликтов между различными цивилизациями. Хантингтон выделил следующие современные цивилизации: западную, конфуцианскую, индуистскую, исламскую, славяно-православную, латиноамериканскую, японскую и, возможно, африканскую.

Сначала идеи Хантингтона подверглись критике, в том числе и российскими учёными. Но после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне количество оппонентов Хантингтона значительно уменьшилось. Стало ясно, что мир вступил в другую фазу своего существования — столкновения цивилизаций. Американский политолог считает основной линией противостояния Запад-остальной мир. Хотя он смещает акцент на противостояние Север-Юг, отмечая, что «западноевропейские государства видят угрозу уже не с Востока, а со стороны Юга»[2], он подразумевает под Югом исламскую цивилизацию, а под Востоком Россию.

Конечно, славяно-православной цивилизации в прогнозах американского политолога не уделялось много внимания. Да и в то время, когда вышла его статья «Столкновение цивилизаций», Россия, раздираемая политическим и экономическим кризисом, уже не воспринималась как ключевой игрок на мировой арене. Внешняя политика Российской Федерации была прозападной. Но за последние годы во внешней и внутренней политике России произошли большие изменения. Была выстроена жёсткая вертикаль власти, урегулированы отношения между властью и бизнесом, созданы условия

для экономического роста, политической и социальной стабильности. Экономика страны стала развиваться. Благодаря высоким мировым ценам на нефть Москва получи-

---

[1] Хантингтон С. Если не цивилизации, то что?» // США: экономика, политика, идеология. 1994. №6. С. 73

[2] Там же

ла свободные капиталы для внешних и внутренних инвестиций. Было увеличено финансирование национальной обороны и подавлено вооруженное сопротивление на Кавказе. Внешняя политика при Путине стала более независимой, учитывающей в первую очередь собственные национальные интересы. Курс на сближение с Западом, который был взят в девяностые годы, изменился. Россия стала выступать как самостоятельный «центр силы».

Естественно, что независимая внешняя политика России, консолидация власти вокруг Кремля, сбои в поставках энергоносителей в Европу из-за конфликтов с Украиной и Белоруссией по поводу цены на газ, а также череда «цветных революций» на постсоветском пространстве привели к похолоданию в отношениях между Россией и Западом. Но нынешний рост напряженности не имеет ничего общего с холодной войной второй половины XX века. Америке ведущей войну в Ираке и готовящейся к войне с Ираном не выгодна дестабилизация обстановки в России как стране, обладающей ядерным оружием, Европа крайне заинтересована в бесперебойных поставках энергоносителей. Москва, в свою очередь, достаточно сильна, для того чтобы не идти в фарватере Запада, но всё ещё слишком слаба, чтобы на равных с ним конкурировать. Поэтому серьёзного конфликта между Россией и Западом не будет. Скорее всего, сегодняшнее похолодание в отношениях — это переоценка ценностей в отношении России и смена правил игры.

Настоящие линии противостояния в XXI веке — это Китай-Запад, Китай-Россия, исламский мир-Запад, исламский мир-Россия. Следовательно, Россия и Запад, вероятно, окажутся по одну сторону баррикад.

По оценкам многих аналитиков Китай способен поколебать в ближайшее время лидерство США в мире. Со времени начала экономических реформ в 1978 году ВВП КНР увеличился в четыре раза и продолжает расти. Ежегодные темпы роста китайской экономики колеблются в районе 10% , что позволяет ему превратиться во вторую державу в мире по основным показателям.

Экономическое развитие позволяет направлять значительную часть ВВП на модернизацию вооружённых сил и в первую очередь на развитие стратегического ракетно-ядерного потенциала и освоения космоса.

В настоящее время Китай уже вошёл в круг держав, определяющих основополагающие векторы развития геополитических сил и полей, а в будущем эта страна может стать реальным конкурентом США в борьбе за глобальное лидерство. Поводом к обострению отношений может стать ситуация вокруг Тайваня, поддерживаемого Америкой. Китай может начать военную интервенцию на остров. Это может привести к информационной, экономической, торговой войне двух государств. «Один только объём ценных бумаг США, имеющихся в распоряжении КНР, даёт стране серьёзные возможности воздействия на Соединённые Штаты и мировую финансовую систему»[3]. Поэтому в отношении Китая преобладает тактика «сдерживания» и одновременного интегрирования его в глобальные структуры, причём упор делается на сохранение зависимости страны от внешних поставок энергоносителей.

России следует относиться к Китаю как к стране, угрожающей её национальной безопасности и территориальной целостности. Российская Федерация с Китаем имеет общую протяженную границу около 2500 тыс. километров, которая с геополитической, военной и экономической точек зрения является самой уязвимой. Огромная, практически безлюдная, богатая всеми видами сырья и энергоресурсов территория Сибири и Дальнего Востока, безусловно, является лакомым куском для бурно развивающегося соседа. Учитывая то, что «потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% мирового», а в 2004-м году рост темпов потребления «составил в Китае 31%»[4], у России есть все шансы стать сырьевым придатком Поднебесной.

Огромная разница в демографическом потенциале неизбежно приводит к легальному и нелегальному заселению российского Дальнего Востока китайцами. Если называть вещи своими именами, идёт тихое поглощение приграничных земель России: «Численность китайских мигрантов в России колеблется в пределах от 400 тыс. до 2-3 млн. человек. Но главная проблема заключается в том ущербе, который наносится российской экономике. В значительной мере из-за быстрого становления в стране китайских землячеств, которые практически все

---

[3] Караганов С.А. XXI век: контуры миропорядка // http://www.globalaffairs.ru/numbers/16/

[4] Гончаренко А.В. Мировая энергетика: взгляд на десять лет вперед // http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/

(по данным оперативных подразделений) находятся под негласным контролем собственных мафиозных структур»[5].

Китайская экспансия может привести к тому, что к середине XXI века в России будет проживать от 7 до 10 млн. китайцев, которые, таким образом, станут второй по численности этнической группой России после самих русских. Поэтому в будущем в отношениях между Россией и Китаем не исключён сценарий, подобный косовскому в Сербии, и отторжение части территорий Российской Федерации к Китаю.

Не стоит забывать и об угрозе со стороны исламской цивилизации, а точнее со стороны исламских религиозных экстремистов, основными мишенями которых стали государства Запада и Россия. Но в чём заключаются причины исламского экстремизма?

В результате экспансии и колониализма западная цивилизация сосредоточила в своих руках огромные материальные ресурсы, поставила под контроль мировые финансовые потоки, навязала рыночную глобализацию. Как следствие в мире резко увеличилась пропасть между богатыми и бедными. Вполне естественно, что нашлось много недовольных таким положением дел, особенно в исламском мире, традиционно отличавшемся своей

воинственностью по отношению к неверным. Из-за колоссального разрыва между Западом и исламской цивилизацией в уровне вооружения и технического оснащения вероятность ее победы в военном конфликте крайне мала. Вторжение американских войск в Ирак яркий тому пример. Поэтому исламский экстремизм избрал тактику «партизанской войны», противостоять которой оказалось намного сложнее.

Многочисленные террористические группировки действуют на территории США, Западной Европы, Ближнего Востока, России, объединены в сеть, так называемую «Аль-Каиду», и имеют единый координационный центр.

Россия является основным объектом для террористических атак, причём самым уязвимым. Во-первых, Россия имеет огромную по протяжённости и практически не охраняемую границу с исламскими государствами, во-вторых, достаточно велика численность коренного мусульманского населения, причём в стратегически важных регионах Поволжья и Северного Кавказа, через которые осуществляется транзит западно-сибирской и каспийской нефти на Запад. Возможные мятежи на Северном Кавказе и в Поволжье чреваты реальным распадом России, перебоями с поставками энергоносителей в Европу, а значит, всемирным геополитическим кризисом и появлением разнообразных угроз, вплоть до ядерных.

Это прекрасно понимает часть западной политической элиты, поэтому она заинтересована в сильной и стабильной России. Вот что пишет американский политолог Томас Грэм, бывший помощник президента США Джорджа Буша-младшего по вопросам политики в отношении России: «Сильная Россия в состоянии сыграть полезную роль в создании и поддержании нового политико-экономического равновесия в Восточной Азии. Сильная Россия критически важна для построения надежных систем безопасности в Центральной Азии и на Кавказе. Она была бы способна помочь в достижении таких целей, как стабилизация положения на Ближнем Востоке, восстановление Ирака и Афганистана, решение иранской проблемы. У сильной России будет больше возможностей конструктивно работать в Европе над рядом европейских проблем, имеющих большое значение для Соединенных Штатов. И сильная Россия должна быть лидером в борьбе с терроризмом, расползанием ОМУ и другими трансграничными угрозами.

Между тем США настолько привыкли иметь дело со слабой Россией, что теперь им трудно приспособиться к российской напористости и самоуверенности. Многое из того, что Москва делает сегодня на мировой арене, вызывает озабоченность, но во многих кругах американского общества существует тенденция преувеличивать эти проблемы и выступать за противостояние с Россией, вместо того чтобы добиваться прагматичного урегулирования разделяющих нас вопросов»[6].

К сожалению, большая часть американской и российской политической элиты всё ещё мыслит стереотипами холодной войны, что мешает более активному сотрудничеству двух стран.

Вообще американская политика в отношении России скорее представляет угрозу для российской политической элиты, чем для простых граждан. Тогда как китайская и

---

[5] Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае // http://www.globalaffairs.ru/numbers/21/

[6] Грэм Т. Диалектика силы и слабости // http://www.globalaffairs.ru/numbers/26/

исламская экспансия угрожает рядовым гражданам больше, и сталкиваются они с ней чаше. Это и вытеснение русских с обжитых земель, выдавливание из мелкого и среднего бизнеса, распространение наркотиков, вымогательства, разбои и убийства со стороны этнических преступных группировок.

В современный период в российском политическом процессе активно участвуют идеи евразийства. Александр Дугин, Игорь Панарин и другие политологи отстаивают евразийские идеи на фоне экономического роста в стране. Евразийцы считали Россию особой страной, органически соединяющей в себе элементы Востока и Запада, срединным материком между Европой и Азией, особым типом культуры. Эти идей востребованы в настоящий момент российской политической элитой. Фактически они лежат в основе проводимой внутренней и внешней политики.

Но по сути евразийство – это обновлённое и усовершенствованное славянофильство: «С точки зрения причастности к основным историческим концепциям, «евразийство», конечно, лежит в общей со славянофилами сфере»[7]. Евразийцы разделяли основную мысль славянофилов о самобытности исторического пути развития России и её культуры, неразрывно связанной с православием. Как и славянофилы, они утверждали, что культура России радикально отличается от западной по системе своих духовных ценностей.

Но такое обновлённое славянофильство, на наш взгляд, не способно отвечать национальным интересам России и российского народа в условиях современного конфликта цивилизаций.

Наиболее отвечает национальным интересам России интеграция в экономические и военно-политические структуры Запада, для того чтобы совместно бороться с международным исламским терроризмом и сдерживать растущие амбиции Китая. В будущем глобальное противостояние будет проходить по линии Север-Юг. Объединившись, США, Европа и Россия образовали бы северное кольцо. Эта геополитическая модель позволила бы наиболее эффективно противостоять угрозам с юга.

Для этого есть все возможности и предпосылки. Россия, по сути, европейская страна. На ранних стадиях своего развития российская и западная цивилизация представляли единое целое. Они имеют общее происхождение, общих предков, сходные языки, культуру. Да и христианская религия на заре своего существования не делилась на католическую и православную ветви. Российская и западная цивилизация имеют очень много общих черт, и, пожалуй, в мире нет более похожих цивилизаций. Но самое главное, что на данном этапе развития обе цивилизации имеют одинаковые угрозы. Общие корни российской и западной цивилизации могут послужить тем фундаментом, на котором должно развиваться сотрудничество между Россией и Западом для решения глобальных проблем в условиях развивающегося конфликта цивилизаций.

FORECAST OF THE DEVELOPMENT OF THE CIVILIZATION CONFLICT AND STRATEGY OF RUSSIAN GEOPOLITICS

D.N. MJASOEDOV

Eletsky State University after I.A. Buni

e-mail: *nauka@elsu.ru*

The main lines of opposition of civilization conflicts in the XXI-st century have been singled out and described. It has been argumentally proved that the basic threats for Russia are originated not in the West, but in the Islam Word and China. The analysis of the relations between Russia and the West has been carried out, the result of which speaks for the necessity to consolidate them for opposition to common threats, realizing the new geopolitical model “Northern Ring”.

Key words: civilization conflicts, globalization, opposition North-South, Russia-European country, model “Northern Ring”

[7] Савицкий П.Н. Евразийство // Классика геополитики, XX век: Сб./Сост.К.Королёв. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.659

УДК 327(470:4)

АКТИВИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

К. Н. ЛОБАНОВ

Белгородский юридический институт МВД России

e-mail: lobanov_pol@pochta.ru

Данная статья посвящена актуальной для российской внутренней и внешней политики проблеме размещения элементов американской системы противоракетной обороны в странах Центральной и Восточной Европы. Автор публикации стремится показать геополитические последствия этого шага как для России, так и для США и их восточноевропейских союзников по НАТО.

Ключевые слова: Восточная и Центральная Европа, система глобальной противоракетной обороны, НАТО, Европейский Союз, демилитаризация региона

Прошло совсем немного времени с того момента, как страны Центральной и Восточной Европы, а также Балтии попросились в Североатлантический альянс, а уже две из них – Чехия и Польша – недавно заявили о своей готовности «прогнуться» перед Америкой. С начала этого года чешские и польские власти ведут активные юридические и организационные приготовления для размещения на своей территории компонентов глобальной системы противоракетной обороны США – радиолокационных станций (РЛС) и так называемых противоракет. Этот шаг влиятельных восточноевропейских стран существенным образом меняет сложившуюся геополитическую конфигурацию в центре Европы и влечет за собой целый ряд далеко идущих последствий как для самого восточноевропейского субрегиона, так и для его непосредственных соседей и, прежде всего, России. Попробуем выяснить, чего же больше – выгод или издержек получат наши восточноевропейские соседи в результате своего решения?

Предыстория сегодняшней ситуации не так велика, но весьма содержательна. Начиная с 1991 года, когда было заявлено о самороспуске главных организационных структур бывшего социалистического лагеря – Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи – страны Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) начали стремительный дрейф в сторону западных военных и экономических союзов. В своих порывах восточноевропейские политические элиты нашли полное сочувствие со стороны США и их союзников по НАТО. В этом взаимном притяжении друг к другу стороны выражали, казалось бы, единые интересы и преследовали общую цель – обеспечение безопасности в Европе в условиях глобальных изменений. Вместе с тем, видение этого процесса из Вашингтона далеко не полностью совпадало с теми мотивами, которыми руководились восточноевропейские политики. В начале 90-х годов США рассматривали искусственное и форсированное «разбухание» НАТО, прежде всего, как способ увековечивания своего военного присутствия в Европе, которое с падением социалистического блока становилось бессмысленным, как и существование самой организации. Для мелких и средних же стран Центральной и Восточной Европы вхождение в НАТО, а затем и ЕС означало полную эмансипацию от своего социалистического прошлого и гарантию от возможных «имперских» устремлений России.

Как бы то ни было, локомотив расширения НАТО мчался на всех парах, и, что с большим сожалением приходится признать, не без пассивного участия российской стороны. Именно тогдашнее политическое руководство страны, находясь под «очарованием» прозападного лобби из российского МИДа очень мало сделало (а точнее ничего не сделало) для того, чтобы интересы страны в этом глобальном вопросе были учтены. А сделать можно и нужно было немало. Например, преподнося Западу такой подарок, как воссоединение Германии, необходимо было бы позаботиться о демилитаризованном статусе бывшей ГДР. При роспуске Варшавского пакта, но в условиях сохранявшегося российско-

го военного присутствия в бывших его странах-участницах, не сложно было бы добиться от западных держав бóльших гарантий безопасности России либо путем прямого запрета на размещение вблизи ее границ крупных воинских соединений, либо объявления территории стран ЦВЕ безъядерной зоной, либо отказа от базирования любых иных военных объектов, способных нейтрализовать боеготовность российской армии. Можно также вспомнить и подписание крупных взаимных соглашений – Основополагающего акта об отношениях между Россией и НАТО 1997 г., расширенного коммюнике Стамбульского саммита НАТО с участием России 2000 г. и др. – которые с юридической точки зрения, особенно в обязательственной части, были слабо проработанными и для российской стороны оказались ущербными. В результате при принятии в НАТО Румынии и Болгарии в 2004 г. Россия не смогла настоять на запрещении строительства новых баз и арсеналов для натовских ВМФ в акватории Черного моря, что явилось очевидным военно-стратегическим и геополитическим просчетом.

Не встречая активного противодействия со стороны России, а также используя восходящую тенденцию к вестернизации стран ЦВЕ, США в последние годы еще более усилили свою политику укрепления европейской «опоры» НАТО. В Атлантический союз были приняты новые члены из числа центральных и восточноевропейских стран и три бывшие советские республики – Эстония, Литва и Латвия. Широкие обещания о скорейшей интеграции в НАТО были даны Грузии, Молдове и Украине. При этом активно использовались каналы так называемой программы «Сотрудничество во имя мира», специально придуманной в Вашингтоне и Брюсселе для заигрывания с новыми государствами-кандидатами. Становилось ясным, что европейская (или понимаемая более широко глобальная) политика США вступает в новый этап. Содержанием этого этапа является решение вашингтонской администрацией сложной многофункциональной задачи сохранения американского доминирования в мире и, особенно в ключевом его регионе – Евразии в условиях растущих межцивилизационных осложнений. Но в отличие от предыдущего этапа, когда США делали ставку на механическое расширение пространственных рамок НАТО, сегодня заокеанские стратеги активно разрабатывают планы укрепления «внутренней солидарности» альянса через подключение своих европейских союзников к масштабным военно-техническим программам и военным акциям в различных точках планеты.

Первоначально США довольно успешно привязали европейцев из НАТО к участию в своих «гуманитарных» акциях в Афганистане и Ираке, где в последнее время собственно американский воинский контингент постепенно вымывается за счет польских, румынских, грузинских и т.д. армейских соединений. Затем было решено разместить на территории некоторых из «новообращенных» стран НАТО элементы задуманной в Вашингтоне глобальной системы противоракетной обороны. По мнению американских политиков, восточноевропейские страны должны таким образом доказать свою готовность разделить союзнические (читай американские) принципы и следовать в фарватере атлантической политики. Со своей стороны Соединенные Штаты в этой игре рассчитывают получить крупные геополитические дивиденды. Помимо уже упоминавшейся задачи сохранения и упрочения своего военного присутствия в Европе как важнейшего инструмента воздействия на внутриевропейскую экономическую и политическую ситуацию, США стремятся с помощью европейского сектора системы ПРО оказывать давление на Китай, Индию, исламский мир и Россию, а также одновременно обезопасить себя от возможной ответной реакции не-западных ядерных держав в случае обострения отношений с ними, что в условиях непрекращающейся глобальной гегемонистской стратегии США весьма реально. В свете этих истинных мотивов, официальная версия Вашингтона о стремлении с помощью ПРО защититься от ядерных программ таких государств, как Иран или Северная Корея, не обладающих средствами доставки своих пока еще гипотетических атомных боезарядов, выглядит малоубедительной.

Тем не менее, США упорно идут к своей цели. Стоит отметить, что в качестве объектов для размещения радаров, станций слежения и прочих элементов системы ПРО Соединенные Штаты не случайно выбрали Польшу и Чехию. Оба государства имеют особые связи с США и рассматриваются последней как наиболее последовательные и устойчивые проводники американского влияния в Европе и в европейских институтах, например, в ЕС. Ведь именно Польша и Чехия (ранее - Чехословакия) обязаны США своим рождением как государства, так как в ходе заключения версальско-вашингтонских соглашений 1918-

1921 г.г. по настоянию президента В. Вильсона обе страны получили международный статус признания в своих почти современных границах. Президент Ф. Д. Рузвельт в 1943-1945 г.г. активно поддержал советский проект восстановления независимости обеих республик с существенными территориальными приращениями за счет Германии и Венгрии. Наконец, в конце 80-х-начале 90-х годов именно Америка больше всего содействовала осуществлению «бархатных» революций в Польше и Чехии, ратовала за первоочередное вступление новых демократий в западные экономические и военно-политические союзы.

Однако не стоит полагать, что Польша и Чехия – это исключение из правил и другие восточноевропейские страны будут менее сговорчивыми в решении военных и оборонных вопросах с США. Для большинства средних и мелких стран Европы, особенно тех, которые не могут похвастаться запасами минеральных ресурсов или развитой экономикой, активное участие в натовских программах – это хороший способ заработать, так сказать «поддержать штаны» в условиях вынужденного и экономически не выгодного, но упорно диктуемого из ЕС ухода с рынка России. Поэтому не исключено, что вслед за традиционной и малодоходной сдачей в аренду американцам и западноевропейцам бывшей советской военной и военно-морской инфраструктуры в странах Восточной Европы со стороны руководства этих государств в Вашингтон и Брюссель последуют более «выгодные» стратегические предложения.

Здесь мы как раз подходим к главной интриге сегодняшнего момента, связанной с вопросом о том, не упускает ли Восточная Европа в погоне за удовлетворением сиюминутных и узкокорыстных потребностей своего большого исторического шанса? Суть этого шанса заключается в том, что действительно сильными и процветающими восточноевропейские страны могут быть лишь имея **демилитаризированный** или **нейтральный** статус. Опыт новой и новейшей истории показывает, что ни участие в военных блоках, ни гарантии со стороны третьих стран автоматически не обеспечивают никакому государству его безопасности. Особенно это относится к средним и малым странам, выполнявшим, как правило, роль буфера между конкурирующими блоками или противоборствующими цивилизациями. Выполнение разделительных функций такими государствами в прошлом доставляло им больше выгод, нежели включение в орбиту военных планов великих держав. Вспомним, что расцвет национальной государственности и национальной экономики в странах Восточной Европы приходится именно на период их внеблокового существования в 1918-1939 г.г. Например, так называемые первая Чехословацкая и первая Польская республики, с одной стороны, лишь формально входили в «малую» Антанту под патронажем Великобритании и Франции, а, с другой стороны, они не находились под влиянием Советской России. В результате осуществления суверенной политики значительные материальные ресурсы и энергия населения этих стран были канализированы в созидательное русло национального развития.

В современных условиях также можно найти немало примеров тому, как ряд государств, используя свой не военный статус, обеспечили себе комфортные условия существования и устойчивый социально-экономический рост. Это и далекая от Восточной Европы Япония, и весьма близкие к ней Австрия, Швеция, Финляндия. В последних трех государствах, как известно, наблюдается самый высокий уровень жизни населения и срок продолжительности жизни людей как наиболее концентрированный показатель здоровья социальной и экономической систем, что не в последнюю очередь зависит от минимальной нагрузки военных расходов на государственные бюджеты.

Однако не стоит забывать о том, что речь идет не только об экономических, финансовых и социальных преимуществах демилитаризированных стран перед другими государствами или системами государств. Вопрос стоит даже не в плоскости необходимости или отсутствия необходимости вооружаться, довооружаться или перевооружаться тем или иным странам. В конце концов, любое суверенное государство может делать и первое, и второе, и третье, если посчитает, что ему кто-либо угрожает или безопасность страны не находится на должном уровне. Проблема состоит в том, что, включаясь в военные блоки под руководством супердержав или присоединяясь к их военным программам, страны-сателлиты подвергают себя опасности быть втянутыми в вооруженные конфликты различного уровня и степени интенсивности. Иными словами, население, территория, суверенитет этих государств становятся заложниками политики стран-лидеров, а значит - не могут быть в более безопасном состоянии. В случае с Чехией и Польшей становится очевидным, что при размещении американских РЛС и

противоракет на их территории, эти компоненты глобальной системы ПРО будут создавать помехи для ответного удара любой из ядерных держав в ситуации конфликта с США и НАТО в целом. То есть данные помехи в любом случае будут подавляться противником - либо его войсковыми соединениями, либо стратегической бомбардировочной авиацией, либо тактическими ядерными ракетами малой и средней дальности. Подобный сценарий выглядит вовсе не виртуальным. Многие исследователи в области геополитики, глобалистики, социальной философии, военных наук отмечают глобальную тенденцию к возрастанию противоречий между западной и не западными цивилизациями. Агрессивное вторжение либерально-демократических ценностей и институтов Запада в традиционные ареалы исламской, буддийско-конфуцианской и славянско-православной цивилизаций вызывает ответную и зачастую далеко не пацифистскую реакцию с их стороны (сопротивление в Афганистане, Ираке, Югославии, Сомали). Особенно вызывают опасения у США Китай и Россия, обладающие значительными запасами ядерного и обычного вооружений. Но если Китай Соединенные Штаты пытаются нейтрализовать скорее косвенными, «нетрадиционными» методами, такими как возбуждение неизвестных и опасных эпидемий, применение геотронного оружия в виде направленных цунами и т. д., то на Россию вашингтонские стратеги предпочитают оказывать откровенное давление, в том числе с использованием элементов военной и военно-стратегической политики. А восточноевропейские страны бездумно втягиваются в эту чужую и чуждую им по сути игру, стремясь к тому же исполнять в ней одну из сольных партий.

Как видно, история ничему не научила европейских политиков, принимающих слишком легковесные решения относительно суверенитета и безопасности их собственных стран. Ведь уже не единожды крупные западные державы попросту «сдавали» своих восточноевропейских сателлитов в случае возникновения серьезной военной ситуации на континенте или в мире в целом. В 1938 г. демократический Запад не захотел связываться с Гитлером из-за Чехословакии, а в 1939 г. позволил «проглотить» Польшу. Не проявили особенного усердия в Лондоне, Париже и Вашингтоне и тогда, когда «тоталитарный» СССР присоединил к себе Прибалтику и попытался присоединить Финляндию. Очевидно, что и сегодня или в обозримом будущем Запад также, как и десятки лет назад, не решится на прямое военное столкновение с какой-либо из крупных держав из-за Польши, Эстонии или Латвии. Даже если эти страны будут призывать к исполнению известной статьи 5 Устава НАТО о коллективной обороне государств-членов этой организации. С другой стороны, очевидно, что безопасности восточноевропейских государств сегодня ничто не угрожает. Все известные очаги напряженности или потенциально нестабильные зоны находятся весьма далеко от этого субрегиона, а риски соседства с «непредсказуемой», «имперской» и т. д. Россией существуют только в воображении отдельных ультранационалистических политиков. Так не упускает ли Восточная Европа еще раз предоставленного ей исторического шанса быть реально безопасной, стабильной и процветающей, поддерживающей добрые отношения со своими соседями? Или снова, поддавшись ложным фобиям, позволит втянуть себя в заокеанские геополитические прожекты, проиграв глобально? Ответ на этот вопрос в скором времени должны дать не только политики, но и народы восточноевропейских стран, осознав и возложив на себя ответственность за принятое решение.

THE ACTIVATION OF AMERICAN PRESENCE IN THE CENRAL AND EASTERN EUROPE AND THE GEOPOLITICAL INTERESTS OF RUSSIA

K. N. LOBANOV

The Belgorod Police Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: lobanov_pol@pochta.ru

This issue is intended to an actual problem of the settlement of American antimissile defense system in the countries of the Central and Eastern Europe. An author aims to indicate in the geopolitical consequence of this action both for Russia and the USA and their east European allies of North Atlantic Treaty Organization.

Key words: the Eastern and Central Europe, global antimissile defense system, North Atlantic Treaty Organization, the European Union, demilitarization of the Region.

УДК 324.254

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л.Н. ГЕРАСИМЕНКО

Ставропольский государственный университет

e-mail: larisa-gerasimenko@mail.ru

Исследована специфика формирования регионального политического процесса в условиях современной России. Показано, что к основным акторам регионального политического процесса следует отнести: систему органов государственной власти, партии, сообщества людей, региональные политические элиты, страты, этнические и конфессиональные группы, индивидов. Формами взаимодействия акторов региональных политических процессов являются: электоральное поведение, федеративные отношения, патрон-клиентарные обмены ресурсами в рамках корпоративных связей. Региональная политическая элита представляет собой социальную страту, достигшую наивысшего политического статуса, оказывающую определяющее воздействие на процессы принятия стратегических политических решений в регионе. Установлена зависимость механизмов рекрутирования политических элит от преобладающих социокультурных традиций региона.

Ключевые слова: региональный политический процесс, региональная политика, модели региональной политики, акторы регионального политического процесса, элита, региональная политическая элита, механизмы региональной власти, типы губернаторской власти

Регионы России отличаются друг от друга по многим параметрам (по территории, численности, этническому составу, уровню экономического развития и т.д.), что в значительной мере объясняет различия в региональных политических процессах. Выявить особенное и общее в этих процессах – такова задача данной статьи.

Осуществление механизмов региональной власти в России зависит от следующих институтов: **во-первых**, федеральной власти и ее территориальных институтов; **во-вторых**, системы формального разделения властей в регионах (законодательной, исполнительной и судебной); **в-третьих**, организации местного самоуправления (различающихся как по типу организации, так и фактическому участию); **в-четвертых**, разнообразных политических сил (партий, общественных движений, этнических и конфессиональных, групп давления, корпоративных образований, средств массовой информации), способных оказывать влияние на принятие решений. Соотношение этих сил во многом определяет структуру власти, ее конфигурацию в регионах и тенденции изменений, поэтому проблема особенностей формирования региональной политики в современной России имеет повышенную актуальность и востребованность.

К основным акторам регионального политического процесса следует отнести: **во-первых**, политические институты (систему органов государственной власти, отдельные органы власти, партии, иные политические организации); **во-вторых**, сообщества людей (элиты, страты, этнические и конфессиональные группы и другое); **в-третьих**, индивидов; **в-четвертых,** транснациональных и зарубежных акторов. Кроме акторов, в структуре регионального политического процесса следует выделить: факты и события политической жизни; типы взаимодействий субъектов; ресурсы акторов; факторы процесса; социокультурную среду (региональную политическую культуру).

Структура политического пространства региона дифференцирована на субъекты и элементы в зависимости от степени освоения и получения преимуществ и привилегий. В одном случае эти привилегии обусловлены сравнительно высоким научно-производственным потенциалом и экономическим вкладом, в другом случае чисто субъективными причинами (политическим статусом и рейтингом лидера, характером его знакомств с центральным финансовым ведомством и другое). Исследование организации власти в регионах позволяет говорить о ее различных модификациях. Например, следует выделить полный или частичный консенсус властей, многопартийный или однопартийный режим, моноцентрическую и полицентрическую модели региональной власти, спонтанную или управляемую демократию, правовой или неправовой режимы.

Принцип политического и экономического лидерства положен в основу большинства современных классификаций региональных политических структур. В некоторых случаях критерием дифференциации регионов является наличие или отсутствие необходимых ресурсов для самообеспечения на основе собственного народнохозяйственного комплекса. По данному критерию все регионы Российской Федерации могут быть подразделены на три группы. Во-**первых,** регионы не только полностью обеспечивающие свои потребности, но и производящие определенное количество продуктов, превышающее реальные потребности населения и производственного комплекса. **Во-вторых**, регионы, которые способны удовлетворить свои собственные потребности. **В-третьих,** регионы, не способные себя обеспечить и нуждающихся в дотациях со стороны государства.

По мнению А.Г. Чернышева, необходимо руководствоваться рядом принципов и условий при анализе типов региональных властных моделей, организации социально-политического пространства и элементов провинциальной политической структуры[1]. К таким элементам следует отнести: **во-первых**, соблюдение и использование четких, единых и сквозных критериев классификации, которые должны учитывать наиболее принципиальные, существенные стороны региональной политической структуры. **Во-вторых**, критерии, которые бы фиксировали не только тенденции социально-политического или экономического развития, но в первую очередь качество системы в целом. **В-третьих**, такие методологические основания политической дифференциации регионов, которые в своей совокупности представляли бы также систему, элементы которой находятся друг с другом в отношениях субординации и координации. Например, критериями дифференциации регионов по их социально-политическому статусу могут быть: а) уровень экономической свободы; б) децильный коэффициент; в) индекс Джини; г) индекс потребительских настроений.

Политическая жизнь и политическое структурирование регионов определяются в первую очередь экономическими изменениями, а непосредственно региональная политика зависит от социальных условий, уровня и образа жизни провинциального населения. Приведенные выше индикаторы являются системой показателей именно образа и уровня жизни, который детерминирует политические изменения. Причем они используются в мировой практике, социально-экономической и политико-экономической статистике, в политологических прогнозах и аналитических материалах, такие показатели можно использовать и при политической классификации российских регионов по типам социального развития и моделям политического порядка.

Наиболее принципиальным индикатором при политической дифференциации регионов является уровень экономической свободы, который выступает производственно-экономическим индикатором политики. Политика может быть оценена с точки зрения своей экономической и социальной эффективности. Категория свободы придает данному показателю универсальность и сквозной характер, обусловливает его связь со всеми сферами общественных отношений. Понятие экономической свободы включает в себя соблюдение трех основных принципов – свободы индивидуального выбора, свободы частного обмена, гарантии частной собственности. Поэтому главными обязанностями современного государства и региональных политических сообществ являются создание условий для максимальной свободы выбора, обеспечение свободного обмена, защиты частных контрактов и частной собственности. Уровень экономической свободы определяет и степень политической свободы. Это один из важнейших факторов, дающий возможность проанализировать особенности политического структурирования российских регионов.

Под региональным политическим режимом следует понимать совокупность субъектов регионального социально-политического пространства (единичных либо ассоциированных акторов, институциональных форм организации региональной власти, а также социально-экономических, политических и административных ресурсов) и динамика их стратегий в борьбе и удержании власти и собственности в конкретном регионе.

По мнению В. Гельмана, концепция типологизации региональных политических режимов предполагает возможность существования четырех вариантов (сценариев) выхода из

---

[1] Чернышев А.Г. Региональное политическое пространство и вызовы глобализации // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Межрегиональные исследования в общественных науках». № 3. - М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 61-63.

неопределенности, обусловленных композициями акторов и их стратегиями[2]. Разработанные критерии послужили основой для классификации моделей региональных политических режимов. Были выделены: во-первых, **плюралистический демократический режим,** при котором главной целью ставится развитие гражданского общества и правового государства. В настоящее время применительно к российским регионам это, скорее, идеальная модель. Во-вторых, **режим ограниченной демократии с авторитарными чертами исполнительной власти** действует, в принципе, на основе права и допускает существование оппозиции, плюрализма элитных групп, независимых СМИ. Данная модель политического режима наиболее распространена в центральных районах России. В-третьих, **авторитарно-бюрократический режим,** основанный на стремлении проводить социально-экономические преобразования путем централизации управления и бюрократического контроля. Поэтому режим отступает от принципа разделения властей, стремится максимально ограничить оппозицию, если не подавить ее полностью. Главной целью провозглашается борьба с безвластием и коррупцией. В-четвертых, **неокорпоративистский авторитарный режим,** при котором выход из кризиса видятся в локальной автономии, противопоставляя региональную легитимность федеральной законности. Для этого типа режима характерна склонность к разработке параллельного (федеральному) законодательства. В-пятых, **неопатримониалистический режим** представляет собой самую жесткую форму авторитаризма, сложившегося в российских регионах. Регионы с таким режимом выступают за максимальную автономию, доходя до требований суверенитета.

Следовательно, в основе типологизации российских регионов, структуры регионального политического пространства и организации моделей власти лежат самые различные признаки и социальные основания. Многие из них связаны с несовершенством федеративных отношений, с почти тотальным влиянием в органах власти групп давления отраслевого и регионального характера, с непропорциональным финансированием различных регионов из федерального бюджета, с различием социальных статусов местной политической и административной элиты.

Следует подчеркнуть моносубъектность и моноцентричность региональной политики в результате становления и укрепления института губернаторской власти. Такая власть постепенно обретает черты самодостаточности, самоценности, системности, что вносит существенные коррективы в механизм разделения властей в провинции. Жесткая вертикаль лежит в ее основе. Данная модель власти предполагает наличие сильного лидера и такой состав команды, когда остальные действующие лица на лидерство не претендуют. Власть губернатора, полномочия и права его аппарата и непосредственного окружения обусловливают существенные изменения в организации регионального политического пространства.

Хотя данная властная модель имеет свои ограничения. Ее аппарат действует только как «передающая цепочка», в результате чего заметно снижается активность и эффективность. Привычка делегировать ответственность на высшие этажи власти рождает инерционность и излишний бюрократизм, мешает координации работы всех звеньев аппарата власти. Вместе с тем такая модель способствует консолидации власти, так как необходимость выполнять общую задачу, наличие центра власти ставят всех в каком-то смысле в равное положение по отношению к первому лицу[3].

Монопольным или доминирующим участником регионального политического процесса может быть любой актор, на практике же, как правило, таким актором становится губернатор. Можно выделить несколько типов губернаторской власти: во-первых, а**вторитарно-бюрократический тип,** который характерен для сравнительно устоявшихся политических систем, где губернатор как бы находится над законодательной, исполнительной и судебной властями, являясь своего рода арбитром и сосредоточием интересов местных номенклатурных кланов. В данном случае основной сферой интересов губернатора является кадровая политика, идеологическая работа и обеспечение региональной социальной безопасности.

---

[2] Гельман Вл. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов. - М., 2000. - С 16-17.

[3] Лапина Н., Чирикова А. Власть и способы управления политической ситуацией в регионах (Результаты социологического исследования проведенного в Ростовской и Пермской областях) // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте.- М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. – С. 48.

Во-вторых, **смешанный тип (губернатор-мэр),** при котором губернатор как главное должностное лицо субъекта федерации и соответственно мэр областного центра являются главными противоборствующими сторонами и претендентами на роль регионального лидера. Данный тип характерен для малоустойчивых местных политических режимов, не контролирующих, как правило, местные экономические и финансовые ресурсы.

В-третьих, **лоббистский тип** присущ регионам с неустойчивой политической и экономической ситуацией, для которой характерно социальное противостояние различных кланов или территориальных группировок административной номенклатуры и бюрократии. Лоббистский тип характерен для ситуаций, связанных со сменой губернатора, когда бывшая клановая группировка находится в конфронтации с победившей на выборах группировкой.

В-четвертых, п**опулистский тип,** характеризуется попытками заработать политический капитал командой губернатора на массовом социальном недовольстве местного социума своим материальным положением. Губернатор преследует цель направить массовое недовольство либо против федерального центра, либо против руководителей тех производств, на которых не выплачивается заработная плата.

В-пятых, п**артийно-харизматический тип** свойственен регионам, в которых губернатор не только является местным политическим лидером или политиком, а претендует на общероссийский масштаб, реально выступает одним из руководителей какого-либо федерального политического блока или движения. Статус и полномочия губернатора являются в основном условием и механизмом мобилизации населения на его поддержку на общероссийском уровне.

В-шестых, м**обилизационный тип** складывается, когда существуют реальные возможности для продвижения на один из высших государственных постов. Это партийно-харизматический тип в действии, являющийся наиболее полным и системным выражением губернаторских устремлений. Мобилизационный тип характеризуется командной политической игрой региональной элиты и экономических кланов, решает групповые задачи элиты и кланов в большей степени на федеральном уровне, чем на местном[4].

Региональная политическая элита представляет собой социальную страту, которая достигла наивысшего политического статуса, оказывает определяющее воздействие на процессы принятия стратегических политических решений в регионе. Она обеспечивает согласование интересов субъектов регионального политического, а также интересов федеральной и региональной элит, элит различных регионов между собой, контролирует реализацию стратегических решений, влияет на ценностные ориентации общества, имеет наибольшее воздействие на цели, формы и направленность регионального политического процесса в сравнении с негосударственными субъектами политики: партиями, общественными движениями, профсоюзами.

Характер отношений акторов регионального политического процесса существенным образом влияет на авторитет региональной политической элиты[5], так как монопольное положение одного из участников политического процесса дает ему возможность манипулировать массовым сознанием, сосредотачивать в одних руках финансовые и административные средства, что в свою очередь дает возможность проведения практически безальтернативных региональных выборов, которые нивелируют конкурентную политическую борьбу.

Специфика структуры региональной политической элиты России состоит в её высокой неустойчивости и сегментированности. Существует зависимость механизмов и каналов рекрутирования политических элит от преобладающих социокультурных традиций региона. Динамический фактор зависимости состоит в типе регионального политического режима, в особенностях распределения власти и влияния между субъектами политики. Преобладает гильдейский (номенклатурный) тип рекрутирования элит, который означает отношения личной зависимости и преданности членов региональной властвующей группы своему лидеру, предполагает иерархическое соподчинение сегментов элиты на

---

[4] См.: Лапина Н., Чирикова А. Власть и способы управления политической ситуацией в регионах (Результаты социологического исследования проведенного в Ростовской и Пермской областях) // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте.- М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. – С.49-50.

[5] Новикова О.С. Особенности позиционирования политической элиты в условиях формирования антикоррупционной политики в Российской Федерации// Философия права. 2007. №4. – С. 87.

основе неформального обмена ресурсами влияния.

Стратегии региональных политических элит во взаимодействиях с иными акторами политики делятся на силовые и компромиссные. Они предполагают выбор методов политического действия, а также ориентации элит в системе акторов по критериям: «власть-оппозиция», политических идеологий, «центризм-регионализм». К стратегиям региональных политических элит в отношении федерального центра следует отнести: 1) лояльность «проводников влияния»; 2) прагматический пакт с центром и попытки формировать автономный курс; 3) прагматический конформизм; 4) оппозиция на основе конфликта интересов[6].

Сегодня возможности монополизации власти институтом губернаторства очень велики. В ситуации, когда ротация верхушки правящей элиты целиком зависит от федеральных властей, лояльность федеральному центру и умение организовать желаемые результаты федеральных парламентских и президентских выборов стала главной задачей региональной власти. На этом этапе в регионах выработались механизмы управления электоральным поведением, использования административного ресурса воздействия, включающего взаимодействие с политическими партиями региона, со средствами массовой информации.

Явление регионализации массового сознания трудно поддается эмпирическому изучению, однако его рост, безусловно, имел объективные причины. Прежде всего, деградация и дискредитация унитарного государства, падение политической дееспособности Центра привело не только к возможности и необходимости политической региональной инициативы, но и к разрушению самоидентичности российского самосознания. Учитывая факт искусственного насаждения властной элитой новых федеративных отношений, не удивительно возрождение архаичных и традиционных форм регионального самосознания.

Наиболее явно этот процесс происходил в национальных республиках, в регионах с преобладанием русского населения соотношение искусственных и естественных процессов было гораздо сложнее. Следует особо подчеркнуть двойственность самосознания региональной элиты, ее амбивалентное отношение к столице, декларации местного патриотизма и претензии на общероссийскую значимость региональных лидеров, сочетались с «почвеннической» и реформаторской фразеологии в их публичных выступлениях. В таких случаях речь шла не только о приспособленчестве к политической ситуации, но и об отражении реальных процессов во власти.

Такая двойственность была обусловлена исторической ролью административно-государственного фактора в формировании региональной идентичности. В российской культуре государственный человек представлял собой доминирующий социокультурный тип. Парадоксальным образом традиционный консерватизм регионального самосознания оказался наложенным на инородные ему политические инновации, связанные с активистским типом постсоветской политической культуры. Такое наложение активизировало реанимацию исторических, культурных и политико-географических образов, призванных сыграть роль стабилизаторов и компенсаторов в сфере идеологии и политической культуры.

Например, для Ставропольского края – это образ казачества, для Саратовской – образ землепашца, кормильца и хранителя Русской земли, причем, идеологическая «эластичность» этих образов делает их особенно привлекательными в глазах региональных политических элит, которая дала возможность использовать архаические образы в соответствии с политической конъюнктурой, и в то же время не опасаться обвинений в политической беспринципности.

Таким образом к основным характеристикам региональных политических процессов можно отнести во-первых, сочетание в них элементов демократии и авторитаризма. Регионы отличаются друг от друга лишь в пропорциях и того, и другого. Во-вторых, моносубъектность власти, в основе которой лежит институт сильного губернаторства, который дополняется неформальными механизмами моноцентричности власти. На сегодняшний день для российских регионов главным является не выбор между демократией или авторитаризмом, а выбор между «деспотическим» и «просвещенным» авторитаризмом. Именно последний открывает перспективу для нарастания элементов демократии, развития гражданского общества, построения подлинно правового государства.

---

[6] Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. – М. , 2007. – С. 129.

THE SPECIFIC PECULIARITIES OF THE REGIONAL POLITICAL PROCESS IN MODERN RUSSIA

L.N. GERASIMENKO

The Stavropol state university

e-mail: larisa-gerasimenko@mail.ru

The specific peculiarities of formation of regional political process in conditions of modern Russia are investigated. The basic participants of regional political process are: system of the government, political parties, communities of people, regional political elites, social groups, ethnic and religious groups, individuals. The forms of interaction of participants of regional political processes are: electoral behavior, federal attitudes and informal exchanges of resources within the framework of corporate connections. The regional political elite represents social group which has the high political status and which renders determining influence on processes of acceptance of strategic political decisions in region. Dependence of mechanisms of formation of political elites on prevailing social and cultural traditions of region is determined.

Key words: regional political process, regional politics, models of a regional politics, participants of regional political process, elite, regional political elite, mechanisms of regional authority, types of governor's authority.

УДК 32:316.77

МАСС-МЕДИА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.В. ПАУЛОВ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (СПбГПУ)

e-mail:
serge_paulow@inbox.ru

В статье рассматриваются тенденции развития масс-медиа, как важной составляющей системы политической коммуникации современного российского общества. Автор даёт описание современным формам и процессам социально-политической коммуникации. Опираясь на труды Д.П. Гавры, И.И. Засурского, И.М. Дзялошинского, Г. Альтшулла, автор раскрывает функции СМИ как политического актора. Особое внимание уделяется процессам трансформации системы масс-медиа в рамках формирующегося информационного общества. В статье описываются процессы медиатизации публичной политики и новые формы массовой социально-политической коммуникации. Автор приходит к выводу, что медиакратические тенденции последнего десятилетия ведут к изменению роли и места СМИ в структуре политической коммуникации. Трансформация СМИ в ресурс легитимизации политической власти и смещение политических процессов в медиа-пространство рассматривается автором как важный феномен современной политической коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, масс-медиа, массовая коммуникация

Развитие современного общества невозможно без существования эффективной системы массовой социальной коммуникации. В данном контексте коммуникация понимается как социально обусловленное явление, основной функцией которого является воздействие на аудиторию через содержание передаваемой информации. На наш взгляд, достаточно полное определение данному феномену дал В.Ф. Олешко: «Массовая коммуникация - целостный процесс, включающий наряду с информацией (содержательный аспект) также языково-символические формы выражения, технические каналы и современные, постоянно модернизирующиеся формы выявления, обработки, хранения и распространения информации»[1].

Массовая коммуникация рассматривается как опосредованное общение с использованием средств массовой информации, поскольку непосредственное общение предполагает большую, но не массовую аудиторию и прямой контакт и взаимодействие участников коммуникации. В связи с увеличением численности аудитории и сложностью организации обратной связи, в массовой коммуникации акцент делается не на взаимодействие, а именно на воздействие. Эта особенность массовой коммуникации обуславливает её распространение в социально-политической сфере.

Изучение политической коммуникации основывается во многом на принципах исследования коммуникации социальной. Согласно выводам социолога Д.П. Гавры, любой тип коммуникации предполагает искусственность и сознательное управление информационно-коммуникационными ресурсами: «социальная коммуникация всегда предусматривает сознательное управление коммуникационными ресурсами и трансформацию естественного, то есть стихийно развивающегося коммуникативного процесса в новую коммуникативную реальность, имеющую управляемый характер, такая коммуникация является продуктом управления и, следовательно, имеет относительно искусственный, т.е. не исключительно спонтанный характер»[2].

В структуре массовой коммуникации основную роль играют технические средства, позволяющие осуществлять регулярное воздействие на численно большие рассредоточенные аудитории. Среди них различают средства массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет-СМИ и т.д.), средства массового воздействия (кино, театр, массо-

---

[1] Олешко В.Ф. Моделирование массово-коммуникационной деятельности. - Екатеринбург, 1998. С. 33-34.

[2] Гавра Д.П. Социально-коммуникативные технологии: обоснование категории // PR-технологии в информационном обществе. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 8.

вые зрелища, художественная литература) и собственно технические средства (телефон, телетайп, компьютерные сети и т.п.). Совокупность этих средств и их функциональные особенности формируют коммуникационное пространство, взаимодействующее с политической системой. В настоящий момент средства массовой коммуникации (СМК) являются не просто фактором производства, распространения и обмена информацией, но и формой организации массовых информационно-коммуникативных процессов. Ими же в свою очередь, задается направление и соответствующий характер протекающих в обществе социально-политических процессов. Среди этих средств именно СМИ способны оказывают наиболее значительное воздействие на массовую аудиторию.

Система СМИ выполняет важные социально-значимые функции:

- информационная – оперативное предоставление гражданам актуальных сведений о событиях и процессах общественной и политической жизни. Данная функция способствует формированию картины мира индивида и ориентации в сложной системе социальной реальности.
- функция социализации (в том числе, политической) – формирование и поддержание культурных и политических стереотипов, норм поведения и т.п.
- функция мобилизации общественного мнения - привлечение внимание к определенной социально-политической проблематике способно вызвать широкий общественный резонанс и привести к серьезным социальным последствиям. СМИ также могут быть ангажированы теми или иными политическими силами для мобилизации общественного мнения в поддержку определенных политических акторов.
- функция обратной связи общества и властных структур – СМИ могут являться средством выражения мнения общественности и инструментом давления на властные институты, побуждая их принимать адекватные меры. Также через СМИ представители власти получают информацию о состоянии общества и отношении к проводимой политике.
- рекреационно-развлекательная функция – роль СМИ в удовлетворении культурных запросов населения огромна. Данная функция также способствует поддержанию социальной стабильности, направляя интересы граждан и организуя их досуг определенным образом.

С помощью СМИ создаются предпосылки для политической публичности, в рамках которой действуют политические акторы. В условиях публичности работа СМИ осуществляется под постоянным давлением со стороны различных внешних факторов, к которым относятся органы государственной власти, владельцы, аудитория СМИ. Этот список может быть существенно расширен за счет лоббистских групп, служб public relations, рекламодателей, общественных и политических организаций и т.д. Таким образом, СМИ одновременно должны эффективно коммуницировать с многочисленными агентами - источниками противоречивых требований и ограничений.

Политическая коммуникация с помощью масс-медиа нацелена на поддержание социальной стабильности и выполнение политических решений. Политическим акторам для любого действия требуется легитимность, во многом достигаемая и поддерживаемая с помощью СМИ. Любой субъект общественных связей, - будь то властные структуры, организации, фирмы, - строит свои отношения с общественностью с помощью СМИ. Реализация целей субъектов общественных отношений требует определенной политики по отношению к СМИ. Именно СМИ выступают в коммуникационном пространстве инструментом диалога между властью и обществом.

Плюрализм, декларируемый СМИ, предполагает, что все возможные точки зрения и позиции, не только могут, но и должны быть представлены обществу, стать доступными всем слоям аудитории. Однако популярные идеи о самостоятельности и независимости СМИ в обществе не разделяются многими исследователями. И. Альтшулл в своей работе «Агенты влияния: роль СМИ в жизни общества» считает их не более чем мифологемами и журналистским фольклором. «На протяжении всей своей недолгой истории», пишет Альтшулл, «средства массовой информации были не более чем слепыми летописцами чужих деяний. Если когда-либо прессе и выпадало играть активную роль, то только потому, что она становилась агентом тех или иных общественных сил или политических движений»[3].

---

[3] Altshull J.H. Agents of Power: the role of the news media in human affair. - New York and London: Longman, 1984. P. 277 – 278.

В отношении России данный тезис подтверждает И.М. Дзялошинский, констатируя, что в стране сложно найти средство массовой информации, имеющее экономическую независимость. Нормой стали дотации спонсоров за информационное обеспечение различных мероприятий, ангажированность СМИ, нарушение этических норм, а также коррупция в журналистской среде[4].

Комментируя проблему плюралистичности и нейтральности СМИ, российский исследователь И.И. Засурский пишет: «Подобно тому, как есть разница между различными системами СМИ, отдельные органы информации могут быть более или менее плюралистичными по сравнению с другими. И, тем не менее, средства массовой информации склонны к манипуляциям изначально, по своей природе»[5]. Данное высказывание имеет объективные основания: массовая коммуникация характеризуется преимущественно однонапраленностью информационных потоков и отсутствием эффективных механизмов обратной связи аудитории с коммуникатором. Это создает предпосылки для применения манипулятивных техник.

В рамках политической коммуникации манипуляция может выступать одним из средств установления консенсуса между управляющей элитой и обществом, если манипулятивные технологии используются правящей группировкой. Также, манипуляция может быть одним из инструментов контрэлиты, с помощью которого она борется за поддержку электората, а значит, за власть. Следствием демократизации является возрастание значения общественного мнения. Именно это предопределяет превращение манипуляции (как способа формирования общественного мнения) в один из способов государственного управления и достижения политических целей. Потребности в манипулятивном воздействии на электорат с помощью масс-медиа не существует до тех пор, пока управляемые массы не вовлечены в политический процесс, пока не произошла их политическая социализация, не сформировалось политическое самосознание.

Осуществление процесса манипуляции общественным сознанием в рамках политического процесса предполагает широкое использование средств массовой коммуникации. Стратегической задачей государства в таких условиях будет являться контроль либо над средствами массовой информации, либо над самой информацией. В формирующемся информационном обществе массовая коммуникация оказалась важнейшим инструментом формирования политики и самопрезентации политических акторов. Использование в политике телекоммуникационных систем привело к появлению, как новых типов трансляции информации, так и новых форм коммуникации в сфере публичной власти. Процесс использования электронных СМИ в массовой политической коммуникации превратил политику в медиа-процесс, одновременно стимулировав и соответствующие изменения в процессе коммуникации, органически сочетавшиеся с виртуализацией политического пространства. В результате интенсивного развития сферы информационно-коммуникативных технологий и усиления политического влияния масс-медиа, в России формируется новая форма организации публичной власти – медиакратия, характерная для переходных стран. Медиакратия, как форма организации власти, базируется на преимущественном влиянии властных кругов и политических группировок, контролирующих массовые информационные обмены. Она предполагает широкое использование имиджевых стратегий и рекламных технологий, разрушающих барьеры между публичной и частной сферами жизни, социальными и культурными механизмами целенаправленного воздействия на поведение человека. Это может вести к девальвации механизмов коммуникации власти и только формирующихся структур гражданского общества. В результате общественность постепенно утрачивает рычаги информационного воздействия на позиции властей а политическая элита становится собственником публичной информации и в безальтернативным источником проектирования политического будущего страны; за неэлитарными слоями закрепляется роль пассивного реципиента политической информации. Связи между политическими акторами и СМИ становятся всё прочнее, в настоящий момент можно говорить о процессе сращивания масс-медиа и политики - медиатизации политической сферы. Это позволяет политическим элитам практически бесконтрольно применять манипулятивные технологии в процессе политической борьбы.

Процесс медиатизации политики проявляется в следующих аспектах: во-первых – возрастающая публичность политической деятельности; и, во-вторых – адаптация политическими акторами своих публичных проявлений к формату вещания современных СМИ. То есть, практически любой политик, чьи сообщения будут вписываться в парамет-

---

[4] Дзялошинский И.М. Интегративные процессы в современных российских медиасистемах, или что происходит в российском информационном пространстве. СМИ и общество. — М, 2002. С. 34.

[5] Засурский И.И. Масс-медиа Второй республики. - М., 1999. С. 26.

ры телевещания, при условии регулярного появления на экране, имеет все шансы добиться высокой популярности. В данном контексте политических акторов можно сравнить с героями различных reality show, чья личная жизнь детально демонстрируется в течение длительного времени. Несмотря на сугубо рекреационно-коммерческую направленность таких программ, их герои получают значительную популярность у определенного сегмента аудитории. Тиражированием их образов СМИ формируют определенную харизму, способность привлекать поклонников. Аналогичный подход используется и в рамках политической коммуникации.

Ориентируясь на принцип медиатизации, трансформируется и организационная культура политических партий. Заметной тенденцией становится персонализация политики, как следствие, утрачивает свое значение примат организационных структур, предпочтительнее становится прямая легитимизация посредством СМИ. Политические события в медиа-пространстве теперь разворачиваются вокруг личности того или иного индивидуального актора, роль политических партий и общественных организаций, как самостоятельных акторов, снижается. В контексте электоральной коммуникации решающую роль играют не политические программы, а личная харизма политика.

В формирующемся медиакратическом обществе идет процесс постепенного преобразования парламентско-представительной системы в медиа-представительную. И.И. Засурский дает такое определение термину «медиатизация политики»: «Процесс, при котором политическая жизнь, перемещается в символическое пространство средств массовой информации»[6]. В результате, легитимирование посредством институционализированных процедур утрачивает свое значение. В условиях медиатизированной политики современная демократическая система, политические институты и субъекты всё активнее эксплуатируют ресурсы СМИ в целях легитимизации.

Медиатизация политической сферы ведёт к девальвации традиционных способов легитимизации власти. Потеря политической системой поддержки в обществе вынуждает ее более активно эксплуатировать ресурсы масс-медиа. При использовании структурных и культурных установок современной системы СМИ, с присущими ей селективным подходом в подаче информации, персонализацией, приоритетом негативных сюжетов и ангажированностью, данный подход может быть вполне результативным, особенно в краткосрочной перспективе. В дальнейшем подобная практика может вызвать ещё большую девальвацию авторитета власти и спровоцировать развитие кризиса легитимности. Тенденция замещения демократии медиакратией является серьёзной проблемой современной политической коммуникации.

MASS MEDIA IN THE SYSTEM OF POLITICAL COMMUNICATION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

S.V. PAULOV

Saint-Petersburg State Polytechnic University
e-mail:
serge_paulow@inbox.ru

The article deals with the phenomena of mass media as an essential part of political communication system in the contemporary Russian society. The author gives a description of basic forms and essence of the socio-political communication. According to H. J. Altschull, D.P. Gavra, I.M. Dzyaloshinsky and I.I. Zasoursky the author treats mass media as a political actor. The author pays special attention to the transformational processes of mass media system within the bounds of information oriented society. The article describes the growing trends of mediatisation in the sphere of public policy and new forms of socio-political mass communication. The author comes to the conclusion that the character of the global mediocracy tendencies of the last decade determines the changes of the role and place of mass media in the system of political communication. The process of conversation of mass media to the political power legitimation source is considered as important phenomena of the contemporary political communication.

[6] Засурский И.И. Масс-медиа Второй республики. - М., 1999. С. 29.

УДК 324.253

КОРРУПЦИЯ ВО ВЛАСТИ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

С.Ю. НОВИКОВ

Ставропольский государственный университет

e-mail: ff-kodiak@yandex.ru

Изложены основные социально-политические причины высокого уровня коррупции, наблюдаемого в России в настоящее время. Описаны некоторые механизмы ее возникновения, связь с историческими событиями, долговременные тенденции коррупционной ситуации в нашей стране. Проведен анализ значительного числа источников, посвященных данной тематике. Показано, что основными социально-политическими причинами коррупции являются неподконтрольность власти, нестабильная экономическая обстановка в стране, несовершенство правовой системы, неэффективность институтов власти, слабость гражданского общества и другие факторы.

Ключевые слова: коррупция, приватизация, власть, лоббирование, законодательная власть, исполнительная власть, региональные элиты, криминализация общества, инфляция, теневая экономика, антикоррупционная политика

Коррупция является одной из наиболее актуальных проблем современного российского общества. Сегодня она выступает своеобразной нормой в политике, экономике, общественной жизни в целом. В этом смысле коррупция в России стала системным фактором, безусловно, выступающим в качестве угрозы национальной безопасности российского общества.

Размах, который приобрела коррупция во власти, вызывает серьезную озабоченность как граждан, так и представителей академического сообщества в России и за рубежом. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в опубликованных источниках наметился совершенно очевидный перекос в том, что коррупция рассматривается, как правило, в криминологическом ключе, то есть как совокупность различного рода должностных преступлений, связанных с использованием служебного положения в корыстных целях. Политические аспекты коррупционных отношений, а также связанные с ними долгосрочные последствия в контексте развития общества практически остаются без особого внимания.

Коррупция является сложным, повсеместно развитым явлением, однако процесс трансформации социальных, экономических и политических основ государства всегда сопровождает ее рост. По мнению Ю.М. Аксенова[1], этому процессу сопутствует целый ряд проблем: **во-первых**, медленный отход от закрытости и неподконтрольности власти; **во-вторых**, не сформированная система естественного разделения труда между властными институтами и свободными агентами рынка; **в-третьих**, постоянно осознаваемый политический риск долговременных вложений (инфляция, дефицит четких регулятивных механизмов) формируют определенный тип экономического поведения, рассчитанного на кратчайшую перспективу; **в-четвертых**, неразвитость и несовершенство законодательства, которые проявляются в несовершенстве всей правовой системы, в нечеткости законотворческих процедур, что создает идеальные условия для коррупции; **в-пятых**, неэффективность институтов власти, которая подтверждается, в частности, тем, что не сформировались эффективные механизмы государственной защиты права собственности и правоотношений, развивающихся в условиях рынка; **в-шестых**, слабость гражданского общества, отрыв общества от власти.

Мощнейшим фактором развития коррупции в России выступил процесс приватизации государственной собственности. Не случайно, основным механизмом реформирования стало не разгосударствление собственности, а ее приватизация, то есть ее передел, принявший к тому же в стране абсолютно неуправляемые и неконтролируемые формы. По утверждению И.Я. Богданова и А.П. Калинина не оправдались надежды на то, что в результате массовой приватизации предприятий произойдет быстрый рост эффективно-

[1] Аксенов Ю. М. Коррупция: проблемы и условия, ее порождающие //Социология коррупции (Материалы научно-практической конференции 20 марта 2003 г. ИНИОН РАН).- М., 2003. С. 182-183.

сти производства из-за смены отношений собственности. В действительности по всем показателям эффективности производства был допущен колоссальный спад[2].

Следствием подобной политики стало изменение роли государства, которое переориентировалось на защиту передела собственности (накопления капитала) и крупных собственников, создания новым субъектам экономических отношений льготных условий, в том числе путем ограничения вмешательства в сам механизм перераспределения собственности даже в тех случаях, когда оно явно осуществлялось противозаконным путем.

Опыт других стран показывает, что в таких условиях в государстве неизбежно возрастает роль теневой экономики и криминалитета. Российская действительность убедительно подтвердила это на собственном примере, причем до приватизации объем теневой экономики был весьма значительным. В процессе приватизации и после нее он, по мнению специалистов, достиг 40 - 50% валового внутреннего продукта, в то время как в развитых странах он не превышает 8 - 10%. Неизбежное совпадение и переплетение интересов криминально ориентированных социальных групп, сформировавшихся и действующих в теневом бизнесе, привело к образованию и укреплению организованных преступных сообществ[3], которые за короткое время распространили свое влияние на ключевые отрасли и направления экономической деятельности.

Участие в экономических отношениях откровенно преступных элементов не могло не повлечь массового подкупа служащих аппарата государственной власти и управления, в функции которых входило распоряжение госимуществом, в том числе со стороны хозяйственных руководителей государственных предприятий и организаций, ставших объектами разгосударствления.

Следовательно, государство в последнее десятилетие формировалось преимущественно в интересах новых крупных собственников, которые в свою очередь одновременно способствовали переориентации традиционных государственных институтов на охрану и поддержание своих индивидуальных или узко групповых интересов. Российская власть во многом обязана крупному капиталу, причем, формирование этого капитала изначально было немыслимо без нарушения законов. В результате были созданы фундаментальные экономические и политические предпосылки коррупционного поведения служащих государственных структур всех рангов и уровней страны.

По утверждению В.В. Кривошеева, в число факторов возникновения столь многосложного социального явления, каким выступает коррупция, следует включить и определенные установки, ориентации людей, своего рода готовность к незаконному, антиправовому, внеморальному взаимодействию. Речь идет о взаимопроникновении криминалитета в сферы государственного управления, что и предопределяет криминальную деформацию социально-политических отношений, является наиболее существенным элементом такого явления как коррупция. Переход к рыночной регуляции экономической подсистемы должен был «снять» некоторые звенья управленческой цепи, упростить технологию разработки и осуществления решений, однако, за годы реформ управленческий аппарат вырос в стране в 1,5 раза, ориентировочная численность сотрудников в нем составляет сейчас около 15 млн. человек[4].

С ростом числа работников в органах управления увеличивается и количество сотрудников правоохранительных органов, иных ведомств, призванных контролировать, направлять в цивилизованное русло вхождение страны в рынок. Однако столь масштабное расширение правоохранительной системы привело к ухудшению состава кадров, а все более многочисленные «служители права» зачастую лишь стали пополнять ряды организованных вымогателей, взяточников. Коррупционные связи в правоохранительных органах достигли к настоящему времени достаточно большого объема. И дело, разумеется, не только и не столько в разоблачениях так называемых «оборотней в погонах», столь широко освещаемых средствами массовой информации. Сотрудники милиции, судов и про-

---

[2] Богданов И. Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. – М., 2001. - С 78.

[3] Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. – СПб., 2005. – С 99-100.

[4] Кривошеев В.В. Социология криминализированного общества: Россия в 90-е годы XX в. – М., 2003 - С 84.

куратуры все чаще сливаются с криминальными структурами в выколачивании «дани», прикрытии незаконного бизнеса.

Распределение части бюджетных средств для поддержки производств и отраслей тоже является прерогативой соответствующих министерств, ведомств. Совершенно очевидно, что и на этом участке возможностей недобросовестного манипулирования бюджетными средствами образуется немало. Более того, нередко происходит подмена понятия «государственное управление» понятием «государственный менеджмент»[5]. Например, ответственный за распределение средств чиновник склонен отдавать предпочтение не компаниям, действительно нуждающимся в дотациях, а тем, кто заплатит взятку за получение. Другими словами, чтобы получить разрешение на какую-либо деятельность необходимо получить многочисленные так называемые согласования в соответствующих ведомствах, придирки которых толкают предпринимателей, как правило, представляющих мелкий и средний бизнес, на дачу взяток.

По мнению автора, так называемая борьба с коррупцией и иными формами криминализации социально-политических отношений носит оттенок мифичности, игры, рассчитанной хоть на некоторое успокоение общественного мнения и создания более или менее привлекательного образа страны в глазах мировой общественности. Периодические перестановки в высших эшелонах власти, утечка информации о коррупционных связях чиновников, их антигосударственном и аморальном поведении является не более чем междоусобными сражениями внутри одной, новой властвующей элиты, выражением столкновений интересов разных групп, кланов внутри нее.

Подтверждением этого выступают неподготовленные надлежащим образом, а порой и просто бессистемные (хаотичные), скоротечные «кампании» или «крестовые походы» по борьбе с коррупцией во всех ее формах, видах, сферах и проявлениях. Подобного рода «кампании» скорее приносят вред этой борьбе, чем положительный эффект. Поскольку эти широко разрекламированные в средствах массовой информации антикоррупционные «кампании» преследуют чаще всего политические цели и являются одним из безнравственных способов их достижения. Такие «кампании» в борьбе с преступностью, в том числе и коррупцией в различных сферах социального управления, справедливо рассматриваются в современной отечественной криминологической литературе, как политические спекуляции проблемой преступности или политической демагогией на криминологическую тему[6].

Кроме того, крупномасштабные «кампании» по борьбе с коррупцией в органах государственной власти и местного самоуправления довольно часто используются находящимися у власти политическими группировками (кланами) в качестве эффективного и безотказного средства расправы с политическими противниками, в том числе и с применением уголовно-правовых норм при наличии к тому законных оснований. Хотя в качестве средства расправы с политическим оппонентом под видом активной, последовательной, наступательной, бескомпромиссной, зримой и прозрачной для общества «борьбы с коррупцией» возможно применение не только уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и иных репрессивных мер, но и распространение через средства массовой коммуникации недостоверных сведений, порочащих или дискредитирующих политического соперника, либо сведений, составляющих личную тайну этого лица.

По мнению Б.В. Волженкина, обвинения в коррупции оппонентов стали распространенным средством политической борьбы, способом приобретения соответствующего имиджа неподкупного чиновника и непримиримого борца с коррупцией. Однако, внимательное изучение криминальной ситуации, законодательства и других принимаемых мер позволяет утверждать об отсутствии должной политической воли, продуманности и последовательности в решении вопросов борьбы с коррупцией[7].

Раскрывая элементы криминализации социально-политических отношений, нельзя, по нашему мнению, не обратиться к такой проблеме как региональное расползание нашего обще-

---

[5] Франчук В.И. Коррупция в государственном аппарате как угроза существованию российского общества и меры по борьбе с ней // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. – М., 2007. – С.191.

[6] Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. – Казань, 2004. - С 122.

[7] Волженкин Б.В. Коррупция в России // Криминология - XX век. - СПб., 2000. - С.375.

ства, а также связанным с этим процессом формирования региональных политических элит, заинтересованных во все большем дрейфе от федеральных органов власти. Преступный мир неоднороден, деля сферы влияния, проявляя интерес к конкретным объектам своего преступного внимания (сырьевые и добывающие отрасли, рыбные и иные, прежде всего, ресурсные сферы экономики) криминалитет не только стремится продвинуться в местные органы власти и местного самоуправления, но и все делает для того, чтобы надолго оказывать здесь преобладающее воздействие.

На региональном уровне криминалитету оказывается проще подключиться и к процессу приватизации, и разного рода бюрократическим процедурам (квотирование, лицензирование и т.п.), поскольку все связи здесь носят более непосредственный характер постоянных межличностных контактов. Больше проявляется на этом уровне и традиционализм (кумовство, землячество, иные проявления, свойственные провинциальному менталитету).

«Разбегание» регионов происходило не столько на основе продуманной линии поведения новых региональных политических элит, сколько в итоге мелкого, своекорыстного политиканства и федеральных, и местных руководителей. Повышение статуса региональных политических элит, сформированных в значительной мере из второго и третьего эшелонов номенклатуры советского периода, всегда проявлявшей завидные способности к адаптации, привыкшей служить любым руководящим указаниям, оборачивается возрождением достаточно давно изжитых форм организации жизни (институтов шариатского суда, всевластия старейшин, многоженства и т.п.).

В результате этого, нормой социального управления в регионах современной России стал коррупциогенный принцип государственной и муниципальной службы — личная преданность. Становится понятным, почему среди правящей региональной политической элиты так много лиц, ранее скомпрометировавших или дискредитировавших себя некомпетентными решениями, аморальными или противоправными поступками, привлечением к уголовной ответственности за коррупционные и экономические преступления и откровенных проходимцев, которым прощается даже явно преступное поведение за их преданность региональному лидеру или главе органа местного самоуправления. Тем самым обеспечивается надежная «круговая порука» и укрывательство «неблаговидных проступков» каждого члена этой «команды» и формируется информационная закрытость деятельности чиновников от большинства членов общества ради самосохранения или коррупционного обогащения[8].

Криминализация социально-политических отношений в российском обществе находит воплощение и в таком специфичном феномене как лоббирование[9]. Само по себе это явление, казалось бы, не несет в себе сугубо криминального потенциала. С учетом особенностей переходного процесса в России, специфики трансформации общества и лоббизм делается в российском обществе своего рода заряженным антиправовым, негативным социальным зарядом.

Непрофессионализм и коррумпированность многочисленного нового чиновничества, работников госаппарата и системы местного самоуправления лишь демонстрируют преступному миру, что управление – дело несложное, заключающееся в своеволии, полном отсутствии опоры на закон. С другой стороны, и криминалитет по-новому оценивает ситуацию: править самим оказывается дешевле, а значит, более приемлемо самому обеспечивать вхождение во властные структуры, во все их звенья.

Автор считает, что в целом можно констатировать крайне негативную тенденцию: политика, социально-политические отношения во многом перестали быть сферой реального общественного интереса. Неслучайно поэтому доверие людей к политике, к тем, кто ей занимается, остается невысоким. Рядовые граждане не только отчуждаются от власти, но и самоотчуждаются от нее. Действия власти, не сопряженные с интересами большинства, эпизодические разоблачения действий политических руководителей разного уровня все больше убеждают людей, что политика в России в настоящее время есть дело исключительно грязное, аморальное, неправовое.

---

[8] Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. – Казань, 2004. – С 115.

[9] Виллисов М., Сулакшина А. Коррупция и теневая экономика : проблемный анализ // Власть. – 2006. – №12. – С. 41.

Граждане все больше не доверяют власти, политике, видят в лице государства главного лгуна, нарушителя прав и полномочий россиян.

Период реформ в современной России может быть охарактеризован как наиболее благоприятное время для институционализации коррупции. Как свидетельствует история, именно в такие периоды создавались крупнейшие состояния, и власть в силу своей слабости легко уязвима. Группы по интересам стремятся упрочить или развить своё предпочтительное положение в обществе, используя коррупционные акты. Кроме того, законодательство в силу объективных и субъективных причин не всегда контролирует проходящие в это время процессы в обществе. За последние несколько лет только Счётная Палата расследовала несколько серьезных злоупотреблений государственной властью в интересах определённых финансово-промышленных групп при проведении приватизации[10].

Для решения проблемы коррупции необходимо минимизировать отрыв политического аппарата управления от народа. В данный момент, для среднестатистического гражданина России непрозрачны механизмы простейших действий администрации города, не говоря уже о вышестоящих инстанциях. Обращение к исполнительной власти напоминает собой обращение к «черному ящику», так как известны входные данные, и известен предполагаемый результат, но информация о том, что происходит внутри, закрыта. Необходимо сделать действия и решения всех должностных лиц очевидными и доступными для ознакомления широкому кругу граждан. При выполнении этого условия каждый желающий сможет ознакомиться с решением по любой заявке, либо жалобе, с обоснованием чиновника по этому решению.

Открытость выборов и всего политического процесса является важнейшим фактором противодействия электоральной коррупции. Не менее важным фактором противодействия электоральной коррупции является укрепление структур гражданского общества и его влияния на политический процесс и на выборы, в частности. Именно усиление воздействия структур гражданского общества на политический процесс способно с одной стороны сформировать ответственных избирателей, а с другой – обеспечить соблюдение реальных интересов граждан на выборах, то есть снизить уровень электоральной коррупции.

К сожалению, в настоящий период развитие российского законодательства и практика общественной жизни идут в направлении последовательного исключения влияния граждан на принятие и контроль исполнения решений. И пока наиболее вероятен следующий прогноз развития ситуации. Отсутствие открытости власти и даже желания граждан влиять на ее решения и дальше будут воспроизводить ситуацию, когда никакие реформы институтов власти, финансов, бизнеса и общественной системы не будут способны решать стратегические проблемы государства. Практика коррупционного поведения на всех уровнях политической, экономической и общественной жизни будет все более расширяться, превращая некоррупционное поведение в крайне невыгодное и даже невозможное. Такое положение можно с уверенностью характеризовать как углубление кризиса, а коррупцию – как его важнейший системный фактор.

CORRUPTION IN THE POLITICAL POWER AS A SYSTEM EFFECT

S.J. NOVIKOV

Stavropol State University

e-mail:
ff-kodiak@yandex.ru

The basic sociopolitical reasons of a high level of the corruption observable in Russia now are stated. Some mechanisms of its occurrence, communication with historical events, long-term tendencies of a corruption situation in our country are described. The analysis of significant number of the sources devoted given subjects is lead. It is shown, that the basic sociopolitical reasons of corruption are uncontrolled authorities, astable economic conditions in the country, imperfection of legal system, an inefficiency of institutes of authority, weakness of a civil society, and other factors.

Key words: corruption, privatization, authority, lobbying, legislature, executive authority, regional elites, criminalization of a society, inflation, shadow economy, the anticorruption policy

---

[10] См. например http://www.niisp.ru/About/Works/art8/libart1, http://inscience.ru/index.php?page=viewarticle&division=pro&id=407

УДК 323.2:328.181

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА В РАЗВИТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

А.П.КРИВЕЦ

Белгородский государственный университет

e-mail: krivets@bel.ru

В статье основное внимание уделяется анализу особенностей формирования эффективного взаимодействия неправительственного сектора (НПС) с государством в рамках смысловой категории «публичная политика». Отмечается важность развития диалога как механизма взаимодействия гражданского общества и государственной власти. Выделен ряд общих особенностей и «слабых мест» во взаимодействии неправительственных организаций (НПО) с властными структурами.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, диалог в политике, неправительственная организация (НПО), публичная политика.

Нормальное взаимодействие власти и общества – необходимое условие политической стабильности и процветания каждой страны, потому что коренные вопросы ее развития, как правило, государство не в состоянии решить без поддержки общества, а общество не может решить без поддержки власти. Успешными бывают лишь совместные их усилия.

В России такое взаимодействие тем более необходимо, поскольку страна переживает период глубокой социальной трансформации. Ни одна реформа не может быть осуществлена только силами бюрократии, без поддержки общества. Более того, именно бюрократия нередко становится тормозом реформ, в которых нуждается общество, извращает их суть. В то же время общество без участия государства бессильно провести необходимые ему реформы: для этого нужны административный, властный ресурс, а также материальные средства, получаемые от налогов, которыми распоряжается государство. В общем, есть все основания полагать, что на современном этапе государственного строительства в России в центр государственного управления и административно-правового регулирования выдвигаются отношения государства с гражданским обществом через механизм развития диалога власть – общество.

Диалог в политике – важнейший методологический принцип понимания демократических процессов. Он обеспечивает саморазвитие гражданского общества, пронизывает сферу политики по вертикали и по горизонтали. При этом механизм взаимодействия государственной власти и гражданского общества имеет сложный, многоуровневый характер. Возможность контактов и взаимодействий между субъектами и объектами политики, между управляющими и управляемыми зависит от понимания участниками диалога содержания современного политического процесса, его информационной и идеологической компоненты. В процессе диалога формируется фундамент для решения наиболее значимых проблем общественного развития. Глубина диалога определяется во многом заинтересованностью политических акторов в успешном реформировании всех сфер общественной жизни в условиях переходного общества[1].

Вырабатывая и реализуя политические решения, общество тем или иным образом артикулирует политические требования, информирует о них, воплощает их в кадровой и государственной политике, руководствуется ими в конкретных ситуациях, проверяя правомерность своих действий. Поэтому при сравнительном анализе групп интересов внимание исследователей, прежде всего, направлено на структуры, институты и процессы, при которых эти функции совершаются.

Артикуляция своих интересов может осуществляться различными структурами – от разобщенной толпы до съезда работников туристической сферы услуг. Однако вне зависимости от того, чьи интересы представлены – важна конечная цель: реакция власти на артикулированные интересы.

---

[1]Хаманева Н.Ю. Перспективы развития науки административного права // В сб.: Административное и информационное право (Состояние и перспективы развития). М., 2003. С. 3-4.

По мнению Алмонда и Пауэлла, все типы структур, призванных артикулировать интересы, способны их и агрегировать, превращать в политические альтернативы прежде, чем представить на рассмотрение правящей партии или правительству. В политических системах существуют специализированные структуры, выполняющие роль связующего звена между широким спектром артикулированных интересов и окончательным принятием решения. И если в традиционных политических системах эту роль выполняет государство, правящая партия, то в современном демократическом обществе процесс агрегирования интересов выступает как сложный процесс выработки и реализации властно-управленческих решений, в котором принимают участие не только государственные органы и структуры, не только такие традиционные субъекты политической деятельности, как политические партии и движения, но также все другие институты и организации гражданского общества, объединения граждан, социальные, этнические, конфессиональные, профессиональные, территориальные группы и общности, социальные слои и отдельные граждане. Таким образом, современное политическое управление представляет собой сферу взаимоперехода политики в управление и обратно, область корректировки проводимой политики и принятых управленческих решений под действием конкретных обстоятельств и условий их реализации, включая диалог с обществом[2]. По мнению ряда ученых-политологов «сегодня мы присутствуем при процессе перехода от одного состояния поля политики – традиционного, обладающего исторически сложившимся континуумом форм, к другому его состоянию – публичной политике, где эксперты, члены гражданских и общественных комитетов, социальные работники являются важными действующими лицами...»[3]. В разрезе данной статьи категорию «публичная политика» мы рассматриваем как процедуры принятия политических решений – с точки зрения ее «прозрачности», «открытости для публики», как целенаправленное осуществление властным органом определенного политического курса, направленного на достижение определенного социального эффекта. С этой точки зрения особое место в публичной политике должно быть отведено партнерскому взаимодействию органов государственной власти, местного самоуправления и общественных институтов, в том числе, новых общественных организаций, с целью повышения синергетического эффекта для повышения инициативы граждан, формирования реального самоуправления и усиления обратной связи между властью и обществом[4].

В настоящий период в России можно выделить два состояния поля публичной политики (в данном случае под публичной политикой подразумевается принятие или не принятие, а также реализации или не реализации органами управления различных решений, затрагивающих, прежде всего, не столько интересы отдельных граждан, сколько интересы «публики», т.е. различных консолидированных групп населения и сообществ как целостных системных образований[5]). Первое поле достаточно хорошо определено, четко оформлено и институционализировано, представлено «традиционными» политиками, т.е. депутатами разных уровней, лидерами и освобожденными работниками политических партий, работниками их аппаратов и т.п. Второе представляет еще не вполне устоявшийся способ господства, реализующийся при посредстве экспертов, специалистов в разных областях, активистов, не обладающих полномочиями, но представляющихся доверенными лицами объединений граждан, менеджеров в социальной сфере и т.п. Параллельно сформировались три сектора общества: государственный (власть), коммерческий (бизнес) и неправительственный (некоммерческий) или третий сектор. Особая роль неправительственного сектора (НПС), основу которого составляют различные общественные институты, в развитии общества признается как большинством правительств, так и другими структурами. По-

---

[2]Виноградова Т.И. Хорошее политическое управление» (good governance): к вопросу о роли центров публичной политики // Публичная политика - 2004. Сборник статей. / Под редакцией А.Ю.Сунгурова. – СПб: Норма, 2004. С. 9.

[3] Шматко Н.А.. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106-112; Беляева Н.Ю. «Публичная политика» как термин, понятие и научная категория // Публичная политика - 2005. Сборник статей / Под редакцией М.Б.Горного и А.Ю.Сунгурова. – СПб: Норма, 2006. С. 16-23.

[4] Коновалова Л.Н. Роль и место гражданских институтов в управлении государством //Инновации в государственном и местном управлении. Сб. науч. трудов. Вып. 2; ГУУ. М., 2002. С.59.

[5] Виноградова Т.И. Хорошее политическое управление (good governance) // Публичная политика - 2004. Сборник статей. СПб: Норма, 2004. С. 8-19.

видимому, в современной публичной политике эксперты, активисты гражданских и общественных комитетов, а также социальные менеджеры и работники являются не менее важными действующими лицами, чем депутаты, лидеры и члены политических партий и т.п.[6].

Эффективное взаимодействие неправительственного сектора с государством должно развиваться, на наш взгляд, по следующим направлениям:

- предоставление гражданам возможности принимать активное участие в жизни общества и формирование ответственных мотиваций;
- выдвижение законных требований и мониторинг как процесса выработки органами власти стратегических решений, так и их реализации;
- участие в социальных программах государства, направленных на устойчивое развитие общества.

В настоящее время в мире насчитываются сотни тысяч неправительственных организаций (НПО), которые были созданы на местном, национальном, региональном или международном уровнях[7]. Они не появляются по указанию «сверху». В основе их создания лежит тяга отдельного гражданина к объединению с окружающими его людьми для выражения и защиты общих интересов, для ведения диалога с государственными структурами. Эти организации могут и должны сыграть существенную роль в формировании и реализации политики и стратегии государства, побудить государство полнее учитывать интересы различных групп населения. Именно НПО становятся действенным средством для оказания в рамках закона цивилизованного давления на власть в противовес различным формам лоббирования, массовым акциям протеста и т.п. Таким образом, неправительственный сектор – это реально существующий фактор конструктивного взаимодействия общества с властью.

Поиск путей взаимодействия государства и неправительственного сектора развивается, хотя процесс этот идет медленно, но главное – появилась устойчивая тенденция к взаимодействию. Сегодня непросто найти информацию обобщающего характера, которая могла бы быть использована для оценки роли неправительственного сектора как социально-экономического фактора в государстве на федеральном уровне. Это объясняется рядом причин – молодостью сектора, слабо налаженной исследовательской работой по анализу его развития, неразвитостью статистической базы и др.

Основная функция низовых организаций – работа с незащищенными и маргинализированными группами населения, абсолютное число которых в России велико (граждане за чертой бедности, родители-одиночки, бездомные, беспризорные дети, жертвы домашнего насилия и др.). В качестве примера можно привести работу Центра поддержки НПО «Гражданский контроль», которым в течение 2003-2005гг. выполнялась Программа мониторинга гражданской и персональной обеспокоенности, персональной незащищенности граждан России. Большой известностью и авторитетом среди граждан пользуется Пермский региональный центр «Пермская Ассамблея». В «Пермскую Ассамблею» входит 10 организаций из самых различных секторов гражданского общества: от правозащитников до кинематографистов. Основной целью «Пермской Ассамблеи» является проведение систематических консультаций гражданских организаций по проблемам развития и укрепления гражданского общества, конструктивного взаимодействия с властью и бизнесом. Задачами этой некоммерческой организации являются: выработка общих позиций и переговорных технологий для диалога общества с государством и бизнесом; содействие продвижению технологий гражданских переговоров, гражданской экспертизы и гражданского контроля решений власти; разработка и реализация совместных проектов[8].

Однако такая активная работа региональной некоммерческой организации пока что для России является скорее исключением из правил. В большинстве регионов существующие организации либо только стремятся к проведению публичных кампаний с использованием популистской риторики, либо у них вообще отсутствуют четкие целевые программы, в результате чего они становятся постоянными просителями финансовых средств в госструктурах и частном секторе.

---

[6] Шматко Н.А. Указ. соч. С. 113-114.

[7] Нездюров А. Л. Роль центров публичной политики во взаимодействии НКО и органов власти // Публичная политика - 2004. Сборник статей. СПб: Норма, 2004. С. 8-19.

[8] Пермская ассамблея [Электронный ресурс] – http://www.prpc.ru/actual/assembly/index.shtml

Анализ моделей взаимодействия этих объединений с государственными структурами на региональном уровне, показал, что у них не назрела необходимость объединения друг с другом для совместного влияния на процесс принятия политических решений[9]. Лидеры отдельных организаций чаще всего даже не знают о существовании сходных организаций и в принципе неохотно идут на контакт с ними. Налицо не только их самодостаточность, но и отсутствие общественной потребности в объединении друг с другом, несмотря на общий интерес каждой из них в отдельности влиять на принятие политических решений. Даже если у таких групп и возникает потребность в кооперации с родственными организациями, наибольшим препятствием к ее удовлетворению оказывается недостаточное осознание общих интересов и возможностей. Среди преобладающих способов лоббирования своих интересов у таких НПО отмечаются скорее негласные, нежели легальные и публичные по характеру: личные связи с чиновниками, взаимные договоренности и соглашения между группами интересов, подкуп лиц, от которых зависит принятие нужных решений. В меньшей степени используется такой способ лоббирования, как публичное обсуждение проблем, формирование общественного мнения. Самодостаточность большинства НПО делает прерывным, дискретным их взаимодействие по горизонтали с аналогичными организациями. Все это не прибавляет авторитета НПО и вырабатывает негативное к ним отношение как со стороны населения, так и со стороны властей.

И все же, несмотря на все трудности, связанные со становлением нового сектора общественной жизни, в регионах России в настоящее время начинает активно формироваться настоящий независимый неправительственный сектор. Он представляет собой объединение граждан разных организационно-правовых форм, которые формируются по мере сознания того фактора, что решать нарастающие в обществе проблемы и отстаивать свои интересы следует, объединившись в организации, независимые от власти. Основными направления деятельности НПО, превращающиеся в настоящие, по выражению А.И.Жуковского, «фабрики мысли», являются: [10]

- отстаивание прав граждан, в том числе на здоровую окружающую среду;
- поддержка (напрямую, чаще адресно, или лоббированием) социально уязвимых слоев населения (дети-сироты, беженцы, переселенцы, инвалиды и др.);
- просветительская и образовательная деятельность;
- социально-культурная деятельность и организация досуга;
- социальная реабилитация;
- оказание услуг населению (благотворительная и гуманитарная помощь, бесплатные консультации);
- информирование власти о проблемах населения и отстаивание их интересов.

Таким образом, работа большинства НПО сводится к работе в социальной сфере и лишь незначительно затрагивает сферу политическую.

Сегодня можно выделить ряд общих особенностей и «слабых мест» по взаимодействию НПО с властными структурами:[11]

- В подавляющем большинстве регионов НПО положительно оценивают свое взаимодействие с городскими администрациями. Именно с ними НПО сталкиваются при решении ключевых вопросов своей жизнедеятельности и у них находят чаще всего поддержку. Почти все региональные НПО оценивают более позитивно свой опыт взаимодействия с органами исполнительной власти любого уровня, чем с органами представительной власти.
- Практически во всех регионах неплохо оцениваются взаимодействия НПО с «профильными» государственными и муниципальными учреждениями.
- Крайне слабое взаимодействие НПО с органами исполнительной власти РФ и Госдумой (от 60 до 90 региональных НПО вообще никак не взаимодействуют с ними, что объясняется рядом причин, в том числе недоступностью этих органов для общественности).

---

[9] Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et contra, 2002. № 1.

[10] Жуковский А.И. Опыт муниципальной «фабрики мыслей» в Великом Новгороде 1996-2005 гг. // Публичная политика - 2005. Сборник статей. СПб: Норма, 2006. С. 75-89.

[11] Дахин А.В. Публичная политика в ситуации изменения института легитимации глав исполнительной власти субъектов РФ // Публичная политика - 2005. Сборник статей. СПб: Норма, 2006. С. 39-50.

- В большинстве своем представители власти не очень хорошо знакомы с перспективными инновационными механизмами взаимодействия с НПО.
- Кроме Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Нижнего Новгорода и ряда крупных городов представители НПО по сути дела не привлекаются к принятию решений по составлению бюджетов районного и городского уровня.

В то же время продуманная и действенная политика взаимодействия с общественностью необходима организациям и органам исполнительной власти для того, чтобы повысить эффективность социально-экономических реформ и национальных проектов благодаря учету интересов различных социальных групп и групп интересов, получения обратной связи от общества для минимизации политических ошибок, а также выстраиванию эффективного сотрудничества с обществом.

Особенностью развития публичной власти как института гражданского общества в современной России является то, что сама власть вопреки всем известным концепциям гражданского общества и правового государства вынуждена стимулировать участие граждан в общественной жизни. Таким образом, в современной России развивается своеобразная форма патрициапация, т.е. всемерное привлечение граждан к управлению государством. Причем делается это своеобразно, как «сверху», со стороны самого государства, его органов, должностных лиц на различных уровнях осуществления государственной власти, так и стимулируется самим государством ее развитие «снизу», со стороны самих граждан, их общественных объединений. Но доминирует в этих процессах, несомненно, государство. В этом – своеобразный феномен постсоветской России, где государство, его аппарат оказываются той силой, которая создает условия для формирования структур гражданского общества, их полноценного и поступательного развития.

ROLE OF NON-GOVERNMENTAL SECTOR IN DEVELOPMENT OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND STATE POWER

A.P.KRIVETS

Belgorod State University

e-mail: krivets@bel.ru

In the present article the main attention is paid to the analysis of the peculiarities of forming effective interaction of the non-governmental sector (NGS) with the state in the framework of the semantic category “public policy”. There has been determined necessity of developing a dialogue as a mechanism of the civil society and the state power. There have been defined a number of common peculiarities and “weak points” (drawbacks) in the interaction of the non-governmental sector with the state power structures.

Key words: power, civil society, dialogue in politics, non-governmental organization (NGO), public policy.

УДК 323.2

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.Н. СТЕБЛЕЦОВА

Орловская региональная академия государственной службы
e-mail: oragsob@mail.ru

Статья даёт представление о роли Общественной палаты в социально-политической жизни Орловской области. Особое внимание уделяется проблемам становления и развития Общественной палаты, как института гражданского общества, изучению её взаимодействия с государством.

Ключевые слова: гражданское общество, Общественная палата, общественные организации, общественный контроль

В современной России последовательно проводится линия на укрепление российской государственности и одновременно на создание условий для формирования полноценного гражданского общества. Одним из ключевых шагов в этом направлении, несомненно, является создание общественных палат на федеральном и региональном уровнях, как органов, обеспечивающих обратную связь между народом и властью.

История современного российского государства уже содержит в себе опыт формирования общественных палат. Распоряжением Президента РФ Б.Н.Ельцина «Об утверждении положения об Общественной палате Конституционного совещания» от 11 ноября 1993г. создавалась Общественная палата Конституционного совещания как организационная форма взаимодействия общественных объединений с федеральными органами власти Российской Федерации, в рамках которой планировалось осуществлять необходимые политические консультации по широкому кругу социально-политических вопросов. Основная цель функционирования Палаты определялась как «обеспечение участия общественных объединений в конституционном процессе»[1].

Задачей Общественной палаты являлась выработка предложений по изменениям и дополнениям к проекту Конституции Российской Федерации, рекомендаций по политическим, социальным и социально-экономическим вопросам. Развернувшаяся дискуссия по поводу создания Общественной палаты показала, что большинство принципиально поддерживали её создание, однако многие высказывали сомнение в возможности практической реализации этой идеи. Центральными вопросами, порождающими эти сомнения, являлись: механизм формирования и состав Палаты, способ обеспечения её независимости от властных структур и взаимодействия с ними, права и полномочия, которые должны быть закреплены за ней Законом.

Однако этот проект формирования нового института гражданского общества так и не был в то время до конца реализован. В большей мере это было связано как с недостаточным опытом реализации демократических процедур на практике, очевидной слабостью и неструктурированностью гражданского общества, так и глобальными политическими изменениями, которые происходили в российском государстве и общественной жизни.

Но полученный опыт был полезен на пути дальнейшего строительства демократического общества. Ибо в нём были рациональные идеи, и они стали востребованными. В современных условиях необходимость создания Общественной палаты обуславливается отсутствием, неразвитостью партийной системы и слабостью институтов гражданского общества, в функции которых входит агрегирование и артикуляция мнения граждан, проведение экспертизы законопроектов, контроль за деятельностью исполнительных и законодательных органов власти.

В соответствии с Федеральным законом № 32 от 4 апреля 2005 года «Об Общественной палате Российской Федерации» Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в целях учета разнообразных потребностей и интересов граждан Российской Федерации при проведении го-

[1] Распоряжение Президента РФ от 11 октября 1993г. №686-рп «Об утверждении Положения об Общественной палате Конституционного совещания». Российская газета. 1993. №192.

сударственной политики, защиты прав общественных объединений, а также осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Обращение к зарубежному опыту функционирования подобных структур и институциональных образований, позволяет провести некоторое сходство между будущей Общественной палатой и действующим во Франции Экономическим и социальным советом. Это единственная в стране структура, объединяющая в своем составе организации, представляющие гражданское общество. В Конституции Франции Экономический и социальный совет определяется как «консультативное собрание при государственной власти».

После принятия закона «Об Общественной палате Российской Федерации» в субъектах Федерации обозначилась заметная законотворческая активность по разработке законопроектов, регламентирующих создание региональных Общественных палат.

Следует отметить, что в Орловской области к тому времени были сформированы благоприятные условия для создания института гражданского общества. Руководством области на протяжении длительного времени проводилась и проводится политика всемерной поддержки и активного взаимодействия с общественными объединениями. Общественными объединениями представлены интересы практически всех категорий населения Орловщины – по демографическому признаку: детей и молодежи, женщин; социальному признаку: инвалидов, ветеранов, казачества; а также по группам интересов: спортивные, религиозные и другие организации. Кроме того, велико значение объединений граждан по профессиональному признаку, среди которых значительную роль наряду с профсоюзами играют профессиональные общественные объединения[2].

Результатом укрепления сети общественных объединений стало создание 24 декабря 2004 года в Орловской области Ассоциации общественных объединений «Общественная палата», в состав которой вошли представители различных общественных объединений. Данная Ассоциация объединила более 100 тысяч жителей Орловщины.

Инициаторами создания палаты выступили ведущие общественные организации региона. На учредительной конференции присутствовало 70 делегатов от 488 общественных объединений Орловской области.

Общественная палата выразила готовность к обсуждению ключевых задач социально-экономического и политического развития Орловской области: организации конструктивного взаимодействия общественных объединений, заинтересованных в развитии гражданского общества; создания условий для двустороннего диалога общественных объединений и органов государственной власти региона по важнейшим вопросам общественной жизни; выработке рекомендаций и предложений для органов государственной власти и органов местного самоуправления с целью наиболее полного учета интересов населения при принятии соответствующих решений.

В условиях демократии невозможно представить себе политические процессы без участия неправительственных объединений, без учёта их мнений и позиций. Такой диалог сегодня последовательно развивается, в том числе при конструктивном содействии Общественной палаты. Профессиональный авторитет членов палаты, их открытая позиция усилили влияние гражданских институтов на деятельность законодательных и исполнительных органов государства. Общественная палата не осталась в стороне и от борьбы с ксенофобией, неуставными отношениями в армии. Она вносит существенный вклад в укрепление законности и защиту прав человека[3].

Общественная палата Орловской области объединила с одной стороны – общественные объединения, а с другой профессионалов в своих областях, способных внести реальный вклад в развитие региона и помочь людям. В этой связи в структуре Ассоциации были созданы комиссии по следующим направлениям деятельности:

– организации, планирования, анализа и правового обеспечения работы Общественной палаты;
– муниципальных образований общественных объединений Орловской области;

---

[2] Васютин Ю.С. «Приоритетные национальные проекты в регионе: проблемы взаимодействия государства и общества» Материалы конференции 17 мая 2006 г. г. Орел.

[3] Васютин Ю.С., Пукаев В.С., Сотников А.С. Общественная палата: создание, деятельность, пути развития Изд-во ОРАГС, 2007 294 с.

– аграрной и земельной политики; научно-технической и промышленной политики;
– информационного обеспечения управления и информатизации;
– социальной политики;
– молодежной и детской политики;
– экономической политики в условиях рыночных отношений;
– по культуре, образованию и спорту;
– по федеральным, региональным и межнациональным отношениям.

Во главу своей работы Общественная палата Орловской области ставит вопрос об активном, ответственном включении общественности в созидательные процессы, мобилизацию гражданского сектора на решение социально-экономических задач и активное участие в инициированных Президентом Российской Федерации приоритетных национальных проектах.

В этой связи особую значимость приобретает общественный контроль над реализацией проектов, системное осуществление которого возможно только в рамках оформленной структуры институтов гражданского общества.

Наиболее сложным с точки зрения организации и координации является реализация национального проекта «Качественное образование». При участии Общественной палаты Орловское областное отделение Российского детского фонда проводит работу по выявлению и поддержке талантливой молодёжи в рамках программы «Одарённые дети». Организация Союза писателей России ведёт плановые работы по областным комплексным долгосрочным программам с целевым финансированием: «Программа патриотического воспитания граждан орловской области на 2005-2010 гг.», «Культура Орловской области на 2006-2009 гг.».

От принятия молодым поколением новых идей, от степени вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь зависит будущее России. В этой связи, на одном из заседаний Общественной палаты был рассмотрен вопрос об общественно-политическом движении молодежи в Орловской области.

Одним из ключевых направлений работы Палаты является защита интересов всех слоев населения. Очевидно, что одной из наиболее нуждающихся в поддержке категорий граждан являются инвалиды. Обеспечить защиту их прав и интересов возможно только при условии объединения усилий органов власти всех уровней и общественных объединений региона. В целях поддержки проводимой руководством области работы по защите социально незащищенных категорий граждан на заседании Общественной палаты был рассмотрен вопрос о квотировании рабочих мест для инвалидов и других социально незащищенных категорий населения Орловской области.

Ассоциации общественных объединений Орловской области «Общественная палата» способствовала развитию некоммерческих организаций Орловской области. Результатом созданного в регионе благоприятного климата для развития добровольных объединений граждан явились ускоренные эволюционные процессы в общественно-политическом секторе региона.

Проблемы и трудности формирования гражданского общества в России обусловлены, прежде всего, историческими условиями и характером проводимых в стране реформ. В отличие от западных демократий, выраставших «снизу» на основе исторически вызревших объективных и субъективных предпосылок, в России гражданское общество инициировалось «сверху», выступало скорее ориентиром, моделью, которую по образу и подобию западных образцов, во-первых, предстояло создать за счет мобилизационных усилий государства, и, во-вторых – «наполнить» демократическим содержанием. Всё это в эпоху развернувшихся российских реформ представлялось в дико упрощённом, схематичном, «динамическом» варианте[4].

Гражданское общество не представляет собой изолированное от государства социальное пространство и противостоящее ему. Наоборот взаимодействие общества и государства – это единая система, функционирующая в целостном процессе их взаимосвязи и взаимодополнения, создание механизмов согласования интересов большинства, гармонизация свободной конкуренции и социального равновесия в обществе, соблюдение прав

---

[4] Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2005. – №4. – С.3.

личности и гражданской ответственности. И Общественная палата Орловской области играет в этом механизме согласования интересов различных субъектов социальной жизни региона значительную роль.

За относительно недолгий период своего существования Общественной палатой были рассмотрены вопросы, касающиеся различных сфер общественной жизни и затрагивающие интересы разных категорий населения. Однако жизнь не стоит на месте. Задачей палаты является представительство интересов абсолютно всех категорий населения Орловской области, их детальный учет и консолидация. Поэтому основным направлением своего развития Ассоциация видит количественное расширение своего состава и качественное совершенствование внутренней структуры. Первые шаги в этом направлении уже сделаны – за прошедший период членами Палаты стали ещё 17 общественных объединений, а в целях повышения эффективности и объективности работы при рассмотрении узкоспециальных вопросов общественно-политической и социально-экономической жизни в структуре Ассоциации были сформированы профильные комиссии по направлениям деятельности. В области при Общественной палате создана и функционирует Общественная приёмная Общественного Совета при Полномочном представителе Президента РФ в ЦФО совместно с приёмной Главного федерального инспектора в Орловской области. Только за 2007 год в Общественную приёмную Общественной палаты Орловской области поступило 860 обращений граждан. Обращения граждан характеризуют наиболее острые вопросы, волнующие жителей Орловщины. Одними из острых вопросов, которые задают граждане, являются повышение тарифов ЖКХ. Общественная приёмная проводит разъяснительную работу, направляет письма в профильные структуры органов власти всех уровней. Регулярно направляются сводные аналитические отчёты руководителям муниципальных образований по поступившим в общественную приёмную вопросов граждан.

Общественная палата принимала активное участие в подготовке и проведении Выборов в Государственную думу 2 декабря 2007 г. Так проводились разнообразные мероприятия в День выборов (встреча на избирательных участках, голосующих впервые граждан с ветеранами войны, труда, участниками ликвидации аварии на ЧАЭС, «горячих точек»). Также Общественная палата содействовала проведению социологических исследований отношения граждан к выборам через организацию работы «Горячей линии связи с избирателями». Совместно с областной избирательной комиссией, молодёжными организациями Палата приняла участие в создании единого правового консультативного центра для молодёжи по избирательным процессам и технологиям – «Голос Орловщины».

В целом прошедший период наглядно показывает, что общественная палата в Орловской области состоялась. За период своего существования она приняла участие в общественной экспертизе по наиболее значимым нормативным актам органов государственной власти и сделала первые шаги в обеспечении конструктивной обратной связи власти и общества в наиболее значимых сферах социально-экономического и политического развития Орловской области и России в целом.

В заключение хотелось бы отметить, что Орловская область является единственным в России регионом, где Общественная палата была создана не «сверху», нормативным актом органов власти, а, прежде всего, естественным результатом консолидации созидательно настроенных общественных объединений региона, главной целью которых является решение стоящих перед населением Орловщины проблем на основе конструктивного взаимодействия с органами государственного и муниципального управления региона. Демократия – это не анархия, а власть народа, общество и власть – не конкуренты, а партнеры, что и успешно демонстрирует Общественная палата Орловской области.

THE PUBLIC CHAMBER OF THE ORYOL REGION AS THE ELEMENT OF CIVIL SOCIETY

N.N. STEBLETSOVA

Oryol regional academy

e-mail: oragsob@mail.ru

The article gives evidence to the role of the Public Chamber in a socio-political life of the Oryol Region. Special attention is paid to the problems of the formation and development of the Public Chamber as the institute of civil society, the studying of its interaction with the State.

Key words: civil society, the Public Ghamber, public organizatios, public control.

УДК 332.142

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РФ

В.Н. КНЯГИНИН
М.С. ЛИПЕЦКАЯ

Центр стратегических разработок «Северо-Запад», г. Санкт-Петербург

В работе раскрываются основные проблемы разработки стратегии регионального социально-экономического развития. Рассмотрены вопросы стратегического планирования на мировом уровне. Предложены различные аспекты формирования стратегии решения и разработки целевых программ.

Ключевые слова: стратегия регионального развития, стратегическое планирование, риск регионального развития, целевая программа

Становление стратегического планирования как элемента управления развитием территории

Стратегическое планирование получило широкое распространение начиная с 1980-х годов первоначально в США, а затем и в Западной Европе (в Германии, Франции, Бельгии, Испании и Италии и пр.). В его рамках, во-первых, были институциализированы региональные/муниципальные стратегии (было признано, что у части государства/страны может быть собственная стратегия развития). Во-вторых, было институциализировано участие в подготовке и реализации стратегических проектов и программ компаний и некоммерческих организаций как стейкхолдеров широких региональных (чаще городских) проектных коалиций. Это стало формой не представительной, а непосредственной демократии в управлении развитием регионов (муниципальных образований).

Стратегическое планирование развития регионов в мире

Стратегическое планирование развития поселений и регионов в современном виде получило широкую популярность в Северной Америке в 1970-е годы и чуть позже в Европе. Канадский специалист в сфере стратегического планирования регионов Л.Хонкастл под стратегическим планированием понимает «систематический подход к формированию будущего... и определению местным сообществом перспективных направлений развития, а также целей и стратегий, необходимых для достижения выбранных направле-

ний; это средство объединения усилий для достижения целей и решения задач, для повышения эффективности стратегических решений»[1].

Стратегические планы пришли на смену бюджетным планам и программам. В отличие от последних «стратегические планы» предполагали возможность использования для развития городов и регионов ресурсов бизнеса и гражданского общества, а потому в качестве инструментов развития широко использовали механизмы частно-государственного партнерства. Для формирования согласия государственных (муниципальных) властей, представителей бизнеса и гражданского общества были использованы специальные процедуры и механизмы в виде публичных дискуссий, конституирования «стратегического плана» в виде соглашения, придания его участникам специального статуса «стейкхолдеров», формирования из них тематических комиссий, собирающих предложения и интегрирующих их в общий план развития территорий. Принимаемые в результате согласования частных планов и программ в рамках единого плана развития города или региона документы в Европе имели различные названия («стратегия экономического развития», «экономическая стратегия», «стратегический план», «стратегическая концепция развития», «стратегия развития торговли и промышленности» и т.п.). В некоторых городах (Бирмингем) существовали и общая, и экономическая стратегии, в большинстве - одна стратегия с акцентом на экономические проблемы. В ряде стран Европы, в частности, в Великобритании, наличие годового плана действий в экономической сфере является обязательным для местных властей по закону[2].

Стратегическое планирование в современной России

В России вплоть до конца 1990-х годов отсутствовало понимание необходимости проведения целенаправленной политики по управлению развитием регионов[3]. Федерация занималась вопросами макроэкономических показателей, таких, как денежная масса, курс рубля, доля расходов федерального бюджета в ВРП. В этом горизонте управления линии развития отдельных регионов не просматривались.

С конца 1990-х годов, когда увеличился поток инвестиций в Россию и начал расти внутренний рынок, ситуация изменилась. Стало очевидно, что материальная база страны устроена так, что ресурсы не накапливаются, повышать цены на сырье не позволит сырьевой суперцикл, и что — как стране в целом, так и отдельным регионам — необходимо задумываться о стратегии, обращенной в будущее. Например, нужно ли наращивать темпы добычи и производства угля, черного и цветных металлов и пр., если стране столько не требуется? Понятно, что в такой ситуации экспорт будет расти и стремиться к 100%, но произойдет ли при этом развитие территорий? Проблемы территориального развития начинают постепенно перемещаются в область общегосударственных приоритетов. На федеральном уровне осознали, что в управлении регионами нужны изменения, чтобы ресурсы, которые приходят в страну, оставались в ней и способствовали устойчивому развитию регионов и городов. Правительству Михаила Фрадкова потребовалась государственная политика по региональному, территориальному, муниципальному развитию, но на тот момент инструментария и даже подходов к этой теме выработано не было.

За последние несколько лет перечень документов, регулирующих региональное развитие РФ, существенным образом расширился. На сегодняшний момент функцию стратегии для страны должна выполнить концепция долгосрочного развития до 2020 года. Она несет в себе видение, возможный сценарий развития, риски, с которыми столкнется страна, при реализации целей в рамках вариативных сценариев. Главная цель концепции – достижение конкурентноспособности страны. В отличие планов и стратегий других европейских государств, у России здесь гораздо более сложная система вызовов и решений. Главный из них – на какой базе будет достигнута конкурентноспособность, ведь

---

[1] Хонкастл Л. Будущее любого сообщества зависит от намерений и устремлений жителей: Стратегическое планирование для успешного экономического развития // Стратегическое планирование экономического развития: 35 лет канадского опыта / Под ред. Б. С. Жихаревича. — СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2004.

[2] Жихаревич Б.С. Мировой опыт стратегического планирования городов и его использование при разработке Стратегического плана Санкт-Петербурга // Особенности стратегического планирования развития городов в постсоветских странах.- СПб.: МЦСЭИ Леонтьевский центр, 2000.

[3] В Советском союзе функцию планирования территориального развития выполнял Госплан, представляя из себя набор конкретных проектов в рамках существовавшей идеологии,

стране пора конкурировать за счет человеческого капитала, а не только за счет обладания естественными природными ресурсами. Стратегия развития страны должна быть подкреплена набором документов, обеспечивающих реализацию оптимального сценария. Федеральные органы исполнительной власти могут принимать помимо прогнозов и программ социально-экономического развития, в которых должны быть разделы, посвященные состоянию регионов, разного рода стратегии (так, приняты «Энергетическая стратегия России до 2020 года», «Транспортная стратегия России» и т.п.), стратегии регионов (например, развития Сибири), федеральные целевые программы, ведомственные целевые программы (например, Генеральная схема размещения объектов электроэнерегетики). Могут реализовываться специальные федеральные программы, в частности, комплекс приоритетных национальных проектов (2006-2007 годы). Данными документами следует в первую очередь руководствоваться при разработке планов развития в регионах и на местах.

Стратегии регионального социально-экономического развития

Последние три года растет интерес к региональным стратегиям на уровне субъектов Федерации. Отчасти это обусловлено установлением федеральных требований по отношению к документам регионального развития (стандарт долгосрочных стратегий социально-экономического развития субъектов РФ утвержден приказом Министра регионального развития РФ № 14 от 27 февраля 2007 года[4]).

Для региональной власти стратегии представляют важный инструмент управления. Значимость стратегии для регионов сильно возрастает по мере того, как растет степень неопределенности во внешних условиях. Для того, чтобы иметь позицию по отношению к себе, к своему будущему, к возможным событиям необходимо видение, выходящее за пределы текущей ситуации.

Разработка региональной стратегии, во-первых, позволяет осуществить инвентаризацию пока еще не реализованных проектов и не используемых ресурсов территории, во-вторых, позволяет мыслить масштабами всего региона (или макрорегиона), готовя «карту» для размещения локальных решений, вырабатывая критерии оценки стратегий отдельных муниципальных образований, бизнеса. Немаловажный аспект подготовки «стратегии» - заявление государственного отношения к региону, публичное позиционирование государственной власти в отношении важных для территории проблем.

Последние годы стратегическое планирование в регионах развивается еще и потому, что у регионов появились ресурсы, позволяющие им оторваться от текущей экономической ситуации. Региональная власть может не только бороться с проблемами социально-экономического развития территории, но и выполнять роль проектировщика. Первоначально большая часть региональных стратегий была связана с ростом инвестиций в регионы: возник вопрос, в какие сектора экономики в первую очередь направлять инвестиции, как для этого использовать ресурсы территории. В стратегиях основное внимание уделялось использованию инструментов инвестиционного характера – строительство индустриальных, технологических парков, оптимизация использования земельных ресурсов, инфраструктурное обустройство территории и пр.

Около года назад регионы столкнулись с тем, что даже при появлении денежных ресурсов и наличии свободных территорий, налаженном инфраструктурном обеспечении, человеческий потенциал оказался недостаточным для обеспечения крупных инвестиционных проектов развития. Многие регионы столкнулись не только с дефицитом квалификаций, но и с физическим недостатком трудового ресурса. В региональных стратегиях появились существенные разделы, посвященные рынку труда, реформе профессионального образования, работе с человеческим капиталом. Необходимость связи стратегий с системой пространственного планирования обусловила актуальность раздела, посвященного пространственному развитию, который призван определить, через какие точки регионы попадают в глобализующиеся рынки, как они вступают в глобализацию со своими соседями, каковы их преимущества по сравнению с другими регионами Российской Федерации и зарубежья в той или иной деятельности.

---

[4] До принятия данного приказа стратегические документы регионы разрабатывали, руководствуясь собственными правилами и методиками, а потому в регионах существовало значительное разнообразие таких документов (стратегии, концепции, долгосрочные программы, планы действий, схемы размещения и развития производительных сил, стратегические планы и т.п.).

Последнее время можно все чаще наблюдать появление инновационных стратегий развития регионов. Они не заменяют стратегии социально-экономического развития, а, скорее, дополняют, будучи способом регионов работать с будущим. Актуальность вложений в будущее для регионов постоянно растет, что во многом связано с исчерпанием доступных ресурсов, и необходимостью поиска нового портфеля ресурсов.

Разработка региональных стратегий

Приступая к разработке стратегии, необходимо, в первую очередь, детально проанализировать уровень социально-экономического развития территории, определить проблемы и риски развития. Практика ЦСР «Северо-Запад» показывает, что, регионы, характеризующиеся одинаковым типом развития (роль в пространственной организации страны, уровень и характер развития), сталкиваются с одинаковыми проблемами и вынуждены отвечать на одни и те же вызовы развития. Используя типологию, принятую Минрегионом, можно утверждать, что для старопромышленных регионов актуальна проблема недостатка ресурсов для модернизации экономической базы, утрата конкурентных позиций на рынках, депопуляция, деградация системы расселения, в особенности сельского, и пр.; регионы нового освоения сталкиваются с недостаточной обеспеченностью базовой инфраструктурой, ограниченным рынком труда, которые даже не способны обеспечить реализацию проектов ресурсодобычи.

Помимо оценки рисков развития необходимо на долгосрочную перспективу определить тенденции развития базовых отраслей, спроецировать ситуацию на мировых и региональных рынках на развитие территории, использовать опыт других стран и регионов, установить последствия и набор возможных решений.

Один из самых трудных этапов при выборе стратегии – целеполагание. Выбирая цель, следующим шагом необходимо определить набор соответствующих задач. Если речь идет об улучшении жизни, то далее выделяются параметры, социальная группа, после этого ставится вопрос, как распределить средства. Важно понимать, что у региона может быть несколько разных, иногда конкурирующих между собой версий стратегического развития, часто претендующих на одни и те же ресурсы. Для выбора главной цели нужно ответить на простые по постановке, но весьма сложные для ответа вопросы: какой базовый процесс составляет суть регионального развития и каким базовым процессом акторы развития стремятся управлять? На каких рынках регион может стать конкурентоспособным? Как сейчас он на них представлен: крупный игрок, центр, часть мейнстрима или глубокая периферия, начальное звено в цепочке передела продукции и пр.? Как обеспечить в такой ситуации конкурентоспособность? И способен ли регион двигаться в этом направлении, иными словами, может ли он как субъект территории в отличие от компаний быть игроком на том или ином рынке? Есть ли ресурсы для этого? Часто принимая ту или иную стратегию, региональная власть не готова ответить, на какие ресурсы она опирается. Если ресурсы носят характер исчерпаемых (сырье, например, относится к таковым), то чтобы перейти к устойчивому развитию, каждый раз будет необходимо привлекать новый ресурс, либо пытаться использовать те из них, которые являются восполняемыми.

Конечно, в вопросе развития регионов есть федеральные приоритеты. Если не планировать создание федерального университета на Дальнем Востоке, не усиливать стратегически эту территорию, Россия рано или поздно может ее потерять. Если центру нужна высокоскоростная магистраль Москва — Санкт-Петербург или Москва — Нижний Новгород, проходящая через столицы, то государство будет добиваться этого. Или если важно, чтобы Каспий, лежащий в зоне нефтегазодобывающего сектора, становился крупным российским технологическим, портовым, производственным или кадровым узлом, то правительство будет инвестировать в Астрахань, самый крупный город Каспия. Все это примеры федеральных интересов к развитию территорий, но это не означает, что всем остальным нужно опустить руки. Необходимо заниматься развитием собственного региона на месте.

При разработке стратегии следует, прежде всего, понимать, какая стратегия сейчас важнее: внутренняя, направленная на упорядочивание и «улучшение», или внешняя, открывающая регион миру. Стратегия как план корабля или как лоция? В зависимости от этого будет свой набор требований, критериев селекции проектов и целевых программ. Кроме того, есть разные типы развития территорий: можно кардинально изменить специализацию территории, или, наоборот, строить развитие территории на основании ее сложившейся специализации. В таком случае углубление специализации идет по цепочке, появляются сервисы, дополняющие новые звенья в добавочной стоимости, меняется квалификационные характеристики труда занятых в секторе и пр.

Стратегии регионального развития реализуются

Можно привести множество удачных примеров по реализации стратегий регионального развития, в том числе, в ЦФО. Успешно действует Тверь, комплектующая сейчас индустриальные парки, и переходящая к системному девелопменту в зоне влияния московской агломерации.

В Кемеровской и Тюменской областях, к примеру, региональные администрации получили внешнее финансирование на создание технопарков для формирования секторов сервисного обеспечения нефтегазодобывающей промышленности (Тюмень) и горнодобывающей промышленности (Кемерово). Многое делается в Астраханской области по реализации стратегических приоритетов, выбранных регионом. Речь идет не только о развитии промышленных секторов, региональные власти серьезно работают с водным ресурсом, с Волгой, с тем, что дано им природой и в значительной степени является основой экономики.

Участвовать в реализации стратегий развития могут и сами разработчики. Как организация, имеющая опыт разработки стратегий регионального развития в более чем 15 регионах России, ЦСР «Северо-Запад», стремится внести свой вклад в осуществление поставленных для региона целей и задач. Например, способствовать привлечению инвесторов. Если мы считаем, что на сектор в региональной экономике должны быть направлены инвестиции, видим внешних игроков, которые могут быть акторами регионального развития, то стремимся их привлечь. Аналогичная ситуация и с социальной политикой. ЦСР «Северо-Запад» ищет внешних партнеров, которые бы могли помочь региону решить конкретные проблемы в социальной сфере: Фонд взаимодействует со Всемирным Банком, с рядом социальных институтов, работающих с развитием социальной сферы. ЦСР «Северо-Запад» участвует в реализации культурных и социальных проектов: создание Сибирского Федерального Университета в Красноярске, Большого Евразийского Университета в Екатеринбурге, модернизации городской среды в Калининграде и пр.

Тезаурус стратегического планирования в регионах и муниципальных образованиях

В 2006 году под патронатом Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» было подготовлена серия публикаций методического характера, посвященная вопросам управления регионами и муниципальными образованиями и развития их. Авторы одной из публикаций составили своего рода тезаурус по теме стратегического планирования, включив в него следующие понятия в близкой к приводимой трактовке:

- Прогнозирование – представление о том, как будут развиваться социальные и экономические процессы в рассматриваемой территории под воздействием внутренних и внешних факторов в тот или иной период времени. Прогноз – научно обоснованная гипотеза о вероятном будущем состоянии территориальной системы или ее составных частей, выраженная в виде экономических и иных понятий, индикаторов, систем показателей.
- Планирование – четкое представление о наборе мероприятий субъекта территории, необходимом для достижения целей и задач.
- Концепция территориального развития – документ, содержащий систему взглядов, определяющих долгосрочную (на 15-20 лет) политику органов власти по обеспечению конкурентоспособности в различных областях и сферах экономической и социальной жизни территории, согласованную с интересами бизнес-сообщества, гражданского общества и стратегическими интересами органов вышестоящего уровня власти.
- Стратегии регионального (муниципального) развития – система действий по достижению долгосрочных основных целей и задач, сбалансированная с ресурсным потенциалом.
- Цель – ожидаемый (планируемый) результат деятельности, определяемый качественно, количественно и во времени.
- Приоритеты территориального образования – первоочередные цели.
- Стратегические цели территориального образования – цели, определяющие будущее (на 15-20 лет вперед) качественное состояние территориального образования.
- Тактические цели территориального образования – буферные, промежуточные цели, являющиеся этапами в достижении стратегических целей и время реализации которых не превышает 5-10 лет.
- Оперативные (локальные) цели – цели нижнего уровня, являющиеся необходимым основанием для достижения тактических целей со временем реализации не более 1-3 лет.

- Приоритетные цели территориального образования – цели (выбранные из числа стратегических, тактических и оперативных), на достижение которых должны быть направлены основные усилия территориального сообщества, соответственно, в долгосрочном, среднесрочном и текущем периодах.
- Стратегическое партнерство – формализованное в виде документа и реализуемое в виде системы последовательных действий соглашение между ветвями власти, представителями разных слоев гражданского общества и бизнеса о стратегических приоритетах развития территориального образования, путях и формах решения приоритетных задач и достижения согласованных стратегических целей.
- Стратегическое планирование развития территориального образования – процесс самостоятельного определения территориальным сообществом стратегических приоритетов, основных стратегических целей и направлений развития территориального образования на основе согласования действий власти, хозяйствующих субъектов и населения.
- Целевая программа – плановый документ, разрабатываемый органом власти соответствующего территориального образования для достижения конкретных целей и задач.
- Паспорт территориального образования – документ, сформированный в виде системы показателей и индикаторов, характеризующих состояние экономики, экологии и социальной сферы территориального образования.
- Инвестиционный паспорт территориального образования – экономический документ, содержащий, во-первых, детальный анализ финансового, экономического, рекреационного, трудового, интеллектуального, сырьевого и природного потенциалов территории с точки зрения инвестиционной привлекательности и инвестиционных рисков. Во-вторых, описание инвестиционных проектов, предлагаемых территорией для собственных и внешних инвесторов.
- План социально-экономического развития территориального образования – плановый документ, определяющий индикаторы развития конкретных видов экономической деятельности и социальной жизни территориального образования по планируемым этапам, описывающий механизмы реализации каждого их плановых этапов, конкретных участников и используемые ресурсы.
- Стратегический план социально-экономического развития территории – краткий планово-прогнозный документ, включающий в себя стратегические цели и задачи, а также соглашение, формализующее общественное согласие по поводу мероприятий и проектов, включенных в план. В стратегический план включаются система мер и проектов, обеспечивающих достижение стратегических целей, а также сценарии развития территориального образования.
- Комплексная программа социально-экономического развития территориального образования – документ, включающий в себя концепцию, стратегический (при необходимости тактический и оперативный) планы действий[5].

PRACTICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF STRATEGY OF SOCIO ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS OF RUSSIAN FEDERATION

V.N. KNYAGININ
M.S. LIPETSKAYA

the centre of strategic development "North-west" of. St.-Petersburg

In work the basic problems of development of strategy of regional socio economic development are opened. The questions of strategic planning at a world level are considered. The various aspects of formation of strategy of the decision and development of the target programs are offered.

Key words: strategy of regional development, strategic planning, risk of regional development, target program

[5] Комплексные программы социально-экономического развития муниципальных образования: Опыт, проблемы, рекомендации / И.С.Головко, Т.В.Псарева, Е.В.Репина-Гаврикова, И.А.Назаренко.- Новосибирск: МАСС, 2006. С. 55-59.

УДК 339.137

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ) *

О.Н. КОНОВАЛОВА[1)]
Т.М. ДАВЫДЕНКО[2)]
Л.Н. БОРИСОГЛЕБСКАЯ[3)]

[1)] Департамент экономического развития Белгородской области
e-mail: konovalova@der.senergy.ru

[2)] Белгородский государственный университет
e-mail: mailto:ViceRectorScience@bsu.edu.ru

[3)] Белгородский государственный университет
e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

В работе предлагаются методологические подходы к комплексной оценке региона на основе определения потенциалов социально-экономического развития. Реализация предложенного подхода позволяет выявить «точки роста» и сформировать на базе их взаимодействия вертикально-интегрированные кластеры для повышения конкурентоспособности и благоприятного социально-экономического развития региона на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Стратегия, «точка роста», инновационный потенциал, вертикально-интегрированный кластер, наноиндустрия, инновационный прорыв.

В настоящее время актуальным является совершенствование системы государственного управления на региональном уровне. Прежде всего, это связано с тем, что тенденции и угрозы, обусловленные динамикой макроэкономических и социальных процессов и включенностью России в глобальное экономическое пространство, проецируются на различные регионы с выраженной спецификой влияния на их развитие. В этих условиях важнейшей целью государственного регулирования является переход к долгосрочному стратегическому планированию, что свидетельствует о стабильности развития и конкурентоспособности региона[1].

Разработка стратегии регионального развития на долгосрочный период ориентирована на обеспечение устойчивого развития субъекта Российской Федерации посредством программно-целевых методов управления в зависимости от возможных сценариев будущего.

В основу разработки Стратегии Белгородской области положены стратегические направления развития экономики Российской Федерации, приведенные в документах и материалах министерств регионального развития, экономического развития и торговли Российской Федерации, федеральных отраслевых стратегий, а также в Посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации и в выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [2].

Стратегия основана на понимании важнейших проблем развития, оценки сопряженных рисков и ресурсного потенциала области с учетом влияния внешних факторов, выработке способов решения наиболее острых и важных проблем, активизации потенциальных «точек роста» региональной экономики, и направлена на обеспечение высоких темпов экономического роста, как базы для поступательного улучшения качества жизни населения на долгосрочную перспективу.

В рейтинге агентства «Эксперт РА» в 2006 г. Белгородская область имеет минимальный инвестиционный риск и занимает первое место в главной номинации «За стабильно низкий инвестиционный риск в течение десятилетия», характеризуется средним

* **Статья подготовлена в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года**

[1] Концепция Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. Министерство регионального развития Российской Федерации. 2005 г.

[2] http://www.kremlin.ru Официальный сайт Президента РФ (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года»)

потенциалом – умеренным риском[3] и отнесена к типу – регионы «полюса роста», имеющие высокий экономический потенциал.

В 2006 году в рамках V Регионального Инвестиционного конгресса, проводимого рейтинговым агентством «Эксперт РА» и журналом «Эксперт», Белгородская область в ежегодном российском рейтинге заняла второе место в номинации «За лучший социальный климат», а также стала первой в Центральном федеральном округе в номинации «За минимальный интегральный инвестиционный риск».

По таким показателям, как развитие промышленного производства, рост инвестиций, рост доходов на душу населения, продолжительность жизни, рождаемость по рейтингу Министерства финансов Российской Федерации Белгородская область по итогам 2006 года находится на четвертом месте среди регионов России.

Валовой региональный продукт является одним из важнейших показателей, характеризующих состояние экономики области. По этому социально-экономическому показателю среди регионов Российской Федерации Белгородская область переместилась с 37 места в 1998 году (12 242,8 руб./чел.) на 30 место в 2005 г. (97 375,5 руб./чел.) и с 2000 года находится в пятерке лидеров по размеру ВРП среди регионов Центрального федерального округа.

Основным ориентиром развития Белгородской области является Программа улучшения качества жизни населения, принятая в 2003 году, реализация которой обеспечивалась Программой экономического и социального развития Белгородской области на период до 2007 года, а также выполнением областных и местных целевых программ, отраслевых стратегий и концепций.

Достигнутый к началу 2007 года уровень социально-экономического развития области позволяет определить инвестиции в человека, как ведущий приоритет долгосрочного планирования.

Реализация Стратегии социально-экономического развития должна основываться на интегральной оценке уровня развития региона, которая характеризует способность его социально-экономической системы обеспечить достижение поставленных целей, решение возникающих проблем, устойчивость и адаптивность по отношению к возникающим угрозам, готовность к использованию новых открывающихся возможностей.

Поэтому в статье предлагаются методологические подходы к комплексной оценке региона на основе выявления потенциалов социально-экономического развития, позволяющие обозначить конкурентные преимущества области.

Производственно-экономический потенциал характеризует возможности основных секторов экономики обеспечить рост производства и заданный уровень эффективности функционирования (коммерческой, бюджетной, социальной и системной или общеэкономической).

Определяются условия, обеспечивающие производственно-экономический потенциал:

- ресурсные (включая человеческие ресурсы); технологические (модернизация производства или реализация эффективных проектов почти всегда базируются на новой производственно-технологической базе);
- инвестиционные (имеется возможность привлечения внешних или использование собственных финансовых ресурсов для осуществления соответствующих проектов);
- информационные (информация о новых технологиях, рынках ресурсов, маркетинговая информация);
- институциональные (развитость рыночных институтов, нормативно-правовая база, механизмы поддержки и стимулирования со стороны органов регионального управления).

Следующим этапом является определение основных аналитических показателей производственного потенциала (в разрезе основных видов экономической деятельности).

Повышение инвестиционной привлекательности региона и создание благоприятного инвестиционного климата обеспечивают стабильное протекание инвестиционных процессов, предсказуемость политики правительства области в отношении частного бизнеса, мотивацию и стимулирование инвестиций в приоритетные сектора экономики.

Поэтому ***инвестиционный потенциал*** исследуется в трех аспектах:

1. Возможности осуществления инвестиций в проекты, реализуемые в различных организациях.

---

[3] http://www.raexpert.ru Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА»

2. Качество инвестиционного климата (характеристика уровней риска, нормативно-правовая база, регулирование инвестиционной деятельности в регионе, характеристики источников и динамики внешних инвестиций, механизмы и формы инвестирования, а также формы и методы поддержки и стимулирования инвестиционной деятельности в регионе, уровень развития финансово-кредитной инфраструктуры).

3. Характеристики потенциальных объектов для инвестирования, т.е. потенциальных инвестиционных проектов.

К характеристикам и факторам, обусловливающим уровень инвестиционного потенциала, относятся:

• законы и другие правовые акты, регулирующие инвестиционную деятельность;
• показатели, характеризующие динамику инвестиционных процессов;
• характеристики потенциальных объектов инвестирования;
• показатели, характеризующие финансовые ресурсы региона;
• показатели, характеризующие уровень поддержки инвестиционных процессов со стороны региональных органов управления.

Основные аналитические показатели инвестиционного потенциала включают: объем внешних и внутренних инвестиций и их источники; формы инвестирования; отраслевую структуру инвестиций; активы финансово-кредитных организаций; объем вкладов населения; объем и динамику выданных кредитов в разрезе видов экономической деятельности.

Развитие ***инновационного потенциала*** и трансфера технологий в экономике и социальной сфере ориентировано на повышение интенсивности и результативности научных исследований и разработок, внедрение результатов научных исследований и разработок в хозяйственную сферу, концентрацию кадров и материально-технических ресурсов на наиболее перспективных направлениях.

Формирование инновационного потенциала учитывает, что с одной стороны инновации являются условием обеспечения высокой эффективности инвестиционных проектов, а с другой стороны их необходимо рассматривать как элемент долгосрочной политики, проводимой региональными органами управления.

В качестве целевых показателей целесообразно использовать внутренние текущие затраты на исследования и разработки, на фундаментальные и прикладные исследования, на технологические инновации, объем выпуска инновационной продукции и услуг, количество предприятий, проводящих активную инновационную деятельность, рост объема услуг в сфере науки и научного обслуживания.

Реализация научно-инновационного потенциала региона позволит получить целевые результаты:

• повышение эффективности производства, снижение уровня затрат;
• улучшение качества производимой продукции и конкурентоспособности предприятий области;
• развитие новых форм и повышение качества оказания услуг (торговля, финансовый сектор и т.д.).

В качестве базового индикатора достижения главной стратегической цели региона определен индекс развития ***человеческого потенциала***, который разработан Программой развития ООН и измеряет уровень достижения стран и регионов по трем важнейшим показателям: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, ВВП (ВРП) на душу населения.

По данному индексу (0,788) Белгородская область в рейтинге регионов занимает девятое место, превышая среднероссийский показатель равный 0,781, что характеризует высокую степень развития человеческого потенциала как основу будущего развития экономики, трудовых ресурсов, научного, творческого, культурного и духовного потенциала.

Человеческий потенциал включает образовательный и квалификационный уровень, демографическую ситуацию, характеристики социальной дифференциации населения, уровень социальной напряженности и социальной и производственной мотивации, уровень доходов домашних хозяйств, уровень криминогенности и преступлений против личности и собственности, трудовую и потребительскую мотивацию населения.

Потенциал рыночной инфраструктуры анализируется в институциональном и функционально-целевом направлениях.

В институциональном направлении важнейшими элементами рыночной инфраструктуры являются банковско-кредитная система, страховые компании, товарные биржи, лизинговые компании, фондовый рынок, консалтинговые компании, инвестиционные компании, венчурные фонды и технопарки, информационная инфраструктура.

Функционально-хозяйственная инфраструктура может включать следующие функциональные подсистемы:

• финансовые круги, обеспечивающие фирму капиталом (банки, инвестиционные компании, брокерские фирмы, различные типы инвесторов);

• систему обеспечения фирмы технологической и маркетинговой информацией для продвижения продукции и услуг на рынок;

• систему обеспечения фирмы необходимыми материальными ресурсами и систему, обеспечивающую функциональную потребность фирмы в трудовых ресурсах, в персонале (от системы образования до биржи труда и бюро по трудоустройству);

• средства массовой информации (рекламные агентства, печать, электронные средства массовой информации);

• государственные учреждения, занимающиеся надзором и регулированием производственной деятельности, а также те государственные учреждения, деятельность которых может как-либо отразиться на деятельности фирмы.

К основным аналитическим показателям рыночной инфраструктуры относятся: количественные и качественные характеристики банков (в том числе и филиалов), инвестиционных и лизинговых компаний, консалтинговых организаций, активы, объем оказываемых услуг, полученная прибыль, клиентская база и контрагенты.

Потенциал производственной инфраструктуры включает:

• предприятия транспорта и связи;

• энергетические коммуникации;

• организации, обеспечивающие передачу и обработку информации.

Совершенствование транспортной инфраструктуры региона должно обеспечивать растущие потребности развивающейся экономики, повышение уровня доступности отдаленных территорий, позволяющей создавать в регионе центры дистрибуции товаров и услуг.

Энергетическая инфраструктура обеспечивает повышение энергетической устойчивости и создание энергетической базы для реализации программ развития базовых производств, а также повышение качества и надёжности энергоснабжения потребителей региона.

Элементы производственной инфраструктуры представлены организациями, которые функционируют в рамках рыночной экономики региона и продают свои услуги так же, как и любые хозяйствующие субъекты. Поэтому, рассмотрение потенциала производственной инфраструктуры аналогично принципам рассмотрения производственного потенциала.

Потенциал социальной инфраструктуры можно рассматривать как две подсистемы, различающиеся механизмом функционирования:

• подсистема, функционирующая в рамках рыночного механизма, предоставляя населению платные услуги;

• подсистема, финансируемая из бюджета.

Первая подсистема рассматривается по аналогии с элементами производственного потенциала, вторая – с точки зрения потенциала бюджета и его структуры.

Развитие социальной инфраструктуры целесообразно рассматривать, во-первых, в соотношении с принятыми нормативами и, во-вторых, в сопоставлении с другими регионами.

Основные аналитические показатели социальной инфраструктуры – это обеспеченность населения услугами объектов инфраструктуры, затраты бюджета в разрезе различных секторов инфраструктуры, с разделением в соответствии с расходными обязательствами, обусловленными полномочиями органов государственной власти области и местного самоуправлением.

Потенциал природных ресурсов региона должен оцениваться с учетом “временного среза” и характеризовать совокупность природных ресурсов с позиции ориентации на возможные варианты развития экономики региона в будущем.

Ресурсоэксплуатирующие виды экономической деятельности являются частью производственного потенциала региона, и их деятельность рассматривается в аналогичных показателях. В каждый момент времени природные ресурсы ограничены, поэтому необходимо рассматривать дополнительные аналитические показатели: объем извле-

каемых запасов; будущие инвестиционные издержки для поддержания производства на действующих месторождениях или вовлечение в эксплуатацию новых запасов; будущая величина текущих издержек на добычу; ожидаемый уровень рентабельности; объем разведочных и оценочных работ.

Экспортный потенциал целесообразно оценивать с точки зрения конкурентоспособности продукции и услуг, производимых на территории области или потенциально возможных к производству, а также сценариев повышения экспортных возможностей.

Основными аналитическими показателями экспортного потенциала являются объем и динамика экспорта в разрезе групп товаров, динамика экспортных цен, уровень рентабельности, характеристики потенциальных инвестиционных проектов, ориентированных на увеличение экспортных возможностей. Все эти показатели должны рассматриваться относительно величины инвестиционных затрат на реализацию имеющихся возможностей.

На основе комплексной оценки потенциалов региона определяется геоэкономическое структурирование социально-экономической системы с учетом развития территориального, секторного и сетевого подходов к конкурентным преимуществам.

Взаимодействие существующих потенциалов и превращение их в рыночные конкурентные преимущества, позволят Белгородской области:

- развить новые компетенции;
- рационализировать отраслевые управленческие структуры;
- придать необходимый импульс социально-экономическому развитию региональной экономики;
- на основе синергетического эффекта, возникающего в результате суммирования конкурентных преимуществ, может проявиться мультипликативный эффект, позволяющий преумножить полученные результаты.

Комплексная оценка вышеперечисленных потенциалов региона позволяет выделить приоритетные направления социально-экономического развития, являющихся «точками роста» и с учетом их взаимодействия с другими секторами экономики сформировать в производственно-экономическом секторе вертикально-интегрированные кластеры региона.

Научными кругами и практиками ***кластерный подход*** считается наиболее эффективным для повышения конкурентоспособности развития территории, так как он помогает сформировать комплексный межотраслевой взгляд на политику развития региона с учетом потенциала роста экономических субъектов на основе государственно-частного партнерства. При формировании кластеров целесообразно рассматривать вопросы создания вертикально – интегрированных структур, элементы которых обеспечивают наибольшую добавленную стоимость и потенциал развития кластера с точки зрения социальной и бюджетной эффективности.

На основе специализации и взаимодополнения участников кластера и аутсорсинге непрофильных видов деятельности, кластерный подход способствует росту производства в сегментах, являющихся ядром кластеров и созданию новых, в том числе малых и средних предприятий, тем самым повышая инновационность территории.

В Белгородской области сложились благоприятные предпосылки для развития кластеров: существует концентрация производителей, поставщиков, смежных и вспомогательных производств, научно-образовательных организаций, развитая инженерная, транспортная и рыночная инфраструктуры, трудовой потенциал, продуманный и обоснованный подход со стороны органов власти к формированию общего видения и принятию совместных решений, обеспечивающих согласованное, сбалансированное и динамичное развитие.

Поэтому социально-экономическое развитие Белгородской области связано с кластерами, как системой взаимосвязанных предприятий, общественных и научных организаций и государственных органов, планирующих и координирующих свою деятельность в соответствии с единой целью, выраженной в повышении конкурентоспособности на основе синергетического эффекта и инновационных подходов.

На основании распоряжения Губернатора Белгородской области от 12 ноября 2006 года Белгородским государственным университетом разработана концепция и программа развития наноиндустрии в регионе.

В настоящее время для развития наукоемкой региональной экономики, системного привлечения среднего и крупного бизнеса создана программа «Кластерная система непрерыв-

ного междисциплинарного профессионального образования в области разработки и освоения наноструктурных материалов нанотехнологий промышленного и медицинского назначения», как одно из направлений инновационной образовательной программы БелГУ.

Реализация проекта по созданию мощного нанотехнологического кластера в регионе, интегрирующего образование, фундаментальные и прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, производство и продвижение наукоемкой продукции обеспечит условия для устойчивого развития экономики региона на основе эффективного использования интеллектуального потенциала, генерации, распространения и реализации новых знаний.

Переход к инновационной модели развития предполагает сохранение и развитие научно-технического, технологического и производственного потенциалов, а также опережающий рост производства наукоемкой продукции, делая их приоритетными направлениями социально-экономического развития региона.

Поэтому для усиления инвестиционно-инновационной политики региона необходимо создание региональной инновационной системы с высокоразвитой инфраструктурой, ядром которой станут инновационные и инжиниринговые центры, технопарки, кластеры, позволяющие осуществить стратегию регионального инновационного «прорыва» и делают возможным решение вопросов перераспределения и создания нового баланса деловой активности внутри региона.

Таким образом, в «инновационно-прорывной» сценарий Стратегии развития области могут быть положены: развитие и совершенствование рыночных механизмов финансово-хозяйственной деятельности, кластерное развитие научно-технического и производственного потенциалов, усиление государственного стратегического управления.

THE METHODOLOGICAL APPROACHES TO A COMPLEX ESTIMATION OF A LEVEL OF SOCIO ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS (FOR EXAMPLE BELGOROD REGION)

O.N. KONOVALOVA[1]
T.M. DAVYUDENKO[2]
L.N. BORISOGLEBSKAYA[3]

[1]Department of economic development of the Belgorod region

e-mail : konovalova@der.senergy.ru

[2] Belgorod State University

e-mail: ViceRectorScience@bsu.edu.ru

[3] Belgorod State University

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

In work the methodological approaches to a complex estimation of region are offered on the basis of definition of potentials of socio economic development. The realization of the offered approach allows to reveal " points of growth " and to generate on the basis of their interaction vertically - are integrated klasters for increase of competitiveness and favorable socio economic development of region on long-term prospect.

Key words: strategy, " a point of growth ", innovation potential, vertically - is integrated klaster, innovation break.

УДК 330.322:338.43

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ФАКТОРА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ АПК РЕГИОНА

В.А. ВЕРЗИЛИН[1]
В.Г. ЗАКШЕВСКИЙ[2]
Ю.В. НАРОЛИНА[3]

[1] Государственное научное управление научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ

[2] Государственное научное управление научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ
e-mail: vgzak@bk.ru

[3] Государственное научное управление научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ
e-mail: yulona15@yandex.ru

В статье рассматривается актуальный вопрос законодательной регламентации капиталовложений в АПК. Анализируются основы законодательного обеспечения инвестиционной деятельности в зарубежных странах. Определены основные направления развития правового фактора инвестиционной привлекательности АПК региона.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, правовой фактор, законодательство, капиталовложения.

Важным фактором инвестиционной привлекательности является правовой фактор. Инвестиционная деятельность в значительной мере зависит от полноты и степени совершенства нормативно-законодательной базы.

В настоящее время многие проблемы развития аграрного сектора не решаются российским законодательством. В отличие от большинства развитых стран мира в России нет единого комплексного закона, определяющего политику государства в аграрной сфере. В регионах осуществляются разрозненные программы поддержки сельского хозяйства, приводящие к разрыву единого рыночного пространства в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. Правовая неурегулированность проблемы равного доступа к рыночной информации в агропродовольственном секторе становится фактором неравноправного участия на рынке агропродовольственной продукции.

Еще одной причиной, обуславливающей потребность в принятии закона о сельском хозяйстве, является необходимость законодательного определения направлений государственной агропродовольственной политики на перспективу с тем, чтобы сельскохозяйственные товаропроизводители с учетом этих законодательно закрепленных направлений могли стабильно развивать производство.

Согласно закону Воронежской области от 15 мая 2002 года №27-ОЗ государственная поддержка инвестиционной деятельности осуществляется по следующим направлениям:

- установление для инвесторов налоговых льгот;
- предоставление инвесторам льготных условий пользования землей и природными ресурсами согласно законодательству РФ;
- предоставление на льготных условиях в аренду инвесторам помещений, находящихся в областной собственности;
- реструктуризация задолженности в областной бюджет;
- обеспечение информационного сопровождения инвестиционной деятельности;
- участие в разработке и финансировании инвестиционных проектов;
- предоставление гарантий по инвестиционным проектам за счет объектов областного залогового фонда;

- предоставление бюджетных субсидий на оплату части процентов за пользование кредитами хозяйствующим субъектам, реализующим инвестиционные проекты в рамках программ экономического и социального развития Воронежской области, федеральных и областных целевых программ;
- предоставление бюджетных кредитов и займов в соответствии с действующим законодательством РФ.

При анализе практики применения данного закона, можно выделить ряд имеющихся недостатков. Нормативные акты администрации области, устанавливающие порядок предоставления государственной поддержки, противоречат основным принципам разработки и реализации региональной инвестиционной политики. Данную проблему необходимо решить. В области ведется непрерывная работа по совершенствованию механизмов и условий повышения уровня инвестиционной привлекательности. Итогом этой работы стало принятие новой редакции закона «О государственной (областной) поддержке инвестиционной деятельности на территории Воронежской области». Основными целями и задачами закона являются повышение инвестиционной активности в Воронежской области, увеличение налоговых отчислений и снижение риска при инвестировании в экономику региона. Закон основан на принципах открытости и доступности для всех инвесторов информации, необходимой для реализации проектов, равноправия инвесторов, взаимной ответственности органов государственной власти области и инвесторов, сбалансированности государственных и частных интересов[1].

Основные направления развития правового фактора инвестиционной привлекательности АПК региона должны предусматривать:

- приведение организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий в соответствие с нормами законодательства Российской Федерации;
- содействие формированию конкурентоспособных сельскохозяйственных товаропроизводителей и создание условий для концентрации необходимых средств производства у наиболее эффективных собственников и организаций;
- содействие горизонтальной и вертикальной интеграции в агропромышленном секторе при жестком соблюдении антимонопольного законодательства;
- государственную поддержку всех видов кооперации, в том числе кооперации семейных хозяйств в области сбыта, снабжения, переработки и т.п.;
- завершение создания информационно-консультационной системы в АПК;
- разработку нормативно-правовых документов, определяющих порядок и особенности финансового оздоровления и банкротства сельскохозяйственных производителей;
- создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей развитие личных подсобных хозяйств населения;
- правовую и организационную поддержку рыночных инструментов обеспечения краткосрочных кредитов (фьючерсные контракты, складские расписки и т.д.);
- содействие формированию дилерских и дистрибьюторских сетей, лизинговых компаний, машинных пулов и других институтов рынков ресурсов для сельского хозяйства[2].

Важное значение имеет законодательное обеспечение инстуциональных преобразований с учетом особенностей агропромышленного производства.

Требуют законодательного решения вопросы в сфере финансово-кредитной системы и государственной поддержки сельского хозяйства, прежде всего это касается вопросов банковского обеспечения АПК, реструктуризации задолженности сельскохозяйственных предприятий в бюджеты и внебюджетные фонды, мер по их реформированию и финансовому оздоровлению.

Важно в ближайшее время принять законодательные акты, определяющие особенности создания и функционирования сельских кредитных и страховых организаций на кооперативных принципах.

Ввиду того, что проект Налогового кодекса Российской Федерации не полностью учитывает сезонность сельскохозяйственного производства, целесообразно внести соответствующие поправки в налоговое законодательство.

---

[1] Программа Экономического и социального развития Воронежской области на 2002-2006 годы. – (www.investvrn.ru/passport.asp).

[2] Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2010 годы. – (www.mcx.ru/dep_doc.html?he_id=800&doc_id=5000).

Для правового обеспечения развития рыночной инфраструктуры и регулирования продовольственного рынка целесообразно внести изменения и дополнения в Федеральный закон «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», разработать закон о саморегулируемых организациях в аграрном секторе (отраслевых союзах и ассоциациях сельскохозяйственных товаропроизводителей).

Требуют законодательного решения вопросы развития социальной инфраструктуры села и сельской местности[3].

Необходимо усовершенствовать и ввести систему обязательных для исполнения экономических и организационных норм и нормативов функционирования рынка сельскохозяйственной техники. Это сроки, порядок начисления и нормы амортизации различных видов сельскохозяйственной техники, порядок лизинга техники, порядок взимания и размеры ввозных таможенных пошлин на зарубежную технику, включая подержанную. К этой же категории относятся нормативные акты, определяющие порядок и размеры компенсации затрат сельских товаропроизводителей на приобретение техники, порядок и нормы налогообложения отечественных производителей и продавцов сельскохозяйственной техники. Не меньшее значение имеют нормативные акты по лицензированию деятельности и сертификация продукции производителей сельскохозяйственной техники, их дилеров, ремонтно-обслуживающих предприятий и посредников. Для этого в свою очередь необходимо иметь федеральные стандарты продукции сельскохозяйственного машиностроения, отражающие технический, эргономический и экологический уровень лучших зарубежных аналогов, федеральные или региональные стандарты или технические условия на восстановленную технику.

Одним из наиболее эффективных способов привлечения иностранных инвесторов является предоставление гарантий от политических и коммерческих рисков, защита которых должна быть закреплена законодательно.

Определенный интерес представляет опыт регулирования иностранных инвестиций в Японии. В этой стране нет специальных законов и органов, регулирующих иностранные инвестиции. Однако японским правительственным организациям предоставленное право запрета, полностью или частично, на осуществление тех или иных иностранных капиталовложений.

Иными словами, иностранные инвестиции могут иметь место в тех отраслях, где деятельность иностранного капитала не ограничена. В частности, японское правительство частично закрыло для иностранного капитала такие отрасли, как сельское и лесное хозяйство, рыболовство, кожевенная промышленность и др. С 1983 г. в Японии действует система льготного кредитования регионального технологического развития, в рамках которой фирмам передовых отраслей, действующим в отстающих районах, предоставляются займы на льготных условиях. Так, на острове Окинава получила развитие программа свободной торговой зоны, предусматривающая предоставление комплекса экономических льгот, и, прежде всего, налоговых, для фирм и компаний, осуществляющих свою деятельность на этой островной части Японии[4].

В стране существуют различные программы стимулирования инвестиции в экономику. Так, например, с 1984 г. действует специальная программа стимулирования прямых иностранных инвестиций, в рамках которой Банк развития Японии предоставляет иностранным предпринимателям льготные займы, покрывающие до 40 % их предполагаемых строительных и других затрат. Данные льготные займы выдаются на период от 15 до 25 лет.

Во Франции, как и в Японии, деятельность компаний с иностранным участием ограничена. Наряду с сельским хозяйством иностранные инвесторы вынуждены корректировать свою деятельность в сфере поиска наиболее привлекательных сфер в добывающей промышленности, сбыте нефти и нефтепродуктов, в атомной энергетике, на транспорте, в страховании и банковском деле и др. В стране также нет специального закона, регламентирующего иностранные инвестиции. Вопросами регулирования иностранных инвестиций занимается Банк Франции и

---

[3] Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2010 годы. – (www.mcx.ru/dep_doc.html?he_id=800&doc_id=5000).

[4] Отчет о научно-исследовательской работе «Предложения по повышению инвестиционной привлекательности предприятий АПК» // Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК ЦЧР РФ. – Воронеж, 2006. – 128 с.

Министерство экономики, финансов и бюджета (в Министерстве этим непосредственно занимается служба по иностранным инвестициям Казначейства)[5].

Следует отметить, что в системе законодательства США на федеральном уровне нет конкретного акта, предметно и полно регулирующего режим иностранных инвестиций. В Канаде вопросам регулирования иностранных инвестиций посвящен принятый в 1985 г. специальный федеральный закон взамен действовавшего с 1973 г. закона об иностранных инвестициях.

Проблема законодательной регламентации иностранных капиталовложений в Канаде возникла в 1970-е гг. в связи с необходимостью упорядочения деятельности на ее территории транснациональных корпорации, прежде всего, американских. С принятием в 1973 г. первого закона «Об иностранных инвестициях» явно обозначилось сохраняющееся до сих пор противостояние двух принципиально различных позиций в инвестиционной политике США и Канады. В США превалирующим был и остается принцип, который подразумевает полную свободу принятия любых экономических решений для частного сектора и отсутствие прямого вмешательства государства в этот процесс. В основу же инвестиционной политики Канады рассматриваемым законом, напротив, был положен принцип защиты национального предпринимательства, т.е. принцип протекционизма, который предполагал активные действия федерального правительства вплоть до непосредственного участия в экономической деятельности[6].

Активность государства должна была содействовать обновлению национальной экономики. Канадский закон об иностранных инвестициях 1985 г. характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, этот нормативный акт составляет часть федерального законодательства, определяющего правовое положение субъектов инвестиционной деятельности – иностранных физических и юридических лиц в системе национального законодательства.

Во-вторых, он осуществляет регулирование данной сфере экономических отношений на общегосударственном, или федеральном, уровне, так как основывается на уже сложившемся до его принятия и, закрепленном в конституционных актах Канады разграничении компетенции федеральных и провинциальных властей в области инвестиционной политики.

В-третьих, этот закон отражает единую федеральную внешнеэкономическую и инвестиционную политику Канады, проводимую в отношении отечественных и иностранных инвесторов.

THE METHODS OF DEVELOPING LEGAL FACTOR OF REGIONAL AGRICULTURAL INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN OUR AND FOREIGN COUNTRIES

V.A. VERZILIN [1]
V.G. ZAKSHEVSKYI[2]
J.V. NAROLINA[3]

[1] Research institute of economics and organization of agriculture of Central Chernozem region of Russian Federation

[2] Research institute of economics and organization of agriculture of Central Chernozem region of Russian Federation

[3] Research institute of economics and organization of agriculture of Central Chernozem region of Russian Federation

e-mail:yulona15@yandex.ru

The actual question of the legislative regulation of investment in agriculture is considered in the article. The basis principles of legislative regulation of investment in foreign countries are analyzed. The main ways of developing legal factor of regional agricultural investment attractiveness are determined.

Key words: investment attractiveness, legal factor, legislation, capital investment.

---

[5] Отчет о научно-исследовательской работе «Предложения по повышению инвестиционной привлекательности предприятий АПК» // Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК ЦЧР РФ. – Воронеж, 2006. – 128 с.

[6] Отчет о научно-исследовательской работе «Предложения по повыше-нию инвестиционной привлекательности предприятий АПК» // Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК ЦЧР РФ. – Воронеж, 2006. – 128 с.

УДК 336.153

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ БЮДЖЕТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

С.Ф. ЛИСЮТИН [1]
М.В. ВЛАДЫКА [2]
Е.В. НИКУЛИНА [3]

[1] Департамент финансов и бюджетной политики Белгородской области

[2] Белгородский государственный университет
e-mail: Vladyka@bsu.edu.ru

[3] Белгородский государственный университет

e-mail: Nikulina@bsu.edu.ru

В статье рассматривается стратегия бюджетного менеджмента региона как форма воздействия на социально-экономическое развитие региона, бюджетная политика региона. Затрагивается тема эффективности управления финансами региона и влияние принципа среднесрочного бюджетирования, ориентированного на результат. Приведен анализ бюджетной политики Белгородской области за 2002-2006 гг., который позволил выявить инновационные направления бюджетного менеджмента региона.

Ключевые слова: бюджетный менеджмент, бюджетирование, ориентированное на результат, инновационный мониторинг, региональные финансы.

Трансформация рыночной экономики России в инновационную обусловлена требованиями двадцать первого века, поскольку без эффективно функционирующей национальной инновационной системы и передовых научных исследований государство не сможет осуществить инновационный прорыв и занять ведущее место в мировой экономике. В выступлении В.В. Путина на заседании Госсовета РФ 11 февраля 2008 года подчеркнуто, что инновационному пути развития экономики нет альтернативы[1].

Одним из главных приоритетов, возникающих в процессе бюджетной организации государства, является вопрос разделения власти и экономической ответственности между центром и регионами – уровни бюджетного управления и делегирование полномочий – как правовых, так и финансово-экономических, поскольку самостоятельность регионов - явление объективное. Поэтому в условиях инновационной экономики на первый план выступают эффективные механизмы развития бюджетно-финансовой сферы. Для обеспечения эффективной инновационной политики необходимы соответствующие инструменты, формы и методы ее реализации во всех сферах проявления и жизнедеятельности общества на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Разработка и осуществление стратегии бюджетного менеджмента как инновационной формы социально-экономического развитием региона включает три взаимосвязанных элемента: стратегическое планирование; механизм реализации стратегии и оценку реализации стратегии. Реализация стратегии бюджетного менеджмента на региональном уровне требует эффективного механизма, увязки целей долгосрочной и оперативно-текущей деятельности. При этом под механизмом реализации стратегии (рис.1) бюджетного менеджмента понимается совокупность инновационных форм, методов и инструментов целенаправленного управленческого воздействия на социально-экономическое развитие региона.

В качестве важнейших принципов реализации стратегических целей и приоритетов бюджетного менеджмента региона следует рассматривать:

- *сочетание долгосрочного видения и конкретности* тактических целей и оперативных действий в реализации конкретных проектов;
- *демократичность*, обеспечивающая гласность и открытость хода и результатов работы по формированию и реализации стратегии социально-экономического развития;
- *партнерство*, в соответствии с которым региональные власти, предпринимательские структуры, общественные организации, население принимают на себя определенные обязательства по реализации намеченного;
- *баланс интересов* различных слоев населения, хозяйствующих субъектов всех форм собственности, субъектов управления различного иерархического уровня (в том

[1] Текст выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Госсовета. - WWW. IZVESTIA.RU – 11.02. 2008 г.

числе и местного самоуправления), участвующих в реализации стратегии;

- *непрерывность*, то есть организацию регулярного мониторинга, оценки хода реализации и своевременной корректировки стратегии.

Стратегия бюджетного менеджмента

Цели

1.Развитие и совершенствование региональной бюджетной системы
2.Усиление социально-ориентированного характера бюджета Белгородской области.
3. Обеспеченность населения собственными доходами областного бюджета

Задачи

1. Повышение эффективности бюджетных расходов
2. Совершенствование налогово-бюджетного законодательства на региональном и муниципальном уровне
3. Внедрение современных инструментов бюджетирования

Бюджетные индикаторы

1.Доля бюджетных расходов инвестиционного характера
2.Доля налоговых и неналоговых доходов в ВРП
3.Качество бюджетной услуги
4.Доступность бюджетной услуги
5.Эффективность расходования бюджетных средств на бюджетную услугу
6.Снижение налоговой нагрузки по социально-ориентированным направлениям

Социальные индикаторы

1.ВРП на душу населения
2.Средняя заработная плата
3.Потребительская корзина
4.Сбережения населения (вклады-депозиты)
5.Ввод жилья или количество кв.м. на душу населения
6.Ввод объектов здравоохранения, культуры и образования или количество на душу населения
7.Жилищно-комунальное хозяйство и дорожное строительство
8.Экология и охрана окружающей среды
9.Демография и продолжительность жизни
10.Малый бизнес (доля занятых на 10 тыс.населения)

Рис.1. Логика реализации бюджетного менеджмента

Стабильное социально-экономическое развитие регионов определяется целым рядом факторов, к числу которых относится и реализация эффективной бюджетной политики. В период становления рынка бюджетной политике принадлежит особая роль — она призвана выполнять социальные функции, регулировать межуровневые организационные отношения, усиливать экономическую и финансовую самостоятельность регионов. Вместе с тем существует ряд проблем в реализации этой политики на уровне регионов: разбалансированность механизма функционирования бюджетной системы; недостаточная нормативная и информационная база для регулирования межбюджетных отношений; неразвитость механизмов управления бюджетными потоками, как в доходной, так и расходной их части; отсутствие теоретически обоснованных и законодательно закрепленных положений о принципах, методах и функциях управления бюджетной политикой региона.

Белгородская область одной из первых стала проводить реформу общественных финансов[2]. Мероприятия Программы реформирования затрагивают большое количество направлений социально-экономического состояния и развития области и сгруппированы по блокам:

- реформа бюджетного процесса и управления расходами;
- бюджетирование, ориентированное на результат (БОР);
- административная реформа;
- реформирование государственного сектора экономики;
- совершенствование системы инвестиций;
- развитие доходной базы бюджетов;
- совершенствование долговой политики;
- совершенствование межбюджетных отношений.

Для повышения эффективности управления государственными и муниципальными финансами в основу деятельности органов государственной власти в рамках осуществления бюджетного процесса положен принцип бюджетирования, ориентированного на результат (БОР) - переход с формирования бюджета по принципу «управление затратами» к формированию по принципу «управление результатами».

Как показали первые итоги, реформирование бюджетного процесса в соответствии с принципами среднесрочного бюджетирования, ориентированного на результаты, усиливает необходимость сосредоточения функций по экономическому прогнозированию, стратегическому планированию и бюджетному менеджменту на всех уровнях бюджетной системы; налоговой, таможенной и долговой политике; составление перспективного финансового плана и трехлетнего бюджета; выработку приоритетов использования бюджетных ресурсов; методологии формирования, отбору и мониторингу бюджетных целевых программ, управлению инвестициями в одном (сводном) органе исполнительной власти.

За прошедшие годы (2002-2006) бюджетная политика Белгородской области, в первую очередь была направлена на повышение качества и доступности бюджетных услуг для населения области и повышение эффективности расходования бюджетных средств на предоставление этих услуг, обеспечение социальной стабильности в области. В табл. 1 представлена динамика увеличения доходов и расходов бюджета за 2002-2006 гг.

Таблица 1

Динамика увеличения доходов и расходов бюджета за 2002-2006гг., тыс. руб.

Годы	Расходы			Доходы		
	Всего фактически расходов по бюджету	Цепное абсолютное изменение, тыс. руб.	Цепное относительное изменение, %	Всего фактически доходов по бюджету	Цепное абсолютное изменение, Тыс. руб.	Цепное относительное изменение, %
1	2	3	4	5	6	7
2002	10560246	-	-	10173415	-	-
2003	11759527	1199281	111,4	10910014	736599	107,2
2004	15820823	4061296	134,5	17269224	6359210	158,3
2005	25783864	9963041	163,0	24730371	7461147	143,2
2006	31098536	5314672	120,6	29484992	4754621	119,2

[2] Постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 года «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов»; Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24 августа 2004 года «О создании Фонда реформирования региональных и муниципальных финансов и его распределении»; Постановлением правительства Белгородской области от 4 ноября 2004 года №155-пп «Программа реформирования системы управления общественными финансами Белгородской области».

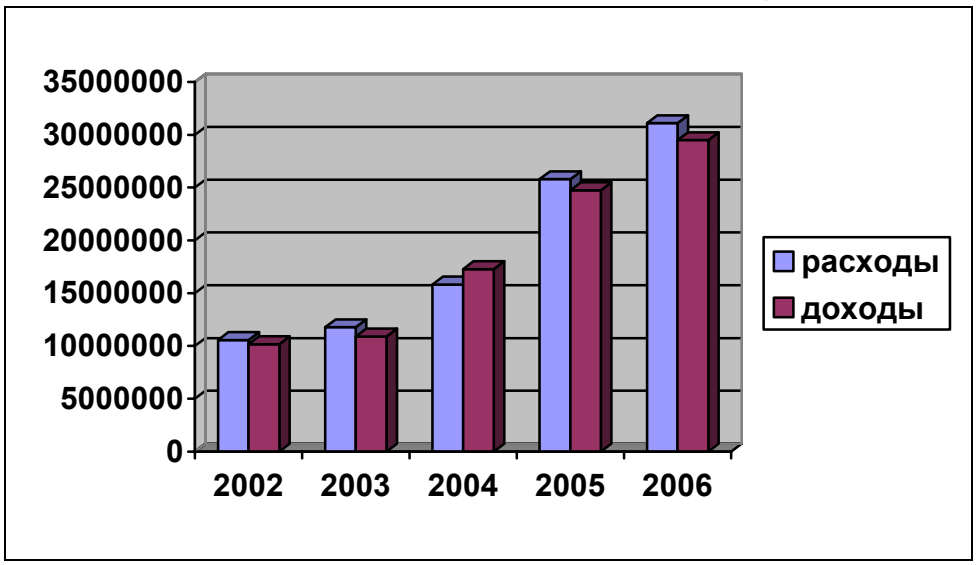

Рис.2. Динамика доходов и расходов консолидированного бюджета за 2002-2006 гг.

В 2003 году сумма расходов бюджета увеличилась на 11,4% по сравнению с 2002 годом. В последующем периоде наблюдалось увеличение расходной части бюджета на 34,5%, а в 2005 – на 63,0%, в 2006 – на 20,6%. Доходы бюджета имеют тенденцию к повышению за анализируемый период. В 2003 году доходы возросли на 7,2%, в 2004 – 58,3%, в 2005 – 43,2%, в 2006 – 19,2%.

В области проводилась целенаправленная работа по повышению собираемости налогов и наполнению доходной части консолидированного бюджета области. Комплекс проводимых в области мероприятий позволил выполнить бюджетные назначения по всем основным доходным источникам.

При проведении бюджетной политики в части выполнения областью расходных обязательств удалось добиться положительных результатов. По-прежнему сохраняется социальная направленность бюджета, его устойчивая экономическая стабильность. В 2004 и 2005 годах бюджет носил профицитный характер.

Таблица 2

Исполнение доходной части областного бюджета, тыс.руб.

Годы	Всего доходов по бюджету		Процент выполнения
	план	факт	
1	2	3	4
2002	9675794	10173415	105,1%
2003	10470147	10910014	104,2%
2004	16591397	17269224	104,1%
2005	24659825	24730371	100,3%
2006	27298246	29484992	108,0%

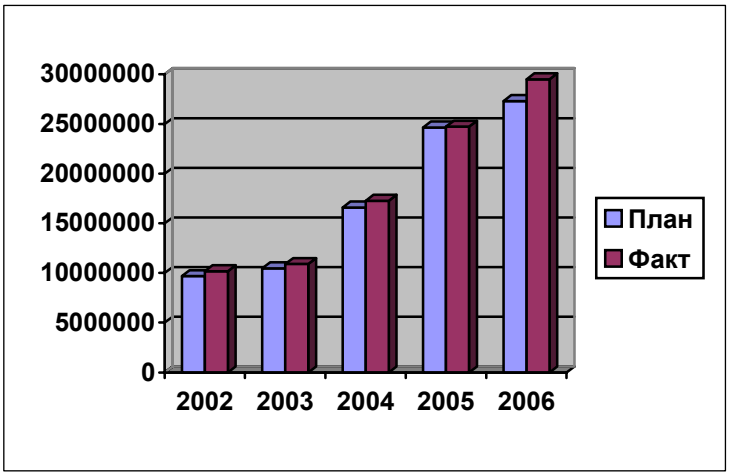

Рис.3. Исполнение доходной части консолидированного бюджета за 2002-2006 гг.

Положительным фактором бюджетного планирования следует отметить постоянное выполнение (табл.2) доходной части областного бюджета за анализируемый период.

Таблица 3

Исполнение доходов областного бюджета за 2002-2006гг., %

Наименование дохода	Годы				
	2002	2003	2004	2005	2006
1	2	3	4	5	6
Налоговые доходы	101,9	103,9	103,7	102,2	108,7
Неналоговые доходы	140,8	130,3	121,2	107,7	108,9
Безвозмездные поступления	100,0	82,4	91,0	93,7	107,8

При анализе исполнения доходов бюджета по видам поступлений (табл.3) отмечается следующее:

1. Налоговые доходы по исполнению увеличиваются за период с 2002 по 2006 годы. Так в 2002 году исполнение составляет 101,9%, а в 2006 году исполнение составляет 108,7%.

2. Неналоговые доходы по исполнению имеют тенденцию снижения. Так в 2002 году исполнение составляло 140,8%, а в 2006 году уменьшилось до 108,9% или на 31,9%.

Таблица 4

Динамика доходов областного бюджета за 2002-2006гг., тыс. руб.

Наименование дохода	Годы					Абсолютное изменение 2006г. к 2002г.	Увеличение 2006г. к 2002г.
	2002	2003	2004	2005	2006		
1	2	3	4	5	6	7	8
1.Налоговые доходы	7816900	8367700	14523300	19261800	2226480	4447900	2,8 раза
2.Неналоговые доходы	1376000	773100	1267200	1789100	2550300	1174300	1,9 раза
3.Безвозмездные поступления	980500	1769200	1478700	3679800	4669900	3689400	4,8 раза

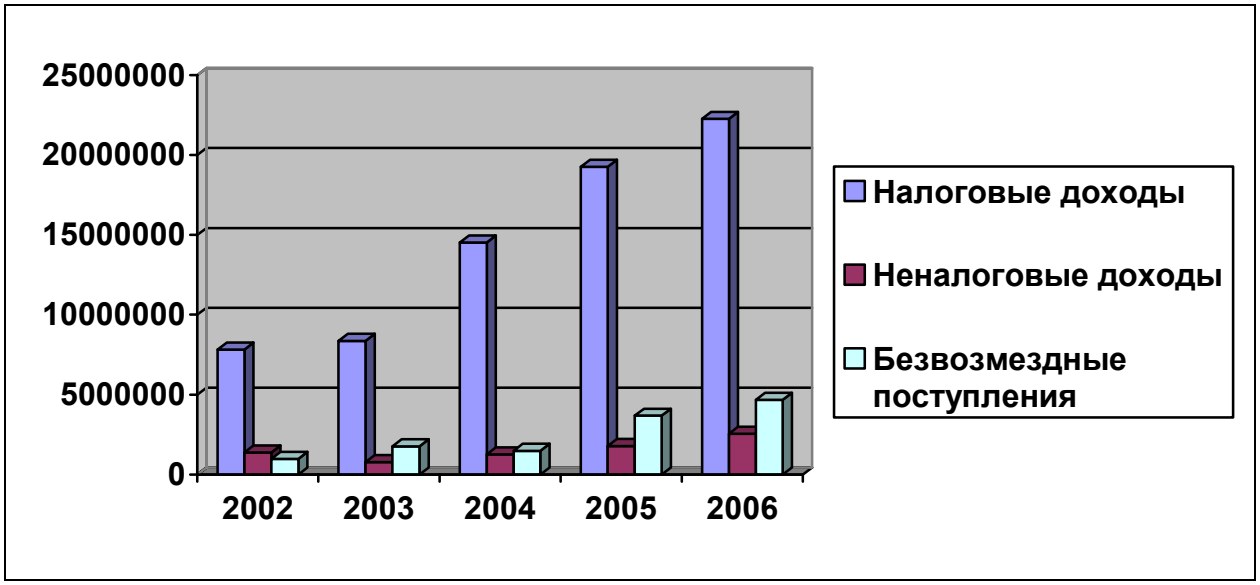

Рис.4. Динамика изменения доходов бюджета за 2002-2006 гг.

Налоговые доходы занимают доминирующее положение в ресурсах региона. С 2002 по 2006 год они увеличились в 2,8 раза. Говоря о приоритетности факторов, определяющих налоговый потенциал Белгородской области, следует принять во внимание внутренние факторы, формирующие налоговую базу. Налоговый потенциал Белгородской области определяется главным образом состоянием промышленного производства.

Увеличение неналоговых доходов в 1,9 раза заключается в усилении контроля органами государственной власти и местного самоуправления за использованием государственного и муниципального имущества. Администрацией Белгородской области проводились проверки по выявлению пользователей земельных участков, нарушающих земельное законодательство и уклоняющихся от уплаты арендных платежей за землю, а также осуществляется контроль за передачей в аренду государственными предприятиями и учреждениями земельных участков, принадлежащих им на правах постоянного (бессрочного) пользования.

Безвозмездные поступления увеличились в 4,8 раза за счет поступления средств из вышестоящего бюджета для реализации национальных проектов.

К основным новациям бюджетного менеджмента Белгородской области следует отнести:

1. Высокие темы роста собственных доходов консолидированного бюджета Белгородской области гарантируются как устойчивым экономическим развитием основных налогообразующих предприятий и организаций, представляющих горнометаллургический и строительный кластеры. В общем составе платежей их доля составляет соответственно 31,3% и 16,7%.

2. Эффективное проведение бюджетной реформы общественных финансов и законодательное регулирование региональных налогов и сборов, улучшение инвестиционного климата.

3. Реализация программ развития налогового и неналогового потенциала, направленные на мобилизацию внутренних ресурсов.

4. Эффективное использование государственного и муниципального имущества.

5. Проведение актуализации земельных ресурсов и упорядочение базы данных для исчисления земельного налога.

6. Стимулирование инвестиционной привлекательности региона.

7. Повышение качества налогового администрирования и сокращение малоэффективных налоговых льгот.

8. Позитивная тенденция источников доходной части и пропорциональный рост расходной части бюджета.

9. Создание благоприятных условий для развития малого бизнеса и предпринимательства.

В рамках регионального бюджетного менеджмента особую актуальность приобретают вопросы, связанные с контролем за использованием бюджетных средств. В связи с этим представляется целесообразным выделить основные направления модернизации государственного финансового контроля (ГФК), соответствующего современным требованиям (рис. 5).

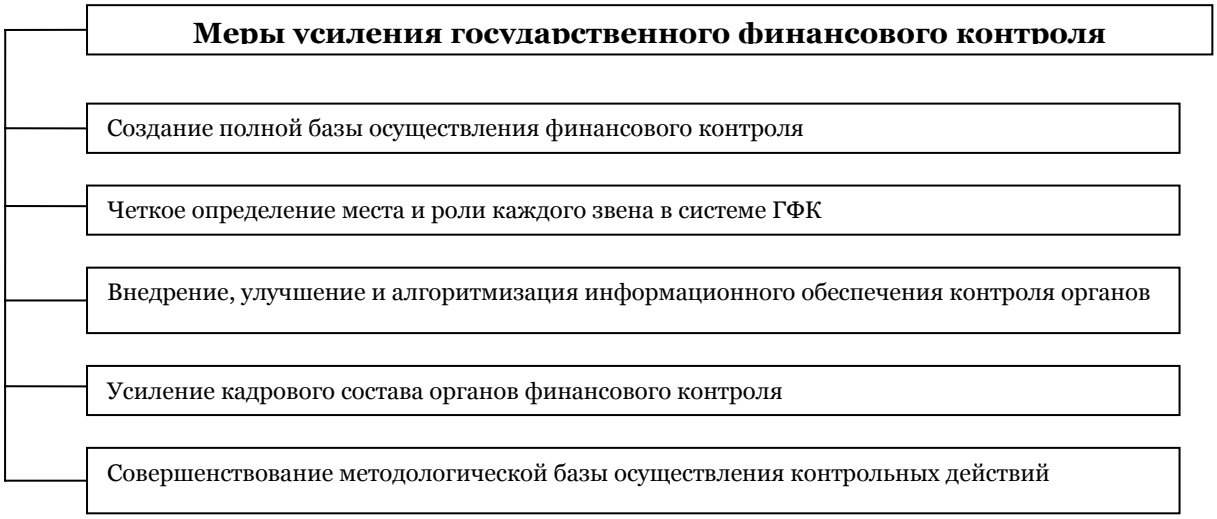

Рис.5. Меры усиления государственного финансового контроля

В выступлении на заседании Госсовета РФ В.В.Путин поставил задачу удвоения российского ВВП не к 2013 году, как было ранее, а к 2010 году. В этом контексте один из главных индикаторов эффективного социально-экономического развития Белгородской области - удвоение валового регионального продукта - будет достигнут уже к 2009 году. Оптимистично выглядит еще один индикатор: удвоение средней заработной платы по области к 2010 году, если сравнивать с 2006 годом. В денежном исчислении - это 17 тысяч рублей, против десяти тысяч рублей в прошлом году.

Переход на трехлетний бюджет и представление финансового плана на этот период подразумевает ясное видение стратегии развития. Это - курс на повышение качества жизни белгородцев, обеспечения безопасности, социальной стабильности, экономического роста и, конечно же, - реализация национальных проектов. Что касается бюджета 2008 года - он предполагает высокие темпы роста расходов на социальную сферу и является социально-оритентированным. Так, финансирование соцобеспечения увеличится на четверть, а благоустройства и капремонта жилья - в полтора раза. Кроме того, расходы на питание в бюджетных учреждениях вырастут на 30%, на медикаменты - на 32%. В общем, консолидированный бюджет области на 2008 год увеличится по сравнению с бюджетом 2005 более чем в два раза. Бюджет оптимистичен, но весьма напряжен, поскольку дефицит составляет чуть менее четырех с половиной миллиардов рублей. Но это стимул для увеличения доходной части бюджета и одновременно средство для разумного использования федеральной помощи.

Вместе с тем пути совершенствования бюджетного процесса могут оказывать локальный эффект, а могут приводить к инновационным изменениям. Именно к таким изменениям приведет переход от социально-ориентированного бюджета к инновационно-ориентированному.

INNOVATORY METHODS OF BUDGET MANAGEMENT IN SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION

S.F. LISJUTIN [1]
M.V. VLADYKA [2]
E.V. NIKULINA [3]

[1] The Department of financial and budget policy of Belgorod region

[2] Belgorod state university

e-mail: Vladyka@bsu.edu.ru

[3] Belgorod state university
e-mail: Nikulina@bsu.edu.ru

The article considers the strategy of budget management of a region and the budget policy of a region. The paper raises the issues of the efficiency of the financial management of a region and the influence of the principle of the middle-term, result-oriented budgeting. The article provides the analysis of the budget policy of Belgorod region in 2002-2006 which allows to clarify the innovatory ways of the budget management of a region.

Key words: budget management, result-oriented budgeting, innovatory monitoring, regional finance.

УДК 332.13

ФОРМИРОВАНИЕ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ КЛАСТЕРОВ – ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА *

О.В. АБРАМОВ[1)]
Л.Н. БОРИСОГЛЕБСКАЯ[2)]
А.В. ДЕЙНЕКО[3)]

[1)] Управление промышленности и внешнеэкономической деятельности департамента экономического развития Белгородской области

[2)] Белгородский государственный университет

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

[3)] Белгородский государственный университет

e-mail: economiks@ru.ru

В работе предлагается принципиально новый подход к оценке уровня стратегического развития региона, базирующийся на выявления «точек» интенсивного роста производственно-экономического сектора экономики, а так же выявлении вертикально-интегрированных кластеров, составляющих приоритетные сектора экономики. Стратегический вектор развития производственно-экономического сектора, направленный на диверсификацию и поддержку выявленных кластеров, позволит интенсифицировать развитие экономики региона в целом, принесет представленный в работе значительный эффект, в том числе и мультипликативного характера.

Ключевые слова: «Точка роста», мультипликативный эффект, синергетический эффект, вертикально-интегрированный региональный кластер, производственно-экономический потенциал, коэффициент локализации.

Сырьевая зависимость, долгие годы характеризующая российскую экономику показала, что моноструктурный механизм, базирующийся на развитии узкого круга отраслей, преимущественно сырьевого характера, работающий преимущественно на экспорт, а, следовательно, зависимый от мировых цен на выпускаемую продукцию, априорно индуцирует зависимость всей экономики государства от конъюнктуры отдельного сегмента мирового рынка. Такое построение экономической структуры провоцирует нестабильность экономики, негативно сказывается на экономической безопасности государства.

Вместе с тем «Главная проблема сегодняшней российской экономики – это ее крайняя неэффективность. Производительность труда в России остаётся недопустимо низкой. Те же затраты труда, что и в наиболее развитых странах, приносят в России в несколько раз меньшую отдачу. И это вдвойне опасно в условиях растущей глобальной конкуренции и увеличивающихся затрат на квалифицированный труд, на энергоносители»[1].

Решить задачу повышения конкурентоспособности производственно-экономического сектора можно путем создания «стимулов и условий» для продвижения следующих направлений:

- формирование национальной инновационной системы;
- развитие базовых для России секторов экономики, включая глубокую переработку природных ресурсов, использование энергетических, транспортных и сельскохозяйственных возможностей России;
- масштабная модернизация существующих производств во всех сферах экономики;
- принципиально иное качество управления предприятиями;
- развитие новых секторов глобальной конкурентоспособности, прежде всего в высокотехнологичных отраслях[2].

В связи с необходимостью реализации перечисленных направлений, в условиях рыночной экономики рост промышленного производства должен осуществляется, прежде всего, за счет увеличения выпуска продукции и услуг предприятий обрабатывающих секторов экономики, на базе высокого уровня развития рыночных институтов, прежде всего коммерческой деятельности, а так же стабильной бюджетной и социальной политики региона.

---

*Статья подготовлена в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года**

[1] http://www.kremlin.ru Официальный сайт Президента РФ (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года»)

[2] Там же.

Изучение вопроса формирования и развития вертикально-интегрированных региональных производственно-экономических кластеров рассматривается, как важное конкурентное преимущество современной экономики региона, обеспечивающее реальный синергетический эффект.

В работе предлагается комплексная оценка производственно-экономического потенциала региона для выявления «точек роста» в промышленном секторе экономики, позволяющая сформировать производственно-экономические кластеры. Предлагаемый подход ориентирует выявленные приоритетные сектора экономики на повышение конкурентоспособности, дает возможность образования мультипликативного эффекта для развития экономики региона в целом.

По результатам рейтинга инвестиционной привлекательности регионов, проводимого агентством «Эксперт РА» при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации в 2006 году, среди регионов ЦФО Белгородская область имеет минимальный инвестиционный риск, область заняла 1 место в главной номинации «За стабильно низкий инвестиционный риск в течение десятилетия», вошла в категорию 2В - "полюсов роста" России, характеризуется средним потенциалом – умеренным риском[3].

По рейтингу Министерства финансов Российской Федерации Белгородская область по итогам 2006 года находится на четвертом месте среди регионов Российской Федерации по таким показателям, как развитие промышленности, рост инвестиций, рост доходов на душу населения, продолжительность жизни, рождаемость.

Одним из важнейших показателей, характеризующих состояние экономики области, является показатель ВРП в расчете на душу населения. По этому социально-экономическому показателю среди регионов Российской Федерации Белгородская область переместилась с 37 места в 1998 г. (12 242,8 руб./чел.) на 30 место в 2005 г. (97 375,5 руб./чел.), область с 2000 г. успешно удерживает 5 место по размеру ВРП среди регионов Центрального федерального округа.

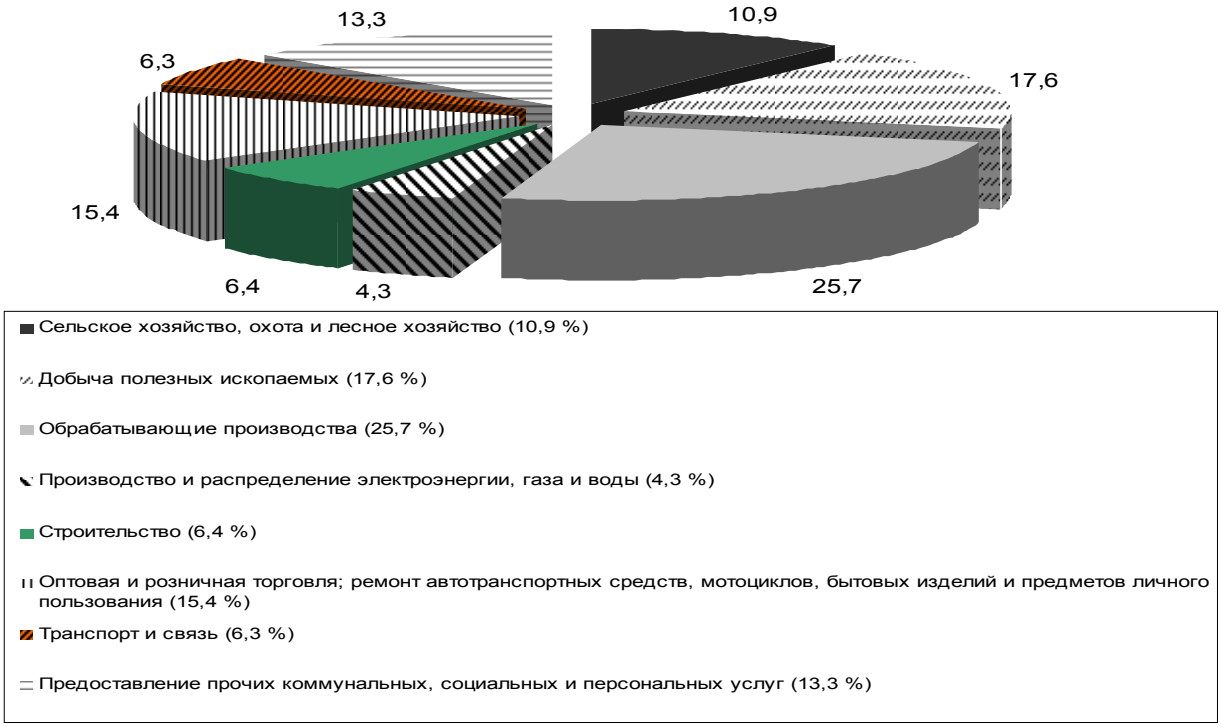

Рис. 1. Структура ВРП по видам экономической деятельности 2006 г., %[4].

Проведенный анализ показывает, что основной объем ВРП обеспечивают (рис.1):

- добыча полезных ископаемых,
- обрабатывающие производства,
- сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство,

[3] http://www.raexpert.ru Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА»
[4] ГосКомСтат РФ

• оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования

• строительство (один из наиболее динамично развивающихся видов деятельности, за период с 2004 по 2006 год его доля в ВРП увеличилась на 1,6 %).

На их долю приходится более 75% произведенного ВРП.

В структуре экономики региона преобладающую роль играет промышленность, предприятиями данного сектора экономики производится 47,6% ВРП, являются крупнейшими налогоплательщиками, – обеспечивают более половины всех налоговых сборов региона (рис.2). В промышленном производстве сосредоточено более половины основных фондов и трудится почти треть занятого населения.

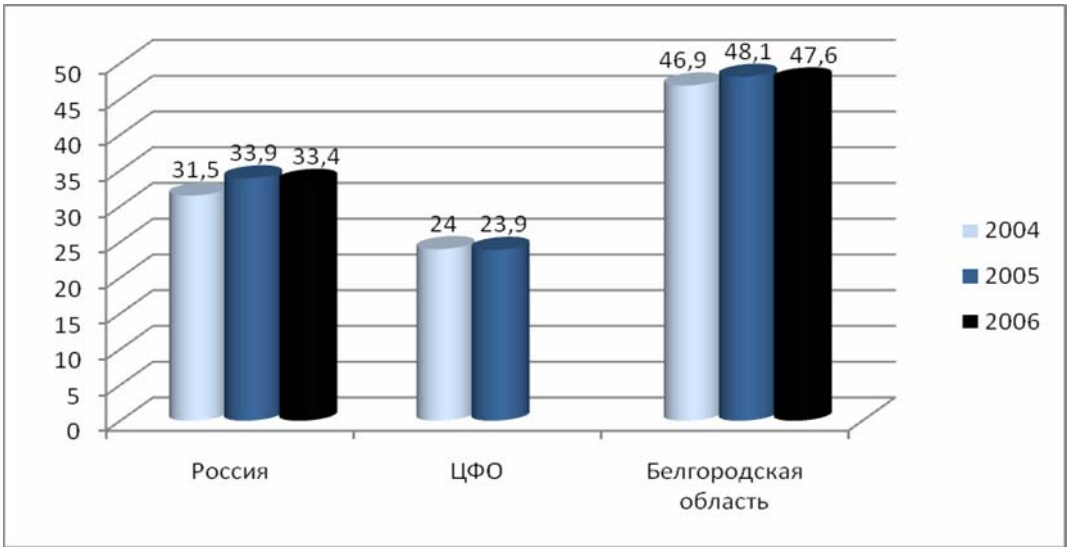

Рис.2. Сравнительная оценка динамики долей промышленности в структуре ВРП РФ, ЦФО и Белгородской области[5].

Промышленность объединяет добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Индекс промышленного производства в 2007 году к уровню 2006 года составил 109,5 %, в декабре 2007 года по сравнению с декабрем 2006 года – 111,6 %, в том числе по видам экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых» - соответственно по 112,7 % и 113,1 % «производство, передача и распределение электроэнергии, газа и воды» – 103,4 % и 115,7 %. Среди обрабатывающих производств в 2007 году к уровню 2006 года наибольший рост наблюдается в производстве пищевых продуктов (115,8 %), химическом производстве (116,7 %), металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий (113,6%).

Значительная концентрация производства в основных отраслях промышленности. Около 100 крупных и средних предприятий производят около 90% всей промышленной продукции: ОАО «Лебединский ГОК», ОАО «Стойленский ГОК», ОАО «Комбинат КМАруда», ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат» – ведущие предприятия черной металлургии региона, являющиеся флагманами данной отрасли не только в ЦФО, но и на всероссийском уровне.

В машиностроении, металлообработке и приборостроении работает более 100 крупных и средних предприятий, которые дают более 90 % продукции отрасли. В том числе наиболее крупные: ЗАО «Завод – Новатор», ОАО «Шебекинский машиностроительный завод», ЗАО «Энергомаш», ЗАО "Старооскольский завод автотракторного электрооборудования им. А.М.Мамонова", ОАО «Оскольский завод металлургического машиностроения», ЗАО «Котельный завод «Белэнергомаш», ЗАО «Белогорье», дают две трети всего объема производства машиностроения и приборостроения.

Имеет место высокий уровень промышленной агломерации (концентрация промышленного производства по отдельным территориям). До 90% объема продукции промышленности области приходиться на города Белгород, Старый Оскол и Губкин.

---

[5] ГосКомСтат РФ

Рассчитанный в работе коэффициент локализации[6] объемов выпускаемой продукции по данным 2006 г., свидетельствует о сравнительно высокой концентрации в регионе:

- добычи полезных ископаемых, в секторе добычи металлических руд (удельный вес в промышленном производстве региона – 20,3 %, коэффициент локализации 14,95);
- производства пищевых продуктов, включая напитки и табак (удельный вес в промышленном производстве региона – 24,9 %, коэффициент локализации 2,67);
- производства прочих неметаллических минеральных продуктов (удельный вес в промышленном производстве региона – 7,2 %, коэффициент локализации 2,26);
- металлургического производства и производства готовых металлических изделий (удельный вес в промышленном производстве региона – 26,3 %, коэффициент локализации 2,02).

В структуре промышленного производства Белгородской области доминирующее положение занимают приоритетные отрасли – обрабатывающие производства и черная металлургия (Рис.3). Совокупная доля этих отраслей составила 90,7% в 2005 году и соответственно 91,3% в 2006 году. Наиболее значимыми видами деятельности является производство пищевых продуктов, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий и производства неметаллических минеральных продуктов, их доля в 2005 году составила 24,0%, 27,1% и 6,3% соответственно. В 2006 году имел место рост долей по видам деятельности производство пищевых продуктов – на 0,9% и производства неметаллических минеральных продуктов – 0,9% по сравнению с показателями 2005 года. В тоже время в период с 2005 по 2006 гг. снизилось металлургическое производство и производство готовых металлических изделий на 0,8%, а так же производство и распределение электроэнергии, газа и воды с 9,4% до 8,7%, доля обрабатывающих производств возросла на 5,3%.

За период с 1990 по 2006 гг. выросли показатели таких отраслей промышленности как электроэнергетика и химическая и нефтехимическая промышленность: доля электроэнергетики с 0,6% в 1990 г. до 6,2% в 2006 г., что свидетельствует об увеличении в 10,3 раза; химическая и нефтехимическая промышленность с 2,6% в 1990 г. до 6,4% в 2006 г., то есть в 2,5 раза.

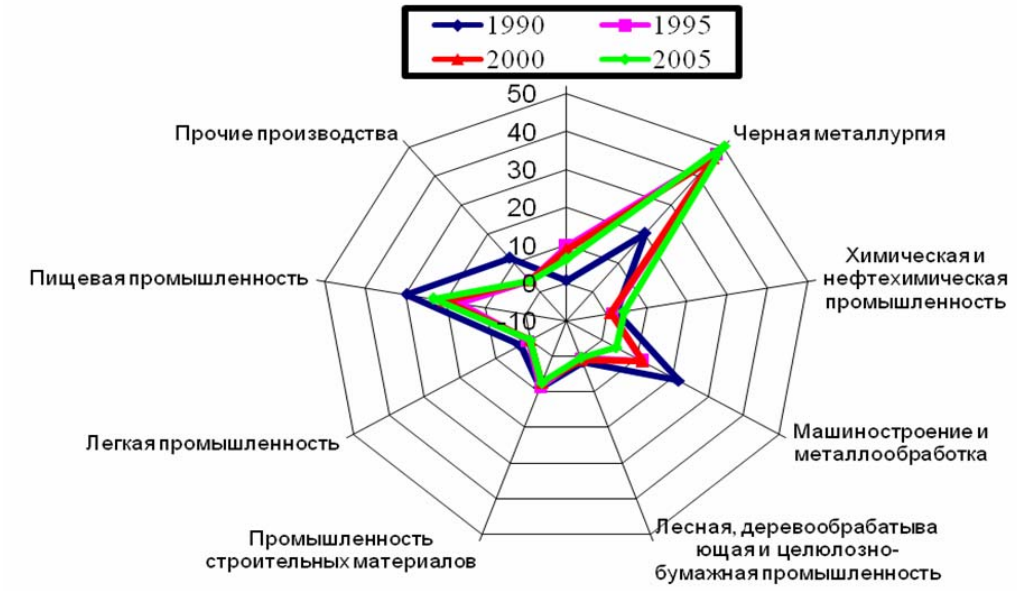

Рис.3. Изменение структуры промышленного производства, %[7]

Можно сделать выводы о сложившейся устойчивой специализации региона в следующих производственных областях:

1. металлургическая промышленность и машиностроение (по видам экономической деятельности):

- добыча металлических руд;

---

[6] Коэффициент локализации фиксирует отношение производства отрасли на душу населения в регионе к производству на душу населения в России (эмпирически определенное минимальное значение, свидетельствующее о достигнутой специализации региона - 1,25).

[7] ГосКомСтат РФ

- металлургическое производство и производство готовых металлических изделий;
- производство машин и оборудования;
- производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

2. пищевая промышленность (по видам экономической деятельности):

- производство пищевых продуктов;
- производство готовых кормов для животных;
- производство напитков.

3. промышленность строительных материалов.

На протяжении с 2005 по 2006 г. (Рис.4) наблюдается снижение доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в общем объеме промышленной продукции региона, только за 2005 – 2006 г. – этот показатель снизился на 4,7%, в то время как его абсолютное значение увеличилось на 711,7 млн. рублей, что свидетельствует о росте диверсификации экономики региона, то есть об опережающих темпах роста обрабатывающих производств.

Вместе с тем за исследуемый период возросла доля производства пищевых продуктов, включая напитки и табак с 24,0% до 24,9% соответственно. Существенно выросла доля химического и нефтехимического производства с 1,7% в общем объеме промышленности в 2005 г. до 6,4% в 2006 г, производство прочих неметаллических минеральных продуктов – с 6,3 – в 2005 г. до 7,2 – в 2006 г. остальные показатели существенно не изменились.

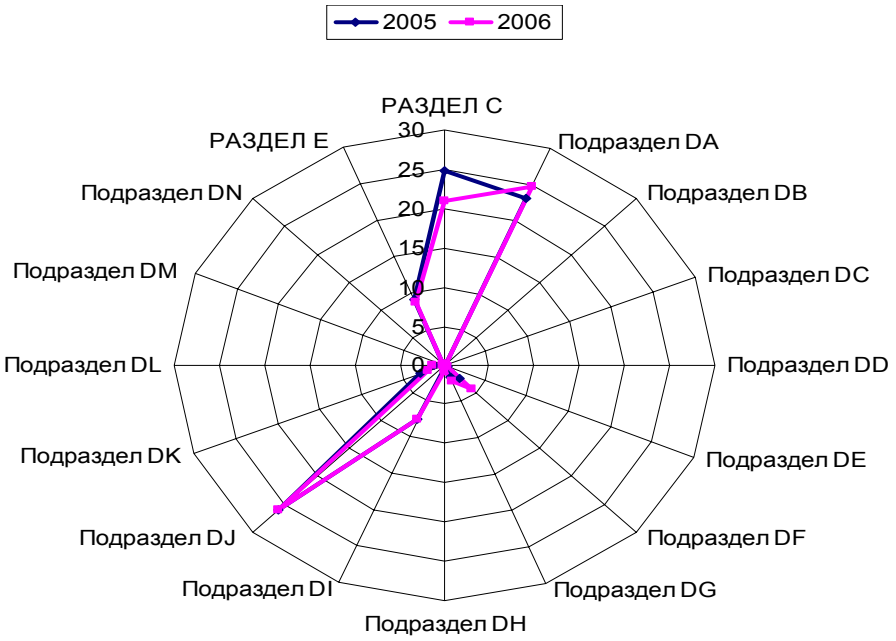

Рис.4. Динамика промышленного производства за 2005-2006 г.г.[8]

Анализ динамики промышленного производства с 2000 по 2006 гг., свидетельствует о том, что объем промышленного производства возрос на 94,8%. С 2001 года (за исключением 2003 года – 106,2% к 107% по России), темпы роста объема производства промышленной продукции в Белгородской области были выше, чем в целом по России. В среднем прирост объема производства за этот период составлял 10,2% в год по области против, 4,9% по России.

Растущими секторами промышленности региона определены «Добыча полезных ископаемых», «Производство пищевых продуктов, включая напитки и табака», «Целлюлозно-бумажное производство; издательская полиграфическая деятельность», «Химическое производство», «Производство резиновых и пластмассовых изделий», «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов», «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий», «Производство машин и оборудования», «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

[8] ГосКомСтат РФ

С целью повышения конкурентоспособности производственно-экономического потенциала региона в целом, и выявленных приоритетных секторов экономики – в частности, целесообразно рассматривать их с позиции кластерного подхода. Рассматривая региональный кластер, как систему взаимосвязанных предприятий, общественных и научных организаций и государственных органов, планирующих и координирующих свою деятельность в соответствии с единой целью, выраженной в повышении конкурентоспособности, на основе синергетического эффекта.

На основе выделения приоритетных секторов производственно-экономического комплекса, являющихся «точками роста», с учетом их взаимодействия с другими секторами экономики формируются вертикально-интегрированные производственно-экономические кластеры региона:

• Горно-металлургический сектор (Добыча полезных ископаемых) совместно с производством металлургической продукции образуют МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР;

• Работы, выполненные по виду деятельности "Строительство" совместно с производством прочих неметаллических минеральных продуктов и производством резиновых и пластмассовых изделий, образуют СТРОИТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР;

• Агропромышленный сектор экономики, совместно с производством пищевых продуктов, образуют АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КЛАСТЕР

В промышленности выделяется несколько устойчивых «точек роста» базирующиеся на трех выявленных производственно-экономических кластерах Белгородской области.

Мощная сырьевая база, обеспеченная металлургическим кластером и значительный потенциал внутреннего спроса, обусловленный развитием агропромышленного и строительного кластеров, индуцировали формирование точки роста по виду деятельности «производства машин и оборудования» его доля, по данным 2006 г., составила 2% в структуре всей промышленности. По данным 2005 года коэффициент локализации по данному виду деятельности составил 0,94, этот показатель, рассчитанный для реального сектора экономики, обуславливает достаточную специализацию области в этом секторе (Рис.5).

Рис.5. Взаимодействие приоритетных секторов экономики региона на внутреннем рынке

В перспективе под влиянием развития образовательного потенциала региона и развитием на его базе научно-технического потенциала в соответствующем направлении, могут быть образованы две новых (инновационных) «точки роста»:

По виду деятельности «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования», его доля 1,4% в общем объеме промышленности по данным 2006 года, вместе с тем наблюдается устойчивый рост на протяжении 2002 – 2006 гг. Рост

внутрирегионального спроса на продукцию предприятий данного вида деятельности обусловлен, в частности формированием «точки роста» в машиностроении, а так же спросом трех производственно-экономических кластеров;

По виду деятельности «Химическое производство» и «Производство нефтепродуктов», их суммарная доля составила 6,4% промышленного производства по данным 2006 года коэффициент локализации по данному виду деятельности составил 0,61, что является достаточно высоким показателем с учетом высокой специализации России в данном секторе экономики. Рост внутрирегионального спроса на продукцию предприятий данного вида деятельности обусловлен, в частности формированием мультипликативного эффекта в сегментах агропромышленного кластера, а так же спросом трех производственно-экономических кластеров.

Металлургический кластер. Металлургическая промышленность является одной из отраслей специализации России в современном международном разделении труда, на сегодняшний день Российская Федерация занимает: по производству стали – 4-е место в мире (после Китая, Японии и США), по экспорту металлопродукции – 3 место в мире (после Китая, Японии). По производству и экспорту алюминия Россия занимает 2-е место в мире, уступая только США; по производству никеля – первое место в мире, по производству титана – второе место[9].

В 2007 г. доля металлургии в ВВП страны составила около 5%, промышленном производстве – 17,3%, экспорте – 14,2%. Отрасль обеспечивает 9% налоговых платежей (суммарно по всем уровням бюджетов). Как потребитель металлургия использует от общепромышленного уровня: 32% электроэнергии, 25% природного газа, 10% нефти и нефтепродуктов; гарантирует 20% грузовых железнодорожных перевозок.

Белгородская область располагает более чем 40% разведанных запасов железорудного сырья страны и более чем половиной предварительно оцененных. Ее промышленный потенциал в настоящее время и в перспективе в значительной мере определяется добычей и переработкой железных руд, является основной железорудной базой России.

Горно-металлургический кластер, ядром которого являются: Лебединский и Стойленский ГОКи, ведущие добычу железной руды открытым способом, комбинат «КМАруда», осуществляющий ее добычу подземным способом и Оскольский электрометаллургический комбинат. На долю этого кластера приходится более 36% общероссийской добычи железной руды, 37% - окатышей железорудных, 4,2% - готового проката.

Предприятия намерены инвестировать в свое развитие более 100 млрд. рублей в течение 15 лет, что позволит обеспечить устойчивый рост производства железорудной продукции до 2025 года. Производство товарной железной руды увеличится на 17 млн. тонн и составит свыше 51 млн. тонн, железорудных окатышей - соответственно на 7,6 млн. тонн и составит почти 21 млн. тонн[10].

Наиболее высокими темпами будет расти выпуск горячебрикетированного железа; производство стали к 2025 году составит 3,5 млн. тонн, проката черных металлов превысит 3 млн. тонн, горячебрикетированного железа 5,2 млн. тонн.

Развитие металлургического кластера индуцирует мультипликативный эффект:

- стимулирует сырьевой толчок для развития машиностроения в регионе;
- способствует развитию двух других производственно-экономических кластеров (строительного и агропромышленного), за счет сосредоточения крупных финансовых средств и формирования на базе этого кредитно-финансовых и инвестиционных институтов, а так же значительных налоговых отчислений и роста внутреннего спроса на продукцию производимую представленными кластерами;
- индуцирует развитие инновационных и информационных технологий для повышения качества и диверсификации продукции, вызывая рост НТП региона, благодаря сосредоточению значительных инвестиционных ресурсов;
- стимулирует развитие образования в соответствующей сфере (в г. Старый Оскол открыт филиал профильного Московского технологического университета МИСИС), за счет необходимости в высококвалифицированных кадрах.

---

[9] www.minprom.gov.ru Стратегия развития металлургической промышленности России на период до 2015 года.

[10] Там же.

Строительный кластер. Предприятия промышленности строительных материалов, по данным 2006 г. удельный вес в структуре промышленной продукции – 7,2%, коэффициент локализации, рассчитанный по объему произведенной продукции предприятий вида деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов» составил 2,26. Это обусловлено, в том числе и значительным сосредоточением на территории региона соответствующих минеральных ресурсов, а в частности мела, что делает конкурентоспособным продукцию этих предприятий за пределами региона, преимущественно за счет быстрого доступа к сырьевым ресурсам, снижающего их себестоимость за счет расходов на доставку. Развитию строительного кластера способствуют:

- нормативно-правовая, финансовая и прочая поддержка администрации региона, в рамках принятой программы «Улучшение качества жизни», индивидуальной застройки, так называемого «усадебного строительства», привело к повышению спроса на продукцию предприятий вида деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов» на внутреннем рынке. По вводу жилья на 1000 жителей Белгородская область занимает 4 место в России и второе – в ЦФО (после Московской области)[11];
- высокая миграционная привлекательность региона, в том числе и для жителей промышленных регионов Сибири и крайнего севера стимулирует спрос на строительном рынке региона, что аккумулирует рост спроса на продукцию предприятий промышленности строительных материалов на внутреннем рынке региона.

Стратегия жилищного строительства Белгородской области реализуется по трем направлениям:

- предоставление земельных участков застройщикам, в том числе корпоративным;
- инженерное обеспечение микрорайонов индивидуальной застройки;
- финансово-кредитная поддержка застройщиков.

Предполагается, что освоение инвестиций строительным комплексом возрастет к 2025 году в 4,5раза.

В целом в области под строительство индивидуального жилья выделено более 13 тысяч га земельных массивов в перспективных для застройки зонах. Всего сформировано 80 микрорайонов застройки, на которых расположено более 30 тысяч участков под индивидуальное строительство. Одновременно с предоставлением участков ведется опережающими темпами строительство инженерных сетей[12].

Перечисленные направления развития жилищного строительства индуцируют мультипликативный эффект в виде позитивной тенденции развития смежных секторов экономики, в частности (рис.6):

- предоставление земельных участков застройщикам, в том числе корпоративным стимулирует развитие производства по виду деятельности «Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг»;
- инженерное обеспечение микрорайонов индивидуальной застройки стимулирует развитие производства по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»;
- финансово-кредитная поддержка застройщиков стимулирует развитие производства по виду деятельности «Финансовая деятельность».

С целью оказания финансовой поддержки застройщикам более 10 лет работает ГУП «Белгородский областной фонд поддержки индивидуального жилищного строительства», образовано 10 кооперативов, занимающихся жилищным строительством, действует кредитный потребительский кооператив граждан «Свой дом», который при поддержке областного бюджета предоставляет кредиты своим членам сроком на 7 лет под 1% годовых.

---

[11] ГосКомСтат РФ

[12] http://www.belregion.ru Официальный сайт губернатора Белгородской области – Е.С. Савченко

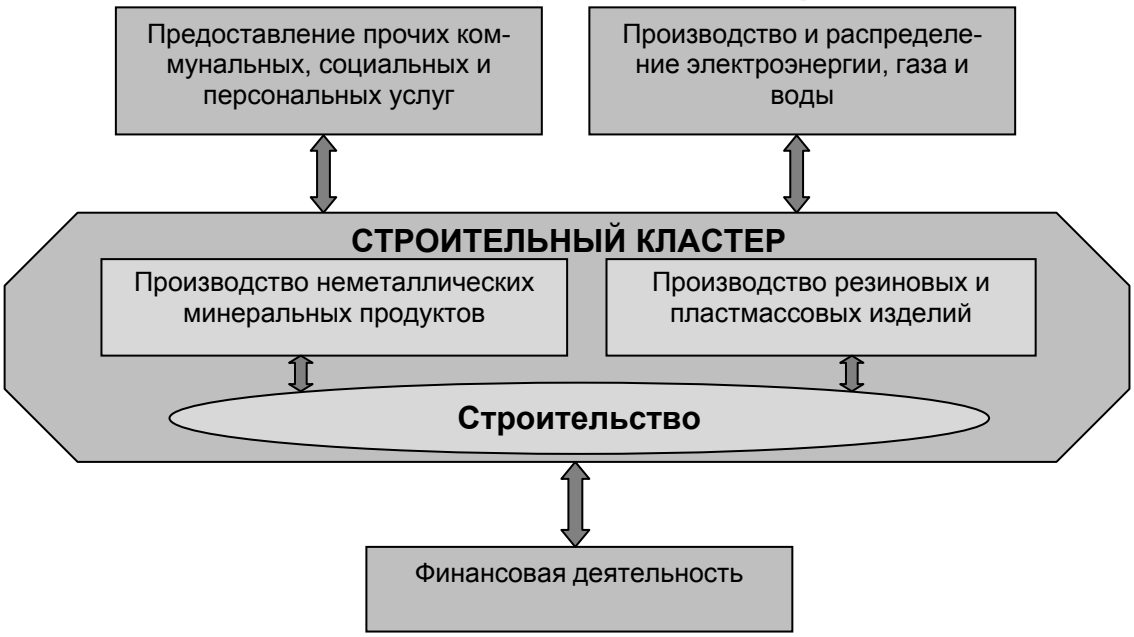

Рис.6. Структура формирования мультипликативного эффекта вызванного развитием строительного кластера.

С 2007 г. в области ежегодно вводится более 1 млн.кв.м. жилья, а к 2015 году намечено, что две трети населения области будет жить в собственных домах.

Таким образом, с позиции мультипликативного эффекта внутренний спрос на товары вида деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов» способствовал росту внутреннего спроса на комплектарные товары предприятий видов деятельности «Производство резиновых и пластмассовых изделий» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», за счет муниципального заказа на товары принадлежащих к нему предприятий, обусловленного льготным обеспечением сети коммуникаций для индивидуальных застройщиков. Приведенные мероприятия приносят значительный социальный эффект повышая доступность жилья для граждан региона. В регионе продолжается масштабное дорожное строительство и благоустройство, прежде всего сельских территорий, в 2007 г. построены образовательные учреждения более чем на 1100 ученических мест и детские дошкольные учреждения на 75 мест.

Высокие темпы жилищного и социального строительства в регионе, помимо огромного социального эффекта способствуют развитию в этой сфере:

- конкурентной среды:
  - повышению качества;
  - снижению ценовой дифференциации и установлению рыночных цен;
  - ориентирует рынок строительства на спрос;
- доступности для реализации инвестиционных проектов:
  - развитию и расширению других секторов экономики;
  - созданию благоприятного инвестиционного климата в регионе;
  - развитию инфраструктуры региона.

Доля строительства (без промышленности строительных материалов) в ВРП Белгородской области в 2006 году составила 6,4%.

В строительном комплексе работают около двух тысяч малых предприятий. В области планируется построить завод по производству газосиликатных блоков, расширять производство кирпича, планируется создать большое поле деятельности для малого бизнеса.

Агропромышленный кластер. Предприятия аграрной промышленности, по данным 2006 г. удельный вес в структуре промышленной продукции – 24,9%, коэффициент локализации, рассчитанный по объему произведенной продукции предприятий вида деятельности «Производство пищевых продуктов, включая напитки и табака» составил 2,67. В частности это обусловлено сосредоточением на территории региона плодородных, черноземных почв, повышающих конкурентоспособность сельскохозяйственных предприятий, обеспечивающих предприятия пищевой промышленности относительно недо-

рогим качественным сырьем, что повышает конкурентоспособность производимой этими предприятиями продукции за пределами области. Высокая миграционная привлекательность региона, в том числе и для жителей промышленных регионов Сибири и крайнего севера стимулирует спрос на продукцию предприятий пищевой промышленности на внутреннем рынке.

В создании конкурентоспособного сельскохозяйственного производства, его интенсификации ведущая роль отводится масштабным целевым программам и проектам, позволяющим в короткие сроки многократно поднять производство животноводческой продукции и эффективного растеневодства.

Обозначим основные плановые показатели сельскохозяйственной стратегии региона[13].

- Производство мяса птицы в 2010 году составит 415 тыс. тонн, яйца - 1,9 млрд. штук. Инвестиции в отрасль оцениваются более чем в 20 млрд. рублей, к 2010 году планируется создать 12,8 тыс. рабочих мест. В птицеводстве будет создана одна из самых мощных в стране производственная и технологическая база.
- За 2005-2010 годы на создание производственных мощностей развития свиноводства предстоит направить не менее 31,7 млрд. рублей, сохранить и создать 12 тысяч рабочих мест.
- Производство молока к 2010 году сельскохозяйственными организациями будет доведено до 500 тыс. тонн, во всех категориях хозяйств его производство составит 780 тыс. тонн. Объем инвестиций на реализацию соответствующей программы составит 4,4 млрд. рублей. Решить задачу предполагается за счет формирования отрасли на индустриальной основе.
- Поголовье молочного стада в сельхозорганизациях увеличится в 2010 году до 132 тыс. голов. Продуктивность коров возрастет до 5000 - 6000 кг молока.
- К 2025 году во всех категориях хозяйств производство мяса птицы возрастет в 2,7 раза, свинины в 5,8 раза, молока в 1,9 раза. Перспективы развития растениеводства ориентированы на обеспечение потребности в высоко эффективных кормах для животноводства.

Дальнейшая поддержка секторов экономики, формирующих представленные производственно-экономические кластеры, принесет значительный социально-экономический эффект, в том числе и мультипликативного характера, выражающийся в следующих позитивных тенденциях:

- стимулирование ускорения темпов роста ВРП;
- диверсификация продукции на внутреннем рынке региона;
- стабилизация экономики на базе повышения инвестиционной привлекательности региона, за счет диверсификации рисков, обусловленной ростом спроса на внутреннем рынке;
- диверсификация рабочих мест, стимулирование высокой конкуренции на рынке трудовых ресурсов и спроса на квалифицированных работников, определяющие стимул к развитию системы образования региона;
- рост внешнеторгового оборота, за счет новых производств;
- увеличение количественных и качественных показателей налогового потенциала региона;
- стимулирование рынка продуктов питания на выпуск качественных натуральных продуктов, снижение его зависимости от импорта;
- ускорение темпов жилищного строительства в регионе.

Таким образом, представленный подход к оценке уровня стратегического развития производственно-экономического сектора Белгородской области, базируется на выявлении «точек роста» и вертикально-интегрированных кластеров, составляющих приоритетные сектора экономики региона. Применение предлагаемого подхода с учетом стратегического вектора развития промышленности, направленного на диверсификацию, позволит интенсифицировать рост конкурентоспособности выявленных «точек роста» и образование новых.

---

[13] http://www.belregion.ru Официальный сайт губернатора Белгородской области – Е.С. Савченко

FORMATION VERTICALLY - INTEGRATED CLUSTERS - BASIS OF INCREASE OF COMPETITIVENESS OF PRODUCTIVE AND ECONOMIC POTENTIAL OF REGION

O.V. ABRAMOV[1]
L.N. BORISOGLEBSKAYA[2]
A.V. DEINEKO[3]

[1] Management of an industry and foreign trade activities of department Economic development of the Belgorod area

[2] Belgorod state university

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

[3] Belgorod state university

e-mail: economiks@ru.ru

In work the essentially new approach to an estimation of a level of strategic development of region basing on revealing of "points" of intensive growth of productive and economic sector of economy, and as revealing vertically - integrated clusters, making priority sector of economy is offered. The strategic vector of development of productive and economic sector directed on diversification and support revealed clusters, will allow intensify development of economy of region as a whole, will bring the significant effect, submitted in work, including multiplicate character.

Key words: "a Point of growth", multiplicate effect, synergetic effect, vertically - is integrated regional cluster, productive and economic potential, factor of localization.

УДК 339.137

НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОЦЕССОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю.И. ТРЕЩЕВСКИЙ
М.Г. МОВСЕЕВА

Воронежский государственный университет

e-mail: eppd@econ.vsu.ru

Проблема экономического развития регионов и их подсистем находит в настоящее время отражение в различных теоретических исследованиях и нормативных документах федерального и регионального уровней. В документах региональных органов власти экономическое развитие стало все в большей степени рассматриваться в контексте повышения конкурентоспособности. В статье рассмотрены предлагаемые органами власти и управления и фактически необходимые направления государственной поддержки экономического развития на примере одного из старых промышленных регионов – Воронежской области.

Для повышения конкурентоспособности Воронежской области необходимо изменение подхода к инструментам поддержки реального сектора экономики – переход от отраслевого принципа к территориальному. Это позволит сформировать территориальные точки роста, соответствующие им кластеры, и практически реализовать идею государственно-частного партнерства, для достижения экономически и социально значимых целей развития региона.

Ключевые слова: конкурентоспособность, кластеры, государственно-частное партнерство, точки роста.

В «Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу» в качестве одной из целей провозглашено повышение конкурентоспособности региона [1]. В данном документе представлен также ряд предложений, направленных на решение данной проблемы. В частности, применительно к России сказано, что необходимо перейти от эксплуатации доступных ресурсов (слабого рубля, дешевой рабочей силы, низких тарифов на услуги естественных монополий и цен на сырье, минимизации социальных обязательств бюджета и хозяйствующих субъектов) к конкуренции на основе роста производительности труда и капитала, а также реализации программ и проектов повышения качества управления и развития человеческого потенциала [2]. Полагаем, что в региональных документах нет смысла давать рекомендации для органов власти общегосударственного уровня. Необходимо выработать инструментарий, обеспечивающий достижение высоких конкурентных региона позиций в конкретных российских условиях.

Значительное внимание в «Стратегии» уделено производственному блоку, однако инструментарий воздействия на него проблематичен. Ведущая в прошлом отрасль – промышленность в Воронежской области в целом утрачивает конкурентоспособность, хотя это относится к различным отраслям в разной степени.

Такое положение следует считать нормальным, вытекающим из объективных обстоятельств. Между тем, разработка и применение различных инструментов управления конкурентоспособностью региона не учитывает необратимости процессов, происходящих на различных стадиях жизненного цикла социально-экономических систем и нацеливает на принципиально исключенные стратегии. В отношении Воронежской области как правило рекомендуются стратегии и инструменты, соответствующие типу «виолент» на стадии «лев» [3]. Между тем, опорную базу для такой стратегии область утратила. Данная база была сформирована в 30-х – 60-х годах XX века в виде крупных машиностроительных предприятий оборонного профиля. В тех условиях без усилий региональных органов (не

---

[1] Стратегия социально-экономического развития Воронежской области. Приложение к Постановлению администрации области от 02.07.2007 г. № 612 / Молодой коммунар. – № 84 (12280). – 24 с.

[2] Стратегия социально-экономического развития Воронежской области… С. 3.

[3] Разумеется, подобного рода терминология не применяется, однако общий смысл стратегии именно таков.

имевших реальных полномочий в плане определения экономической ориентации административно-территориальных образований) социально-экономическая система области сформировалась как крупная, диверсифицированная, высокотехнологичная и инновационная. Это – типичный виолент-лев. В 60-х – 70-х годах машиностроительный комплекс области представлял собой виолента-слона, а в 80-х превратился в виолента-бегемота. Остальные отрасли народного хозяйства области не отличались высоким уровнем развития. В промышленности был также широко представлен сектор электронной промышленности, однако он, как и в целом по стране, был неконкурентоспособным по меркам мирового рынка.

В настоящее время применение инструментария поддержки реального сектора экономики, ориентированного на ведущие в прошлом отрасли, вряд ли оправдано. Для повышения конкурентоспособности в текущий момент принципиальное значение имеет способность не сохранить прежние конкурентные преимущества, а приобрести новые, отвечающие современным экономическим реалиям. Поэтому мы считаем необходимой реструктуризацию промышленности и в целом региональной экономики, исходя из новых потребностей внешней среды, формирование новых виолентов.

Вполне приемлемы для данных целей инструменты, обеспечивающие комплексирование традиционных и новых производств. Это будет способствовать реализации стратегии диверсифицированного роста, позволяющей сохранить конкурентоспособные элементы «старых» отраслей и создать условия для развития «новых».

Следует в этой связи отказаться от попыток разработки и реализации на региональном уровне технико-технологических проектов, направленных на сохранение и воспроизводство отраслей, утративших конкурентоспособность, и предоставить такую возможность частному бизнесу. Проблема для региональных органов власти и управления заключается в создании условий для развития частного бизнеса, лучших, чем в соседних регионах.

Для этого целесообразно отказаться от отраслевого подхода к поддержке региональной экономики и перейти к территориальному. Следовательно, необходимо проведение тщательного мониторинга, позволяющего выявить спонтанное перераспределение потоков капитала и населения по территории области. Особое внимание следует уделять тем территориям, которые имеют положительную динамику по численности населения и концентрации капитала. Производственная специализация не должна приниматься во внимание – какая отрасль (или какие отрасли) станет «новым виолентом» – решит рынок. Задача органов власти и управления заключается в том, чтобы создать условия для укоренения нового виолента на территории области. Поэтому поддержка бизнеса должна осуществляться в точках роста не по отраслевому, а по территориальному признаку.

Известную роль в поддержке реального сектора экономики может сыграть паспортизация региона. При этом паспорт региона должен включать показатели, отражающие локализацию бизнеса и населения на территории региона. Паспорт региона с выделением указанных точек роста может послужить инструментом укрепления структурной целостности бизнеса, реализующейся в виде территориальных кластеров. Отметим, что идея управления на основе кластерного подхода, сформулированного М. Портером, в настоящее время нашла достаточно широкое отражение в современной отечественной литературе, в том числе, представленной воронежской экономической школой. Однако, практический опыт формирования кластеров в регионах и, тем более, их эффективного управления со стороны органов государственной власти федерального и регионального уровней, явно недостаточен для реализации продуктивной идеи.

Применительно к программам развития кластеров отметим, что большинство исследователей социально-экономического развития административно-территориальных образований в России считают их проблемой, решаемой посредством инициативы региональных органов власти и управления. Между тем, отечественный и зарубежный опыт показывает, что кластеры возникают либо спонтанно, независимо от деятельности властей, либо инициируются центральными органами, располагающими достаточными для этого компетенциями (в широком смысле слова, включая ресурсную базу, законодательные права и т.д.). Поэтому программы поддержки развития кластеров должны разрабатываться и реализовываться, но на иной основе. На региональном уровне вряд ли следует конструировать кластеры, ориентируясь на развитие отраслей, кажущихся органам власти перспективными. В «Стратегии... Воронежской области...» указано, что необходимо

создание конкурентоспособных кластеров в основных отраслях регионов. В составе «основных» отраслей авторы называют сельское хозяйство, пищевую промышленность, машиностроение и металлообработку, электроэнергетику, черную металлургию, деревообработку, легкую промышленность [4].

Достаточно реальным в настоящее время выглядит формирование энергетического кластера в Воронежской области, подтверждающее, на наш взгляд, что инициирование подобного рода структур находится в компетенции федеральных органов власти и управления – базовое предприятие (Нововоронежская АЭС) является именно их продуктом. В рамках данной работы невозможен детальный анализ отраслей, являющихся, по мнению авторов «Стратегии...» кластерообразующими, но стоит отметить, что некоторые из них вызывают сомнение (легкая промышленность, черная металлургия).

Решение проблемы кластеризации экономического пространства для региональных органов, на наш взгляд, находится в русле отношения к кластерам как территориальным, а не отраслевым структурам. Отсюда – необходимость принципиально иного инструментария прогнозирования и создания условий для их развития. Он должен работать не избирательно, как в случае отраслевого подхода, а универсально – способствовать активизации бизнеса в территориально локализованных точках роста. Общая направленность инструментов поддержки кластеров со стороны региональных органов – организация пространства, обеспечивающая функционирование любых видов бизнеса. Для этого можно использовать предложенное М. Портером позиционирование на основе доступа [5]. В этом случае региональные органы управления выступают в виде «широко нацеленного конкурента», что более приемлемо для административно-территориального образования, утратившего отрасли-виоленты, чем сфокусированная конкуренция.

Отдельную проблему представляет разработка инструментария для оказания положительного влияния на сельское хозяйство и АПК в целом. В области пока нет достаточно выраженных точек роста, сопоставимых по объемам продукции и услуг с сельским хозяйством. Поэтому ухудшение динамических характеристик сельского хозяйства в регионе представляется опасным с точки зрения сохранения и повышения конкурентоспособности области.

На наш взгляд, перспективным является предложение по созданию многопрофильного агрохолдинга [6]. Однако, в качестве участников реализации проекта в «Стратегии...» названы прежде всего Правительство РФ и администрация Воронежской области, а в составе инструментов – формирование уставного капитала фирм, входящих в холдинг за счет средств Инвестиционного фонда РФ, субсидии и гарантии Правительства. Как видим, региональные органы в собственной стратегии апеллируют к более высокому – федеральному уровню, что, на наш взгляд, является методологически (с точки зрения подхода к разработке стратегии) некорректным. Кроме того, здесь, на наш взгляд, преувеличено место и значение государства в создании крупной институциональной структуры. Мнение о необходимости наращивания государственной собственности в любых формах мы считаем ошибочным. Это – очень громоздкий и неэффективный инструмент. Рекомендуемый в указанном документе мониторинг действий менеджеров частных предприятий со стороны региональных и вообще государственных органов вообще недопустим.

Кроме того, следует отметить, что государство на территории области не доказало целесообразности активного участия в аграрной сфере, госсектор в ней представлен небольшим количеством предприятий, которые функционируют неэффективно. Поэтому участие государства в виде долей в собственности холдинга вряд ли можно считать продуктивным решением, тем более, что речь идет о необходимости привлечении современных западных технологий в агропромышленный сектор. Проблематично также субсидирование проекта и создание особой экономической зоны агропромышленного направления. Во всяком случае, практических решений такого плана на территории области нет.

Для обоснования перспективного инструментария создания агрохолдинга надо, на наш взгляд, исходить из следующих положений:

- учитывая хорошие конкурентные позиции области в области сельского хозяйства и интенсивно развивающиеся отрасли переработки сельскохозяйственной продукции, можно считать его создание возможным и необходимым;

---

[4] Стратегия..., С. 10-11.

[5] Портер *М*. Конкуренция. М.: Вильямс, 2001. – С. 63-64.

[6] Стратегия...С. 10.

- исходя из низкого уровня конкурентоспособности области в сфере привлечения иностранных инвестиций, особенно прямых, следует сконцентрировать усилия на создании сети частных фирм на основе как отечественного, так и зарубежного капитала (особенно, если учитывать, что разработчиком проекта является немецкая фирма «Artemis Group»);

- на уровне региона необходимо решить комплекс проблем гарантирования частных инвестиций и подготовки кадров, способных освоить и применить новые технологии.

Для решения первой проблемы необходимо создание совместного (с участием федеральных и региональных органов власти) фонда гарантирования инвестиций, страхующего участников проекта от некоммерческих рисков (отметим, что уровень данных рисков в области считается высоким). Собственных усилий области здесь недостаточно, прежде всего, в силу необходимости значительных инвестиционных вложений. Кроме того, следует учитывать возможный недостаток доверия иностранных инвесторов к региональным органам власти и управления. С другой стороны, сложно рассчитывать на одностороннее участие Правительства РФ в предоставлении подобного рода гарантий. Поэтому фонд целесообразно создавать на основе принципов солидарной и субсидиарной ответственности Правительства РФ и администрации Воронежской области. Однако, финансовые гарантии не решают всех проблем эффективной агропромышленной структуры.

Серьезную проблему представляет воспроизводство кадрового потенциала в сельском хозяйстве. Вряд ли удастся решить эту проблему непосредственно посредством повышения квалификации работников, распределенных по всей территории области и многочисленным сельскохозяйственным предприятиям. Однако, на наш взгляд, решение проблем существует.

Область характеризуется высокой степенью урбанизации: в 15 городах, 2 поселках городского типа и 19 рабочих поселках проживает 1457,6 тыс. человек (62,5 %) [7]. Из данных населенных пунктов только г. Нововоронеж является малоперспективным для этих целей. Остальные, включая многопрофильный Воронеж, могут стать опорными для формирования кадрового состава агропромышленных предприятий. С одной стороны, в них проживает население, в принципе способное к освоению новых технологий, с другой – имеется возможность воссоздания сети общеобразовательных и специальных средних учебных заведений. Учитывая слабые позиции области в развитии образовательной инфраструктуры, это потребует совместных усилий региональных органов власти и управления, воронежских вузов, привлечения отечественных и зарубежных фирм, заинтересованных в развитии сельскохозяйственного производства в регионе. Полагаем, что речь не обязательно должна идти о действующих сельскохозяйственных предприятиях. Вполне возможно предоставление таких возможностей фирмам, решившим осуществлять диверсификацию своей деятельности в направлении АПК.

На наш взгляд, механизмы гарантирования инвестиций и подготовки кадров для АПК могут явиться эффективной формой реализации государственно-частного партнерства, как нового для России института. Естественно, что при этом придется преодолевать традиционное, сформировавшееся столетия назад, закрепившееся в социалистический период развития страны и получившее новые направления развития в период современных реформ, недоверие между органами государственной власти и частным бизнесом.

Полагаем, что весьма важным является диверсификация производства в сельской местности. Как и в случае с промышленностью, речь должна идти об инструментах, обеспечивающих территориальное, а не отраслевое развитие. Проблема заключается не в сохранении сельскохозяйственного производства, базирующегося на архаичных технико-технологических и организационно-экономических решениях, а в территориальной диверсификации производства. В целом ее решение будет способствовать комплексному развитию небольших поселений городского типа, сельских поселений, диверсификации производства и, на этой базе, формированию новой структуры рабочей силы собственно в сельском хозяйстве.

Учитывая высокий уровень конкурентоспособности жилищного строительства и торговли в Воронежской области, целесообразно строить стратегию сфокусированного конкурента только в этих сферах деятельности.

Учитывая необходимость точечной фокусировки поддержки реального сектора в регионе, следует избрать в рамках обоих типов стратегий программно-целевой подход. При этом главная проблема, на наш взгляд, заключается в выборе состава программ, адекватных стратегиям регионального развития.

---

[7] Стратегия социально-экономического развития Воронежской области... - С. 3.

Для восстановления утраченных позиций в традиционных для регионов отраслях большинство авторов рекомендует расширение инвестиционной деятельности. Обычно недостаточную эффективность инвестиций в отрасли, находящиеся в упадке, связывают с недостатком финансовых ресурсов. Однако, на наш взгляд, это – не главное, важно, что органы власти и управления предлагают инвестиционные программы, свойственные скорее специализированной корпорации, чем региону. В программах находит отражение институт завышенных ожиданий от государственного патернализма. В результате в проигрыше оказываются все – и частный бизнес, не получивший ожидаемой поддержки, и органы власти и управления, взявшие на себя не свойственные государству функции.

Неудачи государственных программ, на наш взгляд, связаны с тем, что органы власти и управления могут ошибиться, задав нерациональное направление инвестиционным процессам, и не столько способствовать, сколько препятствовать дальнейшим частным инвестициям. Поэтому капиталовложения, осуществляемые региональными органами власти и управления, должны, на наш взгляд, носить универсальный характер. Из объектов инвестиций такой универсальностью обладают коммуникации различного рода: транспортные, электронные, финансовые и др. Задача региональных органов власти заключается не в дублировании частного бизнеса, а в его дополнении на основе формирования социально-экономических программ, достаточно универсальных с отраслевой точки зрения, и сфокусированных на определенных территориальных сегментах.

Ряд исследователей и нормативных документов региональных органов (в том числе и в Воронежской области) предлагает мягкий набор инструментов активизации инвестиционной деятельности, в основном индикативного и информационно-аналитического свойства. Можно согласиться с необходимостью применения инструментов информационно-аналитического и индикативного свойства, особенно если включить в информационные потоки PR. Однако, информационно-аналитической деятельности для эффективного привлечения крупных инвестиций в большинство регионов страны, в том числе и Воронежскую область, недостаточно.

Для привлечения крупных, в том числе – иностранных инвесторов в Воронежскую область, имеющую высокий инвестиционный риск и слабо выраженные международные связи целесообразен комплекс инструментов гарантирования безопасности инвестиций и их эффективного использования. В их числе: подготовка кадров совместными усилиями органов власти, вузов и зарубежных инвесторов; создание совместного с федеральным Правительством фонда гарантирования инвестиций на основе солидарной и субсидиарной ответственности; создание промплощадок с развитой инженерной инфраструктурой для передачи инвесторам в долгосрочную аренду. Создание промплощадок должно быть привязано к точкам роста населения и развития бизнеса, объединенным своего рода инвестиционными коммуникациями (дорогами с улучшенным покрытием, современными линиями электропередачи, и т.п.), территориально привязанными к имеющимся или вновь создаваемым крупным транспортным магистралям.

DIRECTIONS AND TOOLS OF GOVERNMENTAL SUPPORT OF DEVELOPMENT PROCESSES IN REGIONS' ECONOMICS (FOR EXAMPLE VORONEZ AREA)

Y.I. TRESHCHEVSKIY
M.G. MOVSEEVA

Voronezh State University

e-mail: eppd@econ.vsu.ru

To raise the competitiveness of Voronezh area the alteration of approach to tools of support of real sector of economy, i.e. the switch over branch-wise and territorial principles, is necessary. It allows forming territorial points of growth and corresponding clusters, realizing the idea of governmental-private partnership to achieve both socially and economically important goals of region's development.

Keywords: competitiveness, clusters, state-private partnership, points of increase.

УДК 338.264

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

С.А. КИРСАНОВ

Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования

Обеспечение сбалансированности бюджета региона и муниципального образования является основой для поддержания финансовой стабильности и роста экономического потенциала. Дан анализ ситуации с межбюджетными отношениями в Новгородской области, представлены способы финансирования муниципального образования. Рассмотрены основные направления реформирования межбюджетных отношений.

Ключевые слова: финансовые ресурсы, расход, бюджетный дефицит, доход, сбалансированность , компенсации, налоги, муниципальный бюджет, дотации, субвенции, субсидии, реформирование, сбалансированность бюджетов

В современных условиях все в большей степени территориальные органы власти призваны обеспечить комплексное развитие регионов, пропорциональное развитие производственной и непроизводственной сфер на подведомственных территориях. Значительно возрастает их координационная функция в экономическом и социальном развитии территорий. Через территориальные финансы государство активно проводит социальную политику.

Одной из главных целей межбюджетных отношений, является выравнивание до минимально необходимого уровня бюджетной обеспеченности и обеспечение социально-экономического развития территорий.

Регулирование межбюджетных отношений представляет собой деятельность регионального правительства и органов местного самоуправления, направленную на формирование системы экономических отношений, обеспечивающей реализацию поставленной цели и решение вытекающих из нее задач на территории городов и районов области путем воздействия на экономическое поведение социально-экономических субъектов предусмотренными действующим законодательством методами.

Проанализируем ситуацию с межбюджетными отношениями в Новгородской области, способы финансирования бюджетного дефицита муниципального образования на примере Боровичского муниципального района.

Сегодня на реализацию муниципальной реформы неблагоприятно влияет недостаточность доходных источников местных бюджетов для обеспечения полного и качественного исполнения полномочий органов местного самоуправления.

В первую очередь это связано с тем, что размер финансовых ресурсов, необходимый для исполнения расходных обязательств муниципальных образований, был определен Правительством Российской Федерации на уровне ниже их минимальных потребностей.

Земельный налог и налог на имущество физических лиц, которые являются местными налогами, пока не могут стать определяющими в местных бюджетах. Доля поступлений от этих налогов состав несколько процентов от общих доходов местных бюджетов.

Наиболее значимыми из всех налоговых доходов для местных бюджетов останутся отчисления от налога на доходы физических лиц, в размере не менее 40 процентов от данного налога.

Но даже все в совокупности налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов не смогут обеспечить формирование достаточной собственной доходной базы местных бюджетов.

Второй причиной ухудшения финансового положения муниципальных образований стало закрепление за муниципальными образованиями дополнительных вопросов местного значения без передачи местным бюджетам соответствующих доходных источников.

Для Боровичского муниципального района это организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне, по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и другие.

Реализация данных вопросов местного значения потребует дополнительных расходов местных бюджетов на их осуществление, что может привести к нарушению сбалансированности бюджетов муниципальных образований и ограничению возможности органов местного самоуправления по эффективному решению других вопросов местного значения.

Областной фонд финансовой поддержки поселений (далее – ФФПП) образуется в составе областного бюджета в целях выравнивания, исходя из численности жителей, финансовых возможностей органов местного самоуправления поселений по осуществлению их полномочий по решению вопросов местного значения.

Размер областного ФФПП определяется из разницы в оценках суммарных расходных потребностей и доходных возможностей поселений:

ФФПП = В ^{x} (Р – ПД), где:

В – доля разницы оценок расходных потребностей и доходных возможностей бюджетов поселенческого уровня, которая будет окрываться из областного ФФПП;

Р – суммарная оценка расходных потребностей на выполнение полномочий поселенческого уровня;

ПД – суммарный прогноз доходов по всем видам местных и закрепленных налоговых и неналоговых доходов.

Областной ФФПП формируется за счет собственных доходов областного бюджета с учетом возможностей доходной базы на очередной финансовый год.

Право на получение дотаций из областного ФФПП имеют все поселения Новгородской области, у которых в отчетном году расчетные налоговые доходы местных бюджетов (без учета налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) не превышали двукратного среднего уровня по поселениям в расчете на одного жителя области.

Ежегодно в областном законе об областном бюджете на очередной финансовый год утверждаются:

- объем областного ФФПП;
- распределение дотаций из областного ФФПП между поселениями;
- заменяющие дотации дополнительные нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц в бюджеты поселений в соответствии с порядком, определенным статьей 9 областного закона.

Дотации из областного ФФПП предоставляются ежемесячно в соответствии с утвержденной росписью доходов и расходов областного бюджета с учетом сезонных потребностей, возникающих в процессе исполнения местных бюджетов.

В случае наделения представительных органов муниципальных районов полномочиями органов государственной власти Новгородской области по расчету и предоставлению дотаций поселениям из областного ФФПП поселений областной фонд финансовой поддержки поселений в части, касающейся предоставления дотаций поселениям, входящим в состав территории муниципальных районов, не образуется, дотации, подлежащие перечислению в бюджеты поселений, входящих в состав территории муниципальных районов, включаются в состав областного фонда компенсаций и распределяются между бюджетами муниципальных районов исходя из численности жителей в расчете на одного жителя в соответствии с единой методикой.

Субвенции, полученные бюджетом муниципального района на исполнение полномочий по расчету и предоставлению дотаций поселениям за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, направляются в районный фонд финансовой поддержки поселений.

Областной фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городского округа) (ФФПМР(ГО)) образуется в составе областного бюджета в целях выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городского округа).

Размер областного ФФПМР(ГО) определяется из разницы в оценках суммарных расходных потребностей и доходных возможностей муниципальных районов (городского округа):

ФФПМР(ГО) = В х (Р – ПД), где:

В – доля разницы оценок расходных потребностей и доходных возможностей бюджетов муниципальных районов (городского округа), которая будет покрываться из областного ФФПМР(ГО);

Р – суммарная оценка расходных потребностей на выполнение полномочий уровня муниципального района (городского округа);

ПД – суммарный прогноз доходов по всем видам местных и закрепленных налоговых и неналоговых доходов.

Областной ФФПМР(ГО) формируется за счет собственных доходов областного бюджета.

Право на получение дотаций из областного ФФПМР(ГО) имеют все муниципальные районы Новгородской области, у которых в отчетном году расчетные налоговые доходы местных бюджетов (без учета налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) не превышали двукратного среднего уровня по муниципальным районам в расчете на одного жителя области.

Таким образом, в данных муниципальных районах, уровень расчетной бюджетной обеспеченности не превышает уровень, установленный в качестве критерия выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных районов.

Размер дотаций из областного ФФПМР(ГО) для муниципальных районов определяется в соответствии с методикой согласно приложению к областному закону.

Комитет финансов области до 15 августа текущего финансового года направляет в исполнительно-распорядительные органы муниципальных районов исходные данные для проведения расчетов распределения средств областного ФФПМР(ГО) на очередной финансовый год и до 1 сентября текущего финансового года производит сверку указанных исходных данных с исполнительно-распорядительными органами муниципальных районов в порядке, установленном комитетом финансов области.

Внесение изменений в исходные данные для проведения расчетов распределения дотаций из областного ФФПМР(ГО) на очередной финансовый год после 1 сентября текущего финансового года не допускается.

Ежегодно в областном законе об областном бюджете на очередной финансовый год утверждаются:

- объем областного ФФПМР(ГО);
- распределение дотаций из областного ФФПМР(ГО) между муниципальными районами;
- заменяющие дотации дополнительные нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц в бюджеты муниципальных районов.

Областной фонд компенсаций образуется в составе областного бюджета в целях финансового обеспечения исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

Областной фонд компенсаций образуется за счет:

1) субвенций из Федерального фонда компенсаций на осуществление органами местного самоуправления отдельных полномочий федеральных органов государственной власти;

2) собственных доходов и источников финансирования дефицита областного бюджета в объеме, необходимом для осуществления органами местного самоуправления отдельных полномочий органов государственной власти Новгородской области.

Субвенции из областного фонда компенсаций распределяются в соответствии с едиными для каждого вида субвенции методиками, утверждаемыми областными законами.

В случаях и в порядке, предусмотренных областными законами и иными нормативными правовыми актами органов государственной власти Новгородской области, местным бюджетам могут быть предоставлены иные дотации и субсидии из областного бюджета.

Объем предоставления указанных средств (включая дотации из областного фонда обеспечения сбалансированности местных бюджетов) при утверждении областного закона об областном бюджете на очередной финансовый год не может превышать 10 процентов общего объема финансовой помощи местным бюджетам из областного бюджета.

Межбюджетные трансферты из местных бюджетов предоставляются в форме:

1) дотаций из районных фондов финансовой поддержки поселений, предоставляемых из бюджетов муниципальных районов бюджетам поселений;
2) субвенций, перечисляемых из бюджетов поселений в бюджеты муниципальных районов на решение вопросов местного значения межмуниципального характера;
3) средств, перечисляемых в федеральный бюджет или в областной бюджет в связи с погашением и (или) обслуживанием муниципального долга муниципального образования перед федеральными органами государственной власти или органами государственной власти Новгородской области и (или) исполнением иных обязательств органов местного самоуправления перед органами государственной власти.

В 2007 году утвержден объем областного фонда финансовой поддержки муници-

пальных районов на 2007 год в сумме 1320352,0 тыс. рублей.[1]

Дотации из областного фонда финансовой поддержки поселений в 2007 году перечисляются в бюджет муниципального района, в состав которого входят указанные поселения.

Объем областного фонда софинансирования социальных расходов на 2007 год утвержден в сумме 5336 тыс. рублей.

Средства областного фонда софинансирования социальных расходов направляются в виде субсидий на поддержку городских и сельских поселений.

Утверждено распределение субсидий из областного фонда софинансирования социальных расходов бюджетам муниципальных районов области в 2007 году на поддержку городских и сельских поселений согласно Приложению 2.

Администрация области вправе в пределах установленных средств, на основе отчетов органов местного самоуправления области перераспределять в течение года размеры указанных субвенций между бюджетами муниципальных районов и городского округа области, а также между видами целевых субвенций в соответствии с федеральными и областными законами о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Распределение субвенций бюджетам муниципальных районов и городского округа области, выделяемых из областного фонда компенсаций в 2007 году представлено в Приложении 3.

Анализ системы межбюджетных отношений показывает, что, несмотря не ее динамическое развитие, в механизме их функционирования имеются следующие недостатки

Во-первых, объем трансфертов составляет лишь небольшую часть в межбюджетных отношениях, не оптимизированы размеры отчислений от федеральных и региональных налогов в местные бюджеты, которые составляют основные финансовые потоки.

Во-вторых, делается упор на дотационные формы регулирования межбюджетных отношений. Несовершенна законодательная база межбюджетных отношений. Нет взаимосвязи процесса определения трансфертов с проводимыми реформами, не сформулированы требования к межбюджетным отношениям в ходе проведения бюджетных реформ.

В-третьих, отсутствует механизм применения социальных стандартов и нормативов при расчете ФФПМО.

В-четвертых, происходит принятие решений вышестоящими органами власти без определения источников финансирования. Отсутствуют стимулы для увеличения собственной доходной базы.

В-пятых, продолжает ослабевать собственная доходная база по вертикали бюджетной системы. Это приводит к увеличению размеров встречных финансовых потоков, а также расширению сферы межбюджетных отношений за счет увеличения регулирующих налогов. Анализ выравнивания бюджета Боровичского муниципального района за 2004-2006 гг.

В связи с реформированием местного самоуправления и межбюджетных отношений в 2004-2007 гг. безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, кроме бюджетов государственных внебюджетных фондов в бюджет Боровичского муниципального района постоянно растут. Так в 2006 году они составили 68,75% от доходной части бюджета.

Проанализируем плановый объем финансирования из областного бюджета (табл. 1).

Как видно из таблицы поддержка муниципального бюджета из бюджета области из года в год возрастает. В 2007 году по сравнению с 2004 годом она увеличилась на 2210%. В первую очередь это связано с расширением перечня субвенций муниципальному бюджету из областного бюджета. Но при этом уменьшается доля выделенных субсидий (на 98%). Значительно возрос размер выделенных субвенций (на 4226%) и размер дотаций (на 1780%).

---

[1] «Областной закон об областном бюджете на 2007 год». Принят Постановлением Новгородской областной Думы от 28.09.2006 № 1506-III ОД

Таблица 1

Анализ финансовой помощи из областного бюджета в 2004-2007 гг.

Год	2004, твс.. руб.	2005, тыс. руб.	отклонение 2005/2004, %	2006, тыс. руб.	отклонение 2006/2005, %	2007, тыс. руб.	отклонение 2006/2007, %	отклонение 2004/2007, %
	План	План		План		План		
Дотации	6945	102238	1372,11	171197	67,45	130571	-23,73	1780,07
Субвенции	22389	292988	1208,62	420242	43,43	968565	130,48	4226,08
Субсидии	18258	4407	-75,86	2732	-38,01	360	-86,82	-98,03
Всего	47592	399633	2504,8	594171	72,86	1099496	19,92	2210,26

На рисунке 1 представлены доли выделенной помощи из бюджета субъекта по видам.

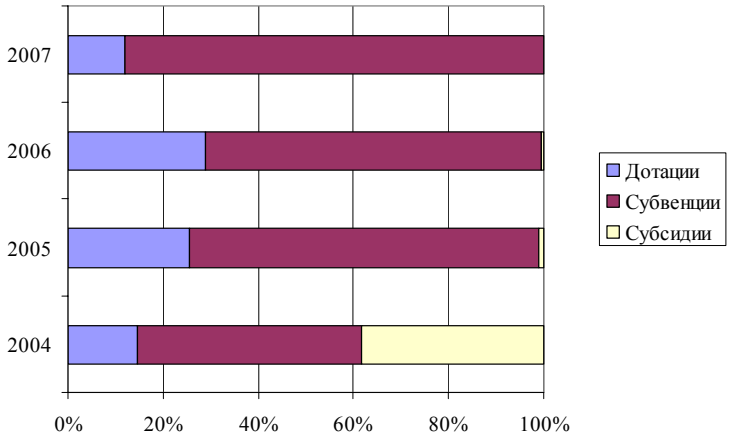

Рис 1. Виды выделенной помощи из областного бюджета в 2004-2007 гг.

Таблица 2.

Анализ доли финансовой помощи от общих доходов бюджета муниципального образования в 2004-2006 гг.

	2004		2005		2006	
	тыс. руб.	доля	тыс. руб.	доля	тыс. руб.	доля
1	2	3	4	5	6	7
Дотации от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	6945	14,59	102238	25,58	171197	28,81
Субвенции от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	22389	47,04	292988	73,31	420242	70,73
Субсидии от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	18258	38,36	4407	1,10	2732	0,46
Безвозмездные поступления	47592	100	399633	100	594171	100
Всего доходов	491642	9,68	719026	55,58	864201	68,75

Как следует из таблицы доля финансовой помощи в виде безвозмездных поступлений возрастает с 9,68% в 2004 году до 68,75% в 2006 году.

Бюджет Боровичского муниципального района на 2006 год формировался с учетом изменений законодательной базы, которая предполагает кардинальные перемены в

межбюджетных отношениях.

Следует сказать, что в 2006 году в связи с разграничением полномочий за счет собственных доходов формировалось только 55 % от общего объема бюджета.

Из 608,8 млн. руб. 276,2 млн. руб. или 45 % было запланировано получить из областного бюджета в виде субвенций на финансирование областных полномочий.

В результате проводимой работы с Администрацией области в течении года были дополнительно получены значительные средства на погашение задолженности по топливно – энергетическим ресурсам, приобретение оборудования для бюджетных учреждений, поддержку пассажирского автотранспортного предприятия и другие мероприятия.

В 2006 году было дополнительно получено 101 млн. руб., что позволило значительно снизить кредиторскую задолженность бюджетных учреждений, оздоровить финансовую ситуацию на предприятиях ЖКХ.

Основными источниками погашения дефицита муниципального бюджета являются трансферты. Таким образом, происходит вертикальное бюджетное регулирование в Боровичском муниципальном образовании.

Безвозмездные перечисления из областного бюджета поступают в виде фонда компенсации на реализацию областных и федеральных законов, дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, субвенции и субсидии.

В последние годы достаточно отчетливо просматривается тенденция концентрации налоговых доходов на федеральном уровне. В результате значительный объем расходных полномочий регионов не обеспечен доходными источниками, вследствие чего происходит разбалансировка бюджетов из-за диспропорций в соотношении доходного потенциала и расходных обязательств. Регионы испытывают острый дефицит собственных источников формирования полноценных самостоятельных территориальных бюджетов.

Высокая концентрация средств в федеральном бюджете на стадии первичного распределения налогов по вертикали бюджетной системы в последние годы значительно увеличилась. Регионы, сохранив за собой основную массу расходных обязательств, теряют значительную часть налоговых источников, что ведет к увеличению их зависимости от поступлений из федерального бюджета. В результате большую часть перечислений из федерального бюджета в региональные составляет финансовая помощь.

Одним из основных принципов бюджетной системы Российской Федерации является принцип сбалансированности бюджетов, в соответствии с которым объем предусмотренных бюджетом расходов должен соответствовать суммарному объему доходов бюджета и поступлений из источников финансирования его дефицита.

Сбалансированность местных бюджетов является важным условием осуществления полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

В связи с этим Министерство финансов Российской Федерации разработало Методические рекомендации по формированию Программы мероприятий, направленных на обеспечение сбалансированности местных бюджетов[2].

Принятые федеральные законы об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организации местного самоуправления в Российской Федерации, а также поправки в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений создали законодательную базу, по-новому регулирующую финансовые взаимоотношения бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации.[3]

Задачи повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами:

- укрепление финансовой самостоятельности субъектов Российской Федерации;
- создание стимулов для увеличения поступлений доходов в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты;
- создание стимулов для улучшения качества управления государственными и муниципальными финансами;

---

2 Письмо Минфина России от 15.12.2006 № 06-04-08/01-161

3 Комментарий к Федеральному закону "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации": Постатейный / Под ред. С.Е. Чаннова. М.: Ось-89, 2004

- повышение прозрачности региональных и муниципальных финансов;
- оказание методологической и консультационной помощи субъектам Российской Федерации в целях повышения эффективности и качества управления государственными и муниципальными финансами, а также в целях реализации реформы местного самоуправления.

Принятый в 2007 году ФЗ №63 делает обязательным формирование федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов на трехлетний период. Для субъектов РФ и муниципалитетов предусмотрено право выбора – формировать бюджет на год или на три года, однако при этом становится обязательным формирование трехлетнего финансового плана. Принятые в Бюджетном кодексе поправки открывают новый этап развития бюджетной системы и межбюджетных отношений.

Трехлетий бюджет дает возможность бюджетополучателям заключать контракты на среднесрочную перспективу, уйти от порочной практики использования бюджетных средств в конце текущего года только для того, чтобы их израсходовать.

Кроме того, у бюджетополучателей появилась возможность более гибко и свободно использовать выделенные бюджетные средства, но вместе с тем повысилась их ответственность за результаты использования этих средств. Введены новые формы финансирования государственных (муниципальных) заданий и бюджетных учреждений. Бюджетные средства теперь выделяются на реально предоставленные государственные и муниципальные услуги. Это должно существенно повысить эффективность деятельности органов МСУ и бюджетных учреждений России.

Реализация мер по повышению эффективности межбюджетных отношений должна обеспечить завершение в целом процесса системного реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации, создание эффективной, устойчивой и прозрачной системы финансовых взаимоотношений между органами власти в России, способной к самостоятельному развитию на основе сочетания принципов самостоятельности бюджетов всех уровней и единства их общих интересов.

Целесообразно, на наш взгляд, при реформировании в межбюджетных отношений:

- расходные потребности муниципальных бюджетов рассчитывать с учетом численности потребителей бюджетных услуг, а не с учетом имеющейся инфраструктурной сети;
- для определения размеров трансфертов доходы муниципальных бюджетов определять не на базе фактически собранных доходов прошлых лет, а на базе доходного потенциала соответствующих территорий.

Обеспечение сбалансированности бюджета каждого региона и муниципального образования явится основной предпосылкой для поддержания макроэкономической и финансовой стабильности, увеличения количества рабочих мест и повышения доходов населения, роста инвестиционной активности, создания условий для роста экономического потенциала территорий.

PERFECTION OF INTERBUDGET RELATIONS (FOR EXAMPLE OF THE NOVGOROD AREA)

S.A. KIRSANOV[1]

The St.-Petersburg Institute of arts education

The maintenance of equation of the budget of region and municipal formation(education) is a basis for maintenance of financial stability and growth of economic potential. The analysis of a situation with the interbudget attitudes(relations) in the Novgorod area is given, the ways of financing of municipal formation(education) are submitted. The basic directions of reforming of the interbudget attitudes(relations) are considered.

Key words:financial resources, charge, budget deficiency, income, equation, indemnifications, taxes, municipal budget, grant, субвенции, grants, reforming, equation of the budgets

УДК 658

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.А. АГАФОНОВ[1]
М.Г. КАЗАКОВ[2]

[1]Центральный экономико-математический институт РАН

e-mail: v-agafonov@yandex.ru

[2]Департамент экономического развития и торговли Правительства Ивановской области

e-mail: 086-01@adminet.ivanovo.ru

Одним из инструментов проведения политики, направленной на повышение эффективности социально-экономического развития территорий является формирование региональных промышленных кластеров. В данной статье рассматриваются те факторы эффективного формирования региональных кластеров, которые должны являться обязательным предметом анализа в ходе реализации кластерного подхода на региональном уровне. Кратко рассматриваются подходы к количественному анализу эффективности функционирования предприятий, входящих в состав кластера.

Ключевые слова: политика регионального развития, научно-технический потенциал, кластерный подход.

Важнейшими приоритетами региональной экономической политики являются: осуществление прогрессивных структурных преобразований в экономике, сохранение научно-промышленного потенциала региона, его поддержания и последующего развития, обеспечение социальной стабильности. Важным инструментом реализации экономической политики и конкурентной силой на глобальном рынке являются региональные экономические кластеры.

По определению, кластер – это группа взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, географически локализованных, действующих в определенных сферах, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. Суть кластерного подхода заключается в создании определенной группы географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских центров, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга в достижении конкретного хозяйственного эффекта и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний, самого кластера и, страны в целом.

Кластерный подход позволяет повысить эффективность взаимодействия частного сектора, государства, торговых ассоциаций, исследовательских и образовательных учреждений, послужить основой для конструктивного диалога между представителями предпринимательского сектора и государства с целью выявления проблем развития науки и производства, путей наиболее эффективной реализации имеющихся инвестиционных возможностей и необходимых мер государственной политики.

В настоящее время «кластерная» тематика прикладных и научных исследований становится все более актуальной и популярной. Это связано с рядом обстоятельств:

- Кластеры, как территориально локализованные группы тем или иным образом взаимосвязанных и взаимозависимых производств реально существуют;
- На региональном уровнях ощущается проблема разобщенности, несогласованности, отсутствия единой политики в развитии ряда взаимосвязанных и взаимозависимых производств, расположенных на одной территории.
- В контексте регионального или территориального разреза стратегии развития страны все более актуальными становятся вопросы организации межрегионального сотрудничества, региональной специализации и кооперации, поиска конкурентных преимуществ тех или иных Субъектов Федерации
- В ходе разработки стратегии отдельных регионов возникает задача определения и активизация территориальных точек роста

В прикладных исследованиях, связанных с разработкой стратегий, концепций, программ и территориальных схем регионального развития возникает ряд вопросов требующих методического обоснования и практического решения:

• Как необходимо проектировать промышленные кластеры, применительно к конкретной территории и виду деятельности;

• Как соотносятся между собой понятия кластера и точки роста: является ли кластер точкой роста и при каких условиях и наоборот, образует ли точка роста ядро кластера или сама представляет собой нечто «кластерообразное»

• В чем эффект «кластеризации» и механизмы реализации этого эффекта.

Потенциальные и реальные кластеры можно классифицировать различным образом, в частности, на вертикально и горизонтально структурированные. Кроме этого их можно различать по ориентированности на традиционные и высокие технологии, а также по видам деятельности. Естественно, каждый тип кластера имеет свою специфику с точки зрения задач и методов анализа.

Один из важнейших вопросов, который возникает в отношении реальных и потенциальных кластеров – в какой мере и на основе каких механизмов федеральные и региональные органы исполнительной власти могут участвовать в поддержке действующих и создании новых кластеров.

На наш взгляд одна из первоочередных задач в области реализации кластерного подхода в управлении социально-экономическим развитием на региональном уровне заключается в том, чтобы избежать модных рассуждений на тему кластеров и добиться реального системного эффекта. Само по себе желание Администрации области создать кластер на «своей» территории еще не гарантирует получения какого-либо дополнительного эффекта. Далеко не в каждом регионе складываются предпосылки для формирования экономического кластера.

В настоящей статье приведены факторы целесообразности формирования отраслевого кластера на территории региона. В качестве примера рассматриваются предпосылки и основные направления формирования текстильного кластера Ивановской области. В текстильный кластер Ивановской области кроме существующих предприятий и организаций войдут новые производства, объекты инфраструктуры, научные и образовательные учреждения. В рамках этого проекта предполагается провести техническое перевооружение имеющихся в регионе промышленных мощностей и осуществить строительство новых предприятий текстильной и лёгкой промышленности, машиностроения, химической промышленности, а также современных логистических комплексов и объектов инфраструктуры

Исторические факторы, обусловившие развитие текстильного производства на территории Ивановской области и значимость текстильной промышленности как одной из ведущих отраслей, определяющих промышленный профиль региона. То есть исторические факторы рассматриваются как социоформирующие и определяющие тот неуловимый, но очень важный фактор эффективности производства, как культура производства и трудовой менталитет населения.

Социальная среда формируется населением области, жизнедеятельность которого так или иначе связана с деятельностью предприятий текстильной промышленности. Здесь необходимо отметить социальную значимость предприятий текстильной промышленности, большинство которых расположены в малых городах и поселках и являются бюджето и градообразующими. Социальная среда характеризуется сложившейся в области половозрастной структурой городского населения, общим уровнем образования, образом жизни, доминирующими мотивациями в производственном и потребительском поведении, общим менталитетом, уровнем социальной напряженности. Все эти факторы оцениваются как благоприятные для развития текстильного и обеспечивающих производств.

Государственная и политическая среда проявляется, в той регулирующей роли, которую готово играть Правительство Ивановской области, формулируя определенную политику, направленную на развитие отдельных сфер и секторов экономики и в соответствие с этой политикой может оказывать поддержку различным предприятиям, входящим в состав кластера. Это может принимать формы субсидий, налоговых льгот, юридического контроля за событиями на нерегулируемом рынке, развитие инфраструк-

туры. ***В правовой среде*** для предприятий кластера основное значение имеют блоки законодательства, регламентирующие отношения собственности, контрактные отношения, права потребителей, антимонополистическое законодательство и регулирование деятельности естественных монополий, налоговое законодательство.

Технологическая среда. Под технологической средой мы будем понимать множество технологических процессов, влияющих на возможности производства и потребления продукции кластера. Для текстильного производства имеется в виду наличие развитых вспомогательных и обслуживающих отраслей, таких как текстильная химия, машиностроение, приборостроение. Технологическая среда имеет тенденцию к изменениям, создавая для предприятия, как дополнительные возможности, так и ограничения. В частности, влияние технологических изменений на возможности роста в текстильном производстве проявляются в изменениях в спросе на выпускаемые продукты и услуги, а также в возможностях изменения используемых технологических процессов. Технологические изменения влияют на численность и качественный состав рабочей силы. В частности можно ожидать увеличили потребность в увеличении численности высококвалифицированного персонала, как в основном, так и в обеспечивающем производствах.

Макроэкономическая среда. Макроэкономическая среда определяет тот экономический фон, на котором разворачивается деятельности предприятий кластера и характеризуется динамикой цен на производимую продукцию и факторы производства, уровнем занятости, общим уровнем жизни в области, темпами экономического роста экономики области в целом и в отдельных секторах, курсом национальной валюты. Особое значение имеет уровень занятости населения, так как характеризует имеющийся потенциал трудовых ресурсов, который может быть использован для обеспечения планируемого роста производства на предприятиях кластера.

Важнейшим фактором эффективного формирования кластера является наличие ***инновационной и кадровой инфраструктуры***, отвечающей потребностям текстильной отрасли. Среди позитивных предпосылок необходимо отметить наличие в области таких образовательных учреждений, как Ивановской государственной текстильной академии (ИГТА) и различных колледжей, которые готовят разных специалистов высокого профессионального уровня от швей до технологов и дизайнеров. В частности по мнению независимых экспертов, подготовка дизайнеров в ИГТА считается одной из лучших в стране и уступает только Санкт-Петербургскому государственному университету технологии и дизайна. Также необходимо отметить наличие высококлассной научной базы в лице подразделений РАН, расположенных в Иванове и ориентированных на разработку новых технологий в текстильном производстве. Сюда также относятся отраслевые научные институты (только в хлопчатобумажной промышленности функционируют 4 НИИ), сложившиеся научные школы и традиции. Ряд научно-исследовательских разработок, выполненных в последние годы, опережает лучшие мировые достижения и находит признание на международных салонах изобретений.

Экономико-географический фактор проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, географическая концентрация предприятий, взаимосвязанных в рамках полного производственного цикла от переработки сырья до пошива готовых изделий. Во-вторых, географическая близость Ивановской области к важнейшим рынкам сбыта готовой продукции. Необходимо реализовать такое конкурентное преимущество, как территориальная близость к европейским рынкам, в том числе, близость к крупнейшим внутренним рынкам Москвы, Санкт-Петербурга и Центральной России. Развитие текстильной промышленности очень тесно связано с уровнем доходов населения. С этой точки зрения географическая близость производства Ивановской области к таким высокодоходным рынкам, как Москва и Московская область является явным конкурентным преимуществом. Здесь должны оптимально складываться два фактора. Во-первых, стоимости транспортировки готовой продукции, во-вторых, возможность быстро реагировать на изменения конъюнктуры в части потребительских предпочтений.

Маркетинговые факторы формирования кластера выражаются в наличии и сохранении «бренда» Ивановской текстильной промышленности в нашей стране и за рубежом, а также во встроенности текстильной промышленности Ивановской области в межрегинальные и международные кооперационные связи.

Основные стратегические направления формирования кластера

1. Обеспечение интеграции текстильных предприятий кластера с предприятиями нефтегазового комплекса, с целью обеспечения их текстильщиков относительно дешевым искусственным волокном для производства смесовых тканей и нетканых материалов.

2. Повышение эффективности производства за счет ***комплексного технического перевооружения отрасли и повышения производительности труда, снижения транзакционных издержек, повышения эффективности корпоративного менеджмента***. Это, в свою очередь требует сохранения и воспроизводства накопленного ***научно-инженерный потенциала.***

3. Сложившаяся ***культура изготовления одежды европейского типа*** должна быть подкреплена непрерывным процессом инноваций в различных элементах текстильного производства, начиная от постоянного обновления оборудования и технологий производства, дизайна, расширением товарного ряда, до формирования задела для будущего, в форме подготовки молодых кадров. Это позволит иметь Ивановским предприятиям и существенные преимущества на рынках стран европейского ареала.

4. Особенно важное значение имеет поддержание и дальнейшее повышение пока еще высокой квалификации работников. А это требует не только высокого уровня специального образования, которое способствует быстрому освоению передовых технологий и методов управления, но и обеспечения постоянно высокого общеобразовательного уровня населения, что само по себе является значительным конкурентным преимуществом по сравнению с развивающимися странами Азии.

5. Необходимо обеспечить ***оптимальный уровень защиты внутреннего рынка***. В настоящее время, среди 27 ведущих мировых стран-экспортеров текстильной и швейной продукции, Россия является средней по уровню тарифных ограничений. Необходимо обеспечить сохранение этого положения и одновременно существенно снизить уровень нетарифных ограничений входа на внутренний рынок для отечественных предприятий, которые ведут к необоснованному повышению себестоимости производимой продукции на российских предприятиях. (К ним относятся: сложные и непрозрачные процедуры таможенного оформления; произвол в классификации и определении стоимости партий товара; непрозрачные требования по контролю качества; коррупция государственных служащих.

Деятельность государства в развитие кластера в Ивановской области должна осуществляться по следующим направлениям.

Создание ***государственных инвестиционных компаний***, принимающих долевое участие в реконверсии кризисных и создании новых предприятий; создание в депрессивных регионах инновационных центров и научно-технических парков; стимулирование малых высокотехнологичных фирм; улучшение их инфраструктурного обеспечения и т.п.

Предоставление ***гарантий, необходимых для получения кредитов***. Сегодня все отечественные текстильщики инвестируют в перевооружение значительные средства и, как правило, кредитуются в иностранных банках — только они готовы предоставить длинные деньги под небольшой процент. Однако для сотрудничества с этими банками текстильщикам нужно предоставить гарантии — либо российских финансовых институтов, либо власти. Как правило, немногие отечественные банки соглашаются выступить такими поручителями, а государство не дает гарантий, и потому большинство текстильщиков не в состоянии быстро модернизировать производство.

Сохранение такого конкурентного преимущества, как благоприятная конъюнктура на рынках ряда материальных факторов производства. Цены на энергоресурсы по-прежнему в России остаются ниже мировых. В средней полосе России (в частности, в Ивановской области) имеются практически неограниченные водные ресурсы. Модернизация и наращивание производственных мощностей в настоящее время может осуществляться без строительства дополнительных зданий и сооружений. Для этого можно использовать уже существующие производственных помещений.

Создание нормативно-правовой среды, обеспечивающей прозрачность имущественных отношений, в частности соблюдения прав собственности.

Поддержание и развитие транспортной инфраструктуры. Ивановская область географически находится в достаточно выгодных условия не только в плане близости к рынкам сбыта, но и с точки зрения расположения на транспортных комму-

никациях. С учетом предполагаемых вложений в транспортную инфраструктуру, данные конкурентные преимущества будут только укрепляться.

Одной из социальных задач также должна являться ***задача по развитию малого бизнеса***. Его развитие (шитье, продажа и другие услуги) позволяют более эффективно работать крупным производителям не только выпускающим ткани, но также и производящим оборудование для шитья.

Устранение избыточного государственного регулирования выражающегося в избыточных требованиях лицензирования, неоправданной активности контролирующих органов, и т.д.

Важнейшим инструментом анализа является экономико-математическое моделирование различных аспектов функционирования предприятий кластера. Основные задача моделирования заключается в оценке эффективности «усилий» государства по поддержке кластера. Деятельность государственных органов по поддержке процессов «кластеризации» необходимо рассматривать, как государственный инвестиционный проект. В связи с анализом его ожидаемой эффективности возникают следующие задачи моделирования:

Формулирование требований к показателям экономической эффективности деятельности существующих и проектируемых предприятий кластера;

Вариантный анализ структуры и объема инвестиций и производственной программы предприятий кластера

Оценка влияния функционирования предприятий кластера на макрохарактеристики социально-экономического развития региона (рост ВРП, повышение доходов населения, прогрессивные изменения структуры занятости и качества трудовых ресурсов, развитие инфраструктуры и пр.).

Для «технологических» кластеров, предприятия которых образуют технологическую цепочку возникает задача анализа условий, при которых достигается «баланс интересов» участников. В первую очередь имеется в виду взаимовыгодный баланс мощностей и установление «справедливых» цен

Для проведения количественного анализа вариантов развития кластера предлагается использовать экономико-математическую модель позволяющей рассчитать в динамике сбалансированные значения следующих параметров создания новых производств: объем производства продукции и услуг, показатели эффективности производства продукции и услуг, объем инвестиций за счет реинвестирования прибыли, создаваемой в экономике, вклад в валовый региональный продукт, структуру основных налогов, перечисляемых в федеральный и областной бюджеты, суммарный фонд заработной платы с начислениями.

THE FACTORS OF EFFICIENCY OF FORMATION REGIONAL INDUSTRIAL KLASTEROF (FOR EXAMPLE IVANOVO REGION)

V.A. AGATHONOV[1]

M.G. KAZAKOV[2]

[1] The central economic-mathematical institute

e-mail: v-agafonov@yandex.ru

[2] Department of economic development and trade of Government of the Ivanovo area

e-mail:

086-01@adminet.ivanovo.ru

Nowadays economical efficiency at regions becomes one of the most important concerns to local and federal authorities. Industrial clusters formation is instrument to enhance the social and economic development of the region. In this article factors of effective cluster formation, which should be analyzed during the process of cluster formation in the regions, are examined. Also main approaches to the quantitative analysis of firms efficiency as part of cluster, are considered.

Key words: policy of regional development, scientific and technical potential, the clusters approach.

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ *

А.В. ШУЛЕШКО[1)]
Л.Н. БОРИСОГЛЕБСКАЯ[2)]
И.Ю. БЕЛЕЦКАЯ[3)]

[1)] Департамент экономического развития Белгородской области

[2)] Белгородский государственный университет

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

[3)] Белгородский государственный университет

e-mail: Beletskaya_I@bsu.edu.ru

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики. Инерционное ослабление роли факторов «советского наследства» оставляет России роль мирового запасника сырья и энергии. При этом рост доходов, связанный с экспортно-сырьевой специализацией российской экономики не компенсируют отсутствие четкой стратегии ее диверсификации.

Нарастающие процессы глобализации, несмотря на свои противоречивые следствия, ведут к более равномерному распределению ресурсов влияния и экономического роста, закладывая объективную основу для многополярной конструкции международных отношений. Продолжается укрепление коллективных и правовых начал в международных отношениях на основе признания неделимости безопасности в современном мире.

Вступление России в ВТО и интеграция в глобальную экономику должно послужить особым стимулом к инновационным преобразованиям с учетом всех факторов как положительного, так и отрицательного характера, связанных с данным интеграционным процессом.

При этом, выбирая путь инновационного развития, необходимо учитывать возможные риски и ограничения, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство, возникновение которых обусловлено следующими причинами[1]:

- вызовами со стороны внешнего мира, определяемыми уровнем глобальной стабильности, стратегиями мировых центров силы (США, ЕС, Китай, Индия), политическими и политико-экономическими процессами как в зоне ближайшего окружения России (постсоветское пространство), так и по основным векторам ее экономической интеграции в мировое хозяйство (европейском, южноазиатском и дальневосточном);
- исчерпанием источников экономического роста, в частности возможностей наращивания сырьевого экспорта с темпом, превышающим 10% в год. Как только темпы роста устойчиво снизятся до 3-4% в год, неизбежно проявятся накопленные в экономике дисбалансы, покрываемые в настоящее время высокими мировыми ценами на нефть;
- развертыванием мировых демографических тенденций (старение населения), сокращением численности трудоспособного населения на 8-10% за каждое пятилетие по-

* **Статья подготовлена в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года**

[1] Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года. – М.: Деловая литература, 2007 – 352 с.

сле 2010 года. Это задает нижнюю планку требуемого для компенсации сокращения трудовых ресурсов повышения производительности труда – не менее 3-4% в год;

- вероятным усилением уже наметившихся негативных процессов социальной инфраструктуры (ЖКХ, здравоохранение, общее образование);
- качественным изменением условий конкуренции на внутренних рынках, вызванных не только открытием товарных рынков, но и новыми процессами – глобализацией сферы обращения (торговля и финансы) и потребления;
- необходимостью модернизации производственно-технологической базы инфраструктурных отраслей (электроэнергетика, транспорт), а также сельского хозяйства, что потребует перераспределения ресурсов в экономике или приведет к расширению «кризисных зон»;
- исчерпанием технологических заделов в ряде высокотехнологичных отраслей экономики, что может привести к потере имеющихся позиций на внешних рынка высокотехнологичной продукции;
- сокращением к середине следующего десятилетия заделов рентабельных запасов природных ресурсов (нефть, руды цветных металлов и др.).

Перечисленные факторы задают инерционные траектории развития, анализ которых показывает предстоящий в России в ближайшие 10 лет ряд локальных кризисов, что создает качественно новый формат для социально-экономического развития регионов.

Основные вызовы (риски) на долгосрочную перспективу

Риск вступления России в ВТО

Присоединение к ВТО означает для России не только открытие своих рынков, но и выход на рынки других стран, превращение экономики страны в конкурентоспособную. Но данный процесс сопряжен с совокупностью рисков, основными из которых являются:

- увеличение конкуренции и приход «крупных игроков» на российский рынок;
- ограничения возможности предоставления субсидий на производство импортозамещающей продукции;
- снижение таможенных тарифов на ввоз промышленных товаров, которое должно осуществляться с учетом интересов отечественных производителей;
- изменение законодательной и нормативной базы в соответствии с требованиями, в частности, в сфере защиты интеллектуальной собственности и технического регулирования.

Наиболее существенные для региона факторы риска, связанные со вступлением России в ВТО:

- увеличение цен на энергоносители на внутреннем рынке;
- повышение степени открытости внутреннего рынка для иностранных компаний за счет вынужденного изменения таможенной политики;
- усиление конкуренции и потеря (утрата) позиций на внешнем рынке;
- изменение правовых условий деятельности хозяйствующих субъектов.

В результате действия выявленных факторов риска региональная экономика может оказаться в затруднительном положении из-за недостаточно высокой конкурентоспособности продукции, выпускаемой предприятиями региона, и негативности основной массы экономических агентов функционировать в новых условиях.

Позитивная в целом роль открытости внешнего рынка на этом этапе не сможет проявиться в полной мере. Поэтому постепенная перестройка, модернизация и обновление производства, формирование наукоемкой экономики способны изменить экономическую ситуацию в лучшую сторону, начиная с 2010-2012 гг.

Учитывая первоначальные трудности, с которыми неизбежно столкнется региональная экономика на первом этапе вступления в ВТО, следует обратить особое внимание на формирование соответствующих компенсационных механизмов, нейтрализующих риск и способных предотвратить возможный экономический кризис.

Риск сырьевой зависимости

Циклические колебания цен на товары российского сырьевого сектора на мировых рынках создает угрозу периодического снижения доходов от внешнеэкономической деятельности. В зоне риска находится нефтегазовый сектор, для которого характерны колебания цен, в том числе и в сторону понижения, на десятки процентов. Зоной значитель-

ного риска является черная металлургия, где рецессия может наступить уже в среднесрочной перспективе.

В России замедляются темпы добычи нефти, на этом основании прогнозируется потеря динамики роста нефтяных экспортных доходов. Рост поставок газа на внешние рынки в настоящий момент не в полной мере покрывается за счет интенсификации добычи на действующих месторождениях и ввода в действие новых, что может привести к дефициту газа в будущем.

Повышение цен на энергоносители в Белгородской области в перспективе может привести к сокращению общего объема производства, средней заработной платы, среднедушевого дохода, доходов регионального бюджета.

Наблюдается значительная зависимость экономики области от внешних факторов: конъюнктуры рынков и цен на железорудное сырье и черные металлы, размеров транспортных тарифов, цен и тарифов на топливно-энергетические ресурсы. Кроме того, в области высока доля износа тепловых сетей и существенно недостает собственных источников генерации электрической энергии.

В этих условиях приоритетной для региона становится задача ускоренного внедрения энергосберегающих технологий, необходимость дальнейшей диверсификации экономики в целях снижения доли черной металлургии и развития энергетической базы для экономического роста области.

Риски сырьевой зависимости управляемы на основе построения эффективной экономической политики при создании необходимой институциональной базы.

Риск технологического отставания

По данным Минобрнауки, в последние пятнадцать лет Россия значительно отстала по своему технологическом развитию от экономически развитых государств. Срок эксплуатации технологического оборудования превышает двадцать лет, а приборная и опытно-конструкторская база не обновлялась последние пятнадцать лет, что привело к отставанию научного оборудования на два поколения.

Исчерпание резервов основных фондов, т.е. резервы для существенного роста без технического перевооружения и создания новых производств в последующие годы практически отсутствуют. Технологическое отставание влечет за собой низкие показатели производительности оборудования (труда), высокие удельные расходы материальных энергоресурсов, устаревшие технологии производства.

Риск технологического отставания связан с утратой конкурентоспособности экономики регионов России, появлением возможности вытеснения продукции российских предприятий.

Российские компании, стремясь сохранить свою технологическую и кадровую конкурентоспособность, уже прибегают к ускоренному импорту стандартных технологий[2], отдельных специалистов и менеджеров, передают подряды на технологически сложные работы западным компаниям, приобретают последние в расчете на получение современных ключевых компетенций. В частности, в России фиксируется отрицательный торговый баланс по экспорту-импорту технологий и платежей по импорту технологий.

Общий уровень финансирования научных исследований и проектных разработок в стране пока несопоставим с экономически развитыми странами. Доля отчислений на науку в настоящее время существенно ниже признанного мировым сообществом критического порога, при котором возможно поддержание и развитие интеллектуального потенциала страны.

Важнейшей характеристикой уровня развития инновационной деятельности региона является показатель величины внутренних затрат на исследования и разработки и его доли в валовом региональном продукте области.

Несмотря на то, что на протяжении последних лет наблюдается тенденция роста величины внутренних затрат на исследования и разработки, доля затрат на развитие на-

---

[2] В регионах со стандартными геологическими условиями, например, в Западной Сибири, 85% заказов осваивают российские машиностроители. Там, где речь идет о проектах повышенной сложности, например, в Ненецком АО, используются, в основном, зарубежные технологии и оборудование (Национальный доклад «Инновационное развитие: основа ускоренного роста экономики Российской Федерации».- М.: Ассоциация менеджеров, 2006).

учных исследований и разработок в общих затратах на производство валового регионального продукта по-прежнему очень мала.

Поэтому одной из важнейших задач регионального управления является задача изыскания необходимых возможностей для сохранения и развития научно-технического потенциала региона.

Риск инвестиционной привлекательности

Решение долгосрочных системных проблем, стоящих перед экономикой России, сдерживают растущие глобальных экономические и геополитические риски.

Важнейшим аспектом модернизации государственного управления является проведение эффективной региональной политики. Для сегодняшнего дня характерна большая и всё усиливающаяся дифференциация между социально-экономическим развитием регионов – с преобладанием количества субъектов Российской Федерации, имеющих низкие показатели.

Рост экономической самостоятельности и политической значимости регионов Российской Федерации привели к возрастанию их роли в социально-экономическом развитии страны.

Современное состояние инвестиционного процесса в России характеризуется следующими особенностями:

- существенный дефицит инвестиционных ресурсов;
- радикальная перестройка условий хозяйствования в России, обусловленная формированием рыночных отношений, которая привела к тому, что государственное финансирование инвестиционной деятельности осуществляется в крайне небольших масштабах;
- резкое увеличение объема импорта в связи с происходящими процессами глобализации и интеграции регионов в мировую экономику.

Рост инвестиционной активности можно ожидать при наличии надежных предпосылок развития региона и его отраслей, возникающих в результате проведения рациональной инвестиционной политики, направленной на усиление привлекательности региона для инвесторов. Важнейшей характеристикой успешного социально-экономического развития региона является уровень его инвестиционного климата, который включает объективные возможности страны или региона (инвестиционный потенциал) и условия деятельности инвестора (инвестиционный риск).

Привлечение инвестиций в регионы относится к числу наиболее важных задач, решаемых местными властями. Для этого необходимо совершенствование механизмов и мер по государственному регулированию инвестиционного рынка, включая действия по обеспечению экономической безопасности в регионе. Реальным критерием оценки эффективности инвестиционной политики и условием развития региона является снижение региональных рисков.

Белгородская область в 2007 году в ежегодном российском рейтинге («Эксперт РА») среди регионов Российской Федерации с уровнем инвестиционного риска ниже среднероссийского за последние 12 лет заняла вторую позицию. Область является регионом, имеющим одновременно стабильный и качественный инвестиционный климат, обладает высоким ресурсным и производственным потенциалом и характеризуется низким уровнем интегральных инвестиционных рисков, позволяющим региону значительно увереннее удерживать свои позиции по уровню инвестиционной привлекательности по сравнению с другими регионами Российской Федерации.

Риск дефицита трудовых ресурсов

По прогнозу Минэкономразвития России, к 2020 г. население страны может сократиться по сравнению с 2001 г. даже при инновационном сценарии развития и составить 141,2 млн. человек. Численность населения в трудоспособном возрасте составит около 80 млн. человек или 60% всего населения страны.

В рамках существующего горизонта экономического планирования меры по увеличению рождаемости не способны привести к росту населения трудоспособных возрастов, поскольку в период до 2020 года родившиеся дети не успеют достигнуть трудоспособного возраста. Складывающаяся ситуация может создать серьезные дополнительные препятствия для достижения высоких темпов роста ВВП. В частности, рост рождаемости ведет к возрастанию социальной нагрузки на работающее население. Уменьшающееся работающее население вынуждено будет нести тройную дополнительную социальную на-

грузку: финансировать пенсионные и медицинские расходы для растущего числа пенсионеров; формировать часть собственной будущей пенсии в связи с переходом к накопительной пенсионной системе; осуществлять социальные расходы на нужды растущего числа детей и их родителей.

По прогнозу Центра стратегических разработок (ЦСР), который использовал консервативные оценки миграции, исходя из среднегодовой квоты 250 тыс. мигрантов в год и оценки потенциала наиболее вероятных стран-доноров миграционных процессов в Российскую Федерацию, за весь рассматриваемый период этот фактор дает около 3,5 млн. дополнительной численности трудоспособного населения.

Таким образом, совокупность мер демографической и миграционной политики обеспечит в целом по Российской Федерации около 5,7-5,8 млн. дополнительной численности трудоспособного населения. Это составляет примерно одну треть от ее снижения под действием демографических факторов и не сможет компенсировать ожидаемого падения численности населения в трудоспособных возрастах[3].

По прогнозу Департамента экономического развития Белгородской области при общем приросте численности населения, для региона, начиная с 2016 года, также будет характерно снижение численности населения в трудоспособном возрасте.

В этих условиях труд будет одним из самых дефицитных ресурсов. Диспропорции рынка труда и системы профобразования станут в долгосрочной перспективе одним из самых существенных ограничений для устойчивого социально-экономического развития регионов[4].

Не менее важным риском регионального развития является недостаточная эффективность использования человеческого капитала: высокая доля занятых, работающих на должностях, которые не соответствуют полученным квалификациям; высокая текучесть кадров на предприятиях и прочее. Рабочая сила в России постепенно перестает быть дешевой (доля фонда заработной платы в ВВП страны, по оценке Минэкономразвития России, к 2010 году должна достичь 27%).

Проблемы политики развития приграничных зон

Процесс развития приграничных территорий России имеет свои уникальные специфические особенности, влияющие на макроэкономическую политику государства:

- развитие приграничных регионов России имеет большое значение не только для повышения эффективности ее участия в мировой экономике, но и для улучшения региональных макроэкономических пропорций национальной экономики - важное условие повышения конкурентоспособности всего российского производства;
- среди регионов приграничного пояса более благоприятные условия для развития имеют те, которые располагаются на глобальных коммуникациях и на коммуникациях, обеспечивающих межрегиональное сотрудничество;
- повышение барьерности границ в таможенном или визовом отношении должно быть компенсировано ростом контактности в плане развития институтов международного хозяйственного сотрудничества;
- во внешней и макроэкономической политике необходимо принимать во внимание местные последствия для приграничных регионов общегосударственных акций, так как эти регионы не должны быть заложниками глобальной федеральной политики.

Приграничные регионы сильно различаются по условиям развития и приграничного сотрудничества. Наиболее эффективным в устранении приграничного барьера вхождения России в глобальную экономику может быть комбинация мер внутренней политики социально-экономических программ и специальных мер поддержки в виде международных соглашений на двусторонней основе по решению проблем контактности взаимных границ и хозяйственному развитию смежных территорий.

В ноябре 2003 года учрежден первый российко-украинский еврорегион «Слобожанщина» в составе Белгородской и Харьковской областей.

Наиболее крупными совместными проектами между приграничными регионами станут строительство между Белгородом и Харьковом автотрассы, соответствующей евро-

---

[3] Глава Центра стратегических разработок М. Дмитриев. Какой будет Россия, или нужен ли нам демографический взрыв // http://www.izvestia.ru/economic/article3103195/

[4] Индекс развития человеческого потенциала. Доклад о Программе развития ООН // www.belgorodsovet.ru

пейским стандартам, сооружение на границе современного международного аэропорта. Одним из направлений приграничного сотрудничества, представляющим взаимный интерес для регионов является экология. Правительством Белгородской области и Харьковской областной государственной администрацией совместно разработана межрегиональная экологическая программа по охране и использованию вод бассейна реки Северский Донец.

Но, несмотря на это, имеющийся потенциал приграничного сотрудничества задействован далеко не в полной мере. Пока еще не существует четко сформулированной политики государств по отношению к приграничным территориям, формам их поддержки, привлечения инвестиций.

Устойчивость к внешним и внутренним рискам, поддержание условий поступательного экономического развития, эффективная интеграция в глобальную экономику возможны только при наличии эффективной социально-экономической политики, как на уровне России, так и ее регионов.

Таким образом, в современных условиях глобализации экономики России, характеризующейся элементами неопределенности и расширением зон рисковых ситуаций, необходимо определить, ранжировать и минимизировать возможные виды рисков для обеспечения финансово-экономической безопасности российского бизнеса.

KEY CALLS TO DEVELOPMENT OF REGION IN CONDITIONS GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A.V. SHULESHKO[1]
L.N. BORISOGLEBSKAYA[2]
I.Y. BELETSKAYA[3]

[1] Department of economic development of the Belgorod area

[2] Belgorod state university

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

[3] Belgorod state university

e-mail: Beletskaya_I@bsu.edu.ru

At a choice of a way of innovation of development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio economic development, producering by prospects of the gradual introduction of Russia in uniform world economic space are possible. In work the key calls to development of Russia and regions on long-term prospect are considered.

Key words: globalization, calls to development, risks and restrictions of socio economic development, regional policy.

УДК 338.43:330.356.3(470.325)

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. КОЛЕСНИКОВ[1]
А.Ф. ДОРОФЕЕВ[2]

[1] Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства

[2] Белгородская государственная сельскохозяйственная академия

e-mail: interdaf@mail.ru

Проведён анализ результатов развития сельскохозяйственного производства Белгородской области. Показано, что проводимые в регионе институциональные преобразования позволили сельскохозяйственным предприятиям осуществить дальнейшую специализацию, интенсификацию и концентрацию производства, что способствовало росту валовой продукции и производительности труда. Установлена зависимость рентабельности и производительности труда от размеров сельскохозяйственной организации.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, производительность труда, мотивация труда, рентабельность производства; интенсификация, концентрация производства; агропромышленная интеграция; приоритетный национальный проект «Развитие АПК»

В данной работе рассмотрены основные факторы повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве на примере Белгородской области. Исследованы зависимость рентабельности и производительности труда от размеров сельскохозяйственной организации, сделаны выводы и предложения по увеличению производительности труда в сельскохозяйственном производстве.

В настоящее время Белгородская область входит в десятку наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации и является одним из лидеров в агропромышленном производстве, строительстве жилья и благоустройстве сельских территорий. Все это явилось результатом реализуемой в области политики, создавшей условия для привлечения в аграрный сектор частных инвестиций, интенсивного развития крупнотоварных форм хозяйствования при соответствующей государственной поддержке. Как следствие этого, в структуре продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Белгородской области доля сельскохозяйственных предприятий динамично растет, хотя в целом по России этот показатель снижается (табл. 1).

Таблица 1

Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (в фактически действовавших ценах, в % к итогу)[1]

	Российская Федерация		Белгородская область	
	2000 год	2006 год	2000 год	2006 год
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100
в том числе: Сельскохозяйственные организации	43,4	40,9	48,2	68,4
Хозяйства населения	53,6	52,7	49,1	28,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства	3,0	6.4	2,7	3,5

Наибольшее развитие получили такие объединения, как агрохолдинги. В области в различные годы насчитывается от 18 до 22 крупных интегрированных формирований холдингового типа. В настоящее время в состав агрохолдингов области входит 75% сельскохозяйственных организаций, самостоятельно работают только 25% сельскохозяйственных организаций. Агрохолдинги обрабатывают 69,6% пашни и получают 68% прибыли по основной деятельности (табл. 2).

[1] По данным Госстата России

Таблица 2

Основные производственно-экономические показатели сельскохозяйственных организаций Белгородской области в 2006 году[2]

Показатели	Агрохолдинги		СХО не входящие в холдинги	По области
	Наиболее крупные	Прочие		
Инвестиции, млн. руб.	9426	4130	290	13846
в т.ч. на 1га пашни, руб.	13128	21243	1054	11664
Валовая продукция в расчете на 1га пашни тыс. руб.	28201	16781	15751	23451
Урожайность ц/га: Зерна	27,0	19,0	24,9	26,2
сахарной свеклы	326	294	339	335
семян подсолнечника	16,1	13,3	14,8	16,4
Удой на 1фуражную крову, кг	3820	3295	5172	3968
Среднемесячная заработная плата, руб.	5719	5207	5782	5751
Прибыль по основной деятельности, млн.руб.	2859	674	670	4203
Уровень рентабельности, %	21,7	26,9	21,4	22,4

Анализ динамики производственно-экономических показателей сельскохозяйственных организаций Белгородской области свидетельствует об эффективности осуществляемой политики. За период с 2000 по 2006г. увеличилась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных (табл. 3). Если до интеграции урожайность зерновых составляла 22 ц/га, то в процессе интеграции она приблизилась к 30 ц/га, урожайность сахарной свеклы составляла 205 ц/га, в процессе интеграции более 335 ц/га, урожайность семян подсолнечника составляла 14 ц/га, в настоящее время составляет более 16 ц/га.

Аналогичная ситуация наблюдается в животноводстве, несмотря на то, что отрасль является ресурсоемкой, с длительным производственным циклом и сроком окупаемости. До интеграции продуктивность 1 фуражной коровы составляла 2573 кг, в то время как в настоящее время этот показатель приближается к 4000 кг. Положительная динамика характерна также для показателей мясного животноводства. За период с 2000 по 2006г. среднесуточные привесы КРС увеличились в 1,5 раза, среднесуточные привесы свиней увеличились в 1,3 раза.

В результате принятых в области мер увеличилась рентабельность и стабилизировалось производство всех видов продукции, что связано с укреплением технологической дисциплины и обновлением материально-технических ресурсов, подбором квалифицированных специалистов на всех звеньях агропромышленного производства.

Таблица 3

Основные экономические показатели сельскохозяйственного производства в Белгородской области в 2000-2006 годах[3]

№ п.п.	Показатели	Годы				2006 г.	
		2000	2004	2005	2006	к 2000 г. (+;-)	к 2000 г., %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Валовая продукция в текущих ценах всего, млн. руб.	7137,3	16258,3	23054,9	27839,5	20702,2	в 3,9 раза
2	Вложено инвестиций на 1 га пашни, руб.	1175	3783	6142	11664	10489	в 10 раз

[2] Рассчитано на основании данных годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Белгородской области

[3] Сборник: «Основные экономические показатели сельскохозяйственных организаций»

Окончание табл.3

1	2	3	4	5	6	7	8
3	Урожайность зерновых, ц/га	22,0	25,8	29,9	26,2	4,2	119,1
4	Урожайность сахарной свеклы, ц/га	205	302	314	335	130	163,4
5	Урожайность подсолнечника, ц/га	14,0	10,6	13,6	16,4	2,4	117,1
6	Продуктивность 1 фуражной коровы, кг	2573	3471	3652	3968	1395	154,2
7	Среднесуточный привес КРС, гр.	307	397	433	446	139	145,3
8	Среднесуточный привес свиней, гр.	304	352	420	401	97	131,9
9	Среднемесячная заработная плата, руб.	1692	3436	4526	5751	4059	в 3,4 раза
10	Доля прибыльных хозяйств, %	60,8	53,3	61,4	59,9	-0,9	98,5
11	Прибыль- всего, млн. руб.	242,9	84,6	1862,0	1952,2	1709,3	в 8,0 раз
12	Уровень рентабельности, %	4,0	0,6	11	8,3	4,3	в 2,1 раза

Проводимые в регионе институциональные преобразования позволили сельскохозяйственным предприятиям осуществить дальнейшую специализацию, интенсификацию и концентрацию производства, что способствовало росту валовой продукции в 3,9 раза. Рост валовой продукции в расчете на 1 чел.-час. составил 580% (табл. 4). За анализируемый период почти в три раза увеличилась фондовооруженность, в 3 раза энерговооруженность, потребление электроэнергии – в 8,6 раза. Значительный рост показателей интенсификацией производства объясняется снижением издержек за счет применения широкозахватной высокопроизводительной техники в растениеводстве и новых технологий в животноводстве.

Таблица 4

Динамика производительности труда, фондо- и энерговооруженности и численности работников в Белгородской области в 2000 – 2006 годах[4]

№ п.п.	Показатели	Годы			2006 год	
		2000	2004	2006	к 2000 году +;-	к 2000 году, %
1.	Среднегодовая численность работников занятых в сельском хозяйстве, чел.	83303	56235	45976	-36327,00	55,19
2.	Валовая продукция – всего, млн. руб. (в текущих ценах)	7137,31	16258,26	27839,53	20702,22	в 3,9 раза
2.1	на 1 чел. – час., руб.	39,79	130,39	271,78	231,99	в 6,8 раза
3.	Стоимость основных средств сельскохозяйственного назначения на 1 работника, тыс. руб.	208,21	249,37	568,43	360,22	в 2,73 раза
4.	Энергетические мощности на 1 работника, л.с.	51,35	54,97	54,69	3,34	106,50
5.	Потреблено электроэнергии на 1 чел. – день., кВт - час	17,84	20,91	26,42	8,58	148,09

Анализ статистических данных показывает, что в сельскохозяйственном производстве ежегодно уменьшаются затраты живого труда. За последние 7 лет затраты труда в растениеводстве уменьшились на 44,5 %, в животноводстве – на 41,97 % (табл. 5). Увеличилась производительность труда в стоимостном выражении, что свидетельствует об эффективном использовании трудовых ресурсов в сельскохозяйственных организациях.

Применение новых технологий в животноводстве привело к увеличению удоя на 1 фуражную корову за 2000-2007 годы на 54,2%, себестоимость же при этом за аналогичный период увеличилась на 103,1%. В отрасли мясного скотоводства в 2006 году при среднесуточном привесе в 446 грамм убыточность составила - 10%. Объяснение этому следует искать в том, что за последние 7 лет среднесуточный привес увеличился на 46,7%, а себестоимость на 104,6%, при увеличении цены на 110,6%. Аналогичная ситуация сло-

жилась и в свиноводстве. За последние 7 лет среднесуточный привес увеличился на 31,9%, а себестоимость на 47,7%. Рентабельность отрасли – 41% .

Таблица 5

Динамика производительности труда в отраслях сельскохозяйственного производства Белгородской области[4]

№ п.п.	Показатели	Годы			2006 год	
		2000	2004	2006	к 2000 году +;-	к 2000 году, %
1.	Валовая продукция – всего, млн. руб.	7137,31	16258,26	27839,53	20702,22	в 3,9 раза
1.1	в том числе растениеводства	2873,48	5811,17	8619,91	5746,43	в 3 раза
1.2	животноводства	2368,445	7770,06	17204,47	14836,03	в 7,3 раза
2.	Затраты труда в сельскохозяйственном производстве – всего, млн. чел-час.	179,374	124,69	102,43	-76,94	57,11
2.1	в том числе в растениеводстве	39,02	26,47	21,66	-17,36	55,50
2.2	в животноводстве	54,33	37,06	31,53	-22,80	58,03
3.	Валовая продукция в расчете на 1 чел – час. руб.	39,79	130,39	271,78	231,99	в 6,8 раза
3.1	в том числе растениеводства	73,64	156,82	398,02	324,38	в 5,4 раза
3.2	животноводства	43,59	209,68	545,65	502,06	в 12, 5 раза

Все вышеизложенное говорит о недостаточно высоких темпах прироста производительности труда и интенсификации производства по сравнению с темпами роста себестоимости и цен на готовую продукцию. И это несмотря на то, что Белгородская область является лидером в инвестиционно – инновационном развитии. За период с 2002 г. в сельскохозяйственное производство было вложено более 40 млн. руб. инвестиций в основной и оборотный капитал. В сложившейся ситуации для обеспечения эффективности сельскохозяйственного производства, темпы роста производительности труда должны превышать темпы роста себестоимости, а темпы роста себестоимости не должны превышать темпов роста цены готовой продукции. Но такой прорыв возможен только при активной государственной поддержке инноваций в сельском хозяйстве и сопредельных отраслях. В настоящее время на производстве реализованы, за счет средств инвесторов – интеграторов, практически все возможности инновационного развития.

Заработная плата, как в холдингах, так и в самостоятельно работающих сельскохозяйственных организациях ежегодно увеличивается на 18-30%. В течение последних 5 лет среднемесячная заработная плата работников отрасли превышает стоимость потребительской корзины. В 2001 году превышение составило - 6,7%, в 2002 году – 6,7%, в 2003 году – 70,6%, в 2004 году – 72,6%, в 2005 году – 94,4%, в 2006 году – 82,6%.

Что касается динамики натуральных показателей производительности труда, то за последние 7 лет затраты труда на производство 1 ц зерновых и зернобобовых уменьшились на 39,80 %, кукурузы – 74,77 %, сахарной свеклы – 81,02 %, подсолнечника – 46,82 %. Похожая картина наблюдается в животноводстве. Так снижение затрат труда на единицу продукции составило по приросту КРС – 42,94 %, приросту свиней – 84,43 %, молока – 51,69 %, приросту птицы – 89,48 % (табл. 6), и это положительная тенденция. Следует отметить, что между темпами снижения затрат труда на производство единицы продукции и рентабельностью существует диалектическая связь, в основе которой лежит мотивация производителя к сокращению издержек производства. Одним из путей достижения этой цели является интеграция мелких и средних сельскохозяйственных предприятий с последующим использованием преимуществ крупнотоварного производства. Наряду с этим у сельскохозяйственного товаропроизводителя существует мотив к техническому перевооружению в наиболее «ликвидных» направлениях деятельности. В растениеводстве это сахарная свекла, в животноводстве – производство мяса птицы и свиней.

Такая ориентированность исключительно на рыночную конъюнктуру может привести к пагубным последствиям для социально-трудовой сферы села и развития сельских территорий в целом. Инвестируя в новую высокопроизводительную технику и технологии, некоторые товаропроизводители вынуждены экономить на стоимости конкретного труда, занижая его оплату. Результатом такой недооценки является деградация части сельского населения, миграционный от-

[4] По данным годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Белгородской области

ток, и – как следствие – уменьшение доли экономически активного населения, проживающего в сельской местности.

Таблица 6

Затраты труда на производство центнера продукции, чел.-час. в сельскохозяйственных организациях Белгородской области в 2000 – 2006 гг.[5]

№ п.п.	Показатели	Годы			2006 год	
		2000	2004	2006	к 2000 году +;-	к 2000 году, %
1	Зерновые и зернобобовые (без кукурузы)	0,98	0,66	0,59	-0,39	60,20
2	Кукуруза	1,07	0,56	0,27	-0,80	25,23
3	Сахарная свекла	0,79	0,32	0,15	-0,64	18,98
4	Подсолнечник	1,73	1,49	0,92	-0,81	53,18
5	Прирост КРС	46,20	27,51	26,36	-19,84	57,06
6	Прирост свиней	14,85	4,15	2,46	-12,39	15,57
7	Молоко	8,88	5,67	4,29	-4,59	48,31
8	Прирост птицы	9,12	1,84	0,96	-8,16	10,52

Анализ динамики производительности труда в крупных сельскохозяйственных организациях Белгородской области, позволяет констатировать, что наиболее эффективно работают предприятия, в которых производительность труда превышает 120 тыс. руб./чел. Проведенные нами исследования позволили установить прямую зависимость между производительностью труда, энерговооруженностью, рентабельностью и выручкой в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий. Большая часть прибыльных предприятий характеризуется производительностью труда более 120 тыс. руб./чел. (табл. 7). Именно эти предприятия производят большую часть валовой продукции (для объективности расчетов нами не были учтены колхоз имени Фрунзе и ООО «Белгранкорм», как не характерные для общей совокупности).

Таблица 7

Группировка сельскохозяйственных организаций Белгородской области по производительности труда, энерговооруженности, рентабельности и объемам производства в 2002 – 2006 гг.[6]

Производительность труда, руб./чел	Количество предприятий	Доля прибыльных предприятий, %	Энерговооруженность, л.с.	Рентабельность (по чистой прибыли), %	Выручка в расчете на 100 га. сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.
2004 год					
до 60000	15	13	15,78	-53,22	133,09
60001-120000	51	43	50,66	-18,50	427,48
120001-180000	69	58	52,12	-3,05	584,62
более 180000	101	65	53,07	10,50	1466,18
2005 год					
до 60000	4	25	32,12	-38,78	40,76
60001-120000	17	47	53,39	-11,36	107,58
120001-180000	60	53	48,43	-8,55	150,37
более 180000	164	63	59,22	13,49	466,55
2006 год					
до 60000	22	27	11,88	16,66	324,81
60001-120000	21	67	20,44	-1,58	505,93
120001-180000	33	85	48,37	11,47	582,02
более 180000	210	88	56,08	18,38	1728,31

Проведенные нами исследования подтверждают тезис о зависимости рентабельности и производительности труда от размеров сельскохозяйственной организации. Динамический анализ группировки, показывает, что в Белгородской области наиболее эффективно в этом отношении работают предприятия с площадью сельскохозяйственных угодий более 8000 га. Производительность труда на

[5] По данным годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Белгородской области

[6] Результаты выборочных исследований

этих предприятиях составляет от 181 до 387 тыс. руб./чел., в то время как пределом производительности предприятий с площадью пашни до 8000 га является 316 тыс. руб./чел.

Рассматривая динамику роста валовой продукции, среднемесячной заработной платы и производительности труда можно сказать, что в Белгородской области темпы роста производительности труда опережают темп роста валовой продукции, а также заработной платы. За период с 2004 по 2006 год производительность труда увеличилась более чем в 2 раза (табл. 8).

Таблица 8

Динамика валовой продукции, среднемесячной оплаты и производительности труда[7]

Показатели	2004 год	2005 год	2006 год	2006 год к 2004 году, %
Валовая продукция, млн. Руб.	16258,3	23054,9	27839,5	171,2
Среднемесячная оплата труда, руб.	3436	4526	5751	167,4
Производительность труда, тыс. руб.	269,0	432,4	552,1	205,2

По данным социологического опроса, проведённого сотрудниками Всероссийского института экономики сельского хозяйства, 24% дохода формируется именно в личном подсобном хозяйстве, в том числе в агрохолдингах – 19%, в самостоятельно работающих организациях – 31%. Однако анализ динамики роста валовой продукции по категориям хозяйств в Белгородской области позволяет сделать вывод о том, что наибольший рост сельскохозяйственного производства обеспечивает сектор общественного производства. Развиваясь более быстрыми темпами по сравнению с крестьянско-фермерскими хозяйствами и хозяйствами населения, этот сектор занимает доминирующие позиции. Так в 2006 году сельскохозяйственные организации производили 68,4% от общего объёма сельскохозяйственной продукции, в том числе интегрированные структуры – 57,8%; предприятия, не вошедшие в интегрированные структуры, – 10,6%; хозяйства населения – 28,1 %, крестьянские (фермерские) хозяйства – 3,5%. В отчетном году произошло сокращение доли продукции, производимой хозяйствами населения, - на 15%. В целом валовая продукция сельского хозяйства в 2006 году выросла на 10 % и составила 40065,0 млн. руб.

Подводя итог, можно констатировать, что уровень развития социальной сферы на селе определяется уровнем развития производства, находящегося на данной территории, как крупнотоварного или мелкотоварного. Главное, чтобы производство было самодостаточным, чтобы в нем было необходимое количество рабочих мест для жителей села, достаточно высокий уровень оплаты труда и развитая социальная инфраструктура.

RESERVS OF INCREASING OF THE LABOUR IN AGRICULTURAL ORGANISATIONS OF THE BELGOROD REGION

A.V. KOLESNIKOV[1)]
A.F. DOROFEEV[2)]

[1)] Institute for the Economy of the Agriculture

[2)] Belgorod State Agricultural Academy

e-mail: interdaf@mail.ru

The analysis of the results of development agricultural production in Belgorod region is conducted. It is shown that conducted in region institutional transformations have allowed the agricultural enterprises to realize the further specialization, intensification and concentration production that promoted the growing to gross output and capacity of the labour. It is shown, that factors, conditioned increasing of production and capacity of the labour, were: increasing of technological discipline on base of the using modern technology and equipment; selecting the skilled personnel; the motivation of the agricultural commodity producers to reduction of the production costs, orientation on growing volume of production and specialization; the realization microeconomic relations, taking into account interests of the labor group and owner enterprise; software-target approach to development agricultural and industrial production; the preferences agricultural commodity producer on the part of organ state authorities, including active support of the agricultural producers through the priority national project "Development APK". The dependency to profitability and capacity of the labour from sizes of the agricultural organization is stated.

The keywords: agricultural and industrial complex, capacity of the labour, motivation of the labour, profitability of production; intensification, concentration of the production; the agricultural and industrial integration; the Priority National Project "Development of AIC"

[7] По данным годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Белгородской области

УДК 65.016.7

АНТИКРИЗИСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

В.А. ГУБИН

Кубанский государственный технологический университет

e-mail: gogi1986@mail.ru

Предложено определение кризиса, как процесса, в котором выделяются стадии потенциального, скрытого, острого преодолимого и острого непреодолимого кризиса. Для каждой из стадий кризиса определены формы и признаки проявления, направленность и состав антикризисных процедур. Сделан вывод об объективной необходимости комплексного характера осуществления антикризисных процедур.

Ключевые слова: экономическая безопасность, стадии кризиса предприятия, направленность и специфика реализации антикризисных процедур

Эффективное функционирование современного промышленного предприятия во многом определяется его способностью своевременно и полноценно реагировать на изменения внешней среды. По объективным и субъективным причинам большинство отечественных товаропроизводителей оказалось в значительной степени не готово к этому. Однако системные теоретические и методологические основы, принципы и методы эффективного антикризисного управления в новых экономических условиях недостаточно разработаны. Практическими результатами отставания теории от существующих условий функционирования является потеря конкурентоспособности, низкая эффективность функционирования и высокий уровень несостоятельности отечественных предприятий. В этом плане несомненный интерес представляет предлагаемый подход к использованию инструментария антикризисного управления для обеспечения экономической безопасности предприятия

Термин кризис прочно вошел в экономическую жизнь современного общества. Под кризисом традиционно принято понимать незапланированный, нежелательный, ограниченный во времени переломный момент (решающая стадия) в последовательности процессов, событий и действий, который в состоянии существенно помешать или даже сделать невозможным функционирование системы[1].

По внутреннему содержанию кризис - это революционный взрыв, нарушающий эволюционное развитие системы и способствующий ее переходу в новое более совершенное качество. Так как темпы генезиса различных систем значительно отличаются, то степень их ускорения также отлична. В одном случае динамика событийного ряда функционирования системы, развивающейся в эволюционном режиме, может существенно превышать динамику такого же ряда другой системы, для которой такой режим функционирования уже рассматривается, как революционный. Все это говорит об очевидной относительности понятия кризис.

В функциональном плане кризис имеет двойственную природу, одновременно разрушая и созидая, формируя предпосылки и подготавливая условия для дальнейшего развития предприятия[2].

В крайней форме своего проявления кризис не возникает неожиданно, а является результатом развития определенных процессов, инициированных как внешней рыночной средой, так и самим хозяйствующим субъектом. В этом плане с позиции антикризисного управления центральным представляется определение кризиса в широком смысле.

В широком смысле под кризисом следует понимать перманентный процесс развития конфликта организации с внешней средой, обусловленного столкновением их противоречивых интересов.

Индикатором глубины конфликта выступает показатель достаточно
сти оборотных средств или платежеспособности предприятия.

---

[1] Родионова Н.В. Антикризисный менеджмент.- М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001 –С.25.

[2] Крутик А.Б., Муравьев А.И. Антикризисный менеджмент.-СПб:Питер,2001.-С.14

Когда денежных средств достаточно, то кризис носит неявные формы. Если же налицо факт недостаточности денежных средств предприятия для погашения его текущей хозяйственной и финансовой потребности, то кризис переходит в явную или острую фазу. Сообразно этому предлагается выделять такие стадии развития кризисной ситуации как потенциальный кризис, скрытый кризис, острый преодолимый кризис и острый непреодолимый кризис. Для каждой из указанных стадий кризиса свойственны свои формы проявления, признаки начала и завершения.

Представляется, что для каждой стадии кризиса свойственна своя направленность и специфика реализации антикризисных процедур. Так, если на ранних стадиях кризиса (потенциальный и скрытый) речь идет о недопущении конфликта, на стадии острого преодолимого кризиса о разрешение конфликта через удовлетворение взаимных интересов сторон, то на стадии острого непреодолимого кризиса разрешение конфликта обеспечивается посредством подавления интересов предприятия, не обеспечившего удовлетворение претензий кредиторов и объявленного несостоятельным. Совокупность форм, методов и процедур, применяемых для предотвращения и (или) разрешения конфликта предприятия с внешней средой, составляет основу антикризисного управления.

Антикризисные процедуры на стадии потенциального кризиса ориентированы на предвидение и профилактику кризисных ситуаций на предприятии. Они реализуются с момента создания хозяйствующего субъекта и включают в себя, прежде всего, определение элементов и сфер активации кризиса. По отношению к предприятию, всю совокупность элементов активации кризиса можно разделить на экзогенную и эндогенную составляющие. Экзогенные элементы активации объединяют в себе основные потенциальные источники кризиса, находящиеся во внешней по отношению к предприятию среде. Эндогенные элементы представлены основными факторами внутренней среды самого предприятия. Воздействие представленных элементов осуществляется по определенным направлениям или сферам активации. В рамках каждой из сфер активации существуют свои источники активации кризиса.

Следующей составляющей антикризисных процедур на стадии потенциального кризиса является определение механизма активации кризиса по линии: отклонения в сфере активации (источники активации) – отклонения объемных показателей деятельности предприятия - отклонения показателей эффективности функционирования предприятия - неплатежеспособности предприятия. При этом речь идет, в первую очередь, об отклонениях, амплитуда которых существенно превышает среднюю величину и имеет тенденцию к нарастанию. В условиях потенциального кризиса имеются реальные возможности для проведения таких рассчитанных на длительную перспективу антикризисных процедур, как:

- диверсификация деятельности;
- пополнение оборотных средств за счет увеличения уставного капитала;
- изменение организационной структуры предприятия, подготовка нового командного состава, переподготовка кадров и их психологическая переориентация;
- поиск оптимальной модели развития, выявление потенциальных партнеров;
- реанимация, реабилитация и перепрофилирование существующих видов производств, изменение видов деятельности;
- проведение активного маркетинга, формирование банка данных о рыночной конъюнктуре, изучение и завоевание новых рынков сбыта, формирование собственной сбытовой базы;
- обновление ассортимента, максимальное повышение объемов производства перспективных видов продукции и обеспечение их заказами;
- сокращение ресурсо- и трудоемкости производства;
- обеспечение деятельности нематериальными активами (лицензиями, патентами);
- налаживание управленческого и финансового учета.

Направленность антикризисных процедур на стадии скрытого кризиса предприятия состоит в своевременном распознании и предупреждении кризисных тенденций функционирования. Сообразно указанной направленности в состав данных процедур входят две составляющие: оценка вероятности банкротства предприятия и разработка мероприятий, минимизирующих эту вероятность.

О вероятности банкротства с достаточно высокой степенью условности может свидетельствовать ряд количественных показателей. Вся совокупность показателей, используемых для ко-

личественного распознавания нарастания угрозы несостоятельности, может быть сгруппирована в ряд контуров. Первый контур характеризуется кумулятивным нарастанием отрицательной динамики показателей деятельности предприятия. К симптомам кризиса обычно относят снижение прибыльности, сокращение доли рынка компании и потерю ею ликвидности. Показатели второго контура позволяют более объективно отслеживать негативные тенденции в деятельности предприятия. К числу подобного рода показателей относится ряд объемных и структурных финансовых индикаторов чистого денежного потока, структуры капитала предприятия, состава финансовых обязательств предприятия по срочности их погашения, состава активов предприятия, состава текущих затрат предприятия, уровня концентрации финансовых операции в зоне повышенного риска, а также коэффициент прогноза банкротства и цена предприятия. На практике формирование кризисной ситуации на предприятии является результатом одновременного воздействия целой гаммы факторов. Поэтому более объективно об угрозе несостоятельности позволяет судить мультипликативные показатели, характеризующие совокупное влияние указанных факторов. Именно эти показатели могут быть объединены в третий контур оценки вероятности банкротства. Четвертый контур представлен показателями структуры баланса: коэффициентом текущей ликвидности коэффициентом обеспеченности собственными средствами, коэффициентом восстановления платежеспособности, коэффициентом утраты платежеспособности.

Точная, всеобъемлющая, своевременная диагностика состояния хозяйствующего субъекта служит основой для разработки и реализации ком-плекса мероприятий, направленных на преодоление негативных тенденций развития предприятия и разработку программы его стабильного развития. Эта задача решается, прежде всего, за счет консолидации усилий менеджмента на сокращение затрат, избавление от избыточных активов и усиление контроля за движением денежных средств. Все эти мероприятия являются неотъемлемыми атрибутами вводимого на предприятии режима жесткой экономии[3]. Одновременно проводится комплекс мер по реструктуризации дебиторской задолженности. Безусловно, для каждого конкретного предприятия имеются свои приоритеты в части состава и очередности проведения данных мероприятий. Одной из наиболее перспективных форм комплексного регламентирования указанных мероприятий является постоянно актуализируемый план финансового оздоровления предприятия[4].

Несвоевременное выявление признаков кризиса, а также неприня-тие должных мер по его предотвращению, могут привести к переходу предприятия на следующую, более глубокую и явную стадию - стадию острого преодолимого кризиса. Внешним признаком этой стадии кризиса является недостаточность денежных средств предприятия для покрытия его текущей хозяйственной и финансовой потребности. Непогашение в течение более 3-х месяцев обязательств может послужить основанием для подачи кредиторами заявления о признании предприятия-должника банкротом и открытия дела о банкротстве, что может привести к ликвидации предприятия. Для того, чтобы этого не случилось, предприятию необходимо в сжатые сроки осуществить чрезвычайные мероприятия по решению проблем с кредиторами. К числу неотложных антикризисных процедур, реализуемых предприятием на стадии острого преодолимого кризиса, следует относить: досудебную санацию, оперативные меры по увеличению денежной наличности, реструктуризацию кредиторской задолженноти, чрезвычайные организационные мероприятия. Исключительно ограниченные сроки реализации этих процедур определяют тот момент, что осуществляются они практически в параллельном режиме, хотя приоритет при этом должен отдаваться тем из них, которые являются по своим последствиям для предприятия наименее пагубными.

Санация — процедура оказания финансовой помощи предприятию-должнику его собственниками, кредиторами или другими заинтересованными лицами в размере, достаточном для погашения денежных обязательств и восстановления его платежеспособности. Санация предусматривает возможность (но не обязанность) принятия на себя должником или иными лицами обязательств в пользу лиц, предоставивших финансовую помощь. Данные обязательства могут касаться следующих позиций: замена руководителя (ведущих менеджеров) организации; изменение состава совета директоров и состава учредителей; изменение производственной и организационной структуры; изменение

---

[3] Попов Р.А. Антикризисное управление.-М.:Высшая школа, 2003.-С.17.

[4] Шепеленко Г.И..Антикризисное управление производством и персоналом. – Ростов-на-Дону, Издательский центр «Март»., 2002. – С. 62.

договорных отношений; реорганизация; замена обслуживающего банка; покупка нового оборудования у определенных производителей.

Традиционными направлениями работ по переводу активов в денежную форму являются: продажа краткосрочных финансовых вложений; продажа дебиторской задолженности; продажа запасов готовой продукции; продажа избыточных производственных запасов; продажа инвестиций (деинвестирование); продажа нерентабельных производств и объектов непроизводственной сферы.

Под реструктуризацией кредиторской задолженности понимается комплекс мероприятий, направленных на сокращение обязательств предприятия за счет: отсрочки и рассрочки платежей; отступного; зачета взаимных платежных требований; переоформления задолженности в вексельные обязательства; уступки кредиторов под обеспечение долга; продажи долговых обязательств; перевода краткосрочных обязательств в долгосрочные; погашения задолженности имуществом и имущественными правами; погашения задолженности посредством передачи кредитору готовой продукции (услуг); отказа от исполнения обязательств; списания задолженности.

Если должник оказался не в состоянии самостоятельно решить возникшие у него проблемы платежеспособности, то на помощь ему могут прийти уполномоченные независимые специалисты, осуществляющие антикризисные процедуры уже в рамках рассматриваемого арбитражным судом дела о несостоятельности. Арбитражный режим предусматривает разрешение взаимных претензий в бизнесе, когда окончательное решение принимает независимый эксперт (арбитр). В условиях острого преодолимого кризиса в таком режиме осуществляются антикризисные процедуры наблюдения, мирового соглашения, финансового оздоровления и внешнего управления.

Если в результате осуществления всех антикризисных процедур предприятие не решило имеющиеся у него финансовые проблемы, то решением арбитражного суда оно признается банкротом и вступает в стадию острого непреодолимого кризиса. В рамках этой стадии к должнику применяется процедура конкурсного производства, направленная на продажу должника и соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счет вырученных средств.

Стабильная работа современного предприятия в значительной степени обеспечивается за счет своевременной реализации антикризисных процедур, применяемых для предотвращения и (или) разрешения конфликтов с внешней средой. Данный конфликт носит перманентный характер и проходит в своем развитии стадии потенциального, скрытого, острого преодолимого и непреодолимого кризиса. Для каждой стадии кризиса свойственна своя парадигма антикризисного управления. Предлагаемые подходы и положения могут использоваться в практической деятельности современных промышленных предприятий при проектировании производственных систем, выборе и реализации стратегий и планов развития, реструктуризации бизнеса, предотвращении негативных тенденций и ликвидации кризисных состояний, выявления угроз и опасностей, оценки возможностей и источников стабилизации функционирования предприятия, оценки эффективности использования имеющегося потенциала.

ANTI-RECESSIONARY COMPONENT OF THE ECONOMIC SAFETY OF THE MANAGING SUBJECT

V.A.GUBIN

The Kuban state technological university

e-mail: gogi 1986@mail.ru

Crisis definition, as process in which stages of the potential, latent, sharp surmountable and sharp insuperable crisis are allocated is offered. For each of crisis stages forms and display signs, an orientation and structure of anti-recessionary procedures are defined. The conclusion is drawn on objective necessity of complex character of realisation of anti-recessionary procedures.

Keywords: economic safety, stages of crisis of the enterprise, an orientation and specificity of realisation of anti-recessionary procedures

УДК 330.342.24.

ПОСТРОЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРОФИЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

К.О. ВИНОГРАДОВА[1]
А. В. ПОЛЯКОВ[2]

[1]Белгородский государственный университет

e-mail: *KVinogradova@bsu.edu.ru*

[2] Курский государственный технический университет

e-mail Polyakovff@mail.ru

В статье рассматриваются методологические вопросы исследования инновационных процессов на региональном уровне; апробируется методический инструментарий оценки инновационного потенциала региона, проводится анализ инновационной активности регионов центрально-черноземного района.

Ключевые слова: инновационный профиль, потенциал региона, оценка инновационного потенциала, ресурсная составляющая, научные исследования и разработки.

Стратегией развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года предусмотрен переход России на инновационный путь развития, к построению общества, базирующегося преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности и высокая квалификация - ведущие производственные ресурсы, главные факторы материального достатка и формирования развитого человеческого капитала[1].

Национальная инновационная система (НИС) Российской Федерации в качестве непременного условия своего развития предполагает создание на территории страны инновационных зон, в которых концентрируются мобильные высококвалифицированные кадры. К тому же ключевым фактором становится доступность рынков информации и финансов, а потому – плотность контактов, коммуникационная близость центров принятия решений.

В условиях переходного периода российской экономики и становления рыночных отношений подавляющее большинство предприятий, включая отраслевые и академические научно-исследовательские институты, столкнулись с целым рядом проблем рыночной востребованности результатов их деятельности.

Выявленные проблемы формирования инновационного потенциала не дают в полной мере реализовать возможности предприятиям и являются типичными:

- слабая ориентированность научных разработок на конкретного потребителя, технологическое отставание производства;
- отсутствие у участников инновационного процесса научных знаний и опыта организации проекта;
- низкая эффективность организационных структур, предназначенных для осуществления инновационной деятельности и другие.

Активизация инновационной деятельности имеет важное значение как для России в целом, так и для каждого ее региона. Структурно инновационный потенциал может быть рассмотрен как с точки зрения ресурсной компоненты, характеризующей возможности отдельных ресурсов для осуществления инновационной деятельности в регионе, так и результативной компоненты, отражающей результат реализации использования ресурсных возможностей, т.е. уровень инновационного потенциала[2] (табл. 1.).

---

[1] Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года»: www.kremlin.ru

[2] Москвина О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивости развития региона// Инновации. - 2005. - №12. - с. 37.

Таблица 1

Показатели оценки инновационного состояния региона

Группа показателей		Показатель	Условное обозначение	Пограничная характеристика	
				R	Z
Ресурсная компонента	Кадровая составляющая	Доля работников с высшим образованием в общей численности промышленно-производственного персонала, отн. ед.	К1	0,25	0,8
		Доля затрат на профессиональное обучение в общем объеме издержек на рабочую силу, отн. ед.	К2	0,15	0,5
		Численность студентов вузов на 10 тыс. чел. населения территории, чел.	К3	100	150
	Технико-технологическая составляющая	Уровень износа основных производственных фондов, в %	Т1	60	25
		Коэффициент обновления основных производственных фондов, в %	Т2	4,5	12
		Удельный вес оборудования со сроком эксплуатации до 10 лет, отн. ед.	Т3	0,7	0,33
	Финансовая составляющая	Доля затрат на науку и научные исследования и разработки в ВРП, отн. ед.	Ф1	0,025	0,05
		Доля затрат на науку и научные исследования и разработки в общем объеме промышленной продукции, отн. ед.	Ф2	0,025	0,05
		Отношение объемов инвестиций в промышленность к ВРП, в %	Ф3	2,4	11,8
	Научная составляющая	Численность работников, выполняющих научные исследования, на 10 тыс. чел. населения, чел.	Н1	13	40
		Средняя численность кандидатов и докторов наук на 10 тыс. чел. населения территории, чел.	Н2	0,4	4
		Удельный вес стоимости машин и оборудования в общем объеме основных средств отрасли "Наука и научное обслуживание", отн. ед.	Н3	0,16	0,35
Результативная компонента		Число ежегодных патентных заявок на изобретения в расчете на 10 тыс. чел. населения, в %	Р1	2,5	5
		Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, отн. ед.	Р2	0,10	0,40

В работе проводится оценка инновационного потенциала Центрально-Черноземного района на базе построения инновационного профиля для улучшения инновационной инфраструктуры и повышения конкурентоспособности предприятий. Работа основана на анализе обобщающих показателей, представленных в различных научных трудах[3], характеризующих инновационный потенциал региона.

Состояние инновационного потенциала Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей определяется путем непосредственного сравнения обобщающих показателей с их пограничными характеристиками R и Z. Однако наиболее полную картину, дает подход, позволяющий агрегировать отдельные характеристики потенциала и рассматривать их в комплексе – в виде совокупности координат единой шкалы.

Согласно методике построения инновационного профиля определяются координаты обобщающего показателя I инновационного потенциала (табл. 2)[4].

---

[3] Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности / Рук. авт. колл. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. - М.: Наука, 2004. - С. 108-150.

[4] Москвина О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивости развития региона// Инновации. - 2005. - №12. - с. 37.

Таблица 2

Координаты обобщающего показателя инновационного потенциала

Неравенство	Расчет координаты (i) обобщающего показателя
Для всех показателей (кроме Т1 и Т3)	
I < = R	i = R / I - 1 , при этом значению координаты присваивается знак "-"
R < I < Z	i = I / Z - диапазон значения координаты будет варьироваться в пределах от 0 до 1
I > = Z	i = I / Z - диапазон значения координаты будет всегда выше 1
Для показателей Т1 и Т3	
I > = R	i = I / R - 1 , при этом значению координаты присваивается знак "-"
R > I > Z	i = Z / I - диапазон значения координаты будет варьироваться в пределах от 0 до 1
I < = Z	i = Z /I - диапазон значения координаты будет всегда выше 1

где **I** - значение обобщающего показателя, характеризующего ресурсную и результативную составляющую инновационного потенциала;

R - пороговое значение обобщающего показателя инновационного потенциала, выраженное через характеристику параметра, отражающего границу минимально допустимого уровня кризисности его состояния;

Z - пороговое значение обобщающего показателя инновационного потенциала, выраженное через характеристику параметра, отражающего границу его предкризисного состояния.

Полученные координаты потенциала могут быть графически отображены в виде инновационного профиля Центрально-Черноземного района (рис.1).

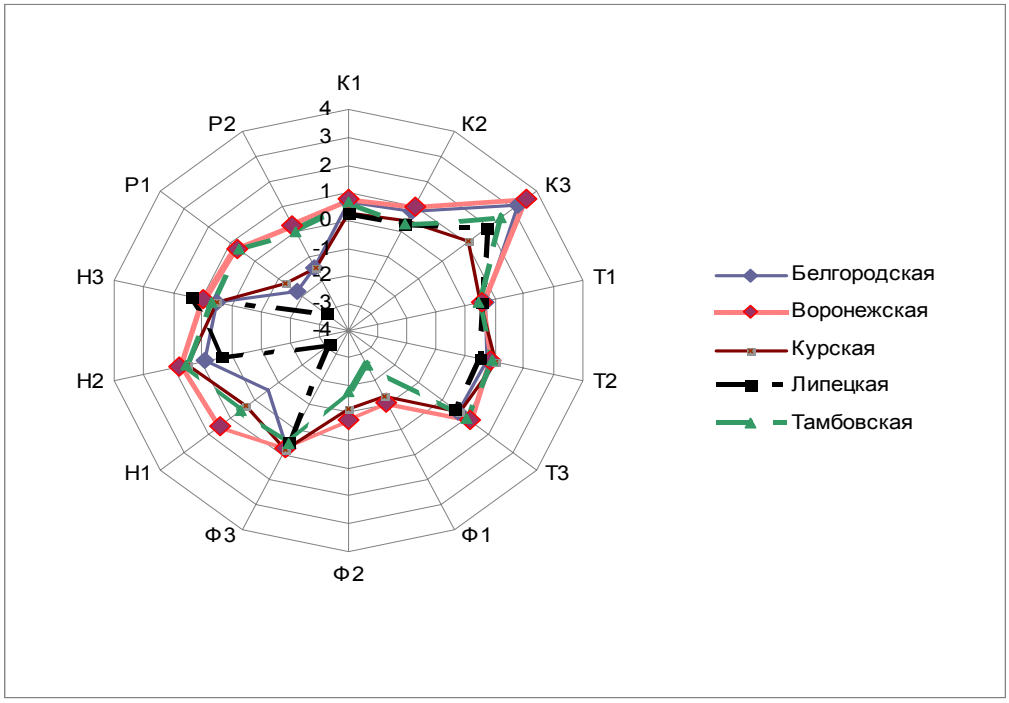

Рис.1. Инновационный профиль Центрально-Черноземного района по данным 2006 г.

В соответствии с выявленным уровнем рассчитанных координат на нем могут быть выделены три зоны.

1. ***Зона благоприятного состояния*** (i > 1), для которой характерен выход с траектории кризисного развития инновационных процессов, и она требует разработки мероприятий, направленных на поддержание позитивной динамики сложившейся ситуации.

2. ***Зона удовлетворительного состояния*** (0 < = i < = 1) свидетельствует о недостаточном для формирования инновационной экономики региона уровне потенциала и

необходимости поиска путей улучшения использования его ресурсной составляющей и активизации конечных результатов инновационной деятельности.

3. ***Зона неудовлетворительного состояния*** (i < 0) отражает негативные тенденции в формировании инновационной экономики, что требует разработки системы мероприятий, направленных на повышение ресурсной и, соответственно, результативной составляющей инновационного потенциала региона.

Ниже представлен анализ по ресурсной и результативной компонентам построения инновационного профиля.

Значения координат ***кадровой составляющей*** К1, К2, К3 находятся в зоне благоприятного состояния. Лидером по показателю численности студентов вузов на 10 тыс. чел. населения является Воронежская область (540 человек)[5]. Так, в Белгородской и Курской областях существует фундаментальная научная база, способная генерировать инновационную продукцию. Важным инициатором развития инновационной деятельности попрежнему остается вузовская наука, которая сохранила значительную часть кадрового потенциала, занимающегося прикладными и фундаментальными исследованиями.

Обобщающие показатели ***финансовой составляющей*** находятся в зоне кризисного состояния. В Белгородской и Липецкой областях значение расчетного показателя находится в отрицательном диапазоне до двадцати пунктов. В Липецкой области затраты на науку и научные исследования составили 44,982 млн. рублей, в то время как в Воронежской 1698,824 млн. рублей.

В удовлетворительном состоянии ***значений результативной компоненты*** находятся показатели Воронежской и Тамбовской областей, в неудовлетворительном - Липецкая область.

В итоге можно сделать вывод о том, что в Центрально-Черноземном районе наибольшим инновационным потенциалом обладают Воронежская и Тамбовская области, они находятся в зоне благоприятного состояния. В зоне удовлетворительного состояния - Белгородская и Курская области, и Липецкая область обладает наименьшим инновационным потенциалом и находится в зоне неудовлетворительного состояния.

Рассматривая инновационную деятельность регионов Центрально-Черноземного района, были выявлены следующие особенности инновационного развития.

Основным элементом организационной структуры науки являются самостоятельные организации, выполняющие исследования и разработки, а также соответствующие подразделения высших учебных заведений, организаций промышленного производства и организаций других видов деятельности.

В Центральном федеральном округе Воронежская область занимает 1 место по показателю «Число организаций, выполняющих исследования и разработки» в 2006 году (65 организаций), в то время как остальные регионы Центрально-черноземного района отстают по этому показателю (Белгородская область 21 организация, Курская – 19, Тамбовская – 22, Липецкая – 9) (рис.2).

Следует отметить, что Липецкая область находится на последнем месте по показателю «Число организаций, выполняющих исследования и разработки» (9 организаций)[6].

Товарная специализация промышленности ***Воронежской области*** - дальнемагистральные (широкофюзеляжные) пассажирские самолеты, электродвигатели малой мощности, синтетические каучуки, телевизоры, горно-обогатительное оборудование.

---

[5] Госкомстат Белгородской области

[6] Госкомстат Белгородской области

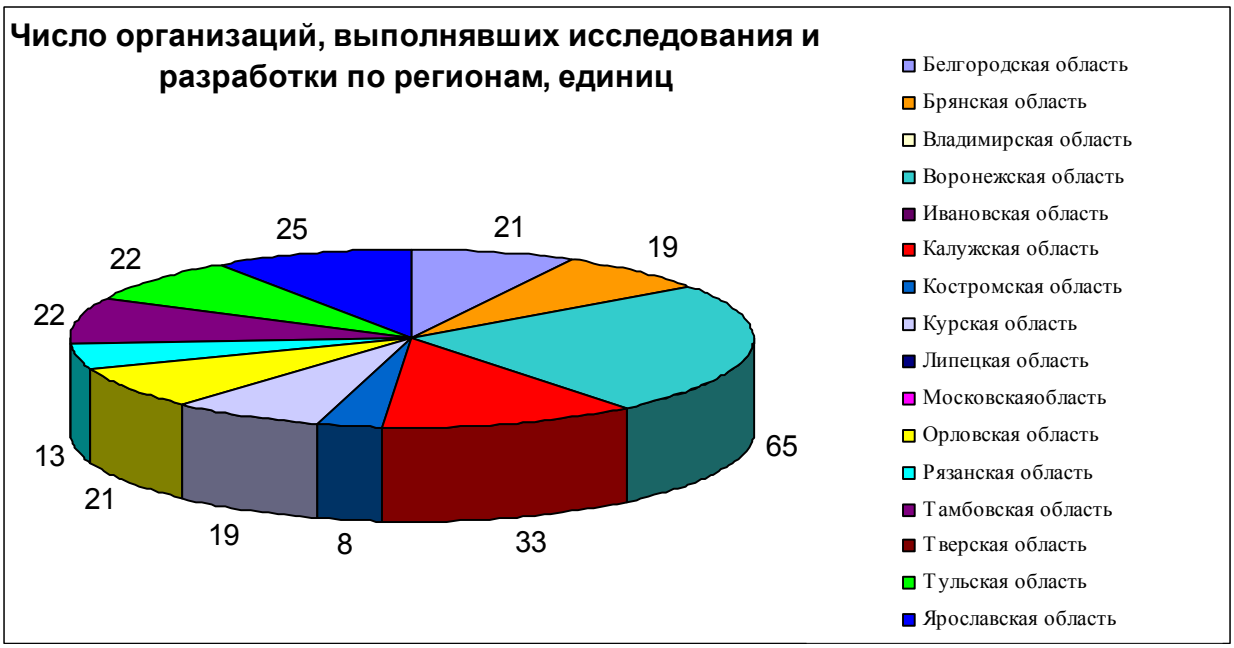

Рис. 2. Сравнительный анализ по показателю «Число организаций, выполняющих исследования и разработки» в 2006 году

Воронежская область перестает производить новые технологии, предприятия региона утрачивают инновационный потенциал. Отдельные уникальные технологии создаются в регионе, но технологическая отсталость проявляется в том, что Воронежские предприятия почти не располагают глобально конкурентоспособными технологиями. Достаточно велика степень износа основных фондов, удельный вес полностью изношенных основных фондов выше, чем в среднем по России и составляет 15%. Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженной продукции инновационно-активными предприятиями составляет 2,7%, что в 2,5 раза меньше чем по Центральному федеральному округу.

Для дальнейшего инновационного развития в Воронежской области планируется проект по формированию индустриального парка г. Нововоронеж на базе Нововоронежской АЭС – 2 в рамках партнерства региональных властей и РосАтома; создание инновационного вуза на базе одного из лидеров высшего профессионального образования области (ВГУ); создан центр микроэлектроники и нанотехнологий.

Воронежский государственный университет начинает организовывать новые структурные подразделения с инновационной направленностью - технопарк с 4 приоритетными направлениями, которые будут интенсивно развиваться. Предприятия из других областей Черноземья уже используют разработки Воронежского университета.

В ***Тамбовской области*** Российский государственный Фонд развития и предпринимательства (фонд Бортника) поддержал три инновационных проекта МичГАУ в научно-производственной сфере. Они связаны с производством посадочного материала и семян овощных и цветочных культур, производством биокомпостов и переработкой отходов плодоовощного сырья, полученных в консервной промышленности, на корм скоту. Фонд выделил в общей сложности 2 миллиона 250 тысяч рублей на проведение завершающего этапа исследований и составления бизнес-проектов.

ООО «КБ РТМ», г.Тамбов предлагает проект организации производства теплоизоляционных труб и листов из неподдерживающего горение материала типа «K-Flex», для замещения изделий импортного производства, проект организации производства теплоизоляционных труб и листов из закрытоячеистого неподдерживающего горение материала на основе композиции ПВХ и каучука методом непрерывной экструзии, для замещения изделий импортного производства; инновационные аспекты предложения - вспенивание, формообразование и структурирование материала.

Из инновационных проектов, уже существующие на Тамбовщине, особо отмечены строительство цементного завода и переезд в Тамбов Кировского тракторного завода из Санкт-Петербурга. Ряд проектов будет осуществляться в Моршанске, городе, который в

силу свой географической расположенности и имеющейся инфраструктуры является ивестиционно привлекательным[7].

Курская область в области приборостроения – занимает 7%, в машиностроении – 6% (из 100% общего рынка научно-технических инновационных разработок), подтверждение тому покупка патентов ведущей мировой компанией Samsung Electronics предприятиями Украины и Белоруссии.

Общую структуру инновационных процессов в регионе определяют отрасли: черная металлургия, машиностроение, химическая, целлюлозно-бумажная и пищевая промышленность. Они охватывают 70% всех инновационно - активных организаций и, как правило, отличаются наиболее высоким уровнем инновационной активности. Большинство промышленных предприятий в качестве основного результата инновационной деятельности имеют расширение ассортимента продукции, сохранение традиционных рынков, а также улучшение качества продукции. Наиболее инновационно - активные промышленные предприятия Курской области: ОАО «Геомаш», ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ОАО «Михайловский ГОК», ОАО «Счетмаш», ОАО «Электроаппарат», ЗАО «ГОТЭК», ЗАО «Кондитер – Курск» и др. Данные предприятия в течение последних трех лет имели завершенные инновации - внедренные на рынке новые или значительно усовершенствованные продукты, услуги или методы их производства; внедренные в практику производственные процессы.

Инновационный потенциал Курской области складывается из совокупности научно-технического потенциала вузов и НИИ Курской области.

В ***Белгородской области*** исследовательские процессы развиваются медленно, о чем свидетельствует тенденция к снижению числа организаций, выполняющих исследования и разработки. Число научных организаций уменьшилось на 8,7% по сравнению с 2005г. В целом за период с 1996 года их число уменьшилось в 1,7 раза, в основном, за счет сокращения проектных и проектно-изыскательских организаций и организаций промышленного производства.

Важнейшей характеристикой уровня развития научной сферы является показатель величины внутренних затрат на исследования и разработки и его доли в валовом региональном продукте области. Внутренние затраты на исследования и разработки в 2006г. составили 333,8 миллионов рублей и превысили уровень 2005г. на 36,2%, а по сравнению с 2001г. увеличились в 2,7 раза. Определенные сдвиги произошли в составе источников финансирования внутренних затрат на исследования и разработки: если в 2000 году доля совокупных средств бюджета с учетом средств организаций государственного сектора в общем объеме затрат на исследования и разработки составляла 57,3% и являлась основным источником финансирования, в 2001 она составляла уже 29,8%, а в 2006 году она снизилась до 23,7%.

Не смотря на уменьшение общего объема отгруженной инновационной продукции, можно говорить об увеличении качественной составляющей этого показателя, т.к. за последние три года на 43% возрос объем отгруженной продукции, вновь внедренной или подвергшейся значительным изменениям.

Наблюдается сложившаяся устойчивая инновационная деятельность региона в следующих производственных областях: металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака[8].

В Белгородской области создан Центр наноструктурных материалов и нанотехнологий. В рамках деятельности инновационно-технологического центра «Стратегичесий прорыв» БелГУ создается соответствующая инфраструктура реализации модели горизонтально-сетевого взаимодействия региональной власти, бизне-сообщества и образования.

Липецкая область первая в привлечении реальных корпоративных инвестиций в развитие высокотехнологичных производств на территории России. На базе использования продукции Новолипецкого металлургического комбината было осуществлено привлечение

---

[7] www.innovbusiness.ru

[8] Госкомстат Белгородской области

итальянских корпораций к созданию в области завода по производству холодильников (60% в общем объеме производства по России). Фактически впервые в современной России было развернуто мощное импортозамещающее производство.

Опыт создания производств «белой техники» – первый в Российской Федерации опыт создания конкурентоспособного кластера как динамичной и внутренне конкурентной сети близко локализованных предприятий, производящих одну и ту же или смежную продукцию.

В области создан Региональный Инновационно-технический фонд "Меккано-Липецк". Проект реализован при финансовой поддержке Европейской Комиссии Евросоюза в рамках программы ТАСИС, также при содействии администрации региона Марке Италия и компании "Meccano" (Италия). Фонд сотрудничает с предприятиями РФ по внедрению передовых технологий, сертификации продукции по международным стандартам, выходу на внешние рынки, подготовке к работе в условиях вступления России в ВТО.

Каждый регион Российской Федерации вносит определенный вклад в инновационную составляющую общероссийской инновационной системы. В случае, когда регион не обладает достаточными ресурсами для построения инновационной экономики, основываясь на мировой практике, на начальном этапе экономической трансформации целесообразно выбрать стратегию освоения научных разработок, т.е. использование имеющихся инноваций в соседних регионах и перенесение их в собственную экономику. В дальнейшем по мере стабилизации и развития экономики субъекта возможен переход к укреплению и расширению собственной ресурсной базы инновационного развития.

Вместе с тем, наличие инновационного потенциала в регионах является условием, при котором возможно эффективное развитие хозяйственных субъектов. Однако инновационный потенциал может остаться невостребованным, если не будут найдены социальные формы, в которых он сможет реализоваться[9]. В качестве форм реализации инновационного потенциала выступают объекты инновационной инфраструктуры. Как свидетельствует мировой опыт, наличие соответствующей инновационной инфраструктуры является необходимым условием результативного инновационного развития. Так, в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» построение инновационной инфраструктуры названо среди основных задач формирования национальной инновационной системы[10].

Создание объектов инновационной инфраструктуры на территории Центрально-Черноземного района способствует более рациональному размещению производительных сил и, в частности, созданию условий для превращения менее экономически развитых регионов в научно-промышленные зоны с высоким уровнем жизни, стимулированию хозяйственного развития технически отсталых регионов, преодолению социально-экономических диспропорций между крупными промышленными центрами и периферией[11]. При этом функции у элементов инновационной инфраструктуры различны, они зависят от направления деятельности, свойств конкретной инновации, стадии инновационного процесса, целей государственной инновационной политики (рис. 3).

---

[9] Лебедев А.С. Развитие форм эффективной реализации инновационного потенциала региона: автореф. дис.канд. экон. наук: (08.00.05) / А. . Лебедев. Волгоград, 2006. С.7-8.

[10] План мероприятий по реализации в 2006 году Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утв. *распоряжением* Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. N 158-р)

[11] Демидов В.А., Лебедева Н.Н., Олейник О.С. Региональная инновационная система: потенциал и тенденции развития. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С.137.

Рис.3. Элементы инновационной инфраструктуры

Как видно, формирование инфраструктуры региональной инновационной системы является сложной организационной и финансовой задачей. В российских регионах уже существует определенный опыт в области формирования инновационной инфраструктуры, однако все еще существуют серьезные дисбалансы в ее создании. Серьезным этапом на ближайшую перспективу является создание такой инфраструктуры инновационной деятельности, которая позволит обеспечить выполнение всех своих функций, а также быстро адаптироваться к постоянным изменениям, связанным с непрерывным процессом создания новых знаний.

Таким образом от уровня развития инновационной инфраструктуры, от качества ее функционирования будет зависеть не только скорость осуществления инновационных преобразований в экономике региона, их стоимость и результативность, но и возможность реализации любого инновационного проекта.

CONSTRUCTION OF INNOVATION STRUCTURE OF DEVELOPMENT OF REGIONS

K.O. VINOGRADOVA[1]
A.V. POLYAKOV[2]

[1] Belgorod State University, Studencheskaja St.
e-mail: KVinogradova@bsu.edu.ru
[2] Kursk State Technical University
e-mail:Polyakovff@mail.ru

In clause the methodological questions of research of innovation of processes at a regional level are considered; the methodical toolkit of an estimation of innovation of potential of region is approved, the analysis of innovation of activity of regions of central black ground area will be carried out.

Key words: innovation structure, potential of region, estimation of innovation of potential, resource component, scientific researches and development.

УДК 336.713.2

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.А. СЕРДЮКОВ[1]
Н.В. ЧЕРКАШИНА[2]

[1] Белгородское отделение №8592 Сбербанка России

e-mail: *serdykovea@sb.belgtts.ru*

[2] Белгородское отделение №8592 Сбербанка России

Проведен анализ отдельных показателей банков, функционирующих на территории Центрально-Черноземного региона в целях многостороннего освещения факторов развития банковских услуг. В основу анализа положен ряд показателей деятельности кредитных организаций, а также состояния рынка основных банковских услуг и конкуренции в региональном масштабе.

Ключевые слова: кредит, потребительское кредитование, конкуренция, кредитные риски, финансовая инфраструктура, ресурсная база.

В условиях устойчивой макроэкономической ситуации и реализации положений Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года, предусматривающей поступательное улучшение общесистемных условий бизнеса, тенденции и перспективы развития рынка банковских услуг в регионах определяются тенденциями деловой активности в региональных экономических системах. Их мониторинг и анализ осуществлен на основе показателей статистики, формируемой Банком России и экономических тенденций, наблюдаемых в соответствии с данными Росстата.

Анализ состояния данного сектора на региональном уровне имеет большое значение для раскрытия вопросов, связанных с тенденциями продвижения ряда услуг коммерческих банков, имеющих как социальную, так и экономическую направленность, а также оценки региональных особенностей развития финансовых структур, проблем и перспектив всей отечественной финансовой системы.

О важности рассмотрения регионального аспекта функционирования системы говорит, прежде всего, тот факт, что равнозначная ее часть расположена в краях, областях, республиках (50,1 % кредитных организаций находятся вне столицы и столичного региона)[1].

Хотя доля региональных банков в совокупных активах банковского сектора страны составляет 14,4%, доля регионов в промышленном производстве – 80%[2], что является подтверждением диспропорции в размещении капитала кредитных организаций по территории Российской Федерации. Концентрация активов и капитала в крупнейших банках сопровождается их экспансией в регионы. Из 3410 филиалов банков 2678[3] (преобладающее их количество 78,9% от общего количества филиалов кредитных организаций) расположены на территории других регионов России. При этом во всех регионах полностью прекратилось создание новых банков, а в некоторых из них наметилась тенденция к уменьшению числа действующих кредитных организаций. Таким образом, основной формой развития региональной инфраструктуры становится открытие филиалов крупных, в основном московских, банков.

С целью выявления особенностей развития системы кредитных организаций в работе предлагается анализ функционирования банков и их филиалов на территории отдельного региона, включающий в себя:

- оценку устойчивости банковского сектора,

---

[1] Обзор банковского сектора Российской Федерации. – 2008. - №63.

[2] Мехряков В.Д. О некоторых аспектах регулирования конкурентных отношений на рынке банковских услуг // Банковское дело. – 2003. - №12. – С. 26.

[3] Бюллетень банковской статистики. Региональное приложение. – 2007. - №4. – С. 5.

- выявление закономерностей или текущих пропорций между различными категориями кредитных организаций и их филиалов,
- определение емкости рынка банковских услуг, в целом, и кредитов для населения региона, в частности,
- выделение перспективных сегментов спроса на рассматриваемые кредиты.

С позиций результатов деятельности банковского сектора можно выделить три основных канала его влияния на региональную экономику:

1. обеспечение кредитными и инвестиционными ресурсами;
2. снабжение наличными и безналичными платежными средствами;
3. предоставление достаточного объема и ассортимента банковских услуг для экономических субъектов.

В структуру банковского сектора Белгородской области входят:

- так называемые, самостоятельные (региональные) банки, зарегистрированные на территории областей, их филиалы,
- банки, являющиеся филиалами головных офисов, функционирующих в других регионах (далее, иногородние банки).

Обеспеченность населения финансовыми услугами характеризуется следующими показателями (табл. 1):

- показатель институциональной насыщенности банковскими услугами исходя из количества кредитных организаций, действующих в регионе по численности населения в расчете на 1000 человек (ИНСТ);
- индекс развития сберегательного дела, исходя из объема депозитов, приходящихся на душу населения, к среднедушевым доходам в регионе (СБЕР);
- финансовая насыщенность банковскими услугами по объему выданных физическим и юридическим лицам кредитов относительно внутреннего регионального (валового) продукта (КРЕД).

Таблица 1

Показатели финансовой насыщенности региона
по состоянию **на 01 января 2006 и 2007 гг.**

Области Центрально-Черноземного региона	ИНСТ		СБЕР		КРЕД	
	01.01.06	01.01.07	01.01.06	01.01.07	01.01.06	01.01.07
1	2	3	4	5	6	7
В целом по ЦФО справочно	*1,24*	*1,16*	*1,32*	*1,34*	*1,58*	*1,50*
1	2	3	4	5	6	7
Белгородская область	0,74	0,72	1,0	1,0	1,14	1,17
Воронежская область	0,50	0,53	1,09	1,0	1,09	1,05
Курская область	0,86	0,84	0,75	0,75	1,22	1,15
Липецкая область	0,60	0,57	0,86	0,79	0,57	0,73
Орловская область	0,79	0,77	0,81	0,90	1,34	1,08
Тамбовская область	0,72	0,63	0,64	0,64	0,75	0,85

Именно Центральный федеральный округ имеет наивысшую обеспеченность банковскими услугами. При этом лидерство сохраняется за счет банков г. Москвы. Показатели по рассматриваемым областям Центрально-Черноземного региона на порядок отстают от общефедеральных.

По каждому представленному показателю можно констатировать недостаточную насыщенность финансово-банковскими услугами, как по количеству кредитных организаций в регионе, так и по объему основных предоставляемых услуг. Лучшие показатели в Белгородской (1,0) и Воронежской (1,0) областях, однако этих значений не достаточно для развития сберегательного дела в Центрально-Черноземном регионе, а, следовательно, и для развития ресурсной базы банковского сектора. В то время как показатели развития сберегательного дела находится на более низком уровне в Курской, Липецкой и Тамбовской областях. Здесь сбережения не превышают 80% среднемесячного денежного дохода на душу населения. Тенденция развития депозитных услуг в стране в целом характерна динамике в исследуемых регионах.

На фоне Центрально-Черноземного региона, включающего ряд областей: Белгородская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Липецкая, Орловская, лишь Белгородская область в наибольшей степени обеспечена самостоятельными банками и их филиалами (табл. 2). По данным Центрального банка Российской Федерации на 01.10.2007 на территории Белгородской области действуют 6 кредитных организаций. Изменение за последние 7 лет с начала 2001г., в структурном плане наблюдалось незначительное. С позиции оценки рыночной доли самостоятельные банки работают не менее успешно, чем филиалы иногородних банков (без учета Сбербанка и Внешторгбанка). Среди основных видов активов доля регионалов наиболее высока по кредитам индивидуальным предпринимателям (36%), вложения в акции, паи, доли, корпоративные и государственные долговые обязательства (98%), в том числе долговые обязательства региональных органов управления (100%).

В Белгородской области, как и в других субъектах Центрально-Черноземного регионе, доминирующие положение в банковской системе области занимают филиалы крупных столичных банков, ресурсная база которых составляет в 2006 году 78,8% в общем объеме совокупных ресурсов банковского сектора области. Доля самостоятельных банков в регионе за 2001-2006 гг. снизилась с 11,6 до 10,6%. Несмотря на наблюдаемую данную тенденцию, достаточно долгий период самостоятельные банки сохраняют стабильность, и важно отметить, что в дальнейшем их роль на регионально рынке банковских услуг вряд будет уменьшаться.

Таблица 2

Структура и количественные характеристики банковских систем Центрально-Черноземного региона

Субъект Российской Федерации	Количество КО в регионе	Количество филиалов в регионе		
		всего	КО, головной офис которых находится в данном регионе	КО, головной офис которых находится в другом регионе
Всего по Российской Федерации:	1135	3445	727	2718
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	630	757	188	569
Белгородская область	**6**	**33**	**5**	**28**
Воронежская область	4	51	1	50
Курская область	2	21	0	21
Липецкая область	2	24	1	23
Орловская область	2	25	3	22
Тамбовская область	2	19	3	16

Важным источником прироста банковских ресурсов остаются вклады (депозиты) физических лиц. В 2006 году они росли медленнее, чем в 2003: ежегодный средний прирост по областям Центрально-Черноземного региона в 2003г. – 44%, в 2006г. – 36,5%, но активнее, чем в 2005г. (32%). Данная тенденция наблюдается в разрезе каждой из исследуемых областей (таб. 3).

На снижение темпов прироста вкладов по сравнению с 2005 годом повлияло освоение населением альтернативных направлений вложений, в частности в паевые инвестиционные фонды и акции крупных компаний. По объему привлеченных средств от населения лидируют Белгородская и

Воронежская области, несмотря на то, что их доля в объеме вкладов (депозитов) юридических и физических лиц уменьшилась за счет увеличения остатков на депозитах юридических лиц.

Таблица 3

Динамика вкладов населения за 2003-2006 гг.

Субъект Российской Федерации (область)	2003		2004		2005		2006	
	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %
Белгородская	11 386,7	45,3	16 481,2	44,7	20 609,4	25,0	27 093,2	31,5
Воронежская	18 457,4	44,8	23 274,8	26,1	31 278,9	34,4	41 999,8	34,3
Курская	6 684,9	37,7	8 591,1	28,5	11 267,0	31,1	15 341,4	36,2
Липецкая	6 307,6	44,2	9 988,4	58,4	13 753,5	37,7	19 031,0	38,4
Орловская	4 657,0	42,3	5 694,0	22,3	7 788,8	36,8	11 095,8	42,5
Тамбовская	5 703,4	37,0	6 992,0	22,6	9 191,0	31,5	12 549,2	36,5

Средства физических лиц в банковском секторе Белгородской области, рассматриваемые детально в силу вышеуказанных лидерских позиций, составляют 48,6% всех ресурсов. Остатки средств физических лиц приросли за период 2001-2007гг. в 5 раз. Объем вкладов и депозитов, привлеченных самостоятельными банками Белгородского региона от населения, возрос за тот же период в 30 раз. Доверие со стороны вкладчиков обеспечивает стабильное функционирование банков, относящихся к данной категории, несмотря на общероссийскую тенденцию к вытеснению мелких банков с рынка банковских услуг. Так, в 2003 году прирост привлекаемых от населения средств региональными кредитными организациями (106%) значительно опережал темп прироста у Белгородского отделения Сбербанка (31%). Активное привлечение средств населения в 2001-2006 гг. обеспечили филиалы таких банков как ВТБ-24, Газэнергопромбанк, Россельхозбанк и Русь-Банк, на сегодняшний день занявшие достаточную долю рынка банковских услуг области и составляющие реальную конкуренцию другим кредитным организациям. Несмотря на наметившееся снижение доли Сбербанка в привлекаемых банковским сектором вкладах населения (рис. 1), он продолжает сохранять доминирующие позиции по объемам привлечения данных средств.

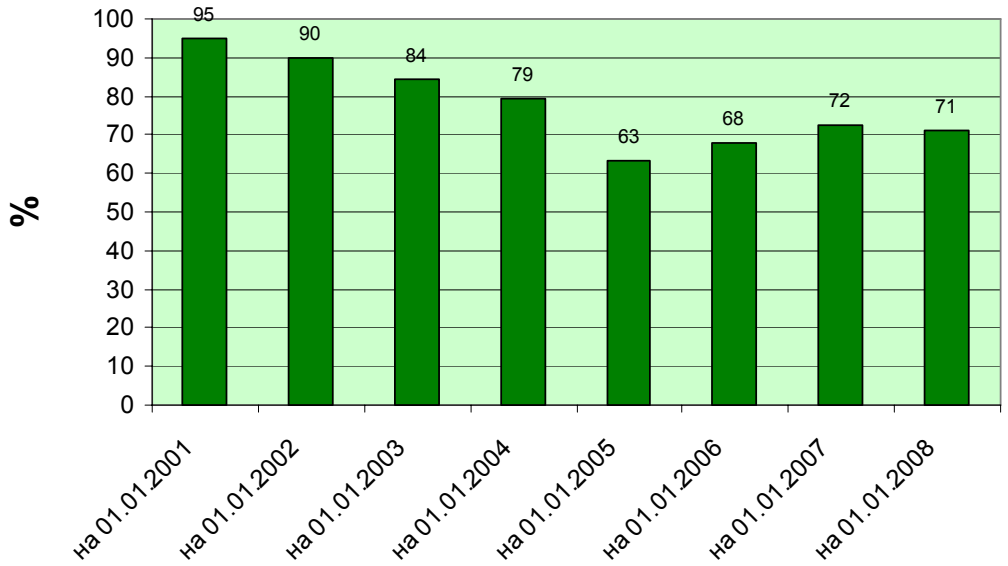

Рис. 1. Изменение доли Сбербанка России в привлеченных средствах населения кредитными организациями Белгородской области

В его обороте на 01.01.2008 находится 71% счетов и депозитов населения, аккумулированных кредитными организациями области. Преобладание и влияние Сбербанка на общее состояние банковской системы сглаживают неравномерные тенденции роста привлеченных от населения средств в самостоятельных банках и филиалах иногородних кредитных организаций. Качественной стороной влияния роста вкладов населения явилось повышение срочности операций по вкладам и депозитам. Ресурсы, привлеченные банками на срок от 1 года до 3 лет увеличились за 2006 год в 3,1 раза. При этом их удельный вес в совокупной величине ресурсов увеличился за тот же период с 7,6% до 13,9%.

Ситуация с депозитами юридических лиц несколько отличается, особенно, если анализировать динамику отдельно по областям Центрально-Черноземного региона (табл. 4).

Таблица 4

Динамика депозитов юридических лиц за 2003-2006 гг.

Субъект Российской Федерации (область)	2003		2004		2005		2006	
	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %	млн. руб.	прирост, %
Белгородская	193,7	-53,9	1 317,9	580,4	4 601,2	249,1	6 359,6	38,2
Воронежская	326,4	-49,2	1 203,9	268,8	2 882,4	139,4	4 751,8	64,9
Курская	145,1	248,0	135,5	-6,6	1 519,8	1 021,6	573,1	-62,3
Липецкая	2 133,8	310,5	2 784,1	30,5	4 377,7	57,2	4 533,4	3,6
Орловская	73,8	-2,9	260,0	252,3	467,3	79,7	345,2	-26,1
Тамбовская	121,6	-34,5	163,9	34,8	314,9	92,1	261,3	-17,0

Депозиты юридических лиц растут наибольшими и регулярными темпами в Белгородской (38,2% в 2006г. по сравнению с 2005г.) и Воронежской областях (64,9%). За период 2001-2006гг. депозиты организаций по областям Центрально-Черноземного региона увеличились в среднем в 25 раз, что стало следствием увеличения их доли в пассивах кредитных организаций.

В таблице 5 представлены финансово-экономические показатели, характеризующие концентрацию капитала на рынке депозитов ЦФО: коэффициент концентрации (CR-3), рассчитанный как сумма долей трех крупнейших организаций, а также индекс Герфиндаля-Гиршмана (HHI), являющийся суммой квадратов долей всех участников рынка.

Таблица 5

Финансово-экономические показатели, характеризующие концентрацию на рынке депозитов за 2005-2006 гг.

Субъект Российской Федерации (область)	2005 год		2006 год	
	CR-3	Индекс HHI	CR-3	Индекс HHI
Белгородская	80,1	3730	89,9	4517
Воронежская	93,4	7589	90,1	6545
Курская	91,5	3943	92,0	4857
Липецкая	93,8	5090	96,8	4530
Орловская	96,4	6830	95,5	8337
Тамбовская	95,0	8286	87,2	6127

Проведенный анализ показывает, что во всех областях Центрально-Черноземного региона рынки депозитов остаются высококонцентрированными, а в Орловской области рынок близок к монопольному. Только в Тамбовской области доля трех крупнейших участников данного рынка понизилась.

Кредитными организациями, занимающими лидирующее положение почти на всех региональных рынках депозитов Центрально-Черноземного региона, являются филиалы Сбербанка России с долей от 63,1% в Белгородской области до 91,2% в Орловской области. Исключе-

ние составляет Липецкая область, где доля Сбербанка России на рынке депозитов с 2003 года снизилась с 68,0% до 41,0%, а ОАО «Липецкомбанк» за счет увеличения объемов привлеченных денежных средств предприятий и организаций занял лидирующую позицию на рынке с долей 53,3%. Существенное снижение доли Сбербанка России произошло и в Тамбовской области (с 90,8% до 77,7%).

В 2006 году банковский сектор достиг наивысших темпов прироста активов. За исследуемый период с 2001 по 2005гг. происходит резкое увеличение объемов выданных кредитов как юридическим, так и физическим лицам (рисунок 2). Важным фактором, стимулирующим повышение темпов прироста кредитования, стало дальнейшее улучшение финансового состояния хозяйствующих субъектов и повышение платежеспособности населения. При этом Белгородская область занимает первое место по совокупным объемам кредитования, прежде всего юридических лиц (88% от всех кредитов).

Наибольшую долю в кредитных операциях банков исследуемых областей занимают кредиты, выданные юридическим лицам, при этом доля кредитов, выданных населению достаточно велика, особенно в Воронежской и Курской областях (свыше 30% совокупного объема кредитования).

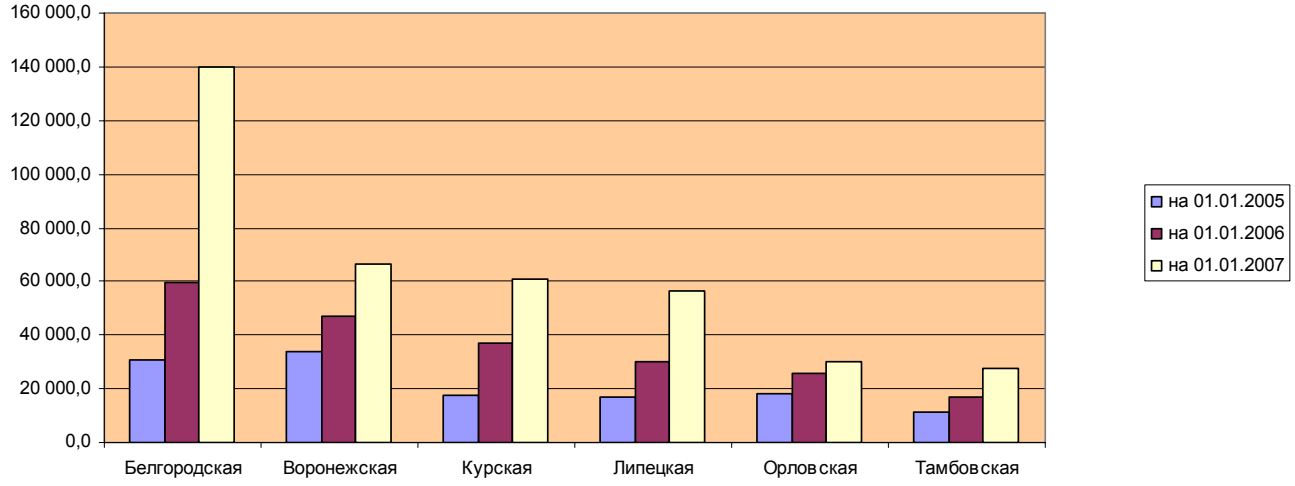

Рис. 2. Динамика объема задолженности по кредитам, предоставленным кредитными организациями юридическим и физическим лицам

Наиболее динамично росли кредиты банков Центрально-Черноземного региона у российских заемщиков, занимающихся добычей полезных ископаемых (прирост в 2006 году 303,6%), производством (на 91,8%) и сельским хозяйством (на 96,4%).

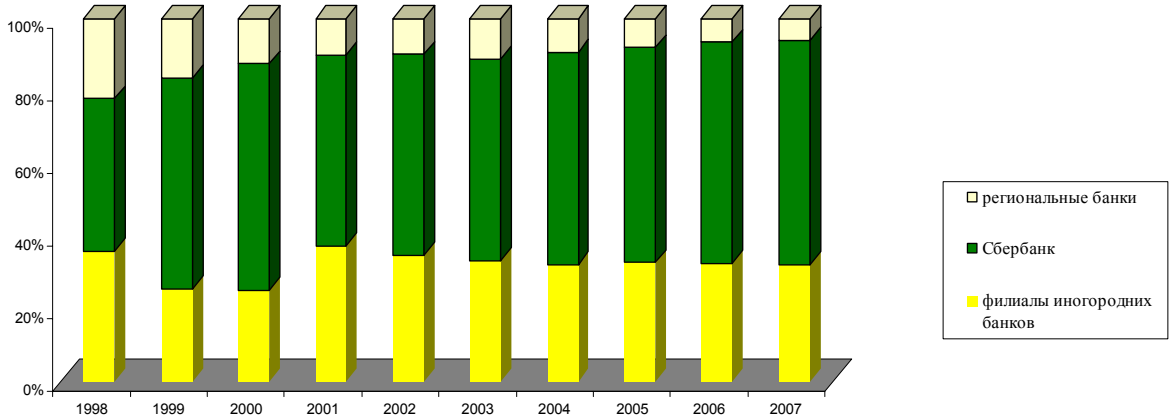

Рис. 3. Доля кредитов банков Белгородской области в общем объеме судной задолженности по региону

Развитие процесса кредитования в Центрально-Черноземном регионе характеризуется не только количественным ростом кредитных вложений в нефинансовый сектор экономики, но и качественными изменениями в их структуре. Характерной тенденцией последних трех лет явилось повышение удельного веса долгосрочных кредитов (на сроки более 1 года) в

общей их величине. В результате в 2005 году они заняли основную часть кредитных вложений, и в 2006 году величина превысила 60%.

Развитие потребительского кредитования наряду с ипотечным кредитованием является одним из приоритетных направлений как Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации, так и кредитной политики каждого участвующего в этом процессе банка. При этом сектор потребительского кредитования в последнее время занимает все более заметное место среди услуг, предоставляемых банками населению. Уже сейчас между банками развернулась жесткая конкурентная борьба, населению предлагаются различные кредитные продукты.

Рынок потребительского кредитования представляют:

- кредитные организации, зарегистрированные на территории субъекта Российской Федерации;
- филиалы и дополнительные офисы кредитных организаций, зарегистрированных на территории других субъектов Российской Федерации;
- ипотечные кооперативы граждан;
- их услуги для физических лиц в виде краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных ссуд в целях приобретения товаров (работ, услуг) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Одним из разновидностей вышеуказанного рынка является рынок ипотечного кредитования в виде долгосрочных ссуд под залог объектов недвижимого имущества.

В субъектах Российской Федерации Центрального федерального округа, за исключением г. Москвы и Московской области рынки потребительского кредитования являются высоко концентрированными, конкуренция на них развита слабо.

Таблица 6

Финансово-экономические показатели, характеризующие концентрацию на рынке кредитов 2005-2006 гг.

Субъект Российской Федерации	2005		2006	
	CR-3	Индекс HHI	CR-3	Индекс HHI
Белгородская область	80,9	2570	86,4	3979
Воронежская область	79,8	4284	80,8	4631
Курская область	85,5	3142	88,4	3849
Липецкая область	89,8	4111	89,4	3333
Орловская область	77,7	2316	77,6	4475
Тамбовская область	88,9	4636	89,3	5686

Однако в соответствии с рассчитанными показателями в таблице 6 уровень концентрации капитала на рынках кредитов Центрально-Черноземного региона немного ниже, чем на региональных рынках депозитов. Вместе с тем, все проанализированные рынки кредитов в 2006 году остались высококонцентрированными.

Ведущие позиции на всех анализируемых региональных рынках кредитов принадлежат филиалам Сбербанка России с долей от 43,0% в Липецкой области до 74,5 % в Тамбовской области. В 2006 году отмечается увеличение доли кредитов, выданных Сбербанком России. Наибольшее увеличение наблюдается в Орловской (с 27,1% до 65,8%), Белгородской (с 39,4% до 58,1) областях. Снижение доли Сбербанка России произошло только на рынках кредитов Липецкой области (с 59,6% до 43,0%).

В Белгородской области отмечается положительная тенденция к снижению уровня рыночной концентрации.

Рынки ипотечного кредитования в регионах характеризуются как высококонцентрированные. Лидирующие позиции в большинстве областей Центрально-Черноземного региона занимает Сбербанк России, за исключением Белгородской, где лидирует ОАО «Белгородская ипотечная корпорация» (с долей 32,3%). На рынках ипотечного кредитования Курской и Тамбовской областей присутствует только Сбербанк России.

В соответствии с движением ссудной задолженности физических лиц (табл. 7) можно сделать следующие выводы:

- наибольших темпов прироста в 2006 году достигла Курская область, кредитные организации которой приросли за год более, чем в 3 раза по объему кредитов, предоставленных физическим лицам,
- лидирующие позиции сохраняет Воронежская область с приростом а 2006 году 92,4% и объемом кредитов более 20 млрд. рублей,
- в целом по Центрально-Черноземному региону наблюдается двукратный прирост задолженности населения.

Таблица 7

Объем ссудной задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам, млн. руб.

Субъект Российской Федерации (область)	01.01.2005	01.01.2006	прирост, %	01.01.2007	прирост, %
Белгородская	**4 933,2**	**8 358,1**	**69,4**	**14 295,8**	**71,0**
Воронежская	5 764,2	10 608,8	84,0	20 408,4	92,4
Курская	4 326,0	6 526,6	50,9	19 742,5	202,5
Липецкая	3 555,4	5 938,0	67,0	10 092,6	70,0
Орловская	1 799,5	3 128,2	73,8	5 385,6	72,2
Тамбовская	2 205,5	3 827,8	73,6	6 622,4	73,0
ВСЕГО по ЦЧР	22 583,8	38 387,5	70,0	76 547,3	99,4

По результатам анализа следует выделить ярко выраженные тенденции развития банковского сектора на региональном уровне.

1. Наблюдается устойчивое и динамичное развитие банковского сектора, оптимизация его структуры, специализация рынка банковских услуг.
2. Подтверждается за период 2001-2005гг. усиление рыночных позиций банков с государственным участием одновременно с сохранением доли региональных банков, занявших специфичную нишу на рынке банковских услуг.
3. Обозначилось повышение роли банковских учреждений различной категории в социально-экономическом развитии региона.
4. Основные ограничения для реализации потенциала развития банковского сектора региона связаны с ограниченными возможностями формирования ресурсной базы в условиях возрастающей активности населения на рынке товаров длительного пользования, недвижимости.
5. Наблюдается усиление взаимосвязи в развитии производственного и банковского секторов.
6. Требуется как филиалами крупных банков, так и региональными кредитными организациями развитие современных банковских технологий и расширения нестандартных банковских продуктов.

Подводя итог проведенному исследованию можно сделать следующие выводы о развитии банковского сектора Белгородской области по сравнению с другими областями Центрально-Черноземного региона:

- с точки зрения институционального аспекта кредитная система развита – количество существующих кредитных организаций хватает для предоставления достаточного объема финансово-банковских услуг, но их ресурсная база требует определенного развития и расширения, для чего необходимы меры по некоторому смягчению денежно-кредитного и банковского регулирования;
- высокими темпами растут привлеченные и размещенные средства банков во всех исследуемых областях, при этом Белгородская область по относительным показателям находится на первом месте;
- развитие такого банковского продукта, как кредитов, на покупку жилья, а именно ипотечное кредитование, что согласуется с политикой региональной администрации по обеспечению доступным жильем жителей Белгородской области;
- приоритетными сферами деятельности для кредитования юридических лиц в Белгородской области является сельское хозяйство.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FUNCTIONING OF REGIONAL BANK SYSTEMS (for example of the Belgorod area)

E.A. SERDYKOV[1]
N.V. CHERKASHINA[2]

[1]The Belgorod branch № of 8592 Savings banks of Russia

e-mail: serdykovea@sb.belgtts.ru

[2]The Belgorod branch № of 8592 Savings banks of Russia

The analysis of separate parameters of banks functioning in territory Central Chernozem of the region with the purposes of multilateral illumination of the factors of development of bank services is carried out. In a basis of the analysis a line of parameters of activity of credit organizations, and also condition of the market of the basic bank services and competition in regional scale is fixed.

Key words: the credit, consumer crediting, competition, credit risks, financial infrastructure, resource base.

УДК 657.471.1

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

С.М. ОДНОКОЛОВ

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

e-mail: dizelsnab@mail.ru

В статье излагаются теоретические основы управления затратами, уточняется понятийный аппарат на основе систематизации законодательной, научной и методической литературы. Разработана классификация затрат предприятия, показано, что существующие классификационные признаки не позволяют эффективно осуществлять процесс управления. Предложено 6 дополнительных классификационных признаков, разработанных автором. Установлена необходимость эффективного информационного обеспечения процесса управления затратами, приведены основные требования к созданию единой информационной системы. Разработана схема информационных потоков по реализации модели управлении затратами. Уточненные и разработанные теоретические аспекты управления затратами позволят промышленным предприятиям целенаправленно мобилизовать финансово-экономический, организационный, производственный и кадровый потенциал для достижения конкурентного преимущества.

Ключевые слова: затраты, управление, предприятие, издержки, расходы, классификационные признаки, информационное обеспечение, информация

Затраты играют важнейшую роль в конкурентоспособности промышленных предприятий, их финансовой мощи и стратегии поведения на рынке. Анализ деятельности российских предприятий за годы радикальных экономических реформ свидетельствует о наличии серьезных проблем, связанных с их управлением.

Управление производственными затратами является наиболее важным объектом управления в рыночных условиях. Это обусловлено тем, что средством развития предприятия служит максимизация получаемой прибыли. Одним из наиболее реальных вариантов увеличения прибыли для предприятия является снижение расходов на производство продукции, которые могут возрастать или снижаться в зависимости от потребления трудовых или материальных ресурсов, уровня техники, организации производства и других факторов.

В хозяйственной практике каждого предприятия при любых экономических условиях управление затратами представляется одной из наиболее трудных задач. Ключевое место при их решении занимает определение таких комплексных проблем как их достаточность, механизм планирования и распределения и расчет оптимального уровня.

Экономическая наука и практика занимаются изучением затрат одновременно с развитием производства. В настоящее время можно выделить следующие подходы к их изучению:

- исходя из теории трудовой стоимости, затраты народного хозяйства и хозяйственных субъектов – это труд и только труд. На практике же учитывается использование некоторых ограниченных ресурсов: капиталовложений, основных и оборотных фондов, природных богатств;
- определение затрат с позиций логистической теории – это траты энергии и только энергии, в том числе интеллектуальной и физической энергии человека. На практике же они проявляются в виде целенаправленного и упорядоченного движения и использования некоторых ограниченных

ресурсов: капиталовложений, основных и оборотных фондов, природных богатств[1].

Представление о затратах предприятия основывается на трех важных положениях:

---

[1] Сидоров И. И. Логистическая концепция управления предприятием. СПб., 2001. С. 11.

- они определяются использованием ресурсов, отражая, сколько и каких ресурсов израсходовано при производстве и реализации продукции за определенный период.
- объем использованных ресурсов может быть представлен в натуральных и денежных единицах, однако в экономических расчетах прибегают к денежному выражению расходов.
- объем использованных ресурсов в денежном выражении рассчитывают по основным функциям производства продукции и ее реализации в целом по предприятию или по производственным подразделениям предприятия.

На сегодняшний день определение затрат с позиций теории трудовой стоимости является недостаточно глубоким и полным и его нельзя признать приемлемым, а философско-теоретическое определение с позиций логистической теории в практическом плане недостаточно разработано. Поэтому мы рассматриваем это определение с общепринятых практических позиций.

Затраты - объем ресурсов в денежном выражении, использованных на производство и сбыт продукции за определенный период, и трансформированных в себестоимость продукции, работ и услуг.

В экономической литературе и на практике наряду с термином «затраты» повсеместно используются и такие, как «расходы» и «издержки». Причем многие авторы трактуют их как синонимы и не делают различий между этими тремя понятиями. Между тем фактически эти понятия имеют разное экономическое содержание[2].

Нами установлено, что в понятийном аппарате современной науки отсутствует однозначное определение самих понятий «затраты», «издержки» и «расходы». Данные понятия широко используются применительно и к основной деятельности, и к инвестиционной, и к финансовой, и к социальной. В официальных документах и авторских публикациях эти термины нередко употребляют в разных значениях. Различия обусловлены сложностью структуры и трудностью охвата одним определением всего разнообразия содержания этих понятий.

Если понятие издержек производства обычно употребляют применительно к затратам по их назначению (то есть по статьям калькуляции, что равносильно понятию себестоимости выпущенной продукции и себестоимости незавершенного производства в разрезе калькуляционных статей), то затраты на производство обычно соотносят с затратами по экономическим элементам.

На наш взгляд, в исследовании по управлению затратами правомерно употреблять понятие «затраты на производство» и по их назначению применительно к ним, то есть по статьям калькуляции, так как результатом затрат на производство является законченный продукт, имеющий стоимостную оценку в форме себестоимости выпущенной продукции. В практической деятельности понятие «издержки производства» чаще всего используется в экономическом анализе.

Рассматривая понятия «расходов» и «затрат» для целей бухгалтерского учета и налогообложения можно отметить, что с переходом к определению финансового результата деятельности предприятия как разницы между доходами и расходами, а также в связи с необходимостью гармонизации российских и международных стандартов бухгалтерского учета усилилась потребность в новых подходах к этим понятиям, что нашло отражение в законодательных документах по бухгалтерскому учету, включая Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 21 ноября 1996 г. И Положениях по ведению бухгалтерского учета и отчетности. С 1 января 2000 г. Введено в действие Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99, которое существенно меняет толкование понятий «расходы», «затраты», «себестоимость». С введением в действие главы 25 Налогового кодекса РФ эти понятия определяются для целей налогообложения, что обусловливает новый подход к порядку их расчета. На практике управление затратами осложняется в связи с тем, что нет однозначного определения понятий «затраты», «расходы», закрепленного в бухгалтерском и налоговом законодательстве:

1. Поскольку определение расходов в НК РФ отсутствует, то предприятиям следует руководствоваться определением, данным в ПБУ 10/99, которое будет использоваться и в дальнейшем изложении проблемы управления затратами.

2. НК РФ отождествляет понятие «расходы» и «затраты». А поскольку в нормативных

---

[2] В. Г. Лебедев. Управление затратами на предприятии. СПб. : Бизнес-пресса, 2004. С. 8.

актах по бухгалтерскому учету отсутствует определение термина «затраты», то можно предположить идентичность этих определений и в практике бухгалтерского учета....».

Таким образом, на наш взгляд, в методологии бухгалтерского и налогового учета до сих пор имеют место отдельные разночтения в определении и содержании понятий, что далеко не всегда дает возможность организациям верно отразить в финансовой отчетности какие-либо виды расходов, возникновение которых обусловлено самой динамикой рыночных отношений. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет процесс формирования достоверных затрат на производство, что не может не сказаться на финансовом результате деятельности предприятия, а с другой – создает финансовые риски для предприятий с точки зрения налогового законодательства. Поэтому возникает необходимость в уточнении терминов «издержки», «затраты», «расходы». Упорядочение понятийного аппарата, опирающееся, с одной стороны, на содержание международных стандартов отчетности, с другой – на опыт и традиции отечественной экономической школы, будет способствовать:

- более точному определению объектов контроля;
- устранению субъективности при трактовке отдельных фактов хозяйственной деятельности организаций;
- уменьшению финансовых рисков предприятий с точки зрения фискального фактора;
- формированию достоверных сведений о финансовых результатах деятельности организации.

С точки зрения данной работы, на наш взгляд, наиболее целесообразно использовать понятия затрат, издержек и расходов, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Основные понятия, используемые в работе

Понятие	Определение
Затраты	Затраты характеризуют в денежном выражении объем ресурсов за определенный период, использованных на производство и сбыт продукции, и трансформируются в себестоимость продукции, работ и услуг.
Расходы	Расходами являются расходы, связанные с изготовлением продукции и продажей продукции, приобретением и продажей товаров. Такими расходами также считаются расходы, осуществление которых связано с выполнением работ, оказанием услуг. Расходы отражают уменьшение платежных средств или иного имущества предприятия и отражаются в учете на момент платежа.
Выплаты	Представляют собой фактический расход наличных денежных средств.
Издержки	Реальные или предположительные затраты финансовых ресурсов предприятия, представляют собой совокупность перемещений финансовых средств и относятся или к активам, если способны принести доход в будущем, или к пассивам, если этого не произойдет и уменьшится нераспределенная прибыль предприятия за отчетный период.

Затраты и издержки могут совпадать, а могут отличаться друг от друга, причем эти различия носят преимущественно предметный характер. Эти различия обусловлены тремя основными причинами, приведенными на рис. 1.

Некоторые целевые издержки имеют одинаковую оценку с величиной затрат за определенный период при расчете прибылей и убытков во внешнем (финансовом) отчете предприятия (например, материальные затраты, оплата труда персоналу, амортизационные отчисления и прочие затраты).

Понятие расходов уже понятия издержек – оно подразумевает лишь конкретные выплаты в определенном периоде.

Расходы и издержки могут отличаться от затрат по источникам их выплаты.

Расходы и издержки в пределах сумм, нормируемых государством, включаются в затраты на производство продукции, работ и услуг (например, командировочные, представительские, на рекламу и др.). Если расходы и издержки превышают нормативную величину, установленную государством, то их величина, превышающая нормативную, производится за счет прибыли предприятия или за счет работника, допустившего его.

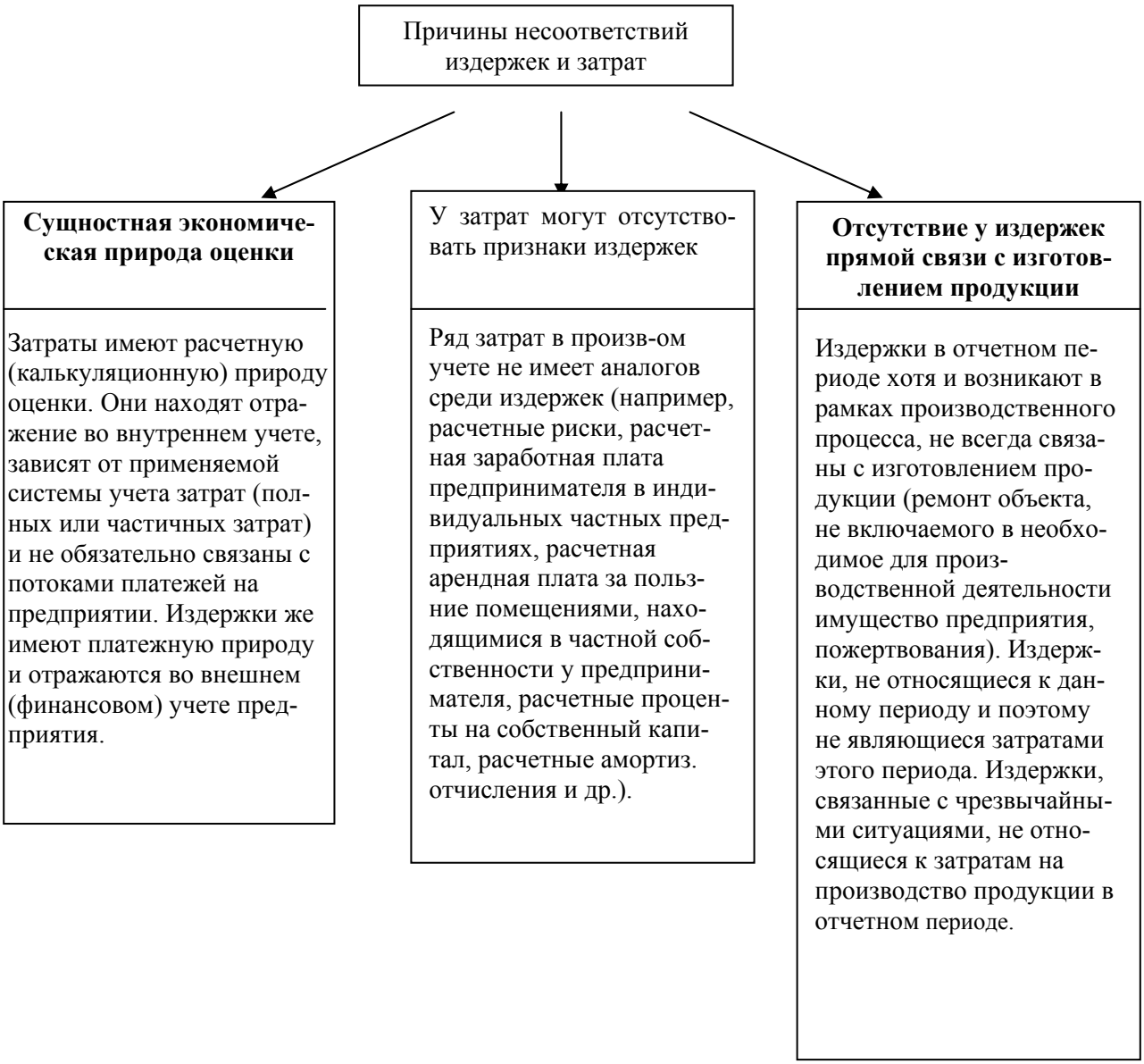

Рис 1. Причины несоответствий издержек и затрат

Один из методов исследования изучаемых объектов – классификация, т.е. разделение на классы на основе определенных общих признаков объектов и закономерных связей между ними. Классификация затрат позволяет выявлять объективно существующие группы затрат, процессы формирования издержек и взаимоотношения между их отдельными частями. Сложность структуры и многообразие процессов формирования затрат предполагает подразделение их по ряду признаков. В зависимости от целей и методических подходов различают несколько классификаций затрат. Чем больше выделено признаков классификации, тем выше степень познания объектов. Классификация затрат для целей управления должна отвечать главному требованию – базироваться на признаках, позволяющих дифференцировать затраты для управления затратами в различных аспектах. Она создает предпосылки для определения уровня затрат по объектам управления ими, организации планирования, учета, контроля и анализа.

Для организации эффективной системы управления предприятием необходимо применять экономическую обоснованную классификацию затрат по определенным признакам. Классификация затрат предполагает их объединение в логические группы. Это помогает не только лучше прогнозировать и учитывать затраты, но и устанавливать степень их влияния на уровень эффективности производства. Классификация затрат по основным признакам дана в табл. 2.

Таблица 2

Классификация затрат по основным признакам

Признак классификации (группировки затрат)	Элементы классификации
Экономический элемент (однородный вид затрат независимо от назначения)	Материальные затраты (за вычетом стоимости возвратных доходов) Затраты на оплату труда Отчисления на социальные нужды Амортизация Прочие затраты
Калькуляционная статья (цель затрат)	Сырье и материалы Возвратные отходы (вычитаются) Покупные изделия, полуфабрикаты и услуги производственного характера сторонних организаций Топливо и энергия на технологические цели Заработная плата основных производственных рабочих Дополнительная заработная плата основных производ. рабочих Отчисления на социальные нужды Расходы на подготовку и освоение производства Общепроизводственные расходы Общехозяйственные расходы Потери от брака Прочие производственные расходы Расходы на продажу
Зависимость от объема производства	Переменные (зависящие от объема производства и, в свою очередь, подразделяемые на пропорциональные, прогрессивные и дегрессивные) Условно-постоянные (не зависящие или мало зависящие от объема производства) Смешанные
Способ включения в себестоимость	Прямые, непосредственно относимые на себестоимость изделия Косвенные, относимые на себестоимость изделий пропорционально базе: - заработной плате основных производственных рабочих; - прямым затратам.
По составу (сложности) затрат	Простые (одноэлементные), состоящие из одного элемента затрат Комплексные (сложные), состоящие из нескольких элементов затрат
Экономический состав	Основные Накладные (расходы на организацию производства и управление)
Отношение к процессу производства	Затраты предметов труда Затраты средств труда Затраты живого труда
Участие в процессе производства	Затраты производственные Затраты на продажу (коммерческие)
По характеру затрат	Производительные Непроизводительные
Периодичность возникновения	Единовременные Текущие Периодические
Охват планированием	Планируемые Не планируемые
Временная определенность	Фактические (прошлые) Сметные (будущие)
По составу затрат	Одноэлементные Комплексные
Лимитирование	Лимитируемые главой 25 ч. II НК РФ Не лимитируемые
По возможности регулирования	Полностью регулируемые Частично регулируемые Слабо регулируемые Нерегулируемые
Степень готовности продукции	Затраты на готовую продукцию (работы, услуги) Затраты в незавершенном производстве
Объект управления	Затраты по операционным и географическим сегментам Затраты в местах их возникновения Затраты в центрах затрат Затраты в центрах ответственности
Отнесение к периоду	Расходы будущих периодов (отложенные затраты) Зарезервированные затраты
Контролируемость	Подконтрольные Неподконтрольные
Соответствие нормам и нормативам	Соответствуют Не соответствуют

Широко освещенные в отечественной литературе признаки классификации затрат, представленные в табл. 2, направлены на выбор объекта управления в процессе производства, но не учитывают фактора возможности влияния каждого субъекта на конкретные затраты, то есть не позволяют в полной мере осуществлять функции управления затратами. Поэтому необходимо, на наш взгляд, дополнительно ввести новые признаки классификации, приведенные в табл. 3.

Таблица 3

Дополнительные признаки классификации затрат, введенные нами

Признак классификации (группировки затрат)	Элементы классификации
Подверженность изменению	Изменяемые Неизменяемые
По отражению в информации	Имели место и отражены в информации Имели место, но не отражены в информации Не имели место, но отражены в информации
Последствия ранее принятых обязательств	Обязательные Необязательные
Место формирования	Собственные Несобственные
Зависимость от принятого решения	Принимаемые в расчет Не принимаемые в расчет
Стабильность	Неизменяемые длительное время Часто изменяемые

Классификация по подверженности изменению. Подверженность изменению предполагает деление затрат на изменяемые и неизменяемые. Статьи затрат, которые могут изменяться по усмотрению руководителя подразделения, являются изменяемыми (программируемые затраты). Их величина зависит от руководителя. На многих предприятиях категория изменяемых затрат включает в себя большинство статей косвенных производственных затрат. Процессу управления подлежат прежде всего изменяемые затраты (контроль исполнения функций планирования, организации и регулирования).

Классификация по отражению в информации. Особое значение имеет деление затрат по отражению в информации. Предлагается их деление на три группы: затраты, которые имели место и отражены в информации; затраты, которые имели место, но не отражены в информации; затраты, которые не имели место, но отражены в информации. В ходе процесса управления затратами должны быть выявлены прежде всего вторая и третья группы затрат, поскольку их наличие может существенно исказить величину себестоимости выпускаемой продукции и поставить под сомнение достоверность учета в целом (контроль исполнения функции учета).

Классификация по принципу принятых обязательств. Статьи затрат, являющиеся неизбежным последствием ранее принятых обязательств следует относить к обязательным затратам (например, затраты, понесенные в результате отмены исполнения заказа со стороны заказчика, оплата страховых отчислений страховым организациям, затраты по оплаченным рекламационным актам и др.). В ближайшей перспективе неизбежные затраты неизменны, они могут быть изменены лишь после смены обязательств. Необязательные затраты те, которые также обусловлены ранее принятыми обязательствами, но которые могут быть изменены сразу после изменения обязательств сторон. Обе группы затрат являются затратами без отдачи, то есть неэффективными, и поэтому должны подлежать обязательному контролю и управлению.

Классификация по месту формирования. По месту формирования затрат в цеховой себестоимости продукции следует выделять собственные и несобственные затраты. К собственным затратам относятся те, которые совершаются в данном подразделении, а несобственные – понесенные другими подразделениями. Такое деление позволяет, с точки зрения управления, на наш взгляд, в дальнейшем дифференцировано выделять затраты, обратив особое внимание на собственные затраты, и предназначено для решения следующих задач:

- обеспечение возможности процесса управления экономичностью работы отдельных подразделений (сопоставление полученных результатов и затрат по каждому из них);

- повышение точности и степени детализации калькулирования себестоимости продукции, особенно в сложных, неоднородных производствах, выпускающих большой ассортимент изделий (контроль и управление функциями планирования, регулирования, анализа).

Классификация в зависимости от принятого решения. Затраты, принимаемые в расчет, (существенные, значимые), т.е. ожидаемые будущие затраты, которые могут варьироваться в зависимости от альтернатив принимаемого управленческого решения. Под не принимаемыми в расчет затратами понимают затраты, возникшие в результате ранее принятого управленческого решения, и независящие от него, а следовательно не принимаются в расчет. Принимаемые в расчет затраты равны нулю при отказе от существующего варианта использования средств в пользу альтернативного, а не принимаемые в расчет затраты остаются неизменными.

Объектом управления, на наш взгляд, в первую очередь, выступают затраты принимаемыми в расчет, так как данный тип затрат неизбежно возникнет в результате принятия управленческого решения. Затраты не принимаемыми в расчет не зависят от принимаемого решения, поэтому подвержены управлению в меньшей степени.

Классификация по фактору стабильности. По стабильности необходимо выделять неизменяемые длительное время и часто изменяемые затраты. Объектом управления, в первую очередь, должны быть часто изменяемые затраты, уровень которых определяется ежегодно в процессе планирования (контроль исполнения функций планирования, регулирования и анализа).

Информационные основы управления затратами.

В условиях рыночной экономики обеспечение достаточно высокой конкурентоспособности продукции фирмы, работающей на данном сегменте, невозможно без эффективно функционирующей системы управления затратами. Вместе с тем адекватное рынку управление как затратами, так и всеми сторонами деятельности предприятия должно базироваться на соответствующей внешней и внутренней информации. Если в качестве внешней информации с позиции конкретного предприятия можно рассматривать данные экспертных опросов, статистические исследования конъюнктуры рынка, сложившегося уровня цен и т.д., то внутренняя информация находится в ведении самого предприятия, формируется и анализируется в существующих системах учета. В целом управление затратами предприятия можно характеризовать как интенсивный информационный процесс, требующий детального анализа всего комплекса используемых данных.

По нашему мнению, на предприятии возникает необходимость создания единой информационной системы, которая должна удовлетворять следующим требованиям:

1. Адаптивность по отношению к профилю деятельности предприятия любой формы собственности.

2. Наличие достаточного количества параметров, позволяющих настроить систему под специфические особенности хозяйственной, финансовой и производственной деятельности организации-пользователя.

3. Модульность - автономное использование отдельных частей системы и четкое разграничение оперативно-управленческих задач, при полной их интеграции на уровне единой базы данных.

4. Охват всего спектра типовых производственно-экономических функций.

5. Соблюдение единообразного для всех решаемых задач пользовательского интерфейса.

6. Предоставление пользователям простого инструментария для самостоятельного развития системы.

7. Поддержка распределенных баз данных для обеспечения информационного взаимодействия многоофисных корпораций и территориально удаленных филиалов, подразделений.

8. Использование решений, не требующих длительной специальной подготовки системных администраторов, отвечающих за эксплуатацию системы.

9. Обеспечение надежной защиты коммерческой информации фирмы. Схема информационных потоков по реализации модели управления затратами представлена на рис. 2.

На сегодняшний день, в условиях развития рыночных отношений и конкурентной борьбы проблема управления затратами актуальна практически для любого предприятия независимо от юридического статуса, размера и финансового состояния. Успех деятельности предприятий промышленности, в свою очередь, в значительной степени зависит от того, как решается вопрос управления затратами, имеющими место в процессе производства и реализации продукции.

Рис 2. Схема информационных потоков
по реализации модели управлении затратами

В результате проведенного исследования нами рассмотрены теоретические основы затрат на уровне предприятия, приведена разработанная классификация затрат по двадцати шести системообразующим признакам, в том числе по шести, разработанным нами. Исследованы различные подходы к трактованию понятий «затраты», «расходы», «издержки», показано различие между данными понятиями с законодательной, теоретической и практической точек зрения. В работе представлена, разработанная нами, информационная база управления затратами на промышленных предприятиях, предложена схема информационных потоков по реализации модели информационного обеспечения управления затратами и рассмотрены основные этапы ее реализации.

Исходя из целей развития экономики промышленности, главной задачи, стоящей перед теоретиками и практиками этой отрасли на сегодняшний день, мы пытались переосмыслить традиционные подходы к управлению затратами, отдельных функций и подсистем управления, с учетом российских рыночных условий, тенденций развития мировой экономики, отечественного и международного опыта в этой области. Обобщение и систематизация научных результатов исследования позволит осуществить их внедрение на практике.

INSTITUTIONAL BASICS OF COST MANAGEMENT FOR INDUSTRIAL ENTERPRISES (FOR EXAMPLE YAROSLAVSKAY AREA)

S.M. ODNOKOLOV

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

e-mail: dizelsnab@mail.ru

The article states the theoretical basics of cost management, specifies terminology by systemizing legislative, scientific and methodological literature. A classification of an enterprise's costs was developed and it has shown that existing classification characteristics do not allow realizing the management process effectively. Therefore the author proposes 6 additional classification characteristics, developed by himself. The work establishes a necessity to have effective dataware of cost management process and lists main requirements to the creation of the unified information system. The scheme of information flows to realize the cost management model is developed. The specified and developed theoretical aspects of management will allow industrial enterprises to mobilize purposefully financial, economic, organizational, manufacturing and personnel potential for achieving competition advantages.

Key words: costs, management, enterprise, expenditures, charges, classification characteristics, dataware, information.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов О.В.	кандидат экономических наук, заместитель начальника департамента, начальник управления промышленности и внешнеэкономической деятельности
Агафонов В.А.	кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и инноваций АНХ при Правительстве РФ, научный сотрудник Центрального экономико-математического института
Белецкая И.Ю.	соискатель кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
Борисоглебская Л.Н.	доктор экономических наук, профессор, декан факультета бизнеса и сервиса, зав. кафедрой экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
Верзилин В.А.	доктор экономических наук, профессор, ведущий сотрудник Государственного научного управления научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ
Виноградова К.О.	соискатель кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
Владыка М.В.	кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансы и кредит» Белгородского государственного университета
Волкова Е.Ю.	кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Костромского государственного технологического университета
Герасименко Л.Н.	аспирант кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета
Губин В.А.	кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета
Гукова Е.А.	соискатель кафедры теологии Белгородского государственного университета
Давыденко Т.М.	доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, проректор по научной работе Белгородского государственного университета
Данилов Е.С.	аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
Дейнеко А.В.	аспирант кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
Демичев А.А.	начальник кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Нижегородской академии МВД России

Долгих А.Н. кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета

Дорофеев А.Ф. кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и профессионального обучения Белгородской государственной сельскохозяйственной академии

Зайцев М.В. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Закшевский В.Г. доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Государственного научного управления научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ

Иванова Е.А. преподаватель кафедры юридических дисциплин филиала ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Смоленск

Казаков М.Г. кандидат экономических наук, консультант отдела промышленности и инновационной политики, управления развития промышленности и инноваций департамента экономического развития и торговли Ивановской области

Кирсанов С.А. кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского института гуманитарного образования

Княгинин В.Н. кандидат юридических наук, доцент, директор Центра стратегических разработок «Северо-Запад», г. Санкт-Петербург

Колесников А.В. кандидат экономических наук, директор Белгородского филиала Всероссийского научно-исследовательского института экономики и сельского хозяйства

Коновалова О.Н. заместитель начальника департамента экономического развития Белгородской области, начальник управления прогнозирования развития региональной экономики

Кочергин С.С. аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Кочкарова З.Р. кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории кооперативного движения Ставропольского кооперативного института (филиала) Белгородского университета потребительской кооперации

Кривец А.П. кандидат социологических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета

Лашина Л.С. старший преподаватель кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Липецкая М.С. аспирант географического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, главный специалист Центра стратегических разработок «Северо-Запад»

Лисютин С.Ф. первый заместитель начальника департамента финансовой и бюджетной политики Правительства Белгородской области

Сведения об авторах

Лобанов К.Н.	доктор политических наук, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России
Мовсеева М.Г.	аспирантка кафедры экономики и управления организациями Воронежского государственного университета
Мясоедов Д.Н.	аспирант кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
Наролина Ю.В.	кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Государственного научного управления научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ
Новиков С.Ю.	аспирант кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета
Одноколов С.М.	аспирант кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
Паулов С.А.	ассистент кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета
Плотникова О.А.	заведующий кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Московского гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент
Поляков А.В.	аспирант кафедры «Финансы и кредит» Курского государственного технического университета
Пушечникова О.Н.	соискатель кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета
Рябцева М.Л.	аспирантка кафедры всеобщей истории Белгородского государственного университета
Сердюков Е.А.	аспирант кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
Сивкина Н.Ю.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета
Стеблецова Н.Н.	методист управления аспирантуры и докторантуры Орловской региональной академии государственной службы
Степанянц С.М.	кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Старооскольского филиала Белгородского государственного университета
Трещевский Ю.И.	доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления организациями Воронежского государственного университета
Фоменков А.А.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории политических партий и общественных движений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Чвикалов А.И. кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Российского государственного социального университета (г. Воронеж)

Черкашина Н.В. заместитель управляющего Белгородского отделения Сбербанка РФ

Шатохин И.Т кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории Белгородского государственного университета

Шевелёва О.В. ассистент кафедры общеобразовательных дисциплин международного факультета Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого